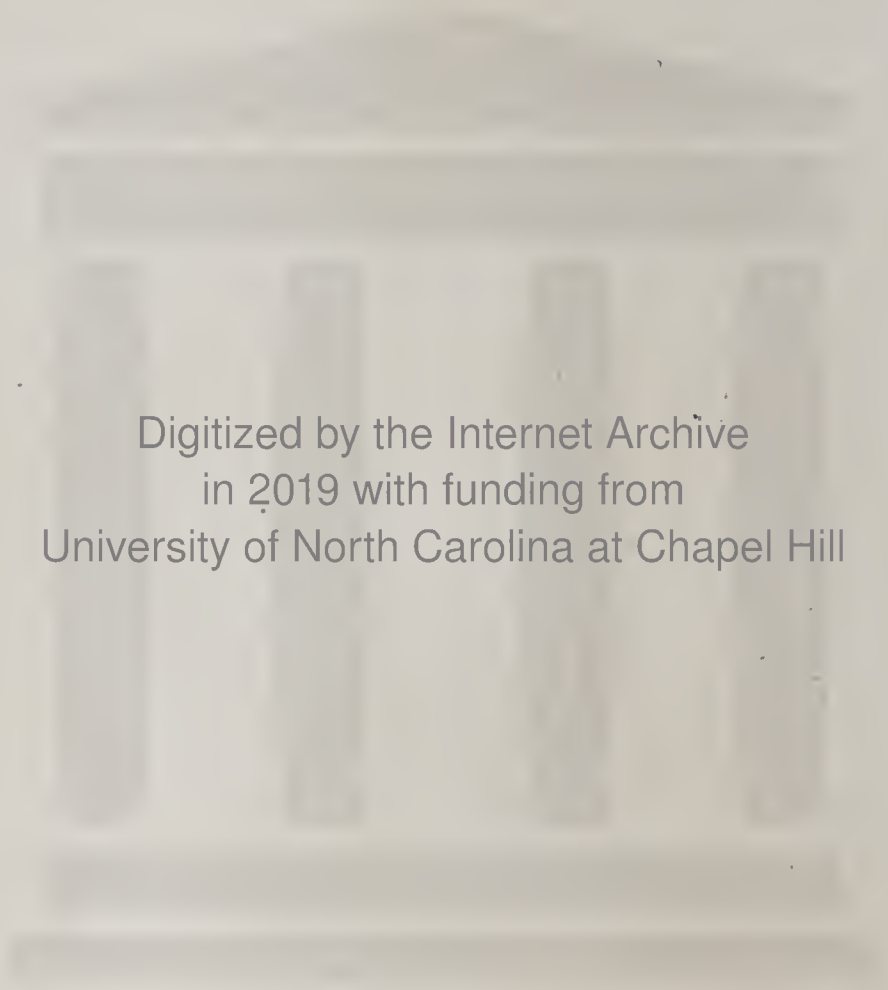


Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/polnoesobranesoc12alis

Революціонныя

Поэмы и Стихотворенія

П. Ѳ. АЛИСОВА

Ницца

1910

Типографія Я. Е. Клейдмана
Nice, 7, rue Cotta.

Моему безгранично любимому ангелу
Хранителю, Бебетычке Фаро.
Отецъ

Національный Гимнъ

(Посвящается тому, кто положитъ на музыку)

ВСТАВАЙ Русь, царемъ вся измученная,
Хищниковъ толпами ограбленная,
Поповствомъ тупымъ замороченная,
По лѣсамъ, степямъ съ горя бродящая,
Хлѣба и угла не имѣющая!
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Встань злосчастная, не медли, не жди,
Бей грозно въ набатъ, ножи, косы остри;
На тюрьмы, дворцы, бурной тучей, иди.
Въ тюрьмахъ цѣпи разбей, дворцы запали,
И красное знамя, въ огнѣ разверни!
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Вставай, Русь, кнутами затерзанная,
Рабствомъ злымъ, вѣковымъ развращенная,
Въ рубцахъ, ранахъ, больная, голодная;
Крестъ свой слѣпо, въ потемкахъ, несущая,
Какъ звѣрь, властію лютой гонимая,
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Возстань на царя, челядь придворную,
На предателей свору проклятую,
На грабителей, кожу сдирающихъ,

На поповъ, раемъ, адомъ торгующихъ
Чудесами народъ надувающихъ.
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Встань, страна, страшный адъ пережившая,
Смиреньемъ рабскимъ міръ поразившая,
Своихъ дивныхъ борцовъ непознавшая,
Въ дни казней отстоять неумѣвшая,
Предъ убійцей главу преклонившая.
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Народъ! въ день судный не вѣрь клятвамъ, рази!
Царскій мерзкій вертепъ до тла разнеси!
Чудищъ, слѣпыхъ лютыхъ публично казни,
Всѣхъ гадовъ зловредныхъ въ крови разотри,
Въ царство свѣта, правды, безъ ноши, войди!
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Встань за братій своихъ погибающихъ
Въ рудникахъ, крѣпостяхъ изнывающихъ,
Завѣты любви въ груди сохранившихъ,
О всеобщемъ благѣ вѣчно мечтавшихъ,
Смертную чашу до дна осушившихъ.
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

* *

Взбунтуйтесь, войска! собирайтесь, полки!
Въ грудь подлыхъ злодѣевъ направьте штыки.
Въ борьбѣ за народъ вы силъ не щадите,
Доблестью рабство свое искупите,
Царскую сволочь картечью сметите!
Есть мѣра позору, мѣра страданью!

Крамольники

(Памяти казненнымъ 3 апрѣля 1881 г.)

То, что въ пѣснѣ будетъ вѣчно,
То должно погибнуть въ жизни.
Гейне.

СИДѢЛЪ въ полдень я на брегу рѣки,
Могучей рѣки Волги-матушки;
Вѣтеръ жаркій дулъ, дулъ отъ полудня,
Облака низко, точно паръ, неслись,
Быстрѣй облака неслись думушки.

Ой, рѣка, рѣка ты великая!
Было времячко, обмывала ты,
Многоводная и широкая,
Лѣса древніе, безконечные,
Луга вольные, плодородные.
Не бурлацкая пѣсня, скорбная,
Какъ стонъ долгая, заунывная,
Надъ рѣкою неслася тученькой,
Посвистъ шелъ по рѣкѣ ликующій,
На бой звалъ народъ негодующій.
Мужикъ былъ другой, былъ нравомъ крутой,
Царскій пометъ онъ не мѣлъ бородой.
Были кругомъ и поля, и лѣса,
Неизмѣрены, непомѣчены.
Шелъ ночью пиръ горой съ дѣвицами,
Вокругъ куста, въ лѣсу вѣнчалися,
Безъ думы горькой цѣловалися,
Не полюбится, расходилися.
Ликовалъ Степанъ Тимоѳеевичъ
По водамъ рѣки, вплоть до Каспія,
И трепетали хамы царскіе,
Угнетатели, вымогатели,
Бояре, попы и приказные.
Освѣщали пожары въ поченку,

Ночь осеннюю, ночь беззвѣздную
Путь для лодочекъ, лихо снащенныхъ.
Ой, въ недобрый день атаманъ взялъ въ плѣнъ
Княжну, персіанку, красавицу!
Почуялъ Разинъ, нашъ разбойничекъ,
Народа вольнаго угодничекъ,
Что красавица черноокая
Косами длинными опутала
Тѣло гибкое, богатырское;
Убаюкала мощь всесильную
Рѣчью вкрадчивой, нѣжной пѣсенкой
И сладострастнымъ, знойнымъ шопотомъ.
Полюбилъ ночью тихой, лунною,
Подъ навѣсомъ лѣса дремучаго
Онъ слушать трели, пѣснь соловушки
И засыпать подъ шумъ дубравушки.
И измаялся, и изнѣжился,
Ослабъ голосъ, всѣмъ слышный въ бурюшку,
Ослабли рученки, что правили
Весломъ большущимъ въ непогодушку.
Затихъ атаманъ, закручинился,
Какъ ширь рѣчная затуманился,
И надумалъ думу бѣшеную.
Съ утра ранняго зноемъ вѣяло,
Дѣло страшное сердце чуяло,
Къ полудню буря разыгралася....
Обливаясь слезами жгучими,
Сжалъ онъ дѣвицу крѣпко, накрѣпко,
Цѣловалъ долго въ уста красныя,
Глядѣлъ пристально въ очи ясныя,
И со всей силой богатырскою
Въ волны черныя, въ волны грозныя
Онъ бросилъ страстно имъ любимую....
И гаркнулъ Разинъ на всю рѣченку:
„Ой, ребятушки, причаливайте,
И усадьбу барскую, божій храмъ
Зажигайте, вмигъ, съ четырехъ концовъ!
Да будетъ свѣтелъ день, день судбища!“
Ночью въ ревѣ волнъ мольбы слышались,
Въ брызгахъ ярыхъ волнъ — слезы видѣлись.

. . . . . .

Волга мелка, лѣса нѣтъ и слѣда;
Безплодна земля, посохли луга;
Расплодились всюду помѣщики,
Полицейскіе и шпіонишки
И жандармы, и чиновничишки....
Сгубленъ весь народъ недоимкою.
Урядникъ злодѣй рыщетъ съ плеткою; —
Вѣнчаетъ блѣдныхъ дѣвицъ жадный попъ;
Кабала одна, нѣту радостей.
Во церквахъ клянутъ громко Разина,
Молятъ, лбами бьютъ за Романова.
За царишку — вора, мучителя,
Всѣхъ народныхъ правъ похитителя....

II

Знамя бѣлое вѣтеръ колышетъ,
Вѣтеръ вольный, степной, порывистый;
На бѣломъ конѣ, подъ тѣмъ знаменемъ.
Ѣдетъ въ красномъ весь самозванецъ-царь,
Смуглый, худой, глаза огненные.
Генералы вокругъ удалые,
Желѣзомъ каленымъ клейменные,
Палачемъ, въ застѣнкѣ, помятые,
Фамильи—орловъ катерининскихъ,
Царицыныхъ буйныхъ любовничковъ.
Они пушки лютъ, города берутъ,
Приказныхъ, бояръ всюду вѣшаютъ;
Въ тюрьмахъ ломятъ дверь, разбиваютъ цѣпь,
Заключеннымъ всѣмъ даютъ волюшку,
Благодатный, свѣтлый день, солнышко....
Въ села, станицы манифесты шлютъ,
Въ манифестахъ вѣсти радостныя,
При прежнихъ царяхъ неслыханныя,
И огнемъ онѣ разливаются,
Бунтуютъ села, подымаются.
На площадяхъ въ Москвѣ у Иверской,
Тайно ждетъ народъ избавителя.
Ой, народный царь, Емельянушка,
Горемычный, честный, единственный,

Промахнулся ты, не направившись
Въ столицу Москву, златоглавый Кремль,
Тебя-бъ встрѣтили низко кланяясь,
Съ колокольнымъ звономъ, съ иконами,
Со хлѣбомъ, солью, со знаменами.
Смялъ бы ты рукой чорной, жилистой,
Золотой вѣнецъ, царскій, каторжный,
Расправился-бъ съ управителями....
Самозванецъ, съ свитой разбойничьей,
Чуютъ сердцемъ горе народное,
Никѣмъ до дна неизвѣданное;
Всѣхъ рѣчью берутъ молодецкою,
Орлинымъ призывомъ на вольницу,
На житье, какъ степи, раздольное.
Не будутъ рѣки, поля и лѣса
Никому, во вѣкъ, не заказаны,
Паши, сѣй и закрома наполняй,
Лѣсъ руби и хаты свѣтлыя строй,
Ты при всѣхъ суди судомъ праведнымъ,
И да будетъ святъ гласъ общественный!

. . . . . .

И ударяя въ грудь могучую,
Повелъ рѣчь самозванецъ бурную:
„Ой, царица ты, Катеринушка!
Ой, жена, жена ты поскудная,
Мѣдянка, змѣя подколодная,
Баба книжница, хитроумная!
Проходили полки черезъ спаленку,
Спальню мою опозоренную.
Богатырей однихъ изъ арміи
Выбирала ты, ненасытная,
Осыпала ихъ ты алмазами,
И за мерзкій блудъ награждала ты
Христіанской душою, вотчиной.
Не хотѣлось тебѣ плодить дѣтей,
А рабовъ наплодила вволюшку.
Не хотѣла мужа законнаго,
Подослала ты, ночью темною,
Въ теремокъ мой — тюрьму, разбойничковъ.

Руку свою святотатственную
Поднялъ на меня твой Орловъ-злодѣй;
Блеснулъ перстенекъ брилліантовый,
Оглушилъ меня твой подарочекъ,
Слуги вырвали полумертваго.
Спасался я по лѣсамъ, по степямъ,
На камень склонялъ я головушку,
И воронъ черный мнѣ спать не давалъ,
Все онъ каркалъ мнѣ про невзгодушку.
Отогрѣли обездоленные,
Избитые и изсѣченные,
— Подъ лохмотьми сердце теплое.
Изъ барскихъ цѣпей они вырвались,
Грязной рванью еле прикрытые
Въ звѣриныхъ норахъ жили, прятались,
Дѣлили съ птичкой лѣсной ягодку,
Дѣлили сладкій медъ съ медвѣдушкой.
Ой, позналъ сирый я ихъ долюшку,
Кромѣшную, незаслуженную,
Какъ степь осенью, безпріютную,
Не слеза изъ глазъ, — кровь сочилася,
И поклялся я страшной клятвою,
Пронеслась она, громомъ, по лѣсу,
По степямъ ее буйный вихрь разнесъ,
Въ небесахъ ее звѣзды слышали,
Постоять за Русь, за поруганныхъ.
Я зажгу твой дворецъ — безстыжій домъ,
Я ризы сорву съ тѣла пухлаго,
Холенаго, всѣми хватаннаго;
Погоню нагую черезъ городъ весь,
Православнымъ всѣмъ велю плеткой сѣчь.
Плетку для тебя мужичекъ совьетъ,
Мужичекъ всю жизнь полосованный,
И обольетъ рабъ, рабъ загубленный,
Тройной ремешекъ слезой горькою,
Горючей слезою, солененкой.
Я раскаленнымъ до бѣла клеймомъ
Срамныя мѣста припечатаю!
Повѣшу на крюкъ, и вонзится крюкъ
Въ омутъ грѣховный, въ преисподнюю.

И велю попамъ, я по всѣмъ церквямъ
За душу молить многоблудную,
Похотливую, кровожадную.
Можетъ быть, творецъ и тебя проститъ,
И тебя проститъ, и Іудушку.
Ой, братцы мои, нѣту моченки,
Душа за народъ разрывается,
Его истязаютъ, грабятъ и бьютъ,
Всюду продаютъ, какъ скотинушку,
Поля и лѣса всѣ обмѣряны,
Рыба вольная въ казну сдадена.
Въ блудный, страшный день, день предательскій,
Отъ крестьянина все отобрано,
Впились бары, попы, приказные
Въ живое тѣло мертвой хваткою,
Отцѣплю ихъ черной висѣлицей."

. . . . . .

Палачемъ на плахѣ, на площади,
Изрубленъ въ куски самозванецъ-царь.
Умерла на судѣ разпутница.
Отъ Павла-чухны, подброшеннаго,
Отъ курносаго эпилептика,
Отъ свирѣпаго сумасшедшаго
Потянулся умалишенныхъ родъ
Самодуровъ, убійцъ, грабителей,
Идіотовъ, ханжей мучителей,
Подтасованный домъ Романовыхъ.
Всходя на престолъ, шалили цари,
Забавлялись они, въ праздные дни,
И подачками, и реформами,
Но вышли, увы, одни пузыри!
Дали волю, но съ оговоркою,
Дали землю — пахнетъ могилкою,
Замѣнили цѣпи веревкою,
Народъ порятъ, бьютъ съ разстановкою.
Донимаютъ въ лоскъ недоимкою;
Реформишки всѣ съ передержкою,
Какъ нашъ царскій родъ, всѣ съ поддѣлкою,

III

Не даромъ, о, Русь, предъ престолами
Разума, свободы и равенства,
Неугасимой, яркой лампадой,
Свѣтятъ имена лучезарныя
Прежнихъ сгибшихъ въ мукахъ крамольниковъ,
Примѣры намъ: Радищевъ, Рылѣевъ,
Неизсѣкаема мощь русская,
Непобѣдимы рати славныя,
Полно жизни наше будущее.
Прыснулъ весенній дождь, пахнулъ тепломъ,
И быстро взошло сѣмя скрытое;
Сроднилось оно съ грозой, бурею,
Не сгибнетъ оно и въ осенній день,
День сѣрый, могильный, томительный.
. . . . . .

Открыло огонь войско свѣжее
Со словомъ дѣло чудно слившее....
Скромные, со взоромъ задумчивымъ,
Жадно слушаютъ слово съ кафедры,
Алчетъ подвига сердце жаркое.
Не страшитъ ихъ казнь, тюрьма мрачная.
Цѣпи ржавыя, вѣковѣчныя
Не въ силахъ снести Русь растущая,
Просвѣщенная, озаренная.
Къ свѣту выходы всѣ завалены
Азіатскою, смрадной рухлядью.
На свой ладъ тиранъ жизнь коверкаетъ,
Деспотъ, пигмей, шутъ одураченный,
Въ вертепѣ безумномъ воспитанный.
Человѣка во снѣ не видавшій
И рѣчью людской не владѣющій
Надъ цѣлой страной издѣвается.
Всей шайкѣ царской, неотвѣтственной,
Царькомъ презрительно играющей,
Легко дышать въ странѣ запуганной,
Нѣмой, оподленной. подавленной....
Предателей сворой травимые,
Властью дикой караемые,

Юной жизнью рискуя отважно,
Добро сѣютъ они неустанно:
Книгу, подло гонимую, тайно
Во тьмѣ пропагандируютъ дружно;
Человѣка въ рабѣ пробуждаютъ,
Народу путь иной освѣщаютъ.
Душа идеальная, нѣжная,
Но сила таится въ ней львиная;
Горитъ въ нихъ любовь безпредѣльная,
Царства собой побѣждающая,
На жертвы съ восторгомъ идущая.
И эта любовь всемогущая
Палачей ввергаетъ въ безумiе.
На правителяхъ силы пробуютъ,
Всей душой въ силу правды вѣруютъ.
Рядомъ съ дворцомъ ставятъ вольный станокъ,
И гонимое слово, мощное,
Всюду носится жгучей искрою;
Ловитъ искру ту страна темная,
Рѣчь правдивую затаившая.
Проявитъ ее она въ дни суда,
Подъ набата звонъ, въ революцiю.
Роютъ мину въ дворцѣ, передъ стражею,
Разносятъ весь поѣздъ, съ охраною,
Подъ мостовую динамитъ кладутъ;
На планахъ дворцы всѣ помѣчены
Краснымъ крестикомъ, знаменательнымъ.
Шпiоновъ разятъ ножемъ, пулею,
А царю передъ всѣми отличiе,
— Почетъ ему нуженъ, приличiе:
На небо взнесли взрывной бомбою....
Тюрьмы, крѣпости всѣ наполнены.
Въ городахъ всюду губятъ, вѣшаютъ.
На муку въ Сибирь идутъ тысячи;
Встаютъ новые, изощренные,
Какъ изъ полымя сталь, упорные.
На пытку идутъ, не смиряются,
Въ рукахъ палача улыбаются.
И вмѣстѣ съ борцами-мужчинами
Смѣло на помостъ взошла дѣвушка,

Чудеса любви совершившая:
Въ подвѣнечномъ нарядѣ, въ саванѣ.
Со смертью она обручилася,
Кольцо ея — петля висѣлицы.
Устремила взоръ, неразгаданный,
На народъ безмолвный, таинственный;
Вспыхнулъ взоръ ея ярче молніи,
Румянецъ залилъ лицо блѣдное.
Рядомъ юноша, пыткой лютою
Весь ослабленный, весь измученный,
Взглянулъ на нее, и огонь пошелъ
По тѣлу его изнуренному.
И воспрянулъ онъ, очарованный,
Силой сказочной, заколдованный,
И онъ принялъ смерть гордо, радостно.

. . . . . .

О, безумные истязатели!
Не гадали вы и не вѣдали,
Что, въ казни день, попрали смертью смерть
Изъ черныхъ столбовъ съ перекладиной,
Вознеслась арка тріумфальная,
Вошла въ нее незамѣченная
Всепобѣдная, безпощадная,
Казнь мучителей — революція.

. . . . . .

Русь, палачами задавленная,
Безсмысленно, слѣпо гонимая....
Вѣка цѣлые, батоги, кнуты,
Безъ мести кровавой терпѣвшая,
Слѣдъ царскій позорно лизавшая,
Рабски, подло все выносившая,
Ницъ пади передъ новой Голгоѳою,
То чаша святая проносится.

. . . . . .

Молніи блещутъ, рокочетъ рѣка,
Сталью ножа отливаетъ волна,
Бѣшено хлещетъ въ берегъ пустынный,
Слышится кликъ и посвистъ призывный,
Жизнью полный, бурный, свободный.

Кошмаръ

ЦАРЬ

(глубоко взволнованный)

ГЛАЗЪ на мигъ не смыкая, всѣ ночи дрожу,
Тѣни замученныхъ продолжаютъ борьбу.
Тс.... Слышу колесъ маленькихъ таинственный звонъ
Шорохъ адской машины... То рушится тропъ...
Неслышно, въ тьмѣ, крадутся смерть, разрушенье.
Сердцемъ чую, что нѣтъ, нѣтъ больше спасенья.

ПРИЗРАКЪ

(сѣренькій человѣчекъ)

Царь! любуйся ты мной,
Голытьбою нагой!
Я израненъ кругомъ,
Ни пальбой, ни штыкомъ,
Плеточкой, плеточкой!

Твой низкоподанный,
Весь я обобранный;
Влоскъ опозоренный,
Исполосованный,
Радужный, радужный!

Нѣтъ одной косточки,
Нѣтъ одной жилочки
Въ прахъ неизломанной,
Въ прахъ неизматанной.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Я дворцы воздвигалъ,
Подать вѣчно платилъ,
Землю потомъ поилъ,
Отъ враговъ защищалъ,
Прославлялъ, прославлялъ.

Нѣжилъ всѣхъ, баловалъ,
Берегъ, тѣшилъ, кормилъ,

И талантъ, и герой,
Вся страна живетъ мной,
Мелюзгой, мелюзгой.

И подъ пыткой, кнутомъ,
И въ зломъ рабствѣ крутомъ,
Душу спасъ, сохранилъ,
Ты-жъ свою погубилъ.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Въ кабакѣ я гулялъ,
Я доходъ доставлялъ,
Весь твой строй содержалъ,
На пиры вамъ давалъ...
Пьяненькій, пьяненькій.

Моя хата пуста
И темна, холодна.
Въ клѣтяхъ нѣту скота, —
Недоимка взяла,
Нужная, нужная.

Попу школа сдана,
Книга всѣмъ намъ вредна,
Всю Русь портитъ она;
Намъ лишь розга нужна.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Съ тебя шкуру сдеру,
Барабанъ обтяну,
И пойду впереди
Войскъ твоей гвардіи.
Тра, та, та! тра, та, та!

Пѣтушокъ полетитъ,
Всѣ дворцы навѣститъ,
Какъ молнія блеснетъ,
Все разрушитъ, сожжетъ,
Красненькій, красненькій.

Мы наткемъ полотна,
Васъ накроемъ слегка,

Какъ дѣтей передъ спомъ,
Саваномъ. саваномъ.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

И семейку твою
Мы запрячемъ въ тюрьму;
Будемъ хлѣбомъ томить,
Полонъ ротъ набивать
Сухенькимъ, сухенькимъ.

Съ золою смѣшаннымъ,
Навозомъ сдобреннымъ.
Мы народъ темненькій,
Потѣшимъ миленькихъ,
Розочкой, розочкой.

Мы, какъ лютымъ звѣрямъ,
Будемъ хлѣбъ подавать
И не на вилочкѣ,
На острой палочкѣ.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Жизнь ты тошнехенька!
Пропадаетъ сполна,
Какъ слеза, какъ роса,
На песочкѣ волна,
Моченька, моченька.

Ой, вянутъ силушки,
Ой гаснутъ думушки.
Кликнемъ кличъ по Руси!
Соберемся. втиши,
Въ армію! въ армію!

Запалимъ съ всѣхъ концовъ,
Скрутимъ крѣпко враговъ,
Свывырнемъ съ трона царя, —
Вспыхнетъ воли заря.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Въ бездну гнали насъ силы темныя;
Мы знали лишь тропы звѣриныя,
Надъ главой сплеталися вѣточки,

И не единой вверху звѣздочки.
Махая крылами, въ часъ тишины,
Глаза пучили сычи, филины,
Выли вволюшку стаи волчіи;
Зубы скалили силы вражіи;
Пробьемъ путь себѣ мы топорикомъ,
Украсимъ дорожку мы столбикомъ,
Съ переклалинкой и веревицемъ;
И освѣтимъ путь нашъ пожарищемъ.
Не владѣемъ книжкой и перышкомъ,
Богъ дастъ справимся однимъ ножечкомъ,
Россійскій народъ, народъ темненькій.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Ой, гремѣла гроза надъ рѣчепькой,
Надъ тихимъ Дономъ, Волгой-матушкой
Судъ скорый чинилъ атаманъ-Степанъ.
Черезъ много лѣтъ, какъ вихрь, ураганъ,
Пронесся нашъ Пугачевъ Емельянъ...
Развѣвалось знамя наскопное,
Пресвѣтлое знамя, народное.
Съ лиходѣями расправлялися,
Качались трупы на висѣлицахъ,
Сгнивали, на землю валилися.
Животишки брюхатыхъ, барскихъ жёнъ
Заряжали, подъ колокольный звонъ,
Съ лихимъ хохотомъ, сухимъ порохомъ,
И несся пометъ, какъ песокъ степной,
Ненужный, дряпной, неоплаканный.
Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

(Является второй призракъ)

ЦАРЬ

(пораженный, шопотомъ:)

Зіяющія язвы на тѣлѣ нагомъ.
Кровь на челѣ, увитомъ терновымъ вѣнцомъ.
Глаза сіяютъ, какъ свѣтъ вечерней зари.
Отъ глубокихъ язвъ, терній исходятъ лучи;
Голосъ страшный, точно шумъ плакучей ивы,
Колеблемой вѣтромъ, средь ночной тишины.

Самодержецъ, слѣпой и безумный!
Сколько геніевъ для міра благихъ,
Людей, вѣрой сильныхъ, мощныхъ, живыхъ,
Сгубилъ, губя себя, близкихъ своихъ,
Спасая мракъ, полный призраковъ злыхъ...
Желалъ ты подняться выше людей,
Невольно, спустился ниже звѣрей.
Лишь корыстью одной окруженный,
Ты не вѣдаешь дружбы отрадной,
Ко всѣмъ людямъ — любви лучезарной;
Безвольный тупой, душевно больной,
Исторіей обреченъ на убой.
Преступны твои желанія, мечты;
Прихоти, роскошь бездушны, черны.
Ты росъ чуждый человѣчныхъ идей,
Сердце стало камня тверже, грубѣй.
Растлѣвая людей рабствомъ гнилымъ,
Ты самъ сталъ скотовъ орудьемъ слѣпымъ...
Тебя окружаютъ воры, льстецы,
Предатели, интриганы, рабы,
Убійцы, ханжи, лакеи, шуты,
Съ зіяющей бездной, вмѣсто души...
Божокъ лилипутовъ, звонкій, пустой,
Руки въ крови управляютъ тобой!
На вырожденье твой родъ обреченъ,
Его ждутъ пошлость, паденье, порокъ;
Онъ будетъ скупъ, жаденъ, грязенъ, жестокъ;
На болѣзнь, раннюю смерть осужденъ.
Такъ караетъ историческій рокъ
Всѣхъ возставшихъ на природу, законъ.
Сразитъ тебя, страшной силой полна,
Самая благая въ мірѣ рука.
Герой рабскую Русь всю искупитъ
За состраданье муки претерпитъ.
Жизнь его будетъ — мужество, кротость,
И любовь безграничная, доблесть.
Дыханья травки онъ не нарушитъ,
На поблекшій цвѣтокъ не наступитъ,

„Курящагося льна не угаситъ,
„И надломленной трости не сломитъ“.
Тяжка Руси доля кромѣшная;
Народа работа суровая,
Изъ него кровь, соки тянущая,
Ничего ему недающая.
Мерзки розги, плети позорныя,
Расправы съ народомъ свирѣпыя.
Душу томятъ: пѣснь заунывная,
Лачуга убогая, темная,
Роковая проголодь, жёсткая,
Съ золою мука перегорклая;
Паспорты, опеки безумныя,
Ноги веревкою спутанныя,
Подать съ бѣдняка непосильная,
Униженье всюду, несносное;
Жизнь дѣтей въ тьмѣ потухающая,
Школа ихъ еле мерцающая;
А вверху — пиры Валтасарскіе,
Замыслы жандармо-поповскіе;
Казни, ссылки въ страны полярныя,
Произволъ слѣпой и разнузданный,
Крѣпости всѣ переполненныя.
Царь! Не смѣняю тюрьму я свою
На дворецъ, поработившій страну...
Мои фантазіи, вѣщіе сны,
Будущимъ свѣтлымъ, прекраснымъ полны.
Совѣсть единый, верховный судья,
Надежду и миръ вливаетъ въ меня.
Духъ свободный не удавишь петлей, —
То лучъ солнца въ синемъ небѣ, живой...
Пусть тюремнымъ смрадомъ буду дышать —
Въ будущемъ полною грудью впивать
Братъ будетъ воздухъ, средь пышныхъ полей,
Не вѣдая нужды, горя, цѣпей.
Голода муки готовъ я терпѣть,
Въ мѣшкѣ каменномъ, мучительно тлѣть,
Но да сгибнутъ нужда, рабство, и месть.
Себялюбіе, жестокость растутъ,
Но состраданье, любовь не уснутъ.

Не убьешь казнью кровавой, тупой,
Русь, потерявшую сонъ и покой,
Ищущую жадно новыхъ путей,
Отвергнувшую своихъ палачей.
Сказалъ Іисусъ, любовью горя,
„Возлюбимъ ближняго мы, какъ себя.“
Цвѣтокъ, блистая своей бѣлизной,
Наполнилъ весь міръ сіяньемъ, красой;
Вѣка пронеслись, мы любимъ сильнѣй, —
Ближній дороже намъ жизни своей.
Спокойно умру за униженныхъ,
За всѣхъ обойденныхъ, подавленныхъ,
Правды и свѣта знанья лишенныхъ,
За алчущихъ, жаждущихъ, страждущихъ,.
О будущемъ свѣтломъ тоскующихъ,
Бремя тяжкое жизни несущихъ.
За кроткихъ душой, не слабѣющихъ,
Сквозь бурю свой свѣтильникъ сквозь бурю пронесших.
Идя на казнь, укрѣпленный борьбой,
Не сниму съ плечъ моихъ ноши святой,
Шепну, предъ смертью, желаніе одно:
Да погибнетъ безполезное зло,
Да спидетъ съ неба на землю жданный
Рай, обѣщанный богомъ, желанный!
Въ часъ страшный, Спаситель ангела звалъ,
Въ тоскѣ, слезы кровавыя лилъ,
Да минуетъ скорби чаша, молилъ
И на крестѣ умирая, мечталъ,
О вѣчномъ блаженствѣ, рай предвкушалъ,
Я ни наградъ, ни блаженствъ не хочу,
Жребій самъ выбралъ, его я снесу.
Пусть имя въ вѣчной ночи потонетъ
И никто о погибшемъ не вспомнитъ,
Прахъ забытый быльемъ заростаетъ,
И надъ нимъ степной вѣтеръ гуляетъ,
Но пусть степь станетъ полемъ богатымъ
И дастъ хлѣба селеньямъ счастливымъ.
Міръ несчастный! для тебя я живу,
Жизнь съ восторгомъ тебѣ въ даръ приношу...
. . . . . .

Часъ пробъетъ, стихнутъ громы великой борьбы;
Станетъ все общимъ; силъ исполинскихъ полны,
Люди свѣтъ обновятъ, безъ страданій, вражды.
Средь горящихъ алмазами снѣжныхъ равнинъ,
Пышныя грезы, величавыя горныхъ вершинъ,
Возникнутъ неснившіеся міру, дворцы.
Въ чертогахъ хрустальныхъ — колоннады, сады,
Библіотеки, вѣковъ великихъ плоды,
Галлереи художествъ всѣхъ странъ и временъ,
Для всѣхъ людей школы, безъ различія племенъ...
Въ лучахъ электрическихъ солнцъ, незакатныхъ,
Птички, качаясь на гирляндахъ цвѣточныхъ,
Будутъ, неумолчно, пѣсни дивныя пѣть,
Крыльями, какъ камнемъ самоцвѣтнымъ, блестѣть.
Водометы, переливаясь огнями,
Душу обвѣютъ лучезарными снами...
Въ прозрачныхъ водахъ, отражаясь волшебно,
Будутъ блуждать свѣтъ и тѣни таинственно;
Музыка изъ чащи, тьмою закутанной,
Слухъ ласкать будетъ мелодіей чудною.
Эхо въ гротахъ, полныхъ чаръ фантастическихъ,
Отвѣтитъ звукомъ, какъ небо, мистическимъ.
Творенія геніевъ, ихъ дивныя строфы,
Оперы, пѣсни, фантазіи, сонаты,
Какъ въ преданіяхъ духи въ древнихъ сосудахъ,
Запечатлѣны будутъ въ мертвыхъ машинахъ,
И услаждать слухъ въ многолюдныхъ собраніяхъ...
Вѣтеръ теплый, благоуханьями полный,
Наполнитъ грудь нѣгою, силою мощной.
А надъ дворцами, будетъ, въ небѣ холодномъ,
Полярное сіянье, радужнымъ блескомъ,
Пылать съ силой побѣдной, въ мракѣ полночномъ...
Въ залахъ зеркальныхъ, грозы, бури не зная,
Деревья, цвѣты, въ лучахъ листья купая,
Разнообразною красой ослѣпляя,
Густыя, тяжелыя вѣтви склоняя,
Зацвѣтутъ, нѣжный ароматъ испуская.
Зарѣзвятся рядомъ: левъ, тигръ и ягненокъ,
Змѣя ядовитая, съ нею ребенокъ.
Земля перестанетъ для бѣдныхъ быть адомъ,

Станетъ непризрачнымъ, земнымъ она раемъ.
Въ пустыняхъ мертвыхъ, гдѣ все гибелью дышетъ,
Гдѣ въ воздухѣ пламенномъ марево пышетъ,
Силясь смерть обмануть, видѣньями вѣетъ,
Снами играетъ, грозя смертью, чаруетъ,
Ключи заплещутъ, садъ распустится пышно;
Пальмы, впивая влагу свѣжую жадно,
Заколышатъ короны тихо и плавно.
По волѣ людей, вѣтеръ легкій, прохладный
Освѣжитъ въ поляхъ воздухъ душный и знойный...
Океанъ могучій, съ волной непокорной,
Приливы, отливы, съ ихъ силою грозной,
Ураганъ, пассаты, вихрь буйный, свободный
Станутъ служить, давая отдыхъ, всѣ блага
Людямъ, постигшимъ земли тайны и неба...
Звукъ, слово не будутъ теряться въ пространствѣ.
Повторится въ полярномъ, сѣверномъ кругѣ
Призывный аккордъ, прозвенѣвшій на Югѣ...
Воздушные поѣзды, руша границы,
Сверкая, какъ на небѣ южномъ, зарницы,
Будутъ землю разцвѣтную всю облетать,
Съ высотъ поднебесныхъ ее всю озирать.
И развернетъ земля, какъ въ сказкѣ роскошной,
Полный дивъ коверъ, баснословный, восточный...
Обнаружатъ телескопы громадные
Новые законы, намъ непонятные,
Солнцы возникшія, ярко горящія,
Гигантскіе міры, потухающіе...
Но не смиритъ небо красою нетлѣнной,
Тайной живой, безпрерывною, трепетной,
Умъ, сердце, съ жаждою ихъ безпредѣльною.
Человѣкъ подслушаетъ мысли движенье.
Атомовъ, творящихъ міры, колебанье,
Крыла бабочки пестрой шелестъ неслышный,
Металловъ, источниковъ шорохъ подземный.
Услышитъ минераловъ ростъ сокровенный,
Сонъ травъ, мертвой природы всей пѣснопѣнье,
И могильнаго праха жизнь, возрожденье.
Сгинутъ, какъ ящеры временъ допотопныхъ,
Какъ пугалы злыя религій безумныхъ,

Всѣ власти, каторги, тюрьмы, казни, законъ,
Капиталъ, его спутники — скрежетъ и стонъ.
Смолкнутъ вопли войны и оружія громъ;
Всѣ надруганья надъ людьми, правдой, добромъ.
Рухнетъ пышный храмъ, съ неисчерпаемымъ зломъ;
Воцарится всѣхъ религій основа — любовь,
Литься не будутъ болѣе слезы и кровь...
Люди, въ бѣлыхъ одеждахъ и яркихъ вѣнкахъ,
Природѣ гимнъ воспоютъ на свѣжихъ лугахъ,
И въ лѣсахъ дремучихъ, и въ роскошныхъ садахъ,
Жизнь улыбнется имъ вся въ лучахъ и цвѣтахъ...

(Призракъ исчезаетъ)

ЦАРЬ

(въ глубокой задумчивости)

Смертный, — я безмертное хочу побѣдить,
Силюсь слабой рукой солнца свѣтъ потушить,
Движеніе впередъ, ростъ, жизнь на вѣки смирить...
Хочу въ омутъ страшный всю страну обратить.
Голосъ шепчетъ мнѣ, гоня сновидѣніе:
„Въ рукахъ грязныхъ людишекъ царства правленіе,
„Ты замысловъ черныхъ слѣпое орудіе,
„Ты кровь, тьму, зло, голодъ, оставишь въ наслѣдіе.“
Боже! дѣтей прости; не дли наказанья,
Сними съ невинныхъ проклятье помазанья.

Кому Хорошо Жить на Руси

Картина Первая

А ПРОВЪ кричитъ: „царю!“
. . . . . .
„Ой пришла мнѣ мысль, ребятушки!
— Сказалъ Провъ тутъ умный, радостно —
Мужичку-то, сиволапому,
Во дворецъ входъ воспрещается,
Отъ дверей насъ гонятъ въ зашеи

И дерутъ послѣ въ полиціи.
Хорошо вознаграждаются
Чувства хамскія, завѣтныя.
На дворцы даемъ мы денежки,
Кровью нашею добытыя,
Но впускать насъ не приходится.
Тѣ, что по спинѣ насъ балуютъ,
Мужицкій грошъ зацапываютъ.
Видно богомъ такъ указано.
Для дворца нужны приличія —
Мужичекъ одѣтъ не въ золото;
Зепунишко на немъ сѣренькій,
Башмачекъ на немъ не лаковый,
А лапоть лишь аляповатый,
Не умѣетъ мужикъ кланяться,
Задомъ къ двери ловко пятится...
Ирямо, сдуру на земь валится...
Дворцевъ много повоздвигнули,
Тьмы рабочихъ тамъ посгинули...
Говорятъ, на ближней станціи
Царскій поѣздъ поджидается.
Ой, не попытать ли счастьеце
И всѣмъ намъ туда отправиться?..“
Вся толпа пришла на станцію;
Посмотрѣла, ужаснулася —
„Не война ли начинается?!“
По бокамъ чугунки ровненькой
Шереягою стройной, длинненькой
Все войска, во всеоружіи.
На лошадкахъ крѣпкихъ, быстренькихъ,
Съ длинной, толстой, жидкой плеточкой
Казаки шныряютъ вѣрные,
Живодеры всѣмъ извѣстные,
На убійства преспособные.
Всласть стегнуть имъ, бѣднымъ, некого —
Бьютъ зеленую муравушку...
Мимо поѣзды проносятся,
Имъ жандармы машутъ шапками,
Подаютъ сигналъ шпіонишкамъ;
Много, много ихъ пособрано...

Мужички перекрестилися,
На платформѣ очутилися.
Казаки напали съ плетками,
Храбрецы — шпіоны — съ палками,
А жандармы съ кулачищами...
Проподать бы низко подданнымъ —
Тутъ судьею вразумительнымъ
Генералъ предсталъ голубенькій,
Точно ангельчикъ лазуренькій;
Жестомъ плавнымъ, повелительнымъ
Прервалъ смертное побоище.
Мужичковъ спокойно выслушалъ,
Какъ предъ богомъ повинилися...
Откровенность ихъ понравилась, —
Преданность вся обнаружилась,
Съ улыбкой, чуть не благосклонной,
Генералъ сказалъ лазуренькій:
„Въ видахъ крайне политическихъ,
Царь въ вагонѣ незначительномъ,
Къ намъ прибудетъ, неожиданно,
Удостоитъ смертныхъ выходомъ...
Приблизтесь тихо, не тряситесь,
Только молитвой подкрѣпитесь,
И какъ бы къ смерти приготовьтесь.“
Подкатилъ вагонъ стремительно.
Явился царь, величественно.
Мигомъ Пали на животики,
Съ земнымъ поклономъ, мужички.
Грозно выпятилъ царь буркулы,
Слюной забрызгалъ, и яростно
Рявкнулъ: „Тотчасъ всѣхъ ракалій сѣчь!“
Генералъ тутъ умилительно,
Въ плечо чмокнувъ предварительно,
Тихонько повелъ такую рѣчь:
„Прости царь, народный папенька,
Передъ тобою на животикѣ
Мужички лежатъ смиренные
Безконечно всѣмъ довольные,
Въ нихъ лишь чувства безпредѣльныя
И дрожанья безконечныя

Залегли къ порфироносному...
Сдуру простаки заспорили:
Кому изъ всѣхъ лучше на Руси —
Распросили попа, барина,
Мѣщанина и купчинушку,
Бабу, лакуза, солдатишку,
Полицейскаго, шпіонишку.
И согрѣли въ душѣ думушку:
Распросить царя, ихъ батюшку.
Дай пролить имъ слезы радости,
Дай познать имъ жизни сладости,
Словечко имъ молви и прости."
Успокоился, задумался,
Рукою костлявой, царственной
Началъ гладить лобъ державненькій.
Лобикъ гладенькій, покатенькій;
Черепъ очень ужъ коротенькій,
Къ мыслямъ очень непривычненькій...
Забылъ державный рѣчь людскую,
Какъ вещь ненужную пустую.
Этикетъ ему предписывалъ,
Чтобъ однимъ онъ взглядомъ жаловалъ,
Всю жизнь важно онъ расхаживалъ,
Не читая, все подписывалъ,
Только рявкалъ, да командывалъ,
О крестахъ, чинахъ распрашивалъ,
Заведеніяхъ допытывалъ.
Съ генералами придворными,
Все лакеями отборными,
Тѣшилъ онъ себя разсказами,
Замѣчательно похабными.
Отъ натуги вспотѣлъ папенька,
Наконецъ уста раскрылися,
Рѣчи дивныя излилися:
„Прежде жизнь была пресмачная —
Мѣнялъ дѣвочекъ безъ устали,
Въ Смольномъ буду долго памятенъ;
Были вѣрны мнѣ начальницы,
Были ловкія все сводницы.
Хороши мои смоляночки,

На подборъ однѣ бѣляночки;
И съ глазами всѣ блестящими;
То все дочки генеральскія,
Чувства въ нихъ вполнѣ дворянскія.
Я султану незавидовалъ,
Милліоны въ банкъ откладывалъ,
На гаремы не расходывалъ,
Дѣвицъ я удостаивалъ.
Попивалъ вино столѣтнее,
— Вы, хамье, вино не знаете —
Водку гнусную локаете,
И не рюмочкой, а ведрами;
Всѣхъ васъ, бестій, нужно сѣчь...
Ѣлъ я явства чрезвычайныя,
Но въ тѣхъ явствахъ вы не смыслите —
Жрете вы одну мякинищу,
И налоги скверно платите.
Съ васъ иначе нужно взыскивать, —
Самъ навозъ нужно описывать...
Но прошли деньки привольные, —
Прибрала къ рукамъ княгинюшка,
Въ полномъ смыслѣ Долгорукая!
Прогнала жену и краличекъ:
Бѣлымъ тѣломъ одна балуетъ.
Мой желудочекъ испортился,
Не поможетъ и припарочка.
Животъ пучатъ вина тонкія,
Отъ явствъ пышныхъ всюду колики,
Вѣчно мучаюсь запорами.
Отъ запоровъ есть придворные*),
Для поднятія силъ-снадобія.
Кой какъ можно было-бъ справиться,
Но явилися крамольные:
Бѣсы злые, непокорные,
Вся Русь ими переполнена.

---

*) Петръ Долгоруковъ пишетъ, что царь, для скорѣйшаго выхода непокорнаго ему кала, прибѣгаетъ къ кальяну... За ширмами, придворные, именуемые кальянщиками, стараются скабрезностями растрясти самодержавное чрево, и этимъ очень быстро дѣлаютъ себѣ карьеру...

Бунтъ, фантазіи, иллюзіи,
И утопіи и маніи;
Не ставятъ въ грошъ помазаннаго,
Самимъ богомъ утвержденнаго,
Плюютъ даже на всевышняго;
Алтарь и тронъ вышучиваютъ.
Очагъ и бракъ оспариваютъ,
Надъ чинами издѣваются —
Подавай имъ только доблести.
Дѣлежъ требуютъ имущества,
За васъ хамовъ все вступаются.
Чортъ ихъ знаетъ, что задумали:
По ихъ сужденію глупому,
Не могу я брать, что вздумаю;
Не могу законъ выдумывать,
Попытать, казнить невиннаго.
Обзываютъ все грабителемъ
И убійцемъ, утѣснителемъ.
Законъ не я выдумываю,
Есть для этого комиссіи;
Я, заботясь о деспотіи,
Только ими дирижирую.
Было времячко счастливое:
На насъ лютые крамольники
Всѣ охотились съ револьверомъ.
Соловьевъ, злодѣй, въ упоръ стрѣлялъ;
Отъ него, на четвериночкахъ,
Я скакалъ, какъ зайчикъ шустренькій,
И раскраснлъ всѣ штанишечки...
Но явилась мода новая,
Мода глупая, престранная:
Динамитомъ нынче подчуютъ; —
Динамитъ вѣдь не игрушечка,
Это смѣсь весьма опасная,
Въ небо быстро уносящая,
Смѣсь по истинѣ волшебная...
Не дадутъ, въ вагонѣ выспаться;
Мины всюду мнѣ мерещются.
Чтобъ сбивать съ пути крамольниковъ,
Я мѣнять вагонъ свой царственный

Долженъ былъ на грязный, кухонный.
Подъ Москвой первопрестольною
Вмигъ взнесли вагонъ съ короною,
Спасся я между кострюлями.
Въ колпакѣ, въ костюмѣ повара,
Благодаря кострюлямъ, богу,
Уцѣлѣли мои косточки.
(Но вскипѣлъ тутъ царь, нашъ батюшка)
Все спасеніе въ религіи,
Въ чисторусской, безъ утопіи,
Вся надежда наша въ вѣшаньи,
Да въ тюремномъ заточеніи,
Да въ прегоряченькомъ сѣченіи.
Изъ Россіи жилки вытяну!
Изъ нея всю кровь повыпущу!
Авось милосерднаго смягчу...
Не ты-ль, творецъ земли, всевышній,
Драгоцѣннымъ, постнымъ маслицемъ
Кистью тонкою, отборною,
Меня смазалъ на владычество?
Въ годы прежніе, старинные,
Для насъ, къ горю, невозвратные
Если самому достойному
Полизать дашь пальчикъ, рученьку,
Пососать остатокъ съ блюдечка,
Всю жизнь ходитъ осчастливенный.
Всюду хвастаетъ, восторженный,
Нынче чинъ давай и денежки —
Ручка, пальчикъ не считаются.
Прежде на полъ сплюнешь косточку,
И та косточка со слюнкою,
Вмигъ очутится въ коробочкѣ,
Очень цѣнной, съ брилліантами;
Ее поставятъ врядъ съ иконой,
И лампадочка засвѣтится...
Нынче косточку священную
Бросятъ въ яму ретирадную...
Нѣту больше бога на небѣ,
Нѣтъ владыки-бога на землѣ...
Какъ земля то еще держится?

Звѣзды съ неба не срываются?
И кометы не являются?!
Романовъ домъ весь пропадаетъ —
Солнце-жъ по прежнему сіяетъ.
Я за всѣми пристально слѣжу
И весь день, всю ночь дрожу, дрожу.
Вытеръ батюшка тутъ слёзочку —
Дряблы вѣки августѣйшія,
Поминутно влага катится,
Не соленая. мужицкая —
Мутно-желтая и прѣсная.
Мужички не удержалися,
Въ одинъ голосъ, дружно молвили:
„Ты избавилъ отъ помѣщиковъ!
И судъ скорый, праведный призвалъ.“
— Сукины сыны! — сказалъ имъ царь —
— Не избавь васъ отъ помѣщиковъ,
Вы бы всѣхъ ихъ перерѣзали,
Всѣ-бъ усадьбы ихъ спалили,
Стеньку Разина бы вспомнили
Пугачовщину-бъ устроили,
А въ концѣ меня-бъ повѣсили,
Реформы съ низу ненавижу,
Монаршью кровь я въ нихъ предвижу,
Какъ царь, люблю я дать подачку
Какъ собачопкамъ, сверху, сверху.
Есть реформы авантажныя —
Мой доходишко умножился,
Слава сильно увеличилась;
Власть ни капли не убавилась.
Какимъ судомъ васъ, хамовъ, судятъ,
По правдѣ скажу: мнѣ наплевать.
Для народниковъ, крамольниковъ
У меня есть судъ особенный:
Власть сговорчивый таинственный,
Крайне медленный, неправедный,
Отъ меня вполнѣ зависимый.
И притомъ моя полиція
Изъ опричниковъ милиція,
Потайная, вездѣсущая,

Внѣконтроля, всемогущая.
Всюду зорко, зорко бдящая,
Всю страну заполонившая,
Внѣ законовъ состоящая...
По всѣмъ квартирамъ ищетъ, рыщетъ,
Повсюду нюхаетъ, шпіонитъ,
Замки ломаетъ, конфискуетъ
Бумаги, письма отбираетъ,
Ихъ всласть смакуетъ и читаетъ...
И днемъ, и ночью, арестуетъ
И заточаетъ, и ссылаетъ,
Бьетъ, поритъ, мучаетъ, караетъ —
Все царскій сонъ мой охраняетъ."
Кончилъ царь, и озарилося
Лицо царское улыбкою.
Костлявымъ, державнымъ пальчикомъ,
Указавъ на низкоподданныхъ,
Генералу сказалъ весело:
„За продерзость хамовъ выпори,
Дай имъ рубль и въ шею вытолкни."
. . . . . .

Нашъ Катковъ благонамѣренный,
Царелюбецъ жадно преданный,
Разсказалъ про встрѣчу царскую:
„Мужички, изъ разныхъ деревень,
Передъ царемъ, давъ на животики,
Горевали по помѣщикамъ.

Данте

РОДИНОЙ гонимый,
Непонятый, печальный,
Печатью генія роковой
Отмѣченный для пытки лишь одной,
Ты адъ въ душѣ таилъ,
Его въ терцетахъ пламенныхъ,
И грозныхъ, и карающихъ,
Въ поэмѣ безсмертной воплотилъ.

Кому Хорошо Жить на Руси

Картина Вторая

И выходитъ тутъ стрѣмительно
Поповичъ, фигура ловкая,
Смотритъ бойко онъ, пронзительно,
На устахъ улыбка тонкая.
„Ой Провъ, изъ села Голтѣлаго, —
Сказалъ поповичъ вновь прибывшій—
Про монарха, мягкотѣлаго
Разскажу я, много видѣвшій,
И поведу я рѣчь иную,
Злую, скорбную, крамольную.
Откуда взялъ я рѣчь такую,
Вамъ, какъ съумѣю, растолкую.
Лишь изъ среды одной поповской
Можетъ возникнуть разрушитель,
И настоящій, и заправскій:
Вся обстановка — возбудитель...
Попъ обѣдню несуразную
Бормочетъ, одѣтый бабою.
Въ алтарѣ кровь бога, вкусную,
Въ большой дозѣ, очень хмѣльную,
Онъ изъ чаши пьетъ, съ приправою.
Приправа — бѣлый хлѣбъ пшеничный,
Въ дни обѣдни, въ день воскресный,
Въ тѣло божье обращается.
Вмигъ одинъ съ виномъ съѣдается.
Въ постъ, съ чаемъ сахаръ — прегрѣшенье,
Его пьютъ съ медомъ, со смиреньемъ.
Попъ, какъ примѣръ на все благое,
Ѣстъ мясо божіе сырое.
Встарь, для волшебныхъ превращеній,
Сокъ виноградный привозился,
Но въ наши дни, всѣхъ измѣненій,
Въ сивуху сокъ сей обратился.
Кабакомъ Россія держится,

Церковь, царь на немъ покоятся.
У насъ, о край нашъ благодатный!
Не только царь, самъ богъ-сивушный!
Но превращенье продувное,
Нѣчто мизерное, простое
Предъ тьмою, бездной роковою,
Предъ нашей троицей святою:
Сынъ, отецъ и духъ сливаются,
Три единымъ объявляются,
Чушь, хаосъ переливаются,
Разумъ дурью замѣняется,
Доходъ дивный получается...
И та тройца не безумствомъ,
И не надъ разумомъ кощунствомъ,
— Православьемъ называется!
И нагайкой, и полиціей,
И цензурой, жандармеріей,
Спокопъ вѣка охраняется...
Съ амвона, выдолбивъ всѣ справки
Про аферы высшей святости,
Про всѣ продѣлки божьей лавки,
Попъ плести обязанъ гадости...
Онъ мракъ, рабство проповѣдуетъ,
На пресвѣтлый разумъ сѣтуетъ;
Передъ властью пресмыкается,
И по міру побирается...
Но не то царю державному,
Какъ сыръ, въ маслѣ онъ катается;
Ширь, просторъ, какъ солнцу красному,
Знай одно — себѣ куражиться...
И самъ законъ ему не писанъ:
Въ гробъ гони, дави, затерзывай.
Сундукъ съ казною неисчерпанъ,
— Всласть дери, дари, захапывай!
Лѣсъ бери, поля доходныя,
Милліоны въ банкъ откладывай,
Воздвигай дворцы восточные,
Налогъ общій не уплачивай.
Грань монарху не указана:
Можетъ вздуть въ сердцахъ купчишку,

Пугнуть по матерну военнаго,
Генерала заслуженнаго,
Взбрызнуть розочкой боярина,
Попросивъ лишь сѣсть на креслице
Въ нашемъ третьемъ отдѣленьицѣ;
Взять въ наложницы княгинюшку.
Счастливитъ онъ, порой, дворянку,
Всласть и купчиху, и мѣщанку,
Одну лишь миловалъ крестьянку —
Кожей брезгалъ неатласною:
На пашнѣ вѣтеръ, пыль и солнце,
Она вся обвѣтрена, жестка,
У ней прекрасно, нѣжно сердце,
Но не граціозна, не ловка...
Вкругъ царя его придворные,
На упругихъ, заднихъ лапочкахъ,
Извиванья монотонныя
Продѣлываютъ всѣ въ цацачкахъ;
Яркой лентой, звѣздой, крестикомъ
Ихъ костюмы изукрашены,
И зады у многихъ съ ключикомъ,
Честь и мудрость тамъ запрятаны;
Хвостомъ пышнымъ, гибкимъ, вѣрнымъ
Виляютъ блудливо, сладостно;
Языкомъ фальшивымъ, сахарнымъ
Лижутъ нози пылко, радостно...
При словѣ: „Монархъ всея Руси“ —
Сердца хамскія вздымаются,
И лакейскій жаръ, разлетъ души
На штанишкахъ отражаются...
По Руси державный рыскаетъ,
— Встрѣчи пышныя, нелѣпыя.
Гордо онъ обѣды жалуетъ,
Траты тяжкія, чрезмѣрныя.
По стопамъ, одно разтлѣнье:
Впзгъ отвратительный, собачій,
Ложь, низость, хамство, одурѣнье,
Не встрѣтишь образъ человѣчій.
Онъ ссылаетъ, грабитъ, мучаетъ,
Шалитъ съ Россіей, какъ съ игрушкой;

Онъ правду не выслушиваетъ,
Считаетъ слово побрякушкой.
Очистка всей Руси, до нитки,
Имъ зовется осчастливеньемъ.
Всю осадятъ Русь наушники —
То считаетъ охраненьемъ,
Отпоръ скромный произволу —
Бунтъ возмущенье противъ права.
Служенье наше идеалу —
Впрахъ разрушенье государства...
Разумъ нуженъ и вельможному,
Онъ министру пологается,
Но ненуженъ онъ державному:
Царь готовымъ въ міръ является,
Саваоѳомъ помазуется,
Ввидѣ казни посылается.
Какъ палящій вѣтеръ носится,
Сѣетъ мракъ, опустошенье;
Пыль столбами ярко крутится,
Всюду солнышка затмѣніе...
Ой, крестьяне, горемычные,
Въ рабствѣ, тьмѣ заматерѣлые,
Успокойтесь, малодушные,
Скоро сгибнутъ мягкотѣлые...
Пали бары, васъ давившіе,
Силы злыя, одурѣвшія,
И во слѣдъ за ними сгибнетъ царь!
Есть снаряды всемогущіе,
О нихъ не задумывались встарь,
Скрыты силы въ нихъ разящія,
Для враговъ народа страшныя,
Все отжившее мятущія,
Для всѣхъ бѣдныхъ всепобѣдныя,
Знамя красное несущія.
Разнесутъ тѣ силы грозныя
Алтари и троны гордые,
И дворцы, и храмы пышные,
Какъ разпосятъ скалы твердыя...
Пойдутъ скоро на державнаго,
Какъ на звѣря кровожаднаго.

Ой сдерутъ порфиру съ сѣраго,
Со монарха — волка лютаго.
Царскій поѣздъ вдругъ запрыгаетъ,
Во дворцѣ полы всколышутся.
Продирать нашъ царь задумаетъ,
Въ глушь окрестную запрячется.
Начнетъ рыть онъ рвы глубокіе,
Ставить ставни всѣ желѣзныя...
Не спасутъ всѣ мѣры дикія;
Дрожать будетъ въ ночи длинныя,
И передъ взоромъ воспаленнымъ,
Какъ видѣнья, грезы вѣщія
Промелькнутъ, гостемъ непрошеннымъ,
Бомбы адскія, зловѣщія...
Холоднымъ потомъ обливаясь,
Дожидать онъ будетъ солнышка,
На одинъ мигъ не забываясь,
Чтобъ склонить свою головушку...
Разставитъ всюду онъ шпіоновъ,
Деньги кровныя, крестьянскія
Всѣ уйдутъ на лютыхъ Каиновъ,
На подвохи полицейскіе,
На предателей, губителей,
Холуевъ, и лицемѣровъ,
Интригановъ и душителей
Черезвычайныхъ все размѣровъ...
О, страна, многострадальная!
Въ глубинахъ твоихъ невѣданныхъ,
Сила дремлетъ необъятная...
Яви витязей, невиданныхъ,
Безгранично сострадающихъ,
Въ горѣ, мукахъ не слабѣющихъ,
Въ мигъ ужасный изумляющихъ,
Передъ пыткой не блѣднѣющихъ;
Пусть надъ злой долей слабыхъ, бѣдныхъ
Тоскуютъ сизой голубицей,
И за нихъ на бездушныхъ, хищныхъ
Воспрянутъ тотчасъ ярой львицей"...

. . . . . .

Даль и ширь повсюду ровныя,
Дымокъ стелется надъ селами;
Вокругъ насъ — ландшафты мирные...
Дымокъ скоро станетъ тучами,
И пойдутъ огни разгуливать...

. . . . . .

Смолкъ Попович и задумался
Даль предъ нимъ сломася ровная,
Въ лучахъ заката солнечнаго
Вся казалася кровавою. . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .

Казнь 3-го Апрѣля 1881.

ДЕСЯТЬ лѣтъ передъ нами прошли
Съ тѣхъ поръ, какъ свергнувъ все на пути,
Богатыри родной намъ земли,
Пятою царя раздавили,
Безсмертья вѣнецъ заслужили.

Гордо, съ слезою вспомнимъ тѣ дни,
Нѣту имъ равныхъ въ прошломъ Руси.
Скоро, скоро вѣнца ихъ лучи
Освѣтятъ бездны дальней глуши.
Великаго народа судьбы
Законамъ лишь вѣчнымъ послушны,
Свершитъ свою миссію время,
Сбросивъ рабства гнуснаго бремя,
Священнымъ восторгомъ объятый,
Народъ строй нашъ мерзкій, проклятый
На кровавый свой судъ позоветъ,
Съ воплемъ чухонцевъ домъ разнесетъ,
Судій царя до звѣздъ вознесетъ...
Въ утро, полное нѣги, тепла,
Въ день страданій и смерти Христа,
Ужасный черныхъ висѣлицъ рядъ
Душу давилъ, приковывалъ взглядъ.
Грозящіе всѣмъ силуэты
Для царства плохія примѣты.
Народъ стоялъ со скорбью въ груди,
Огражденный штыками вдали,
Казаки съ ихъ плетьми, впереди.
Народъ весь, жандармы, солдаты
Безмолвіемъ страшнымъ объяты.
На помостѣ попъ въ черномъ дрожалъ,
Крестъ, съ слезою, къ груди прижималъ.
Рядомъ пьяный палачъ ликовалъ,
Съ весельемъ на веревки взиралъ.
Ихъ раскупитъ куча надмѣнныхъ,
Изящно одѣтыхъ придворныхъ,
Ѣхали, какъ собакѣ, огрызки —
Деньги, за веревокъ обрывки,
Сулятъ они, въ то вѣруютъ всѣ,
Неизмѣнное счастье въ игрѣ.
Вѣрно имѣлъ и это ввиду
Царь, затѣвая въ царство игру...
Палачъ въ этотъ день начудесилъ:
Пятерыхъ онъ пьяный повѣсилъ;
Лишь дрогнули черныя руки,
Видя слабой дѣвушки муки.

Онъ не пять, семь веревокъ добылъ,
Капиталъ трудомъ честнымъ нажилъ.
Два раза, два, сорвался одинъ,
На третьей, въ мукѣ, духъ испустилъ.
Гасла тихо, капля по каплѣ
Жизнь, въ пыткой измученномъ тѣлѣ.
Я, какъ въ тяжкомъ бреду, вопрошалъ;
Скажите, за что вы погибли,
Лютѣйшую казнь воспріяли?
Убили-ль вы мать, дорогую?
Отца, брата, сестру, сироту?
Грабили, убивали въ лѣсу?
Можетъ быть, вы хуже свершили:
Въ странѣ правду въ прахъ обратили.
Народъ въ спять вернуть вы хотѣли
Въ ярмо крѣпостное толкали.
На его спину согбенную,
Тяжкимъ трудомъ изнуренную,
Вы позорныя плети, бичи
Заготовляли, съ звѣрствомъ, въ тиши.
Вы свѣтъ просвѣщенья тушили,
Свободное слово душили,
Обманъ, суевѣрья плодили,
Молитвой, крестомъ торговали,
Мощами народъ надували.
Произволъ, полный гибели, зла,
Омутъ черный безъ мѣры, безъ дна,
Въ странѣ вы родной утвердили.
Свободу повсюду травили,
Юпымъ силамъ жить не давали,
Имъ солнце собой заслоняли.
Вы свѣтъ и всѣ блага прогресса
Замѣнили тьмою регреса.
Не жалѣли вы для отчизны
Фарисейства, яда ехидны.
Чтобы карманъ длинный, бездонный,
Желудокъ ничемъ ненасытный,
И змѣиную шкуру спасти,
Вы, въ порывѣ зломъ и безумномъ,
Рвались съ родины кожу снести.

Вы пытки и казнь призывали
На честныхъ людей доносили.
Вы ложь, предательство сѣяли,
Вампировъ крыльями вѣяли,
Живую кровь сердца тянули.
Всѣхъ бѣдныхъ, униженныхъ, слабыхъ,
Мѣшали вы съ грязью, съ отвагой,
Вы льстили, нахально, всѣмъ сильнымъ,
Добромъ злодѣянья ихъ звали.
Передъ властью слѣпой, кровожадной
Священнымъ кадиломъ кадили,
Лизали, въ грязи пресмыкались,
Подачекъ однѣхъ добивались,
И себя однихъ лишь хранили.
Скажите-жъ за что вы погибли,
Лютѣйшую казнь воспріяли?...
Если вѣрны всѣ обвиненья,
Сама смерть не дастъ вамъ прощенья,
Вы тогда вполнѣ заслужили
Поповскаго ада мученья...
Какъ арфы эоловой звуки
Въ небесахъ таинственно, странно
Прозвучалъ мнѣ голосъ вдругъ ясно:
„Они безконечно любили!“
Вѣтеръ теплый, нѣжный, весенній
Съ ласкою трупы ихъ обвѣвалъ,
На саванахъ лучъ солнца игралъ.

§ § §

МРАКОБѢСЦЫ злые! Вами держится тронъ;
Слухъ вашъ ласкаютъ народный скрежетъ и стонъ,
Вамъ любо, когда страну окутаетъ ночь.
Жизнь безъ свѣта становится всѣмъ намъ не въ мочь,
Священный огонь обреченъ жалостно тлѣть
И гулять одна вами любимая плеть.
Вампиры! Ваше мѣсто въ забытыхъ щеляхъ
Гнилыхъ тюремъ, гдѣ люди тоскуютъ въ цѣпяхъ.

Сатана

НА ТРОНѢ богъ, въ коронѣ, холодный сидитъ;
Корона въ лучахъ, надъ ней ангелы рѣютъ,
Серафимы бѣлыми крыльями вѣютъ.
Порой, вѣтеръ легкій, изъ ада доноситъ
До изощреннаго, державнаго слуха
Свободныя, пылкія, бурныя пѣсни.
Творца всемогущаго дрожь пробираетъ,
Какъ кошмаромъ, предчувствіемъ страшнымъ томимъ,
Злобно хмурится онъ, и изъ устъ его дикъ
Вырывается крикъ: „Сатана побѣдитъ!“
Предъ трономъ сіяющимъ, въ низу, по чинамъ,
Вытянувшись, на твердыхъ скамейкахъ сидятъ:
Цари, короли, папы, попы и жрецы,
Шефы шпіоновъ и свита ихъ — палачи,
Провокаторы, тайной полиціи псы,
Банкиры, дѣльцы, заимодавцы, плуты,
Мракобѣсцы, свѣтлой жизни гонители,
Выѣденнаго яйца представители;
Министры, твердую власть возлюбившіе;
Холопы, ловко хвостомъ подметавшіе;
Лакеи, съ пыломъ, вполнѣ безкорыстные,
Въ грязномъ лакействѣ суть жизни открывшіе;
Консерваторы, участковъ ревнители,
Всей государственной гнили хранители;
Монашки, кликуши, всѣхъ оттѣнковъ ханжи,
Старушки, земныя сласти познавшія,
Передъ самой смертью все церкви отдавшія;
Безсмысленно они въ глаза богу глядятъ,
Всѣ замерли, съ глазами открытыми спятъ.
Пища ихъ — плоды, безъ вкуса и запаха,
Салатъ, съ елеемъ лампадным, безъ уксуса,
Безъ соли умной, и перца превратнаго;
Питье — изъ фонтана сонно журчащаго.
Точно въ тюрьмѣ годы тянутся медленно,
Вѣчно зрѣть бога — занятіе скорбное...
На поповъ и монахинь, украдкой, взглянувъ,
Богъ повелъ странную рѣчь, глубоко вздохнувъ:

„Васъ всѣхъ удивляетъ отсутствіе сына:
Нѣтъ его у меня, я, увы, не женатъ, —
Изъ евреекъ дѣвицу избрать я не могъ:
Санъ мой слишкомъ высокъ, вамъ извѣстно — я богъ.
Царьки, свѣтящіеся во тьмѣ червячки,
И тѣ жёнъ изъ державнаго рода берутъ.
Христосъ — сынъ сатаны, и онъ проклятъ былъ мной;
Въ пику мнѣ, его чортъ въ обращенье пустилъ;
Это онъ мое честное имя чернилъ,
Болтая всюду, что я дѣвѣ Маріи
Мою плоть распречистую въ ухо пзлилъ,
И та плоть, безъ грѣха, не раздувъ живота,
Въ бога младенца, чудно, вдругъ, обратилась.
Въ выдумкѣ саркастической, крайне смѣшной,
Вставалъ сатана, полный иронiи, злой:
Сынъ, вполнѣ равный отцу, одинъ равный тремъ —
То его каламбуръ, его хитрый абсурдъ;
Одинъ сатана такъ умѣетъ смѣяться!...
Тяжко мнѣ вспомнить: Iисусъ весь былъ въ отца;
Онъ мой древнiй законъ, алтарь, тронъ низвергалъ;
Схоластовъ яснымъ словомъ своимъ изумлялъ;
Въ синагогахъ мораль мою въ прахъ обращалъ.
Онъ ненависть между сословьями сѣялъ,
Недовольство плодилъ и на бунтъ вдохновлялъ;
Бѣдняка и раба изъ грязи подымалъ.
Дерзко и нагло слабаго съ сильнымъ равнялъ.
На пиршествѣ буйномъ онъ вино освятилъ,
И, надъ закономъ смѣясь, блудницу простилъ.
Распутницы шли за нимъ тѣсной толпою.
Любовью пылая, Магдалина, предъ нимъ,
Съ драгоцѣннымъ муромъ, амфору разбила,
Ноги въ пыли, съ благоговѣньемъ, омыла.
Своей золотистой косой осушила.
Онъ съ любовью дѣтей ко груди прижималъ,
Въ юныхъ душахъ борьбы сѣмена насаждалъ;
Изъ храма бичами торговцевъ изгонялъ,
И всѣмъ хищникамъ вѣчнымъ огнемъ угрожалъ;
Душой не слабѣя, онъ героемъ погибъ.
Зналъ сатана изгибы сердца людскаго,
Зналъ, чѣмъ душу плѣнить, и въ концъ побѣдить, —

Рукой смѣлой онъ воздвигъ крестъ на Голгоѳѣ,
Увѣнчалъ Іисуса терновымъ вѣнцомъ.
Терньи вѣнца въ сердце народовъ проникли,
Семнадцать вѣковъ они грѣли, свѣтили.
Полный гнѣва, желая зло въ корнѣ пресѣчь,
Я поповъ вамъ послалъ, чтобы запутать васъ въ сѣть,
Злобой дыша, въ ходъ пытки и казни пустилъ,
Съ наслажденіемъ жгучимъ костры запалилъ,
Мечемъ и пожаромъ хотѣлъ всѣхъ истребить,
Но сатана всесильный меня побѣдилъ:
Вѣру въ святость церкви, въ меня вѣру убилъ.
Изъ пепла пожаровъ и крови пролитой
Онъ всталъ дивный, весь торжествомъ осіянный,
По прежнему тонко насмѣшливый, гордый...
Конкурентовъ мнѣ онъ много разъ выдвигалъ,
Въ несовершенствѣ горько меня обличалъ,
Будда, отдавшій себя на сожраніе,
Съ немощными сосцами, жадной тигрицѣ,
Ради ея и тигрятъ алчныхъ спасенья,
— Злой силы коварный протестъ, воплощенье!
Отдавая себя голодной тигрицѣ,
Онъ противъ меня, творца земли, возставалъ,
Онъ законы мои, утопистъ, исправлялъ,
Революціонерамъ примѣры давалъ,
И невинныхъ барановъ моихъ соблазнялъ.
Разумъ, науки, прогрессъ, революціи,
Невѣріе, ересь, бунтъ, конспираціи,
Всѣ завѣты, откровенья, евангелья,
Сатиры, памфлеты, всѣ профанаціи,
— Великаго духа тьмы демонстраціи!“
Тутъ раздался голосъ пискливый монашки:
„Въ божьемъ раю намъ крайне холодно, скучно,
Вѣчно на бога смотрѣть утомительно,
Но жаровня, вертелъ пахнутъ внушительно.
Богъ мраченъ и сѣдъ, но лицомъ онъ пріятенъ,
Сатана же, съ хвостомъ, рогами, ужасенъ!“
На монахиню взглянувъ укоризненно,
Творецъ отвѣтилъ строптивый презрительно:
„То побасенки жадныхъ и глупыхъ поповъ,
Ихъ интересъ былъ нещадно запугивать.

Вѣчнаго огня нѣтъ въ аду и на кухнѣ:
Солнечнымъ лучемъ они жарятъ бивштексы,
Электрическій свѣтъ сіяетъ въ ихъ залахъ.
Сатана, къ великому горю, прекрасенъ,
Онъ поэзіи и красоты идеалъ,
Дивенъ и измѣнчивъ, какъ сладкая грёза!“
Порывисто поднялась, руки ломая,
Монахиня, красою блистающая,
Грудь упругая, глаза съ поволокою,
Гибкая, съ торсомъ богини языческой,
Съ косою до пятъ, густою и черною;
И зазвучала, скорбью сердце сжимая,
Безотрадная и горькая жалоба:
„Насъ обманули, жизнь безъ пользы разбили.
По ночамъ я въ кельѣ металась, томилась.
Я въ зиму по камнямъ холоднымъ ступала
Босою ногой, какъ по огненнымъ плитамъ.
Не въ помыслахъ чистыхъ и тихихъ моленьяхъ,
— Я ночь въ сладострастномъ бреду проводила;
Нагой Іисусъ, на крестѣ, въ ранахъ, крови,
Разжигалъ плоти лишь одной вожделѣнья,
Снился онъ не идеальный, страдающій,
Земнаго міра грѣхи искупляющій,
Но съ кубкомъ въ рукѣ, къ любви призывающимъ,
Адонисомъ, красотой ослѣпляющимъ.
Нѣтъ, не молиться на него я хотѣла,
Но его мучить, нѣжить, ласкать, цѣловать,
Къ груди его блѣдной прижаться, забыться
И слиться съ нимъ въ страстномъ, очарованномъ снѣ!
Я предвкушала жаркія ночи съ Христомъ...
Меня раздражали пѣснь соловьиная,
Фиміамъ, музыка, гимны церковные,
Ароматы цвѣтовъ, луны яркой лучи.
Хотѣлось тканей, одеждъ фантастическихъ,
Оргій, вина и баловъ разжигающихъ,
Золота и брилліантовъ сверкающихъ,
Діадему на черныхъ монхъ волосахъ.
Давила позывъ къ блаженству минутному —
Къ наслажденію стремилась я вѣчному.
Пытку дала мнѣ тюрьма монастырская,

Въ раю ожидаетъ скука мертвящая,
Какъ ледъ полярный холодная, вѣчная.
— Сатана! вырви, вырви изъ рая, спаси!“
Глубоко задумался царь вседержитель,
Дрожащей рукой снялъ съ волнистыхъ сѣдинъ
Тяжелый, яркій вѣнецъ адамантовый,
И полилась снова рѣчь громоносная:
„Пойте мнѣ пѣсню, вы ангелы вѣрные,
Духи холодные, духи ничтожные,
Борьбы и познанья невѣдающіе,
Изъ эѳира лазурнаго созданные;
Божественный духъ изнываетъ и таетъ,
Сводъ небесный закрыли черныя тѣни,
Саваномъ стали мои бѣлыя ризы.
Свершилъ я ошибку, и, въ гордости лютой,
Ее поддержать я хотѣлъ безконечно,
Дьяволъ уличилъ меня въ зломъ побужденьи,
И выхода нѣтъ, и нѣтъ больше спасенья!!...
Слышите-ль гулъ, подобный рокоту моря?
То изъ бездны ада къ намъ доносятся звуки,
То чаши звенятъ, то веселія крики,
Поэтовъ великихъ волшебныя строфы,
Трибуновъ народныхъ крамольныя рѣчи.
Любовь царитъ тамъ безъ узды и запрета;
Равенству и братству нѣтъ больше предѣла;
Въ вѣнкахъ и цвѣтахъ вьются бѣшенно пары,
Оркестры гремятъ, шумятъ нѣжно фонтаны,
Земли всей они постигли прошедшее,
Безъ покрывала предъ ними грядущее.

Раскрылись въ сіяньи книги вещихъ страницы
Майна-міровыхъ, вѣчныхъ-небесъ откровенье.

Повѣдали все имъ далекія звѣзды.
Какъ огонь струится ихъ кипучая кровь
Въ неувядающихъ юныхъ артеріяхъ;
Духъ великъ, здорово, роскошно ихъ тѣло.
Они ночь въ сіяющій день обратили;
Расчудесныя выходки хитрыхъ поповъ
Непрерывнымъ чудомъ науки затмили.
Титаны поэзіи, науки, борьбы

Ликуютъ тамъ на первобытномъ просторѣ.
Адъ сталъ міровымъ всѣхъ вѣковъ Пантеономъ,
Рай —корыстной сволочи— скучнымъ притономъ.
Знайте, что ваши ростовщичьи душонки
Становятся невыносимо противны.
О, духъ непреклонный, великій, безстрашный,
Въ вражде, борьбе и любви безпредѣльный!
Чуетъ сердце, что будешь ты побѣдитель!
Сѣтью лучезарной опуталъ ты небо.
Съ души суровой, какъ осеннія листья,
Спадаютъ гнѣвъ мой и порывы къ отмщенью.
Новая жизнь проснулась въ старческомъ тѣлѣ,
Безумныя, странныя мысли, какъ вихри,
Сердце сладко волнуя, мозгъ охватили.
Сатана! богъ скоро сольется съ тобою,
Падетъ цѣпь, созданная нашей борьбою,
Затихнетъ навѣки вражда въ мірозданіи,
И зацаритъ всюду одно наслажденье...
Ты, ты спасъ мое роковое твореньe!“

Будда

Будда на пустынномъ берегу Ганга, въ простой бѣлой одеждѣ, задумчиво смотря на быстро бѣгущія воды

„ОТЪ ЛАСКЪ царевны сердце изныло,
Тщетно въ душѣ ищу ей отвѣта;
Ея стройное, желтое тѣло
Въ негѣ любви дрожитъ сладострастно;
Груди ея упруги и круглы,
Жизнь сосутъ жадно красныя губы...
Подъ звонъ бьющаго въ рощѣ фонтана,
Сладкія рѣчи шепчетъ, вздыхая,
Увы! не заживетъ моя рана.
Ея ноги и руки нагія,
Красой чаруя, блещутъ въ браслетахъ...
Раздражаютъ запястій бряцанье,
Разметанныхъ волосъ колыханье...

. . . . . .

Ароматъ пряный кровь разжигаетъ,
На закатѣ все небо пылаетъ;
Тучи, измѣнчивѣй пылкой мечты,
То спящаго бога знойные сны.
На сонной водѣ лотосъ бѣлѣетъ,
Гангъ огнями пурпурными плещетъ.
Отъ гирляндъ и могучихъ растеній
Въ водѣ бродятъ волшебныя тѣни...
Птицы щебечутъ, крылья на солнцѣ
Отливаютъ, какъ грани въ бриллiантѣ.
Какъ пыль цвѣтная бабочки рѣютъ;
На пескѣ аллигаторы дремлятъ
Въ тьмѣ лѣсовъ раздается вой тигра
И крики попугаевъ, павлина.
Межь корней вьются цвѣтистыя змѣи,
На деревьяхъ визжатъ обезьяны.
Слоны въ драгоцѣнныхъ кампяхъ, шелкахъ,
Выступаютъ процессiей длинной;
Звонитъ колокольчикъ, пѣсня звучитъ...
Въ садахъ, гдѣ клонятся вѣтви въ цвѣтахъ,
Дѣвушки въ яркихъ одеждахъ, вѣнкахъ
Плавно танцуютъ въ тѣни колоннадъ.
Вѣютъ тихо вершинами пальмы.
Погружая въ грезы, листья шумятъ.
Гангъ шепчетъ мнѣ великiя тайны.
Ласки природы чудны, коварны;
Рядомъ съ красою, тлѣнье въ болотахъ;
Ночью пышетъ зеленое пламя,
Языкъ огневой колеблясь, дрожа,
Точно страшное хочетъ повѣдать...
Порой землетрясенья хоронятъ
Города, людей тысячи гибнутъ.
Огонь подъ землею, яды въ землѣ...
Природа сильна, могуча, грозна,
Жизнь безумна, полна зла, коротка.
Я, запутанной жизни загадку
Разгадалъ, прахъ созерцая жреца,
И сгубилъ жизнь я, ядомъ прозрѣнья;
Нѣтъ спа и покоя, гложетъ тоска,
Какъ ночь, въ лѣсахъ безконечныхъ, черна.

Всѣ благоуханья, роскошь весны
Не скроютъ могилы холода, тьмы.
Звонъ чашъ золотыхъ, страстныя ласки,
Трепетъ тѣла въ бѣшенной пляскѣ,
Не разгонятъ чудовищной скорби,
Передъ глазами тлѣнье и черви.
Зоветъ голосъ съ грозныхъ снѣжныхъ вершинъ,
Изъ пропастей, и пещеръ, и долинъ;
Зоветъ въ бурѣ, гулѣ рѣкъ и лѣсовъ,
Въ прибоѣ волны и вѣтрѣ морскомъ.
Зоветъ къ полному жизни забвенью,
Къ покою, что царитъ надъ звѣздами...
На горѣ, льдомъ покрытой, спѣгами,
Я сольюсь съ безконечнымъ эѳиромъ...

. . . . . .

Бѣлыя стѣны, въ узорахъ дворца,
Пламенемъ обдавали, слѣпили.
Подъ краснымъ покровомъ, тихо рабы,
Задумчиво, трупъ, склонившись, несли.
Полный неодолимыхъ желаній,
Какъ судьба повѣлительныхъ, ясныхъ,
Остановилъ служителей Брамы;
Снялъ быстро, въ золотѣ, красный покровъ,
Въ носилкахъ лежалъ служитель боговъ,
Вкругъ усть его, творившихъ молитвы,
Бѣлые черви, клубомъ кишали,
Слѣпые, какъ законы природы...
Челюсть отвисла, зубы блестѣли...
Онъ алтарь окурялъ симіамомъ, —
Отъ него несетъ гнилью и смрадомъ...
Все сѣро, безразсвѣтно, безстрастно,
Кратко, холодно, призрачно, пусто.
Ужасный смыслъ заключенъ въ роковомъ
Надсмѣяньи надъ пышною жизнью...
Думалъ я, блѣдный, надъ прахомъ жреца:
Средь простора таинственныхъ храмовъ,
Ты, въ сверкающихъ золотомъ ризахъ,
Въ прозрачныхъ облакахъ благовоній,
Ярко озаренный лампадами,

Свершалъ обрядъ, смѣясь надъ богами...
Правилъ ты страхомъ и люто грозилъ
Богомъ, опоясаннымъ змѣями,
На тигрѣ, съ черепами на шеѣ,
Темно-краснымъ чудищемъ Сивою...
Ты ждалъ отъ людей цѣломудрія, —
Пилъ чащу любви съ баядерками.
Ты къ несчастнымъ взывалъ о смиреньи,
Самъ упивался нагло гордыней.
Пресыщался явствами, винами,
Они хлѣбъ обливали слезами...
Съ презрѣньемъ творилъ чудо во мракѣ,
Народъ, съ вѣрой, молился въ восторгѣ...
Бросалъ ему, какъ кости, избытки, —
Онъ несъ горы сокровищъ, въ лохмотьяхъ...
Факиры рвали плоть свою въ клочья,
Умирали съ улыбкой блаженства,
Въ пыли, подъ колесницею Кали, —
Ты свое тѣло нѣжилъ елеемъ...
Людъ бѣдный ждалъ отъ васъ откровенья,
Вы сѣяли мракъ, ложь, суевѣрья.
Онъ жаждалъ любви, равенства, братства,
Вы — униженій, кастъ, ограбленій...
Въ грезахъ сна онъ мечталъ о свободѣ,
Вы — о казняхъ, цѣпяхъ и неволѣ.
Вы упивались нѣгою въ храмахъ;
Онъ изнывалъ въ конурахъ и ямахъ;
Его жрали болѣзни и тигры."

. . . . . .

Вглядываясь въ искрящіеся вдали, золоченые куполы дворца.

„Царь! молить я жарко буду творца,
Я, сынъ, стану твоимъ искупленьемъ...
Ты невинную похитилъ любовь,
Чтобъ насытить свое пресыщенье;
Сгубилъ обширныхъ странъ населенье,
Чтобы наполнить жизнь наслажденьемъ.
Твои фонтаны плещутъ слезами,
Чертоговъ стѣны сцаяны кровью,

Каждый ихъ камень — грабежъ, преступленье...
Презрѣнный, — ты презираешь людей;
Преступный, — ты казнишь прегрѣшенье,
Съ юныхъ лѣтъ, потерявъ образъ людской,
Давишь, въ гнѣвѣ тупомъ, человѣка.
Дворецъ твой полонъ зла и пороковъ,
Невольно страшитъ голосъ пророковъ.
Ты злодѣевъ обманутый сворой,
Править хочешь страной безпредѣльной...
Строишь изъ грязи ты пьедесталы,
Ничтожный, — попираешь престолы...
Называешь себя ты владыкой,
Царишь, живешь, всеобщей подачкой...
Какъ черви, въ истлѣвающемъ трупѣ,
Льстецы вкругъ тебя ползаютъ, въ страхѣ,
Мечтая о хищеньяхъ, обманѣ,
Грабишь всѣхъ, и сидишь ты на тронѣ,
Сидитъ бѣднякъ, хлѣбъ укравшій, въ тюрьмѣ...
Губишь страну, лежитъ она въ прахѣ,
Убійца жалкій гибнетъ на плахѣ.
Жизнь твоя полна крови, позора,
Ты отрицаешь правду и бога.
Ты и праведный богъ невмѣстимы.
Твои дворцы, колоннады, сады,
Тронъ изъ самоцвѣтныхъ камней, пиры —
Чума, смерть для злополучной страны...
Ты хоронишь въ зародышѣ разумъ,
Растлѣваешь людей поклоненьемъ...
Наслѣдье самодержцевъ — пустыни,
Жилье рабовъ поглотятъ трясины...
Гдѣ гордо высились храмы, дворцы —
Слѣпить будутъ песчанные вихри,
Извиваться въ развалинахъ змѣи,
Гдѣ цари безъ возстаній царили,
Тамъ прошла коса страшная смерти...
Брама! зачѣмъ послалъ ты на землю
Царей, жрецовъ, болѣзнь, смерть и нужду?
Зачѣмъ нарушилъ такъ безпощадно
Гармонію и небесъ красоту?
Полный стыда, я, съ ужасомъ, сбросилъ

Цвѣта крови, роскошныя ткани,
На горѣ, предъ пречистымъ предстану
Съ душою чистой, въ бѣлой одеждѣ...
. . . . . .

II

Въ борьбѣ годы незамѣтно прошли;
Огнемъ полный, босой, ноги въ крови,
Обошелъ онъ громадныя страны;
Ему змѣи и тигры не страшны, —
Для слова правды тигровъ опаснѣй
Каста жрецовъ, вся погрязшая въ лжи.
Онъ троны клялъ и громилъ алтари,
Звалъ къ идеалу, равенству, братству,

Безъ обрядовъ, служенію духу;
Считалъ высшимъ благомъ, жизни вѣнцомъ
Исчезновенье въ богѣ — Нирвану.
Конецъ чуя, взошелъ на вершину . . . . .
Величавой горы, на Цейлонѣ...
Жрецъ суевѣрный показывалъ мнѣ
Слѣдъ пророка на гранитной скалѣ.

III

Онъ, какъ лилія, въ снѣжномъ нарядѣ,
Купаясь въ лучахъ, стоитъ на горѣ,
Надъ нимъ орлы въ небесномъ просторѣ...
Онъ сладостно, тихо гаснетъ, вянетъ,
Какъ блѣдный цвѣтокъ въ тѣни, на зарѣ.
. . . . . .

Жизнь за Гробомъ

(Посвящается Камиллу Фламмаріону)

ЛЮДСКІЯ слезы душу сжигали,
Я въ правду вѣрилъ, долго томился.
День за днемъ силы гаснутъ, слабѣютъ,
Скоро, скоро уснy безъ печали...
Небо! Я не успѣлъ насладиться
Твоимъ кроткимъ сіяньемъ, лучами,
Чуднымъ пѣніемъ птицъ и цвѣтами,
Лунными, какъ сонъ сладкій, ночами...
Душа горемъ и злобой мутилась
При видѣ брата, въ грязи и крови,
Сердце рвалось, съ судьбой не мирилось...
Умру, прахъ мой сольется съ природой,
Наступитъ чудный міръ превращеній.
. . . . . .

Ледники рушатъ снѣжныя горы,
Океановъ южныхъ, теплыхъ, пары

Вновь ихъ покровомъ дѣвственнымъ кроютъ...
Рѣки точатъ гранитныя скалы,
Обломки въ дальнее море несутъ...
Воды гроты безъ устали роютъ,
Міру живому гибель готовятъ...
Изъ безднъ земли вулканы выносятъ,
Въ рѣкахъ лавы, недвижныя массы...
Материки въ моряхъ исчезаютъ,
Новые изъ бурныхъ волнъ возстаютъ.
Отъ полюса и къ полюсу токи,
Земные атомы, въ вихряхъ, кружатъ.
Приливъ и отливъ въ землѣ, и въ водахъ.

. . . . . .

II

Я надъ озеромъ горнымъ, зеркальнымъ
Сверкну радугой, яркой, цвѣтистой;
Надъ океаномъ, скованнымъ льдами,
Горѣть буду въ полярномъ сіяньи.
На вершинѣ горы одинокой
Я лягу мирно, снѣжной пушинкой..
На Ганга водахъ, нѣжно лазурныхъ,
Въ листьяхъ лотоса бѣлыхъ, священныхъ,
Я въ каплѣ росы всѣ неба лучи
Отражу, заблещу я огнями.
Въ благоуханіи травъ и цвѣтовъ
Вознесусь къ небесамъ, ѳиміамомъ...
Вывѣтривать буду лики боговъ,
Разрушать мраморъ ихъ пьедесталовъ.
Я превращусь въ громовую стрѣлу,
Притоны злодѣя въ бурю зажгу.
На уступѣ, надъ пропастью чорной
Я расцвѣту альпійскою розой...
Въ водопада бушующей пѣнѣ
Я исчезну въ клокочущей безднѣ,
Съ синей моря волною сольюсь
Тихимъ, нѣжно звучащимъ прибоемъ,
Скорбную душу мечтой усыплю,
Я чарами грезъ ее обновлю.

Въ цѣлебныхъ травахъ мой прахъ оживетъ,
Огонь внесу въ анемичную кровь,
Вмигъ румянецъ чахотки потухнетъ...
Я воздухомъ живительнымъ стану,
Въ больную грудь исцѣленье волью.
Землю, золотой колосъ насыщу,
Голоднаго вдоволь я накормлю...
Генія мозгъ я собой оживлю,
На подвигъ славный его вдохновлю,
Таящее бури слово скажу...
Въ кровь императора ядомъ войду,
Сномъ вѣщимъ предъ тираномъ предстану,
Ужасную смерть ему предреку...
Я сгнету въ адскихъ машинахъ силы,
Въ защиту всѣхъ людей отъ неправды.
Мощь поддержу въ борцѣ до могилы,
Я восторгъ вдохну въ душу, на плахѣ...
Въ головѣ лживой и темной попа
Атеизма зароню сѣмена...
Въ хитромъ святошѣ я плоть распалю;
Въ сердцѣ прекрасномъ любовь озарю...

III

Я космической пылью въ просторѣ
Холодномъ, небесномъ буду летать;
Я въ сіяньи лучезарной кометы
Пропесусь сквозь небесныя сферы,
Путь освѣтятъ полярныя звѣзды.
Въ цвѣтахъ и росѣ, слезѣ и грозѣ
Природа будетъ меня возрождать.
Милліонъ разъ, въ милліоны вѣковъ,
Воспряну я въ оболочкѣ людской,
Міръ странный, какъ сонъ предстанетъ предъ мной.
Вѣчные атомы будутъ блуждать
Въ ураганѣ, океана волнахъ,
Въ дымѣ вулкановъ, въ потокахъ, рѣкахъ,
Въ нѣдрахъ земли, на горахъ, въ облакахъ...
Когда солнце погаснетъ, остынетъ,
И земля, и планеты, средь мрака,
Ледяной глыбой на солнце падутъ,

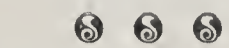
Новую, страшную жизнь въ немъ зажгутъ,
Я въ огнѣ, лучахъ солнца воскресну.
Я — кружащійся атомъ, я — вѣчностъ...

Богъ

ПРЕДЪ престоломъ ярко свѣчи горятъ
И кадилы благовонья клубятъ,
Попъ усердно готовитъ причастье,
Онъ его продаетъ изъ участья.
Тѣло, кровь всякій можетъ отвѣдать —
(Послѣ хочется очень обѣдать)
Имъ цѣна всего грошъ, иль полушка,
Обойдется дороже косушка.
Съ купола собора, внизъ голова,
Смотритъ, хмурясь, Старикъ-Іегова.
Я не знаю, показалось-ли мнѣ,
Или я все это видѣлъ во снѣ —
Богъ началъ громко попа упрекать,
Что онъ сказалъ — я спѣшу записать.
Рявкаетъ Богъ, какъ всѣ наши цари,
Подъ нимъ вѣдь не даромъ тронъ, алтари...
— Предки царей были всѣ жеребцы.
„Я, Богъ, семнадцать столѣтій терпѣлъ,
Хотя и частенько гнѣвомъ кипѣлъ,
Но пришла пора вамъ всѣмъ объявить,
Что я болѣе не въ силахъ сносить
Всѣхъ безобразій надъ сыномъ моимъ,
Дѣвицей рожденнымъ, кровнымъ, роднымъ.
Машу взять въ жены никакъ я не могъ:
Чтить санъ обязанъ, на то я и Богъ.
Но вы примѣръ съ меня не берите,
Съ дѣвицами не очень блудите.
За отступленье прошу извинить,
Я въ небѣ складно отвыкъ говорить.
Страшно вспомнить, вы милльарды пудовъ
Божьяго мяса, увы, не воловъ,

Посѣли „во оставленье грѣховъ“.
Сколько-жъ выпито крови боченковъ,
Трудно вспомнить — со мною нѣтъ счетовъ —
Вопросъ хитрѣй всѣхъ іероглифовъ:
Какъ сынъ, вмигъ не исчезъ безъ остатковъ?
Чертъ бери кровопійцъ, христоѣдовъ!!
Попы одной лишь правдѣ внемлите,
Предъ убійцемъ царемъ не финтите,
Своимъ масломъ его я не пачкалъ,
Не хочу, чтобы онъ родину чавкалъ.
Фиміамомъ мнѣ глазъ не темните,
И молитвой меня не томите,
Когда плохъ ладонъ, все я чихаю,
Хоть и Богъ — насморкъ часто хватаю.
Порой небеса кажутся скучны:
Сквозникъ, холодъ, всѣ ангелы мрачны,
Консервативны, глупы, воздушны,
Гимны ихъ Богу вялы, бездушны,
Съ тѣхъ поръ, какъ молніи вырвалъ Франклинъ,
Сталъ слабѣть, овладѣваетъ мной сплинъ...
Богъ я жалкій, измѣнчивый, мѣстный,
Въ остальномъ небѣ — нуль неизвѣстный,
Я — эхо, я — зеркало ясное,
Отражаю сердце прекрасное,
Идеалъ, порывы чудесные,
Невѣжество, страсти порочныя,
Страха фантазіи безумныя,
Святошъ аппетиты прегнусные,
Законы всѣхъ странъ безобразные,
Побѣды морали чутъ слышныя...
Въ годы мрака бываю я въ модѣ,
Пугаломъ становлюсь въ огородѣ.
Замѣчаю съ прискорбіемъ, что чахну,
Какъ призракъ, скоро совсѣмъ я исчезну.
Опять заболтался, вновь отступилъ,
Слава богу, что я суть не забылъ.
Попы! меня не очень грязните,
Я всѣхъ васъ лучше, какъ не крутите.
Не гоните вы яро науку,
Не спасайте религіи лавку.

Всѣ чудеса науки безспорны,
Куклы-жъ святыя — тухлы и пыльны,
Млеко Маріи, — остатки косы,
Терніи Христа, съ елеемъ носы,
Черепа, пальцы и всѣ лохмотки
Безобразны, жалки, грязны, смѣшны.
Бросьте путь, полный всякаго вздора...
Дайте духу святому простора,
Онъ — тройцы моей украшенье,
Онъ — добра и всѣхъ благъ воплощенье,
Ему выпала тяжкая доля,
Спутаны крылья, связана воля...
Пусть онъ живой, могучій, свободный,
Гонитъ мракъ ненавистный, позорный,
Его дуновеніе мощное —
Всѣмъ яззамъ цѣленіе чудное.
И у меня онъ былъ не въ фаворѣ,
Проводилъ цѣлый вечеръ съ нимъ въ спорѣ.
Свою ошибку понялъ я поздно
И поправлю ее осторожно.
Я Богъ — всѣхъ лишь людей отраженье,
Измѣнчиво мое поведенье.



МИЛЫЙ другъ, я усталъ; не тоскуй надо мной,
Съ лаской свѣтлой меня отпусти на покой.
Насади ты цвѣтовъ на могилѣ моей,
И въ утро первыхъ, весеннихъ ласковыхъ дней,
Приходи въ гости, съ улыбкой ясной твоей.
Тайну смерти пойми, и вздохнешь ты вольнѣй.
Кругомъ меня все жизнью будетъ кипѣть:
Пѣть птицы, порхать бабочки, пчелы звенѣть.
Открой навѣсъ, полный розъ, лимонныхъ цвѣтовъ,
Смерть сбросила свой призрачный, лживый покровъ;
Цвѣтовъ ароматъ — то сердца лучшая кровь,
То любовь моя пышно расцвѣтшая вновь,
Преображенная свѣтозарной весной,
Незнающей гроба, вѣчно юной, живой.
Черви слѣпые, скрытые тьмой гробовой,
Кроютъ міръ ослѣпляющей, дивной красой.

ПОСЛѢ долгаго зноя, засухъ упорныхъ,
Явилась къ намъ туча изъ странъ полуночныхъ;
Ее озарилъ ярко кроткій лучь солнца,
Она зардѣлась грозы полная, гнѣва,
Покровъ красный бѣлая молнія рѣжетъ,
Дождь, въ лучахъ, огнями бенгальскими блещетъ.
Ударъ за ударомъ, все небо рокочетъ.
Постой, Іегова! Твой громъ намъ не страшенъ —
Ты закономъ, какъ короли, ограниченъ;
Предъ конституціей, какъ всѣ, ты склонился.
Упорствовалъ царь, но онъ взрыву подвергся...
Богъ, тебя мы смирили палкой желѣзной,
Длинной и тонкой, на концѣ заостренной,
Той же палкой. что усмиряютъ животныхъ
На ярмаркахъ скромныхъ, въ звѣринцахъ шаблонныхъ,
Ослабѣлъ пылъ грозный съ лѣтами невольно,
По цѣпочкѣ стекаетъ гнѣвъ твой, неслышно.

НАДЪ Роной дворецъ сѣрый, гигантскій стоитъ,
Онъ о духовной власти преступной гласитъ...
Папство гибнуло, его хотѣли спасти;
Въ подвалахъ звенѣли цѣпи, пилы, ножи.
Крестъ, поколебленный всеобщимъ сомнѣньемъ,
Силились пыткой, тюрьмой, лютымъ гоненьемъ,
Вновь утвердить и въ сіяньи прежнемъ вознесть,
Въ тѣни его паутину снова заплесть...
День и ночь въ залахъ мрачныхъ смѣнялись пиры;
Подъ драгоцѣнной посудой гнулись столы:
Огонь факеловъ блисталъ зловѣще средь мглы;
Пѣною винъ обливались ткани, ковры;
Танцовщицы, маня тѣломъ, гибкимъ, нагимъ,
Влекли поповъ къ помысламъ о тѣлѣ благимъ.
Властолюбіе, порокъ не знали границъ,
Молньи принимались за блескъ дальнихъ зарницъ...
Бурно и рѣзко все измѣнилось съ тѣхъ поръ,
Революція выгнала гадовъ изъ норъ.
Дворецъ запустѣлъ; средь ветхихъ камней цвѣтутъ

Дикія травы и ароматомъ влекутъ.
Въ полдень, въ тѣни дворца, огромной, суровой,
Гдѣ терновникъ перевитъ розой пунцовой,
Анархистъ съ подругой жизни пылкой сидитъ,
Царей, папъ, поповъ, строй буржуазный громитъ;
Эхо дворца, рѣчи восторженной, вторитъ,
Анархистъ хохочетъ, звонко эхо гремитъ...
Рона голубою волной, музыкальной,
Моетъ тихо корни деревьевъ миндальныхъ,
Съ шелестомъ нѣжнымъ на пескѣ замираетъ,
Точно гадаетъ, мечтой въ прошломъ витаетъ.
Въ ропотѣ волнъ мнѣ далекое грезится,
Хохотъ надзвѣздный, смѣхъ вѣчности слышится.

Республика

Празднующая Столѣтіе Казни Капета и Маріи Антуанеты

„Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней — свиньи лишь могутъ!»
Графъ Ал. К. Толстой.

Какъ море порой бросаетъ тухлую пѣну
На берегъ отъ массы перегнившихъ молюсковъ,
Такъ отстой грязный монархій, чуя измѣну,
Всплылъ, заразивъ воздухъ цѣлой тучей микробовъ,
Забывъ все былое, попирая свободу,
Всталъ шовинизмъ, суля всему міру невзгоду.
Кнутъ царскій зацарилъ надъ Европою снова,
Всѣхъ мракобѣсій мерзкихъ послѣднее слово...
Въ квасѣ гордо плескалась страна революцій,
Лѣзла въ слякоть альянса, безъ всякихъ амбицій.
Склонялась передъ царемъ, — истязателемъ женщинъ,
Ликовала подъ звонъ полученныхъ пощечинъ.
Дамы, дѣвы, полныя жаркихъ порывовъ,

Въ адультерскомъ экстазѣ, съ разпузданнымъ пыломъ,
Виляна лобзали, морскихъ офицеровъ.
Парижане всласть пѣли: „Дрожите тираны “*)
И „Царя Боже, храни, внемлите всѣ страны “...
Съ ярымъ, вѣчно плевавшимъ въ царя, радикаломъ
И съ газетчикомъ, носившимъ цѣпь, комунаромъ,
Лобызался Суворинъ, побратски, съ восторгомъ,
Безгласный гласному клялся въ дружбѣ, съ апломбомъ...
Ликовалъ дипломатъ нашъ всемірный Татищевъ,
Въ выспреннемъ холопствѣ превзошедшій бухарцевъ,
Онъ все свершилъ! Онъ, съ кучкой писакъ-проходимцевъ!
Городъ свѣта, прогресса освѣщалъ самоваръ,
Звѣздное небо замѣнялъ въ звѣздахъ адмиралъ...
Унисонъ представляли: Богъ, царь, Марсельеза...
Винигретъ нашъ трепалъ по плечу буябеса,**)
Онъ шампанское съ квасомъ мѣшалъ безъ разбора,
Плѣнялся Парижемъ, полнымъ всякаго вздора.
Носились тѣни Ноздрева и Скалозуба...
Карно славилъ тирана въ восторженныхъ тостахъ,
Реваншемъ пылая, пѣлъ о мира всѣхъ благахъ...
Фабриканты, царицыны слабости зная,
Подносли, какъ кокоткѣ, роскошныя платья.
Закрѣпили союзъ они платьемъ богатымъ,
Примирили республику съ Гатчинцемъ лютымъ...
Моренгеймъ постигъ сердце царицы прекрасно
И совѣтъ фабрикантамъ онъ далъ непапрасно.
Взятки давались всякого рода: закуской,
Консервами, виномъ, виноградною водкой.
Адамъ женъ офицеровъ плѣнила браслеткой,
Дочерей Авелана — брилльянтовой брошкой.
Нашъ позывъ ко взяткамъ всему міру извѣстенъ,
И путь къ дипломатамъ въ банкахъ чекомъ отмѣченъ.
Во славу Россіи, за долголѣтіе царя
Французы пѣли, и ѣли, и пили, что зря,
Не щадили они всероссійскихъ желудковъ:

---

*) Tremblez, tyrans» изъ Марсельезы.

**) Блюдо изъ разной рыбы, на Югѣ Франціи; блюдо вкусное, но нолѣное, нѣчто въ родѣ нашего винигрета.

Поили, кормили до спазмъ, рвоты, припадковъ;
Увезли офицеры зачатки холеры...
Патріотизму пылкихъ французовъ нѣтъ мѣры!!
. . . . . .

Сто лѣтъ назадъ, въ мигъ, какъ воли вспыхнула заря,
Весь Парижъ мечталъ кишкой послѣдняго попа
Въ гнѣвѣ чудномъ, удавить послѣдняго царя,
А въ наши дни, рабствомъ опьяненная толпа
Лежитъ во прахѣ, и шута-деспота пята
Гидру, очагъ крамолъ топчетъ тяжко, неспроста.

Святотатственный Злодѣй и Злодѣйка

Онъ

ГЛАЗА твои глубоки, лучисты,
Всѣ движенія порывисты, страстны,
Рѣчи-жъ, — увы, — мучительно чисты,
Грустью странной, таинственной полны.

Она

Другъ дорогой! Мои сны и мечты,
Какъ русская жизнь печальны, темны.
Снятся часто мнѣ бѣдныя хаты,
Онѣ непривѣтны, грязны, черны.
Жмутся дѣти, въ рубищахъ, блѣдные;
Растутъ они, всѣми забытые,
Для одной лишь подати нужные,
За нихъ наслаждаются сытые.
Мнѣ грезится церьковъ убогая,
Не слышится въ ней слово святое,
Но рѣчь лишь жандармамъ угодная,
И бездушное пѣнье, тупое.
Не рубаху, но саванъ ткётъ ночью

Злосчастная, баба крестьянская.
Царскимъ грабежемъ изнуренная
Земля не родитъ, истощенная...
Уходитъ народъ нашъ обобранный,
Искать, въ степи далекія, землю;
Изнуренный борьбой безъизходной,
Онъ находитъ лишь мертвую петлю.
Бываютъ годины ужасныя,
— Больно вспомнить: сердце сжимается —
Когда наши кормильцы родные
Древесной корою питаются;
За трудъ свой непрерывный и вѣчный,
Корой, лебедой награждаются...
Пухнутъ, мрутъ толпами, смиренные,
Хищники кругомъ наживаются.
Царь съ семейкой, въ годы тѣ страшные,
По чужимъ странамъ забавляются...
Милліоны прахомъ спускаются...
Не нѣга и объятья мнѣ снятся —
Меня стонъ и муки преслѣдуютъ,
Сердце и разумъ жадно стремятся
Туда, гдѣ горюютъ, гдѣ бѣдствуютъ.
Жизнію цѣль всѣмъ намъ указана,
Широка дорога тернистая,
Никому изъ насъ не заказана...
Смерть за любовь — доля чудесная!

Онъ

На верхъ взгляни, жизнь тамъ позорная
Свирѣпо распутная, пошлая,
Къ горю и слезамъ равнодушная,
Ни чѣмъ не насытная, наглая.
На золотой тамъ посудѣ ѣдятъ.
На пиршества милліоны летятъ!
На подлыхъ лакеяхъ звѣзды горятъ.
Убійцамъ, ворамъ, кадятъ тамъ и льстятъ;
Безправье стопой всѣхъ попираетъ,
Въ дикомъ безуміи мучитъ всѣхъ, давитъ;
Въ груди свободный звукъ замираетъ.
Борца за народъ казнь ожидаетъ.

Великое, чистое, честное
Въ тюрьмахъ, рудникахъ, угасаетъ;
Ликуетъ лишь мерзость, все гнусное
И безпорядокъ чудовищный, злой
Всюду петлей, тюрьмой охраняетъ...
Прости меня, дѣва пречистая!
Меня обуяла порочнаго
Мысль, въ нашей средѣ непривычная:
Желаніе счастія личнаго.

Тайная Типографія

(Посвящается К. К. Р.)

ТИШЕ вы, свинцовыя буквы, ложитесь,
То царю свинцовый гробъ отливается,
Тише въ ряды непобѣдимые стройтесь,
То царю смертная казнь объявляется.
Тихо кругомъ; ставни плотно затворены;
Всѣ мы ночною работой изморены.
Жандармы, ищейки по улицѣ рыщутъ,
Слѣдъ нашъ пропавшій, они тщательно ищутъ.
Всѣмъ имъ большая награда назначена,
Если будетъ типографія схвачена.
Воззванья буйныя всюду разклеены.
Счастье имъ, если мы будемъ повѣшены...
Они царя-палача охраняютъ,
На всю Русь собачій ошейникъ скрѣпляютъ.
Товарищи! Ножъ, револьверы держите,
При первомъ натискѣ, вмигъ, лампы тушите!
Во враговъ безпощадныхъ смѣло палите,
Мощь ослабнетъ — ножъ себѣ въ сердце вонзите!

* * *

Тише вы, свинцовыя буквы, ложитесь,
То царю свинцовый гробъ отливается,
Тише въ ряды непобѣдимые стройтесь,

То царю смертная казнь объявляется.
Мать родина! царемъ обездоленная,
Подавлена твоя думушка вольная.
Въ рабствѣ позорномъ, подъ плетью возросшая,
Счастья, простора, во снѣ невидавшая,
Проходишь ты путь, отъ міра отсталая,
Всѣмъ людямъ смѣлымъ и гордымъ постылая...
Святая месть въ груди грозно скопляется,
Полная гнѣва душа разрывается...
Мы тайный станокъ въ столицѣ поставили,
Красное знамя террора мы подняли.
Товарищи! Ножъ, револьверы держите,
При первомъ натискѣ, вмигъ, лампы тушите!
Во враговъ безпощадныхъ смѣло палите,
Мощь ослабнетъ, — ножь себѣ въ сердце вонзите!

* * *

Тише вы, свинцовыя буквы, ложитесь,
То царю свинцовый гробъ отливается,
Тише въ ряды непобѣдимые стройтесь,
То царю смертная казнь объявляется.
Гниль, плѣсень и смерть; міазмы разносятся.
Борцы и герои въ тюрьмахъ хоронятся...
Какъ ворамъ, злодѣямъ намъ нужно таиться,
Чтобы за несчастную Русь заступиться.
За правду пытка вдали улыбается,
Петля палача вкругъ шеи свивается.
Но чуетъ сердце, властямъ непокорное,
Что скоро солнце взойдетъ лучезарное.
Не даромъ кровь въ насъ кипитъ и волнуется,
То родины сила въ насъ отзывается.
Товарищи! Ножъ, револьверы держите,
При первомъ натискѣ, вмигъ лампы тушите!
Во враговъ безпощадныхъ смѣло палите,
Мощь ослабнетъ, — ножь себѣ въ сердце вонзите!

❸ ❸ ❸

ОНА УМИРАЛА; осыпались цвѣты;
Гасъ лучъ вечерній, часъ наступалъ тишины;
Но какой жизнью яркой блистали мечты,
Какой вѣрой въ людей слова были полны!

НА ВОЛГѢ слухъ всюду таинственный бродитъ,
Что Разинъ въ пещерѣ заколдованный спитъ;
Видѣній вѣщихъ полнъ его сонъ вѣковой;
Но чары не вѣчны: встаетъ Разинъ порой,
Идетъ тихо, невѣдомой людямъ, тропой,
Не колыхнетъ былинка подъ сильной ногой;
Заблудшему путнику, средь ночи глухой,
Онъ, шопотомъ, задаетъ вопросъ роковой:
„Какія свѣчи передъ иконой горятъ?
Какъ царь правитъ и что лиходѣи творятъ?“
Если по прежнему, онъ съ склоненной главой,
Возвращается, и снова сонъ гробовой.
Грянетъ часъ, встрѣчный скажетъ: „Вопросы пусты,
„Аль не знаешь, что топимъ бараньи хвосты,
„Дѣлаемъ свѣчи, ими иконы коптимъ,
„Хлѣба нѣтъ, скоро ризы съ иконъ продадимъ,
„Царь, лиходѣи брезгаютъ людомъ нагимъ“.
И воспрянетъ Разинъ весь косматый, сѣдой,
Съ бородою до пояса, взоръ огневой,
Голосомъ, какъ шумъ бури надъ Волгой родной,
Гаркнетъ страшный свой кличъ, удалой, боевой,
Цѣпь въ куски разобьетъ, вырветъ столбъ межевой,
И подъ знаменемъ краснымъ, мщеньемъ горя
Властный, грозный, подыметъ народъ на царя...

Степанъ Разинъ

НА ВОЛГѢ заря разгорается.
Искритъ волна, и свѣтла и шумна,
На бѣлыхъ пескахъ разливается.
Осушилъ Степанъ чару полную,
Взговорилъ Степанъ тихимъ голосомъ:
„Ой любовь моя, ты княгинюшка!
Склонялъ на грудь твою я головушку,
Разудалую, непокорную,
На плаху царемъ обреченную.
Околдовала меня рѣчью сладостной,

Пѣснью нѣжною, заунывною,
Взоромъ страстью затуманеннымъ,
Крѣпче колецъ змѣи, твои рученьки
Обвивали меня, въ жарки ноченьки.
Истаялъ сердцемъ, пѣту моченьки.
Въ ночь весеннюю, въ ночь душистую,
Разливалась кругомъ трель соловьиная,
И цвѣточки намъ точно кланялись,
Кланялись они, улыбалися.
Лѣсъ листвою шумѣлъ, весь насупившись,
Надъ долей нашей призадумавшись,
И рѣчная волна насъ баюкала,
Точно пѣсенка материнская.
Заглушилъ лепетъ пылкій твой
Цѣпей тяжкій звонъ, Руси вѣчный стонъ.
Задремала въ душѣ мощь мужицкая,
Сна незнавшая, къ горю чуткая,
Не будятъ меня свистъ крамольничій,
Свѣтъ пожарища и набата гулъ.
Заржавѣлъ топоръ яркій, остренькій,
Запустѣли столбы съ перекладинкой,
Клекчетъ коршунъ степной, ненасытненькій.
Ослабѣла рука, цѣпи рушившая,
Противъ бури весломъ правившая,
Кличъ мой вдоль рѣки не разносится,
Въ небѣ громомъ не раскатывается,
Въ поднебесьи орелъ не пугается.
Лиходѣи сномъ моимъ всласть воспользовались,
Позазнались они, заупрямились.
Ихъ тишайшій царь, втихомолочку,
Кровь крестьянскую сосетъ сладенько,
По монаршему, по старинному,
По обычаю освященному.
Не страшатъ кары, царя гадины,
Пытки лютыя и анафемы,
Томитъ душу судъ разбойничій,
Разбойничій, свѣтлый, праведный.
Сердце мретъ въ груди, какъ подумаю,
Что я жизнь забылъ своевольную,
Распрекрасную, бунтовщицкую “.

Отъ рѣчи той у княгинюшки
Бьется сердце, словно пташечка,
Словно пташечка въ тѣсной клѣточкѣ.
Щеки блѣдныя, очи мутныя,
Ручёнки немощно опущены.
Блещутъ глаза у разбойника,
На дѣвицу глядитъ, улыбается,
Слеза крупная, необычная,
Порой дрожитъ, дрожитъ, катится...

У Могилы Герцена

На мягкомъ склонѣ, покрытой лѣсомъ, горы,
Гдѣ птички поютъ и такъ душисты цвѣты,
Памятникъ высится между мраморныхъ плитъ;
Темный, бронзовый бюстъ солнца лучъ золотитъ,
И играетъ на немъ и металлъ онъ живитъ.
Великій, мощный борецъ стоитъ, какъ живой;
Взоръ, проникающій въ душу, ясный, прямой;
Лице величьемъ, думой полно роковой,
И скрещены руки на широкой груди,
Вздыхавшей тяжко, много, при жизни, въ тиши.
Горизонты съ могильныхъ плитъ необъятны;
Причудливы скалы, волнисты равнины.
Средь кактусовъ, пальмъ, рощь, апельсинныхъ садовъ,
Разбросаны палацы всѣхъ стилей, цвѣтовъ.
Обвиваютъ розы и плющь колоннады;
Вѣтерокъ зимній, полонъ нѣги, прохлады.
Взоръ отдыхаетъ, пестротой утомленный,
На дымчатыхъ рощахъ оливъ монотонныхъ.
Луга, горы въ лѣсахъ, скалъ дикихъ обрывы
Ослѣпительнымъ солнцемъ всѣ залитые,
Вѣнчаютъ, снѣгомъ вѣчнымъ закутанныя
Альпы, суровыя, грозно холодныя;
При закатѣ льды сіяютъ лазурные...
Моря сапфирнаго, волны, прозрачныя,
Омываютъ берега поэтичные.

II

Ты въ туманной, далекой, свободной странѣ
Создалъ слово для нѣмыхъ, ходящихъ во тьмѣ,
И правдивая рѣчь облетала всю Русь;
Власти злой и тупой не давалъ ты уснуть;
Угнетателей родины бѣдной своей
Гналъ сарказма бичами изъ огненныхъ змѣй;
Спину смирныхъ рабовъ отъ плетей защищалъ,
Съ гнѣвомъ, оковы съ духа и съ тѣла срывалъ.
Русь, растущую, на бой упорный ты звалъ;
На Русь юную съ вѣрой горячей взиралъ;
„Колоколъ“ твой былъ для всей Руси вѣчевой,
Вольный летучій листокъ, безсмертный журналъ,
Гадкихъ, смертныхъ бичуя, громя сохранялъ,
Ихъ безумье, ошибки послужатъ намъ въ прокъ,
Ихъ тяжкій позоръ — живой и страшный урокъ.
Ненавистны тебѣ были тронъ и алтарь,
Ты видѣлъ въ царѣ злую, ненужную тварь.
Всю жизнь казнилъ, подрывалъ, живущій враждой,
Кровь рабочихъ сосущій, общественный строй;
Не ожесточилось сердце долгой борьбой,
Когда свѣтлыя думы мелькали порой,
Было чарами дивными слово полно
И душу таинственно ласкало оно,
Какъ вѣтеръ весенній межъ заросшихъ руинъ,
Лавра шелестъ грустный средь забытыхъ могилъ.

III

Родись, съ могучимъ талантомъ, сердцемъ своимъ,
Въ странѣ, гдѣ ты, печалью изгнанья томимъ,
Свободнымъ словомъ Родинѣ вѣрно служилъ,
Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ твой прахъ бы лежалъ,
Юбилеи твои весь народъ бы справлялъ,
Всѣмъ изданьямъ твоимъ счетъ потерянъ бы былъ,
Ребенокъ бы зналъ, гдѣ ты на вѣки затихъ.
Родись, гдѣ умеръ, гдѣ чуя близость грозы,
Пророчилъ невзгоды соціальной войны,
И прахъ твой, при громѣ пушекъ, крикахъ толпы,
Подъ сѣнью вѣющихъ тихо красныхъ знаменъ,

Въ пантеонъ, все торжественно, былъ бы внесенъ,
Но ты забытъ: ты въ Россіи рабской рожденъ!
Увы! Не покрытъ пьедесталъ именами,
Очарованныхъ огневыми рѣчами.
Стою, полный восторга, твой почитатель,
Передъ могилой твоей, правды хранитель,
Защитникъ Россіи, великій писатель!
Правительствомъ дикимъ гражданства лишенный,
Чье слово до нашихъ дней — плодъ запрещенный,
Трепетно, тайно подъ полой провозимый.
Еще чище горитъ души твоей пламя,
Въ наше идеаловъ лишенное время,
Выше возносятся всѣ духа стремленья
Средь постыднаго для всѣхъ русскихъ забвенья.

Дворецъ и Тюрьма

ДВОРЕЦЪ громадный, на берегу холодной рѣки,
Въ душѣ чуткой пробуждаетъ чувства злобы, тоски.
Противъ него встаютъ изъ воды, какъ призраки тьмы,
Заросшія плѣсенью, черныя стѣны тюрьмы.
Надъ тюрьмой блеститъ ярко собора крестъ золотой —
Символъ страданья, прощенья, любви братской, святой.
Проклятой тюрьмы не извѣданы всѣ глубины;
Сгибли тайны, и преступленій слѣды сметены.
Жертвамъ стопъ запрещенъ, — нельзя нарушать тишины,
Однѣ слезы пусть льются подъ дальній ропотъ волны...
Могильную тишь прерываютъ часы лишь одни,
Напѣвая: „Коль славенъ“ и „Царя, Боже храни“.
Въ норахъ томились, погруженные въ вѣщіе сны,
Свѣточи правды, гордость и слава нашей страны...
Сколько тутъ праведныхъ въ расцвѣтѣ жизни угасло,
Сколько дивныхъ, легендарныхъ героевъ посгибло!
Тутъ слезы лились свѣтлѣй, брилліантовъ короны,
Цѣнней самоцвѣтныхъ камней чудесной иконы.
Жалки казались монастырей нашихъ святые,
Передъ которыми склоняются люди простые,

Зажигая лампады — мольбы къ небу живыя...
Въ казаметахъ титаны свои, силы сознали,
Въ слезахъ жгучихъ, святыхъ, они крещенье приняли.
. . . . . .

Порою въ окнахъ дворца, на тюрьму обращенныхъ,
Блещутъ огни, въ зеркалахъ отражаясь огромныхъ.
Средь пышныхъ пальмъ, въ саду зимнемъ, фонтанъ нѣжно звенитъ.
Блестятъ золото, бронза, мраморъ, порфиръ, малахитъ,
Лучи электрическихъ солнцъ обдаютъ съ высоты
Растеній тропическихъ кущи, гирлянды, цвѣты.
Музыкой торжественной залы и хоры полны.
Зимой на дѣвушкахъ розы, точно праздникъ весны.
. . . . . .

Во дворцѣ, пресмыкаясь, ядъ пускаютъ ехидны,
Въ немъ вѣчно созрѣваютъ планы противъ отчизны,
Въ немъ снуютъ въ лентахъ лакеи, шуты, интриганы
Всѣмъ тамъ любы тюрьмы, казни, облавы, охраны;
Изъ его нѣдръ вырывался крикъ свирѣпый: „Пори!“
Во дворцѣ сказочно-быстро съума сходятъ цари.
Въ немъ гады, подлые воры съ прорвой, вмѣсто души,
Торгуютъ царями, ими заправляютъ втиши.
Не даромъ лучшихъ людей въ казематъ заточали:
Они бандамъ безумнымъ губить, грабить мѣшали,
Послѣ оргій кровавыхъ, пьяный сонъ нарушали.
Они стыдъ въ растлѣнной, жалкой странѣ, они совѣсть пробуждали
Забитыхъ, смирныхъ рабовъ изъ грязи подымали.
. . . . . .

Нѣтъ, не потухли вы, молніи, карающія!
Вы поразите дворцы, Русь подавляющіе.
Сгинетъ въ огнѣ и въ крови царей нашихъ фамилья,
И съ нею рухнетъ на вѣкъ временъ нашихъ Бастилья.

1 Марта 1881 Г.

БОМБА, въ лохмотья тирановъ-царей' разрывающая,
Ты огонь Прометея въ себѣ таишь, всемогущая!
Ты проснувшихся народовъ — орудіе чудесное;
Ты — молнія небесъ, ты правосудье божественное!
Ты — пылающій мечъ, вѣковую неправду казнящій,
И послѣднее слово науки, свѣтъ міру дающей.
Громы Синая ты заглушила, скрижали разбила
Христіанскому уничиженію грань положила.
Въ борьбѣ съ кровопійцами баррикады ты замѣнила,
Въ могучую руку бойца арміи силу вложила.
Мощь, въ тебѣ затаенная, не даромъ скалы разбила,
И твердыни горъ, величавыхъ, исполинскихъ, прорыла.
О, титаны! каторги, муки, и смерть воспріявшіе,
За свободу Россіи всю кровь, по каплѣ, отдавшіе,
Ваши образы средь кастратовъ слюнявыхъ, трясущихся,
Жадныхъ, презрѣнныхъ рабовъ, предъ царемъ [пресмыкающихся,
Сердце и умъ поражая, до звѣздъ ясныхъ возносятся!
Царей попирая, стоите вы, гордые, грозные,
На развалинахъ вѣка, пламенемъ бомбъ освѣщенные.

Крамольникамъ

БЕЗУПРЕЧНУЮ жизнь отчизнѣ, вы, въ даръ приносили
Порывы, грезы и слезы ей одной посвятили.
Въ наши черные дни, вы о ней одной лишь мечтали,
Тюрьмы фонари вамъ одни тяжкій путь освѣщали.
Смертію играя, вы свободнымъ словомъ громили.
Неприкосновенность жилища вы грозно хранили,
Къ вамъ палачи, лишь послѣ смертнаго боя, входили.
Надъ несчастнымъ и бѣднымъ ночи, безъ сна, проводили,
Горе, заботы, свой послѣдній кусокъ съ нимъ дѣлили.
Чтобы Россію спасти, вы царя въ прахъ обратили...

Судьба вашихъ злыхъ пигмеевъ-враговъ съ грязію
[слиться,
На васъ же свободная нація будетъ молиться.

* *
*

Презрѣнныя, гнусныя гады вкругъ васъ копошились,
Надъ жертвой собой они дико, нахально смѣялись,
Предъ мерзкимъ, ничтожнымъ царькомъ, трясясь,
[пресмыкались.
Въ газетныхъ статьяхъ веревкою гнилой восхищались;
Объ одномъ убійцъ, палачей ненасытныхъ молили,
Чтобы пытки, издѣвапія безконечно продлили.
Когда вы въ саванахъ нетлѣнный вѣнецъ принимали,
За свободу Россіи юную жизнь отдавали,
Черви-писаки легкіе фельетоны строчили.
Святое распятіе въ шутку, доходъ обратили.
Судьба вашихъ злыхъ пигмеевъ-враговъ — съ грязію
[слиться,
На васъ же свободная нація будетъ молиться.

* *
*

Вы нелѣпый, чудовищный призракъ съ неба свергали,
Но вы силу науки, людскую мощь признавали.
Дикую власть, золотого тельца вы позорили,
Но въ жизнь честную, всеобщее счастіе вѣрили.
Вы цѣпи рабства, гниль и ветошь гордо отринули,
И равенство, братство, рабочихъ союзъ возвѣстили.
Съ лести хамской, лжи фарисейской вы маску сорвали;
Идоловъ черныхъ и цвѣтныя лоскутья попрали,
Но передъ новой Голгоѳой легенду вы вспомнили,
Передъ подвигомъ дивнымъ головы тихо склонили.
Судьба вашихъ злыхъ пигмеевъ-враговъ съ грязію
[слиться,
На васъ же свободная нація будетъ молиться.

О чемъ звонитъ Серебряный Колоколъ преосв. Амвросія въ Харьковѣ.

ЦАРЬ кубаремъ въ Чортову лужу слетѣлъ,
Съ радости великаго бога воспѣлъ.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Семь царскихъ вагоновъ разбились въ куски,
Двадцать вѣрныхъ слугъ разнесло въ лохмотки.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явиль: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

У Шереметьева пальцы отбиты,
У Черевина носъ, уши разбиты.
Стройте часовии, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Царь, съ семейкою, въ вагонѣ молились,
Израненые въ грязи копошились.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Изъ деревень мужички прибѣжали —
Царскія вещи всѣ вмигъ расхватали.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Тайный совѣтникъ въ карманъ ложку спустилъ,
Жандармскій генералъ лыжи навострилъ.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Богдановичъ*) аферу вмигъ раскусилъ,
Въ похабной брошюркѣ входъ чудо пустилъ.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Дивную, божію милость познаемъ.
Динамитъ-ли то? Иль случай? — Не знаемъ.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спасъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Къ способному же динамитъ забывать,
Колоколъ Амвросія будетъ взывать.
Стройте часовни, молебны служите!
Хамскія слезы восторженно лейте!
Богъ чудо явилъ: спассъ Россію и тронъ.
Донн... донн... донн... донн... донн...

Прибавленіе

къ „О чемъ звонитъ колоколъ“

Только одно свирѣпо разнузданное, идіотски невѣжественное самодержавіе могло, въ періодъ полнаго, смраднаго разложенья создать подобнаго мерзавца. Чуя, что часъ возмездія за всѣ его мерзости не наступилъ, Богдановичъ, съ вызывающимъ, издѣвническимъ

цинизмомъ, прогуливалъ по всей Россіи свою плюхопросящую, генеральскую физіономію. Въ другой странѣ его утопили бы въ плевкахъ, забили бы въ гробъ пощечинами, у насъ же, обвѣшанному цацками Расплюеву, позволяли произносить публичныя рѣчи, выбирали въ почетные граждане.

Набивая, туго на туго, свой бездонный карманъ, онъ сплился царско-іерейской, жандармо-полицейской блевотиной растлить злосчастную, неграмотную Россію. Онъ распространялъ сотни тысячъ брошюрокъ между войсками, рабочими и крестьянами. Онъ засовывалъ обѣ лапы въ казенный сундукъ, не давая никому отчета. Корыстный врагъ надвигающейся революціи, онъ, несознательно, служилъ ей съ усердіемъ все превозмогающимъ: брошюрки, своею неслыханною до нашихъ дней бездарностью, пошлостью, дѣланнымъ пафосомъ, возбуждали всюду только одно омерзенье къ наглой азіатчинѣ; изъ каждой строки, черезъ чуръ назойливо, выглядывали серебрянники тайной полиціи.

Рабочіе всюду говорили, что онъ имъ доставляетъ недостающую даровую подтирку. Богдановичъ отлично зналъ, что православіемъ, самодержавіемъ подтираются, но его карманъ полнѣлъ не по днямъ, а по часамъ, и съ него заглаза было довольно!..

Но онъ, увы, не ограничился охранной литературой; въ 904 и 905 годахъ, чуя надвигающуюся революцію, онъ разъѣзжалъ, съ достойной его компаніей, по всей Россіи, и всюду, съ помощью губернаторовъ, полицмейстеровъ, приставовъ, провокаторовъ, жандармовъ, нанималъ убійцъ, воровъ, пропойцевъ, съ цѣлью устроить по всей Россіи контръ-революцію, другими словами — поголовную рѣзню. Изъ преступной, холопской сволочи формировались черныя сотни — „союзъ русскаго народа“. Это благодаря ему, Трепову, Игнатьеву, Побѣдоносцеву, Муравьеву и прочимъ членамъ звѣздной палаты, разбивались еврейскимъ младенцамъ головы о стѣны, благодаря имъ, старикамъ евреямъ вбивались гвозди въ глаза и черепа, а беременнымъ еврейскимъ женщинамъ начинялись пухомъ животы. Это они наускали пьяныхъ каторжниковъ сжечь десятки интелли-

гентныхъ людей въ Твери. Это изъ ихъ азіатскихъ глотокъ вырывался всюду осатанѣлый, звѣриный ревъ: „Бей студентовъ, рѣжь земцевъ, терзай жидовъ!“ За покушеніе на полицейскаго, за кражу десяти рублей вѣшали въ 24 часа, но эти гіены были всѣ помилованы — гіеной вымазанной въ Успенскомъ Соборѣ.

Идіоты, нанимая за дешево позорныхъ гадовъ, толкая ихъ на щедро вознаграждаемыя убійства, думали бойнями, казнями, тюрьмами, ссылками остановить, на полномъ ходу, возрождающуюся стопятидесяти милліонную страну... Глухіе, слѣпорожденные, они ничему не научились. Стоитъ только мысленно провести параллель между началомъ царствованья Николая I, концомъ царствованья Николая II, чтобы понять до ужаса ясно всю тщету истязательствъ, инквизиціоннаго преслѣдованья. Кажется не церемонились убивать, не стѣснялись по части заточеній, ссылокъ, не останавливались даже передъ пыткой и въ результатѣ: революціонное движеніе, казавшееся столь грознымъ, увѣнчавшееся Первымъ Мартомъ 1881 года, кажется намъ чуть не легенькимъ броженьемъ, передъ послѣднимъ колоссальнымъ возстаньемъ цѣлой націи, и не нужно забывать, что это былъ прологъ...

Отвратительная губка, нажимаемая кровавыми лапами соединеннаго дворянства, день и ночь всасываетъ и выбрасываетъ лучшую кровь Россіи... но она скоро сгніетъ отъ крови, развалится.

Когда пробьетъ страшный часъ, и свершится безпощадный судъ надъ безпощадными чудищами, намъ нужно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ стекать всѣ полныя заразы, нечистоты Петербурга, воздвигнуть колоссальные, черные столбы, и на нихъ кровавыми буквами запечатлѣть, на всеобщее проклятіе, омерзенье, имена всѣхъ царишекъ и ихъ заплечныхъ мастеровъ.

Сотни лѣтъ насъ истязали по тюрьмамъ, крѣпостямъ, въ сылкахъ; шпіонили нашу душу, давили прессу, душили слово, совѣсть, растлѣвали народъ, и все это только для того, чтобы тамъ, наверху, распроклятая куча могла всласть, безнаказанно убивать, грабить, самоуправствовать надъ злосчастною страною.

Мы люто гнали всѣхъ честныхъ, прекрасныхъ, умныхъ людей, и, въ награду, самодержавный строй разваливается отъ повальныхъ грабежей, убійствъ, самоуправства, беззаконій, повальной тупости, политическаго невѣжества.

Убивали, убивали душу, уничтожали личность, и зацарила всюду среди правящихъ одна подлая шкура, съ ея бестьяльскими аппетитами, ненасытными грабежами. О Немезида, богиня дивная, божественно безпощадная!!

УГНЕТЕННЫХЪ и бѣдныхъ защитникъ,
Возстаній народныхъ предвѣстникъ,
Каратель властей, лютыхъ, бездушныхъ,
Рабовъ смирныхъ, трусливыхъ, презрѣнныхъ!
Разъ твое слово сердцемъ согрѣто
Для тебя убѣжденіе свято,
Разъ мощью великой владѣешь
На все одинокій дерзаешь
Ты на жизнь свою бѣды скликаешь.

Въ низкихъ душахъ не встрѣтишь участья,
Вокругъ тебя гремѣть будутъ проклятья,
Тебя ждутъ козни, травли, изгнанье,
Втиши тебѣ готовятъ отмщенье...
Грызть тебя съ пѣной будутъ ищейки,
Поносить нанятые писаки.
Не простятъ тебѣ воры, злодѣи,
Что положилъ на лбы ихъ ты клейма.
Но будь бодръ, встрѣчай смѣло невзгоду,
Забудь гоненья, злобу, обиду,
Взгляни на свой крестъ, какъ на награду,
Забудь все, помни вѣчную правду.

Возбуждаютъ въ васъ искушеніе
Капиталы — Ротшильда Альфонса,
Но позабыли вы искупленье —
„Капиталъ" — сочиненіе Маркса...
Евреевъ бога вамъ давшихъ, вы гнали...
Вы по міру — легенду пустили,
На нихъ казнь, утописта свалили..
Утопистовъ и вы не щадили,
Вы ихъ вѣчно, терзали, казнили,
Какъ свиньи-жемчугъ, мысль ихъ топтали,
И вы общество, спугой вашъ спасали...
. . . . . .
. . . . . .

МОИ предки, безумно богатые, знатные
Себялюбцы изящные, тонкіе, умные,
Поэзіей сладкой восторгались, безпечные,
Любовной нѣгой упивались изнѣженные,
Нѣгой чудной, какъ пѣсни въ садахъ соловьиныя.
Не прерывались пиры, балы фантастичные,
Для нихъ трудились въ тиши рабы ихъ безгласные.
. . . . . .

Я явлю силы предкамъ моимъ неизвѣстныя,
Ихъ пиры и балы замѣню я лишеньями,
Ихъ сладкую музу — словами карающими.
Я искуплю рабовъ слезы невыплаканныя,
Всѣхъ предковъ грѣхи вѣковые, несознанные.
Я до гроба стоять за васъ буду несчастные,
Я пытку и смерть за васъ приму, безсловесные.

ПѢСНЯ народная, пѣснь грезами полная,
Какъ вой вѣтра, листьевъ паденіе грустная,
Надъ родиной бѣдной, злосчастною носится.
Греза и грусть, порой въ стихахъ моихъ слышутся.

Плачъ голодныхъ, въ лачугѣ убогой и темной,
Крики, рвущіе душу, подъ плетью позорной,
Стонъ, подавленный въ тюрьмахъ, въ Сибири холодной.
Обливаютъ ядомъ, желчью стихъ мой крамольный.

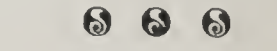
ДАВНО бы спустился на дно, —
Боюсь, огнемъ сердце полно,
А тамъ холодно, холодно.
Жадныя рыщутъ акулы,
Сильны, проворны ихъ скулы,
Пасти глядятъ непривѣтно,
Темно внутри пастей, темно.
Жизнь муки полна и скорбей;
Слезы, морской влаги солѣй,
Лью часто, при думѣ о злѣ,
Вѣяномъ, безсмысленномъ, подломъ,
Царящемъ на нашей землѣ.
Мысль одна умъ, сердце живитъ:
Что всюду рабочій не спитъ,
Онъ цѣпь вѣковую пилитъ,
Скоро... ее въ мечъ обратитъ.

СКАЛА, средь равнины, пустынная,
Могучая и беззащитная,
Травою колючей заросшая,
Потокомъ сердитымъ изрытая!
Грудь твою, разятъ обнаженную,
Всѣ молніи, въ бурю ужасную...
Хранишь отъ бурь, грозъ, ты, высокая,
На видъ столь суровая, дикая,
Селенья цвѣтущія, мирныя,
Цвѣты и растенія нѣжныя.

ВЗГЛЯНИТЕ на общество, съ виду блистательное,
На лжи, насиліи, неправдѣ построенное,
Язву пролетарія въ себѣ затаившее,
Бѣшено на спинахъ рабочихъ танцующее,
То — смертное ложе, цвѣтами осыпанное.

ШЕЛЪ мужичекъ изъ избушечки,
Напѣвалъ сѣренькій прибауточки:

„Я для батюшки-царя
Сфабрикую бомбочку, не зря,
И матушки-царицы,
И ея цацочки-сынишки
Не минуютъ тѣ-жъ гостинцы.
А для остальной семейки
На большущемъ эшафотѣ
Припасемъ скамейки“



ОКЕАНА гнѣвнаго волны могучія,
Какъ мнѣ отрадны грозный вашъ гулъ и движеніе, —
Вспоминаю невольно народовъ волненіе.
Къ простору стремясь, вы подрываете скалы,
Какъ народъ — ненавистные троны и храмы.

* * *

Океанъ, тишь твоя въ душѣ будитъ томленіе.
На кораблѣ уже чуютъ грозы приближеніе;
Безднъ страшныхъ покой гибель сулитъ, разрушенье.
Бойся, тиранъ, когда вся страна, вдругъ, затихнетъ:
Она месть, гнѣвъ въ груди копитъ, ножъ втиши точитъ.

* * *

О, МОРЯ спокойнаго, волна мелодичная,
У ногъ замираешь, лазурью блистающая,
Даль играетъ цвѣтами волшебно зеркальная,
Но меня не обманешь, ты, бездна, коварная,
Въ глубинѣ холодная, ко всѣмъ безпощадная,
Тьмы людей въ нѣдрахъ страшныхъ своихъ схоранившая.
Ты гнѣвомъ взволнуйся, ласка — маска лишь лживая...
Въ глубинѣ синей я вижу трупы распухшіе,
Сжаты судоргой руки, къ спасенью взывавшія,
Пожираютъ трупы жадныя гады, нѣмыя;
Кроютъ ихъ кости песками приливы морскіе.
Въ музыкѣ волнъ стонъ, вопли погибшихъ мнѣ слышутся.
Въ брызгахъ соленыхъ слезы отчаянія видятся.

ЗАКАЛЕННЫЙ упорной и роковою борьбой,
Онъ на мигъ не сдавался, не слабѣлъ вольной душой,
Весь измученный долгой, ужасной, русской тюрьмой,
Онъ пріѣхалъ въ край южный, полный думъ, грустный,
[больной.
Любовался въ лунныя ночи лазурной волной,
Слушалъ шумъ гармоничный, какъ музыкальный
[аккордъ,
Море стало гробомъ огромнымъ... Исчезъ онъ святой.
Эту тайну мнѣ повѣдало гнѣвное море,
Когда я скорбѣлъ, вспоминая родины горе.

БАШНЯ изъ кружевъ желѣзныхъ, дворцы фантастичные,
Фонтаны цвѣтные, галлереи невиданныя,
Свѣтъ электрическій, пиры, рѣчи неслыханныя,
Не цари во дворцахъ, но искусства плѣнительныя.
Французы! Вы сильны, богаты; вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмъ недовольны.

Со всего міра весело народы стекаются,
Интернаціональные союзы свершаются,
Лучезарные, крамольные дни вспоминаются;
Душегубцы, кровопійцы цари проклинаются.
Французы! Вы сильны, богаты, вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмъ недовольны.

О страны, въ монархической тьмѣ изнывающія!
Вамъ примѣры даются, жизнь, славу дарующіе —
Въ Іюльскіе дни Бастилія въ прахъ обращается,
Въ Январскіе — королю голова отсѣкается.
Французы! Вы сильны, богаты, вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмъ недовольны.

О, нація, въ превратныхъ идеяхъ воспитанная!
Не знаешь ты, что слезами, кровью пропитанная,
Изъ оконъ царскихъ Бастилія страшная видится,
Что муки стонъ во дворецъ никогда не доносится.
Французы! Вы сильны, богаты, вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмъ недовольны.

Иль не знаешь, страна, свободной жизнью согрѣтая,
Что молодежъ всей Россіи, всѣмъ міромъ воспѣтая,
За свободу въ черныхъ ямахъ, вертепахъ терзается,
Что надъ всей Россіей одинъ палачъ возвышается!
Французы! вы сильны, богаты, вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмь недовольны.

На монетѣ французской, золотой и серебрянной,
Свободная женщина въ позѣ гордой, увѣренной;
На царской, королевской — золотой и серебряной,
Всѣ короли и цари съ головою отрѣзанной.*)
Французы! Вы сильны, богаты, вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмъ недовольны.

То бунтъ противъ царей всею страной превозносится,
Ножъ, имъ рѣжущій глотки, до небесъ прославляется.
Дѣлежъ царскихъ, поповскихъ имуществъ вспоминается,
Ненасытная, народная месть восхваляется.
Французы! Вы сильны, богаты, вы горды и вольны!
Выставкой и вами Александръ, Вильгельмъ недовольны.

*) Видимо народное инстинктивное предчувствіе.

МАТЬ, молю предъ вѣчной разлукой,
Крамольную дочь не вини,
Всѣ тобой пережитыя муки прости.
Ужасовъ кроваваго гнета не могла я снести,
Темнѣй гроба жизнь безъ великой борьбы.
Ночью буря ревѣла, дождикъ хлесталъ.
О стѣны тюрьмы, съ плачемъ дробилась волна,
Душа была смертною мукой полна.
Часы къ ненасытному мщенью взывали,
„Кольславенъ“, „Царя боже храни“ напѣвали
Стукъ топоровъ мнѣ уснуть не давалъ,
— Эшафотъ палачъ строилъ всю ночь
Для всѣхъ, кому позорное рабство невмочь.
Изъ бездны лютаго горя народнаго,
Нескончаемаго, неизвѣданнаго,
Стоны, мольбы, неслися немолчные:
„Возстань, проснись, заступись!“

❦ ❦ ❦

НЕ ДАРОМЪ девятнадцать вѣковъ протекли
Съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ, на своемъ скорбномъ пути,
Мечтая о раѣ, міръ желая спасти,
Палъ подъ ношей крестной, полный смертной тоски.
Съ той же любовью святой и правдой въ груди,
Наши борцы, мечтая о счастьи земли,
Смѣло подняли крестъ, до конца донесли.

❦ ❦ ❦

ВЪ ЧАСЪ страшный, прощаясь на вѣки,
Я (съ рубиномъ) перстень тебѣ подарилъ...
Вспоминая пережитые дни,
Полная жажды, безумной любви,
Ты на печальный съ рубиномъ перстень взгляни.
Онъ красный, въ немъ пылаютъ огни,
То капля окаменѣвшая крови
Сердца, пылавшаго и навѣки застывшаго.

Чорный Годъ

БѢДНЫЙ народъ, въ иллюзіяхъ рабства,
Ждалъ отъ царя всѣхъ благъ, передѣла;
Послѣ долгихъ лѣтъ безстыдствъ, грабежа,
Всѣхъ издѣваній при словѣ нужда,
Цѣлыхъ двадцать губерній безъ хлѣба!
Славно править самодержца рука!

Мелѣютъ рѣки, исчезли лѣса.
Тучи насѣкомыхъ, сушь, саранча,
Недоимки, бунтъ, болѣзнь, лебеда,
Застой, мракъ, передъ иконой свѣча,
Подъ кнутами льется кровь мужика...
Славно править самодержца рука!

Для бѣднаго школы дверь заперта,
Онъ долженъ мудрость черпать у попа.
Безъ слова — мертвое море страна.
Намъ нѣчемъ дышать: свобода дана
Лишь защитникамъ однимъ кабака.
Славно править самодержца рука!

ЗЛОЕХИДНЫЙ умъ конспиратора,
Увы! не пойметъ императора,
Чтобы дать людямъ честнымъ простора,
Онъ имъ въ Сибири отводитъ мѣста.
— Жизнь вянетъ быстро, гдѣ много тепла
И очень долга, гдѣ холодъ и тьма —
Сберечь отъ крамолы трудно безъ льда.
Благая царская мудрость видна!

Давя люто, насъ учитъ цензура
Любитъ полицію, бога, царя,
Розги, безгласность, тюрьму, палача,
Жизнь съ ними краше весенняго дня.
Міръ обгоняемъ безъ бунта, шутя.
Нѣтъ сна, гдѣ пресса свободна, грозна,
Какъ гнѣвнаго океана волна.
Благая царская мудрость видна!

Для мысли трезвой нужна намъ тюрьма,
Въ тиши одной зрѣетъ умъ мудреца...
Въ тьмѣ юная мысль отвагой полна,
Всѣ идеалы отвергнетъ сплеча...
Самоуправство смягчаетъ сердца...
Всю молодежь спасти — мысль велика,
Предъ самой пыткой не дрогнетъ рука.
Благая царская мудрость видна!

ВЪ ПУНЦОВОМЪ плащѣ на горючемъ пескѣ,
Сраженный борецъ лежалъ, въ смертной тоскѣ.
Вдали снѣжныя вершины блестѣли,
Въ ущельяхъ дикихъ туманы чернѣли.

* * *

Океана безпредѣльнаго волны,
Блескомъ и синевой темною полны,
Тихо на желтомъ пескѣ замирали,
Брызги на солнце, какъ слезы, сверкали.

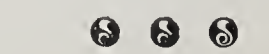
* * *

Передъ борцомъ проносятся скорбные дни:
Деспотъ нагрянулъ изъ далекой земли,
Свободную почву хотѣлъ осквернить,
И республику въ самомъ корнѣ убить.

* * *

Снится Хуаресъ, душа оживаетъ,
Въ груди израненной сердце пылаетъ,
И въ мигъ, когда онъ побѣдою бредитъ,
Строй солдатъ въ грудь императора цѣлитъ.

О, ЛЕГКАЯ ТУЧКА, розовымъ лучемъ озаренная,
Въ пространствѣ далекомъ порывистымъ вѣтромъ [гонимая
Не росы вечернія, ты жаркія слезы впитала,
Но отъ неба холоднаго ты тайны горькія скрыла...
Нѣтъ тамъ зла и добра, нѣтъ борьбы, наслажденія, [страданья,
Громы войны, стонъ — тамъ лишь эѳира одни колебанья.
Надъ горами, льдами блистающими, ты проносилась,
Надъ садами, лѣсами, и каплей своихъ не сронила;
Надъ прибрежіемъ пустыннымъ, спаленнымъ ты [опустилась,
Сѣрые, чахлые листья людской слезой напоила.



СРЕДЬ цвѣтущихъ долинъ, апельсинныхъ лѣсовъ,
Залитыхъ солнцемъ южнымъ, волнистыхъ холмовъ,
У моря, ласкающаго желтый песокъ,
Встаетъ Этна, какъ страшный, карающій рокъ:
Дымъ стелется саваномъ надъ грознымъ жерломъ,
Черная лава, пепелъ подъ снѣжнымъ ковромъ...
Гдѣ земля вся дрожала, средь тьмы и громовъ,
Лава заливала поля, крыши домовъ —
Большой городъ храмами блещетъ, дворцами
На склонахъ деревни плѣняютъ садами...
Бездны вулкана скользки, дики, глубоки.
Въ грозы, руша скалы, бушуютъ потоки.
Порою, въ день полный красой свѣтозарной,
Молніи сверкаютъ въ дыму надъ вершиной,
Среди тишины раздаются удары,
Изъ безднъ черныхъ рвутся вихри и вѣтры,
Этна, грозно, разитъ, но она и живитъ,
Бури, ливни, надъ вулканомъ проносятся.
Лава отъ зноя, дождей разрушается,
Пышная почва для жатвъ нарождается.
Прахъ, золу кроетъ лоза виноградная,
Кроетъ могилы растительность чудная...

Катаклизмы ликъ обновляютъ природы,
Революціи возрождаютъ народы.
Покоя нѣтъ въ людяхъ, ни въ землѣ, ни въ водахъ,
Нѣтъ и вверху, на солнцѣ, планетахъ, звѣздахъ.

Продолженіе
Стихотворенія Лермонтова

„ Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима“

. . . . . .

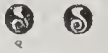
Къ тебѣ обратиться. Ты старецъ, мощью великой
[владѣешь.
Думалъ долго старикъ, на исхудалыя руки склонившись
И полный таинственныхъ думъ, онъ тихо пошель за
[родными;
Часто очи вздымалъ, моля небо дать ему, слабому, силъ.
Смущали тайны вѣчно живыя: колыбели, могилы.
Во дворъ темный вошли, травой, дикими цвѣтами
[заросшій;
Фонтанъ, тихо, журчалъ; въ бронзовыхъ лампахъ
[горѣли свѣтильни;
Курился фиміамъ, наполняя домъ мглой благовонною.
Покоилась дѣва, какъ богиня изъ мрамора дивнаго;
По бѣлымъ плечамъ золотыя кудри разсыпались пышно;
Гробъ и покровъ бѣлоснѣжный были осыпаны розами;
На въ веснѣ жизни увядшей свѣжія розы, весеннія...
Рѣсницы дрожатъ отъ мерцанія огней, словно уснула,
Точно навѣваютъ грезы ангелы бѣлыми крыльями,
И шепчатъ молитвы во снѣ сладкомъ уста поблѣднѣвшія...

. . . . . .

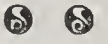
§ § §

НА ЮГѢ любилъ я садъ старый, пустынный,
Въ немъ сочетались, полны прелести странной,
Югъ сверкающій и сѣверъ задумчивый;
Нѣгой вѣялъ его просторъ молчаливый,
Липа осѣняла листвой своей нѣжной

Иглы кактусовъ, вѣтви пальмы восточной,
Въ мшистыхъ сѣрыхъ аркахъ древнихъ римскихъ руинъ,
Перепутывались макъ, ѳіалки, жасминъ.
Въ гротѣ сочилась, капля по каплѣ, вода,
Такъ, порою, по родинѣ каплетъ слеза...
Часто въ жизни нашей бродячей и грустной,
Въ душѣ и пустынной и снами такъ полной,
Рядомъ зрѣютъ: порывъ ѳантазіи знойной,
И анализъ, какъ смерть сухой и холодный,
И въ протестѣ громящемъ, съ силою грозной,
Ключъ жаркій клокочетъ любви безпредѣльной.



МИНДАЛЬНОЕ дерево сронило цвѣтокъ,
Попалъ бѣдный въ несущійся въ море потокъ.
Пропала иллюзія, какъ гимнъ къ небесамъ,
Въ пустынѣ жизни, увы, ненужная намъ;
Красна она точно умирающій листъ,
Знакъ, — на ней капля крови сердца блеститъ.



О, НИЦЦА, городъ русскихъ съ больною душой!
Я не встрѣчалъ въ провинціи нашей глухой
Такой жизни, пониженной, мелкой, дрянной,
Эгоистичной. самодовольной, пустой...
Рулетка, церковь, хамство съ своей похвальбой,
Обжорство, сплетни, кокотки, пылъ половой,
Карнавалъ дикій, цвѣточный дождь дорогой,
Лакейство передъ пошлой, гнусной, царской семьей.
Низкій трепетъ передъ властью позорной, родной,
Отдѣленной трехъ границъ широкой стѣной;
Трудъ народа, бросаемый праздной рукой,
Безъ счета, думы о нищетѣ роковой,
Погруженіе полное въ грязь съ головой.
О, пальмы, розы! О, небо прекрасное!
Солнце отрадное, яркое, южное!
Море, волной лазурной играющее,
И горы на закатѣ пылающія!
Осѣните духъ красой примиряющей,
Силъ дайте всѣмъ русскимъ, душу теряющимъ,

Послѣднее Прощанье

Постучали въ тюремную келью; пришли объявить радостную вѣсть, что Алекс. II, монархъ всемилостивѣйшій утвердилъ смертный приговоръ, и по неизреченной благости, повелѣлъ растрѣляніе замѣнить висѣлицей (непріятное чрезвычайно пріятнымъ). Заключенный не удивился, спокойно произнесъ: „Я это зналъ“.

— „Супруга васъ ожидаютъ-съ“.

Они любили другъ друга. Она страстно любила его какъ прекраснаго мужчину и безпредѣльно — какъ мученика, героя. Они знали другъ друга давно, но сошлись незадолго до тюрьмы. Онъ не скрылъ ничего; она знала, что ждетъ его, и какъ до ужаса будетъ кратко ихъ счастіе. Съ какимъ наслажденіемъ она сѣла бы рядомъ съ нимъ на черную колесницу, и, рука въ руку, поднялась по позорнымъ ступенямъ въ храмъ славы... Но она не принадлежала себѣ: въ день его смертнаго приговора, ребенокъ, въ первый разъ, толкнулъ, можетъ быть, въ таинственную дверь стучалъ новый богатырь, идущій на смѣну умирающему.

Заключенный былъ любознателенъ. У него нашли планъ Зимняго дворца; на нѣкоторыхъ комнатахъ, особенно любимыхъ старымъ злодѣемъ, стояли мистическія точки, странные знаки, пророчущіе мрачное; объяснить ихъ онъ не пожелалъ, не смотря на нѣжныя увѣщанія. Его кормили соленою рыбою и не давали пить; его невыносимо утомляли допросами и не давали спать, его потихоньку доводили до бреда, сумасшествія. То было до 1-го марта, о настоящихъ пыткахъ только поговаривали, но шопотомъ, въ интимномъ дворцовомъ кругу. Среди тьмы, заволаковавшей все гуще, гуще Россію, иногда, какъ судорожный порывъ вырывались зловѣщія карканья: „Жилы бы потянуть, да вспрыснуть, живо бы все разъяснили“. Призыванія на смертный пиръ, ликованья застѣнка оставались невполнѣ услышанными; либеральное далекое прошлое сдерживало разгулявшуюся кровавую фантазію; передъ вы-

ставленными начистоту страшными орудіями застѣнка, охранители религіи и деспота задумывались. Катковъ, Толстой, Побѣдоносцевъ не были еще настоящею силою. Самодержавіе, православіе еще не сплелись, какъ пара смертоносныхъ змѣй. Желѣзныя дороги, телеграфъ, чуткіе иностранные корреспонденты стѣсняли; три дня пути отъ Парижа охлаждали азіатскую кровь, сдерживали накипавшую бѣшеную пѣну.

Mater dolorosa изображается съ сердцемъ, пронзённымъ мечами; въ католическихъ церквяхъ золотые мечи, вокругъ сердца, при свѣтѣ лампадъ, представляются блистающимъ ореоломъ. Если бы мнѣ предложили символически изобразить сердце молодой русской женщины, идущей прощаться съ приговореннымъ къ смерти мужемъ, я бы въ моей душѣ ничего не отыскалъ для сравненія. Есть страданія, для выраженія которыхъ у художниковъ не хватаетъ красокъ, у поэтовъ — словъ.

Она встрѣтила его,веселая. „Прощай, моя славная!“ — Прощай! — отвѣтила она, улыбаясь. Она быстро обняла его и поцѣловала одинъ разъ... одинъ!.. Онъ на минуту заглянулъ въ ея глаза... свѣтлые, свѣтлые... Темно синее море...

Взволнованный безумно, страшно, онъ восторженно произнесъ: „Молодецъ, женщина! Молодецъ!“

Тріумфъ

Народъ ходящій во тьмѣ
Увидѣлъ великій свѣтъ

Пророчества Исаія

Четыре человѣка и дѣвушка взошли на эшафотъ. Первый испить чашу долженъ былъ юноша: онъ бросилъ первый бомбу. Между приговоромъ и казнію прошли пять дней, ими царь милостивый широко воспользовался. Юношу пытали день и ночь вплоть до пріѣзда

черной колѣсницы. Онъ изнемогъ; воспаленные, болѣзненно раскрытые глаза, внимательно озирали все вокругъ. Съ одной стороны возлѣ него стоялъ попъ въ черномъ облаченіи, и не сознавая кощунства, держалъ крестъ; съ другой — пьяный палачъ, въ красной рубахѣ — веревку... Царь, согрѣтый увѣщаніями супруги, утвердилъ приговоръ; палачъ, отставной жандармъ, отцеубійца, воръ, отказывался приводить его въ исполненіе, онъ не рѣшался убить дѣвушку; его руки тряслись, когда съ поясненіями ему передали гнилыя двѣ веревки, нарочно припасенныя для одного изъ приговоренныхъ. Искру, начинающую разгораться въ черной душѣ палача, залили водкою. У другого палача: прокурора Муравьева, созидавшаго на этой казни, блестящую карьеру, она не вспыхнула... Ближе всѣхъ къ висѣлицѣ стояла кучка веселенькихъ корреспондентовъ на выборъ, фельетонистовъ, безпредѣльно преданныхъ, подалѣе, — иностранные корреспонденты, за ними — жандармы, шпіоны, казаки, полки блѣдныхъ солдатъ, а тамъ совсѣмъ вдали — Россія зловѣще безмолвная... Прологъ великой, исторической драмы разыгрывался...

Въ глазахъ у юноши потемнѣло; нестерпимый холодъ пробѣжалъ по спинѣ; волосы начали подыматься, ноги — подкашиваться. Онъ терялъ душевную силу по секундамъ. Совсѣмъ умирающій, онъ повернулся къ ней. Она стояла въ саванѣ, щеки ея пылали; рѣзкій, весенній вѣтеръ развѣвалъ золотистые волосы; она смотрѣла на него... Съ его лица тихо начала спадать блѣдность; потухшіе глаза просвѣтлѣли. Онъ началъ выпрямляться, почувствовалъ въ истерзанныхъ пыткою членахъ желѣзную силу. Чувство, никогда имъ невѣдомое, невыразимо чудное, безконечно сладостное охватило все его существо. Онъ тонулъ въ солнечныхъ лучахъ, отдѣлялся отъ эшафота... Онъ не замѣтилъ креста, подносимаго къ его устамъ, не слышалъ звонкаго голоса, читавшаго смертный приговоръ, — дрожащаго голоса, бормотавшаго молитву. Онъ видѣлъ передъ собою, въ невыразимомъ сіяніи, ея глаза...

Бѣлый мѣшокъ опустился, петля затянулась; пьяный палачъ взволнованно, неловко вышибъ скамейку.

Старый комендантъ Петропавловской крѣпости умеръ вскорѣ послѣ ихъ казни. Ходили темные слухи, ихъ между строкъ подтверждали газеты, что въ пять дней, между приговоромъ и казнію, онъ былъ свидѣтелемъ неслыханныхъ ужасовъ... Онъ, закаленный постояннымъ видомъ чужихъ страданій, не выдержалъ; передъ нимъ прошло что-то непривычное, ужасное, средневѣковое, не по нервамъ современному человѣку. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ; его днемъ пугали страшныя видѣнія, слышались вопли, скрежетъ, проклятія. Пока тайна не разоблачена, но она неизбѣжно выйдетъ въ наружу.

Если бы всѣ слезы, пролитыя въ нашей Бастиліи выступили вдругъ изъ нѣдръ гнилыхъ казематовъ, „то былъ бы вновь потопъ“.

Въ Петропавловской крѣпости, въ пышныхъ саркофагахъ, въ бозѣ почиваютъ проклятые палачи-цари, и рядомъ въ заросшихъ плѣсенью крѣпостныхъ дырахъ стонали и стонутъ ихъ безчисленныя жертвы. Въ одномъ изъ подваловъ долго томился офицеръ, оскорбившій публично Алек. II за изнасилованіе его сестры. Онъ скоро сошелъ съ ума; на сумасшедшаго надѣли цѣпи и оставили, какъ орудіе пытки, для остальныхъ заключенныхъ. По ночамъ онъ гремѣлъ цѣпями, хохоталъ; отъ его безумнаго хохота, звона цѣпей, застывала кровь у сидящихъ въ темнотѣ, съ боку. Это сосѣдство выдержалъ Нечаевъ, но другіе, менѣе его желѣзные, люди, долго не выдерживали, сами сходили съ ума, перерѣзывали себѣ горло. Сумасшедшіе контрасты представляла эта поразительная крѣпость. Послѣ 1 марта контрасты немного сгладились: по прежнему задыхаются, стонутъ жертвы, но рядомъ съ ними, въ пышномъ саркофагѣ, лежитъ казненный ими царь.

Можетъ быть, послѣ 1-го марта, въ Петропавловской крѣпости замолкли, наконецъ, часы, наигрывающія „Боже царя храни“. Какою кровавою проніей дышали эти звуки, какія страшныя мысли будили они въ заключенныхъ!!! Какъ это: „Царя храни“ чудно гармонировало съ царящимъ тамъ: *хорони*.

Греза

Снилось мнѣ, что лежу я на днѣ волшебнаго, глубокаго озера; сквозь синюю, свѣтлую мглу свѣтило горячее солнце, но не жгли его лучи. Вокругъ меня было прозрачно, свѣтло, прохладно.

Колоннады дворцовъ, увитыя темнымъ плющомъ, южными цвѣтами, отражались въ застывшей водѣ; бѣлыя, стройныя проникали въ глубину. Съ далекой колокольни доносился нѣжный звонъ, звалъ въ небо, но мнѣ и въ глубинѣ хорошо... Вокругъ прозрачно, свѣтло, прохладно.

Лодка плыла. У ногъ цвѣтущаго юноши, на узорномъ коврѣ, лежала блѣдная, дивная дѣвушка; ея бѣлое, воздушное платье усыпано было красными розами; въ полузакрытыхъ глазахъ сіяло блаженство, блестѣла свѣтлая слезка. Утомили ее знойныя ласки. Нѣжная ручка, въ блестящихъ браслетахъ, свѣсилась съ лодки, медленно роняла въ воду цвѣты... Плескали чуть слышно голубыя волны... Вокругъ меня прозрачно, свѣтло, прохладно.

Вдали другая лодка скользила; въ ней сидѣлъ одинокій, глубокій старикъ; серебряные волосы развѣвалъ теплый вѣтерокъ; добрымъ, свѣтлымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на закатывающееся солнце, любовался на волшебныя тѣни садовъ и дворцовъ, все въ длину вырастающія, на золотистые переливы лучей, на снѣжныя горы, пурпурныя при закатѣ; прислушивался къ тихому плеску розовыхъ волнъ, къ каплямъ, упадающимъ съ веселъ. Струилась тихо въ немъ кровь, какъ сокъ въ столѣтнемъ, развѣсистомъ лаврѣ; въ тонкой, увядшей рукѣ онъ держалъ поблекшій цвѣтокъ.... Когда солнце закатилось за снѣжныя вершины, старческая слеза оросила блѣдный, поблекшій цвѣтокъ. Онъ прощался съ солнцемъ, цвѣтами, жизнію.

На темно синемъ небѣ зажглись вѣчныя звѣзды; въ водяную глубь потянулись свѣтлыя нити. Звѣздные лучи охватили меня въ мглѣ прохладной... Кругомъ стало темно, покойно.

Юнгфрау и Солнце

(Посвящается Еленѣ Хельмовской)

Мрачный замокъ встаетъ изъ воды; гранитныя сѣрыя глыбы, во время бурь, подмываютъ разъяренныя волны; черныя тѣни ложатся на прозрачно синюю воду озера. Вьется темно зеленый плющъ по стѣнамъ, и въ трещинахъ блекнутъ лепестки нѣжныхъ, южныхъ цвѣтовъ...

Пройдутъ вѣка. Неумолимо осаждающія волны разрушатъ гигантскія глыбы; рухнутъ грозныя стѣны, и волны, съ печальнымъ напѣвомъ, схоронятъ въ глубинѣ гранитную дѣйствительность. Но ни время, ни бури, ни бѣшеныя волны не схоронятъ призрака „Шильонскаго узника".

Все въ природѣ, въ слѣпотѣ нашей, называемой мертвой, дышетъ огнемъ, жизнью, страстью. Я знаю навѣрное, что Юнгфрау, стоящая выше земного, на видъ величаво недоступная, безумно, безнадежно влюблена въ солнце... Днемъ всѣмъ свѣтитъ солнце, и Юнгфрау томится ревностью, старается ее скрыть тучами, облаками. Подъ своимъ ледянымъ, дѣвственно чистымъ, бѣлымъ покровомъ, она, на видъ, спокойна, но таетъ ея бѣдное сердце отъ солнца; въ незримыхъ глубинахъ немолчно звенятъ слезы...

Солнце закатывается; равнины, горы кругомъ закутываются синею мглою. Земля внизу не видитъ болѣе солнца, но его видитъ Юнгфрау; тихо, стыдливо она сбрасываетъ съ себя покровы и быстро разгорается всепобѣдною страстью; розовый стыдъ превращается въ страстное пламя, она вся сгораетъ, млѣетъ... Сквозь льды, снѣга, выступаетъ ея огненное сердце, — вся

пламень, жизнь. Надъ вершиной отъ ея блеска, блѣднѣетъ само небо, тухнутъ яркія звѣзды... Путникъ, застигнутый на вершинѣ, слышетъ въ безднахъ ея страшные громы отъ срывающихся лавинъ, завыванья бѣшеныхъ вихрей, то ея дикіе, страстные призывы, то вихри ея никогда неудовлетворенныхъ желаній.

Солнце закатилось, Юнгфрау страшно блѣднѣетъ, замираетъ въ сладострастной истомѣ, вѣчно неудовлетворенная, вѣчно желающая.

902 Интерлакенъ.

Бракъ по любви въ XX вѣкѣ

Картина Первая

Господинъ Спортъ *(обращаясь къ дѣвицѣ Спортъ-Санфишъ)*. Я васъ замѣчательно шибко люблю, сто километровъ въ часъ, тьфу! чортъ возми! Я хотѣлъ сказать...

Дѣвица Спортъ-Санфишъ. Ловко сказали! Мнѣ нравится. Fichons, садитесь ко мнѣ въ автомобиль, я буду править.

Летятъ черезъ мосты, надъ обрывами, подъ навѣсами дикихъ скалъ, въ тѣни лѣсовъ, средь простора зеленыхъ полей. Въ небѣ лѣтящія облака далеко отстаютъ, розовѣютъ при мысли, что земное перегоняетъ небесное. Вѣтерь злобно свиститъ, глотая дымъ побѣдоноснаго автомобиля; вихрь, сразу поднявшійся на ихъ пути, съ свойственной ему фривольностью, хотѣлъ послѣдовать, но позорно отставъ, сконфузился, нелѣпо закружился на одномъ мѣстѣ и исчезъ. Стопъ машина! Провѣряютъ минуты, секунды, терціи — 104 кил. въ часъ.

Господинъ Спортъ. Я васъ молніеностно, шибко люблю, шибче всѣхъ автомобилей въ мірѣ. Завтра я самъ буду править. Я хочу на васъ жениться!

Дѣвица Спортъ-Санфишъ *(садясь въ автомобиль, про себя)*: Je verrai aujourd'hui, s'il est, vraiment, bien pincé.

Несутся черезъ мосты, надъ обрывами, подъ навѣсами дикихъ скалъ, въ тѣни лѣсовъ, средь простора зеленыхъ полей; облака, вѣтеръ, вихрь въ томъ же неловкомъ положеніи... Мостъ... Господинъ Спортъ, полный дикаго экстаза, направляетъ не на мостъ... Безумно захватывающая, спортсменская секунда... автомобиль летитъ черезъ потокъ... Господинъ Спортъ и Дѣвица Спортъ-Санфишъ выпрыгиваютъ, въ одинъ и тотъ же мигъ, на другой сторонѣ, перекувыркиваются и становятся, чудесно, на ноги; ни тѣни поврежденія...

Дѣвица Спортъ-Санфишъ *(протягивая руку Господину Спорту)*: Фиштръ! Вотъ вамъ моя рука! Я согласна.

Разверзаются горизонты шибкаго счастья.

Константинополь

Одесса, одинъ изъ самыхъ красивыхъ, кокетливыхъ городовъ, нашей небогатой городами, Россіи. Ее необыкновенно красятъ дома, изъ желтыхъ, извѣстковыхъ плитъ, нешаблонной архитектуры. Магазины, по вкусу, блеску не уступаютъ столичнымъ. Съ бульвара открывается, во всей красѣ, темно-синее море. Въ гавани подымается цѣлый лѣсъ мачтъ, пароходовъ и судовъ всѣхъ націй. По вечерамъ, на нихъ зажигаются разноцвѣтные фонари, они поэтично мерцаютъ въ густой синевѣ неба и моря... Лунными ночами, одесская публика, въ лѣтнюю пору, наслаждается прохладнымъ вѣтеркомъ, дующимъ съ моря, любуется переливами золотыхъ лучей, страстно бесѣдуетъ о золотыхъ переливахъ въ карманахъ ловкихъ смертныхъ. Полиція въ Одессѣ (пишу въ 70 году) носитъ болѣе мирный, чѣмъ

Въ Одессѣ поклоненіе богатству, носитъ южный характеръ, конечно богатство пріятно, но не нужно экзажерировать его... Умственныя и нравственныя качества, растутъ съ ростомъ капитала... Банкирская контора, гимнастическая зала, въ которой очень односторонне, но за то колоссально, развиваются: шея и поясница, все кружится, завинчивается, свивается, раскручивается, до пугающихъ размѣровъ... Вы невольно восклицаете: „Тутъ нѣтъ костей, однѣ жилы, гутаперчъ, то гутта пучевые мальчики...

Лафатеръ увѣрялъ, что всякая способность имѣетъ свой уютный уголокъ въ мозгу, а такъ какъ по законамъ развитія, съ увеличеньемъ извѣстной способности, увеличивается, матерія питающая ее, то вернѣе всего, наступитъ время, когда банкировъ, безчисленныхъ поколѣній, будутъ узнавать, по шишкѣ на головѣ, назовутъ ее печальнымъ даромъ Немезиды... Сначала шишка приметъ форму безобидной, жировой опухоли-еле замѣтной, при густыхъ, длинныхъ волосахъ, но затѣмъ увеличиваясь изъ рода въ родъ, у необычайныхъ банкировъ, приметъ форму груши... Операція будетъ немыслима, съ уничтоженьемъ дули, сгибнетъ финансовый геній... Мнѣ не удалось гладить по

головкѣ, да и не за что Виндербильда, Ротшильда, но я увѣренъ, что моя рука ощутила бы, компрометирующее нажѣваны, плода комерческой, неумолимости, финансовыхъ эквилибристикъ....

Съ XIX вѣка, биржа стала становится всесвѣтнымъ храмомъ, непобѣдимою крѣпостью... Она безъ кривляній, лицемѣрія, напрямикъ отвергла - бога анархиста, безсеребренника, бродягу, незаконнорожденнаго, родившагося, безъ капли плоти, безъ раздутія живота - отъ бога и дѣвы... Въ своемъ ясновидѣніи, биржа предчувствовала, что бога томимаго, жаждою идеала, рано или поздно, смѣнитъ богъ - положительный, безжалостный, безчувственный, литой изъ золота, изъ благороднаго металла, но неблагородный.. Всѣ отъ царя, короля до простого смертнаго, несутъ банкирамъ покорно дань.. Цари, волхвы, склоняющіяся съ дарами передъ коровьими яслями - бога нищаго, трогательная и въ тоже время, смѣшная жажа.. Въ настоящее время; папы, императоры, цари, короли, парламенты самихъ республикъ, низко склоняются, не съ дарами но прося даровъ, вернѣе займовъ, передъ яслями, золотаго теленка... Кой гдѣ оставшіяся христіане, стараются защититься отъ него - крестомъ, терновымъ

винтовки, схоластическими, тонкостями, вѣковѣчной, моралью, но онъ всесвободно свѣтитъ — всюду — онъ золотой! Онъ силится побѣдить міръ, не идеальной проповѣдью, но блескомъ, звономъ металла — сладострастно чарующимъ, веселымъ, расплавляющимъ. Мечи затупилсь, столкнувшись съ золотымъ тельца; ядра, пули завязли въ немъ, позолотились.....

II.

Пароходъ вышелъ въ Константинополь, вѣтеръ все усиливался и къ ночи превратился въ штормъ... Уныло раздавались свистки дежурнаго, волны глухо били въ пароходъ, качали неровно, порывисто... Многіе начали обнаруживать симптомы недуга, которагъ увы не можетъ излѣчить лѣкарствами аптека.. Нѣкоторые принялись за пищу, но очень скоро съ меланхоліей во взорѣ, потребовали посудину, негармонирующую съ вкуснымъ обѣдомъ... Завыванье, рыканье, иканье, блевыванье, наполняли воздухъ...

Въ рокотѣ осердавшихъ волнъ, ясно слышался ироническій напѣвъ: „Полюби меня черненькимъ, грозненькимъ; тихенькимъ, голубенькимъ всякій полюбитъ". Одна старушка ѣхавшая въ Іерусалимъ, при первомъ приступѣ, принялась, съ эпическою живостью, сосать лимонъ... Ея тотчасъ вырвало, но она не унывала, все сосала, сосала, все рвала, рвала, пока совсѣмъ изнуренная, не впала въ глубочайшій сонъ... Несмотря такую вѣру въ душѣ, старушка, можетъ смѣло посѣтить Іерусалимъ... Послѣ лимоновъ, переходъ къ гробу, безсмертнаго бога будетъ не рѣзокъ...

Суетливая возня, вонь, повальная рвота, неумолчный рокотъ волнъ, сталъ дѣйствовать на нервы. Я поднялся на палубу, выходя изъ подъ навѣса лѣстницы, я былъ облитъ, громадною тяжелою волною, перелетѣвшую черезъ пароходъ... Дикая картина была кругомъ, море гудѣло во всемъ страшномъ раздольѣ, волны сыпали снопами, искръ, среди чернаго неба, ярко блестѣлъ маякъ, огненная полоса, играла зловѣщимъ блескомъ, на неровно подымающихся волнахъ.....

Вторая ночь была тиха, волны улегались, звѣзды мигали ярко, въ невыразимо прозрачномъ небѣ... На палубѣ нѣсколько персовъ, въ пестрыхъ плащахъ, громадныхъ бѣлыхъ галмахъ, глядя на звѣзды, пѣли речитативомъ, полные, таинственной грусти пѣсни.... На разсвѣтѣ мы начали приближаться къ Босфору... Въ темно синей, прозрачной водѣ, кувыркались, бешено-

неслись за пароходомъ сотни дельфиновъ. Судны, съ освѣщенными зарей парусами, спѣшили войти въ проливъ; ласкающій, теплый вѣтерокъ дулъ отъ берега. Южныя горы, съ мягкими контурами, нѣжными, дымчатыми красками, выступали все ярче, ярче; южная заря разгоралась, переходя, отъ пурпура, къ нѣжно розовымъ тонамъ. Между сѣрыми уступами скалъ пѣнились волны, бѣлые гребни ползли на крутые утесы; на горахъ живописно высились грозныя, съ красноватыми, зубчатыми башнями, легко одолимыя крѣпости.

Мы остановились на нѣсколько минутъ въ Буюкъ-Доре, чтобы получить позволеніе продолжать путь. Потянулась волшебная панорама, раскошная, какъ грёза генія, причудливая, фантастичная, пестрая, какъ арабская сказка... Трудно дать самое отдаленное понятіе о томъ, что, безъ перерыва, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, разворачивается передъ изумленными глазами... Блѣднѣетъ Неаполь, съ темно-лиловымъ Везувіемъ, съ лентой бѣлаго дыма, съ ярко розовыми Кастелямаре, Соренто, Капри, отражающимися въ серебристой водѣ... Тускнѣетъ Венеція, выплывающая изъ зеленыхъ лагунъ, съ дивными храмами, потемнѣвшими отъ вѣковъ, узорчатыми, мавританскими, мраморными дворцами; берега Рейна, съ полуразрушенными, увитыми плющемъ, замками; съ крутыми, синими утесами, улыбающимися въ зелени, цвѣтахъ, городками.

Азіатскій и европейскій берега соперничаютъ въ ослѣпительной, южной красотѣ. Нервамъ становится больно отъ неуспѣвающихъ улегаться ощущеній. Лихорадочный сонъ, видѣнія хашиша не имѣютъ капризно обольстительныхъ переходовъ Босфора. Суровое, чудно граціозное сливаются вмѣстѣ... На одномъ изъ поворотовъ, изъ воды стѣною подымается сѣрая, съ синими пятнами скала, на высотѣ, на самомъ краю — мрачные кипарисы. По трещинамъ ползетъ густой плющъ, переливаются нѣжными красками дикіе цвѣты, волны,събѣлою пѣною, бушуютъ у подножья. За скалою цвѣтущія, зеленыя, обрызганныя, брилліянтами росы, долины, мраморные дворцы, съ воздушными колоннадами, увитыми пунцовыми и желтыми розами... Среди

черныхъ кипарисовъ, пестрѣютъ турецкія кладбища; дома громоздятся по горамъ, все выше, выше, они разпыхъ цвѣтовъ, съ верандами, балконами въ сѣткахъ, они тонутъ въ роскошной зелени рощъ и садовъ... Изъ темной зелени рѣзко выступаютъ узорчатые кіоски фонтановъ, мечети съ воздушными, бѣлыми минаретами, солнце, ударяя въ бѣлый мраморъ минаретъ, золочённый рогъ луны, дѣлало ихъ похожими на зажженныя, гигантскія, восковыя свѣчи... По берегамъ снуютъ, какъ въ маскарадѣ, разряженныя толпы; развѣваются разноцвѣтныя, шелковыя одежды, пестрятъ фески, платки. Зеленую, блестящую, какъ изумрудъ воду, прорѣзаютъ десятки бѣленькихъ, кокетливыхъ пароходовъ; за ними, пѣнясь, разбѣгаются бѣлоснѣжныя дорожки. Сотни быстрыхъ каиковъ проносятся мимо; черные, съ раскрытою, волосатою грудью, гребцы, съ необычайной ловкостью правятъ каикомъ; въ немъ сидятъ, съ закутанными вуалью лицами, въ желтыхъ и пунцовыхъ матеріяхъ, жемчужины востока; на главномъ мѣстѣ, величаво, торжественно возсѣдаетъ обладатель-повелитель неспокойнаго гарема, по правую руку, опустивъ прозрачныя, глянцовитыя вѣки на мутные, холодные глаза, сидитъ желтый, морщинистый евнухъ.

Но скоро конецъ путешествію. Среди платановъ, кипарисовъ, громоздящихся зданій, на высотѣ бѣлѣютъ сѣдыя, гигантскія башни Константина; внизу, отражаясь въ зеленыхъ волнахъ, встаетъ, чаруя, бѣлый, мраморный съ позолотой, мавританскій дворецъ султана, окруженный садами, какъ восточная красавица — букетами. Несчетныя массы пароходовъ, суденъ всѣхъ націй стоятъ, слегка покачиваясь, на якоряхъ. Мы останавливаемся, окруженные со всѣхъ сторонъ романтическими картинами, до которыхъ не подымется кисть художника, которыхъ не въ состояніи былъ бы описать самъ божественный Фирдуси. Не могу безъ ужаса подумать о дурацкомъ, прозаическомъ крестѣ, который намѣреваются воткнуть въ святую Софію наши восторженные хамофилы.

Долой султана! Долой турецкое самодержавіе! Но

да здраствуетъ Аллахъ, съ его архитектурными, полными поэзіи чарами! Да минуютъ дивный городъ наши пруско-русскія казармы, каланчи, остроги, нашъ черный деспотизмъ, наши будки, крестъ, нагайки, жандармерія и полицейскій участокъ!

Съ громомъ падаетъ якорь. Сотни лодокъ окружаютъ насъ; турки, греки, арабы карабкаются на пароходъ, какъ дикари, въ третьемъ актѣ „Африканки“ берутъ насъ приступомъ. Мы сдаемся безъ условій: о сопротивленіи рѣчи быть не можетъ... На палубѣ водворяется хаосъ, безсмысленнѣе „Хаоса“ Айвазовскаго.*) Съ стремительностью урагана, сбиваютъ насъ съ ногъ, отымаютъ у насъ вещи. Мы посылаемъ всѣхъ, на всѣхъ языкахъ, ко всѣмъ чертямъ, и намъ за это суютъ карточки отелей. Среди дикихъ воплей побѣды, торжествующаго гоготанья, летающихъ тюковъ, чемодановъ, рискуя переломать себѣ всѣ члены, мы спускаемся по лѣсницѣ, балансирующей въ воздухѣ надъ волнами, въ поразительно канканирующую лодку, и подъ гулъ брани лодочниковъ, благополучно добираемся до берега; вступаемъ, наконецъ, въ столицу самодержца, дремлющаго у „жемчужнаго фонтана“, среди прянныхъ благоуханій и голыхъ гурій мусульманскаго рая.

ГЛАВА III

Грязненкій турокъ — воплощеніе нашего прежняго подъячаго — началъ неистово тормошить чемоданы; во время вложенные въ руку нѣсколько піастровъ, мгновенно пріостановили завидное радѣніе по службѣ, онъ отпустилъ насъ съ вѣрноподданическими чувствами.

Дивна столица востока съ зеленыхъ водъ Босфора; гнусна, грязна внутри. Тѣсно сплотились высокіе, закоптѣлые дома; только ихъ террасы, трубы имѣютъ счастье видѣть Босфоръ и южное солнце. Мостовая ухабиста, какъ стихи Третьяковскаго, грязна, какъ „Новое Время“.

Мы ежеминутно сторонились отъ кучъ лежащихъ, желтыхъ, безобразныхъ собакъ; ими полонъ

*) Картина въ Эрмитажѣ.

Константинополь; пожирая все выбрасываемое на улицу, они спасаютъ городъ отъ чумы, холеры, они — даровые блюдители гигіены; каждая изъ нихъ, въ своемъ родѣ, Треповъ... Насъ толкали ослы, нагруженные корзинами, съ фруктами, зеленью. Здѣсь ослы не такъ, какъ у насъ, — они приносятъ пользу. Попадавшіяся женщины, съ закутанными лицами, поражали безобразіемъ: прозрачная вуаль плохо скрываетъ желтыя, глянцовитыя, какъ у монашекъ, лица, тупые, часто злобные глаза, въ нихъ ярко свѣтятся: рабство, гаремная тюрьма. Намъ заслонилъ дорогу негръ, не смотря на ясныя предписанія корана, онъ былъ пьянъ, какъ русскій сапожникъ; онъ звѣрски вращалъ бѣлками, глаза блестѣли, какъ горящіе угли; весь ансамбль напоминалъ трагика Ольриджа, въ моментъ удушенья прекрасной Дездемоны... Искалеченные, изрубленные нищіе, цѣпляясь за наши ноги, хриплымъ голосомъ молили о подаяньи. Такихъ несчастныхъ людей рѣдко можно встрѣтить даже въ Россіи, у пороговъ богатыхъ монастырей. Подлые монахи забываютъ, что только, благодаря ничтожнымъ подачкамъ, выброшеннымъ этимъ паріямъ, имъ удавалось такъ ловко поддѣлывать чудеса нашихъ изъ папье-маше, угодниковъ; благодаря имъ, они наживали милліоны.

Около кофейнъ, похожихъ на грязныя дыры, жирные турки курили, поджавъ ноги, кальянъ. Домашняя интимная жизнь кипѣла на улицахъ; смуглый, въ грязномъ колпакѣ, поваръ предлагалъ вкусить яства, состряпанныя публично. Стряпня, со всѣми ея игривыми, не совсѣмъ чистоплотными пріемами, не носитъ конфиденціальнаго характера. Правительственная стряпня, на подобіе уличной, всякій не только видитъ, но и обоняетъ ее.

Борясь съ безчисленными препятствіями, мы добрались, наконецъ, до европейской улицы: Перо, самой красивой, свѣтлой и чистой въ Константинополѣ. Синева неба надъ головою расширилась... За громадными, зеркальными стеклами артистически разложены роскошные, восточные и европейскіе товары... Начинаютъ часто встрѣчаться золоченые цаланкины,

всадники на чистокровныхъ арабскихъ лошадяхъ, съ турками, бѣгущими впереди... Я вспомнилъ, какъ разъ, ночью, въ Каирѣ встрѣтилъ несущихся, съ быстротою вихря впереди бѣлой, отдѣланной серебромъ, кареты кедива, запряженной четверкой, вороныхъ коней цугомъ, негровъ, въ вышитыхъ серебромъ, бѣлыхъ одеждахъ, съ развѣвающимися рукавами, изъ бѣлаго газа, съ длинными факелами, сыплящими снопы искръ... Но мою восточную грёзу нарушилъ крошечный осельчикъ, нагруженный непостижимо длиннымъ англичаниномъ: колѣна его чуть не касались земли; желто грязныя баки, непомѣрной длины, цѣплялись за проходящихъ. Онъ апатично, въ засосъ, тянулъ сигару; жирные, въ кровяныхъ жилкахъ, немигающіе глаза были устремлены на кончикъ носа, „пылающаго, какъ кухня Люцифера".

На второй день, намъ предложили полюбоваться высочайшимъ прослѣдованьемъ султана въ мечеть. Какъ русскаго, меня предупредили, что это будетъ почище, чѣмъ въ Россіи... Жара, давка около дворца были огромныя; кареты, съ закутанными, гаремными женами, двигались взадъ и впередъ. Одна карета подъѣхала къ намъ, группѣ европейцевъ; три дамы, сидящія въ ней, стали довольно граціозно жеманиться; одна изъ нихъ, очень безцеремонно, отдернула густую вуаль и взлянула на насъ задорно, нахально. Съ вздрагивающими, по временамъ, пунцовыми губками, она стала разсматривать стоящаго около меня француза, стройнаго, высокаго, цвѣтущаго, съ синими, съ поволокой глазами... Не знаю, къ какимъ сравненьямъ, заключеньямъ пришелъ красивенькій, похотливый звѣрекъ, содержимый, въ раззолоченной, дворцовой клѣткѣ, но знаю одно, что глаза звѣрька свѣтились непозволительнымъ сладострастіемъ, раздражающею чувственностью, — въ эти минуты, у обрюзглаго импотента—султана, навѣрное, чесался свѣтлѣйшій лобъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно изображаются рога... Дюжіе солдаты, задыхаясь въ пыли, нѣсколько разъ прошли мимо... За нѣсколько минутъ до выѣзда султана, проѣхалъ его сынокъ, какъ всѣ наслѣдники самодержцевъ — дряб-

ленькій, дохленькій, съ подозрительными, синими кругами подъ глазами. Когда въ его распоряженье отдадутъ сотню красивыхъ женщинъ,, онъ не въ состояніи будетъ пользоваться и одной (иронія деспотій!). Стремя жалкаго мальчишки поддерживали посѣдѣвшіе въ нелѣпомъ лакействѣ генералы, завѣшанные, не хуже нашихъ, разнообразными блестящими цацками. Наконецъ, высыпала еще цѣлая куча генераловъ; не смотря на тучность, они съ комическою неуклюжестью, поспѣшностью стали садиться на превосходныхъ лошадей, украшенныхъ золоченной сбруей, бархатными, разшитыми золотомъ сѣдлами. Солдаты вытянулись въ струнку; загремѣла торжественно музыка, раздался залпъ пушекъ, и султанъ выѣхалъ на сказочномъ, бѣломъ конѣ... То былъ большой, нелѣпый, болѣзненно зажирѣвшій дурень, съ большими, безсмысленными глазами, рѣсницами чуть не въ вершокъ... Задвигались солдаты, генералы... Солнце, незнающее неравенства, нестерпимо палило султана, генераловъ, солдатъ,ословъ съ корзинами мусора, мальчишекъ ,толпы оборваннаго народа... Когда султанъ поровнялся со мной, я заглядѣлся на его арабскую, бѣлую, съ голубоватымъ отливомъ лошадку: жилки, какъ шелковая сѣтка покрывали ее; широкіе, пунцовые ноздри трепетали, огненные глаза испуганно озирали толпу; сухія, тонкія, какъ стрѣлы, ноги, чуть касались земли... Знойная лошадка, навѣрное, вспоминала свою горячую, безграничную пустыню, оазисы, съ пальмовыми рощами, палатки бедуиновъ. Сѣдло, изъ пунцоваго бархата, унизанное разноцвѣтными, драгоцѣнными камнями, горѣло на солнцѣ, озоряло лицо султана. Гордо выступала, въ своемъ сіяющемъ уборѣ, чудная лошадка, нервно поводя маленькими ушками... Торжествуй въ мірѣ логика, это за нею, низко склонившись, долженъ бы пѣшкомъ шествовать султанъ.; передъ нею должны были бы стоять въ струнку генералы; въ ея честь палить пушки, развѣваться знамена, флаги... Она не дитя случая, природа соединила въ ней всю свою мощь, красоту, грацію, какъ бы оправдывая поклоненье.

. . . . . .

Видѣли мы и другое высочайше-падишахское прослѣдованье, при другой декораціи... Въ бѣлыхъ съ позолотой лодкахъ, разодѣтая свита ожидала султана. На одной длинной, вызолоченной лодкѣ, была палатка изъ пунцоваго бархата, вышитая золотомъ и драгоцѣнными каменьями; гребцы были въ бѣлыхъ, шелковыхъ одеждахъ, шитыхъ золотомъ; весла — вызолоченныя. Изумрудная, прозрачная, какъ кристалъ, вода Босфора плескалась и замирала на мраморныхъ ступеняхъ мраморнаго, мавританскаго дворца. Бѣлыя чайки, съ побѣдными криками, носились въ ослѣпительномъ синемъ небѣ... Заиграла музыка; съ европейскаго и азіатскаго берега загрохотали пушки; турецкіе пароходы выбросили флаги съ лунами; вызолоченныя весла ярко блеснули, въ одинъ мигъ, въ одну линію, въ изумрудной водѣ заструились золотые отблески, и лодки съ султаномъ, свитою пронеслись мимо. Гребцы, при каждомъ ударѣ веселъ, падаютъ къ ногамъ султана. Я замѣтилъ опущенныя рѣсницы, скотскую апатію, феску съ громаднымъ брилліантовымъ перомъ, горящимъ на солнцѣ, какъ перо жаръ-птицы... Пока совсѣмъ исчезли лодки, гремѣла музыка, палили пушки; дымъ закрывалъ роскошные берега. онъ закрылъ мелькнувшее, какъ странный сонъ — позорное видѣнье.

Бѣлыя птицы однѣ носились съ побѣдными криками въ синемъ небѣ, порывисто махая бѣлыми, большими крыльями.

Смотрите зорко внизъ, вольныя, умныя птицы! Скоро на землѣ и небѣ начнутъ свершаться невѣроятныя вещи. Мнимыя чудеса мнимаго бога замѣнятъ настоящія чудеса человѣка. Цари небесные, земные падутъ въ прахъ, и изъ ихъ праха, наконецъ, подымется человѣкъ; онъ начнетъ оспаривать воздухъ у орловъ; его поѣзды будутъ носиться, съ быстротою бури, надъ тучами; границы навѣки исчезнутъ; молніи будутъ освѣщать путь. Послѣдніе станутъ первыми, малый станетъ великъ. Разгласите дивную вѣсть по всему небу, бѣлыя, вольныя птицы!

Это ты, султанъ, опустившій меня въ черную бездну рабства, невѣжества, глупости, ужасающей низости,

— пробудилъ въ моей душѣ гордыя, свободныя грёзы, свѣтозарныя надежды.

Отрывокъ изъ моихъ неизданныхъ путешествій

„И снова вѣютъ на меня
Минувшихъ лѣтъ воспоминанья...
Сны позабытые, погасшія картины
. . . . . опять
Наружу выплываютъ."

Я видѣлъ англичанина, несущагося на югъ Франціи, въ тотъ волшебный уголокъ міра, гдѣ царитъ зимою дивная весна, гдѣ освѣщенные горячимъ солнцемъ „лавръ и кипарисъ на волѣ гордо разрослись..." Онъ сидѣлъ, вытянувши ноги; онѣ были окутаны плэдомъ, самъ онъ въ сѣромъ костюмѣ; безцвѣтныя, полурыжія, полумутныя бакенбарды, гладко расчесанныя, торчали по сторонамъ лица, съ выбритою темною горилкой; лицо было пьяно-красноватое, глаза жирные, окаменѣлые; они съ равномѣрностью, неутомимостью маятника опускались въ толстый гидъ Бедекера, въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ, на мимо мелькавшую, природу. Съ обѣихъ сторонъ росли, уходя вдаль, синія горы, обросшія у подошвы мягкою, темною зеленью; въ ущельяхъ падали серебрянными струйками ручейки; звонко щебетали, покинувшія холодный сѣверъ, птички; воздухъ благоухалъ весенними цвѣтами, солнце ослѣпительно обливало усыпляющими, нѣжащими лучами. На днѣ моей души, отогрѣтые солнцемъ, распускались чудные цвѣты; забылъ я въ эти минуты житейскія муки, бури, безумія, кровавыя слезы... Тѣни пятнами ложились по мрачнымъ ущельямъ; сѣдыя, поросшія травою, дикими цвѣтами, увитыя плющемъ развалины замковъ рисовались на красносинихъ утесахъ. Жирный взглядъ справлялся съ гидомъ и тѣмъ же справочнымъ взглядомъ смотрѣлъ

по сторонамъ; порой глаза расширялись, раскрытый ротъ принималъ форму ноля, изъ него вырывались шипѣніе, змѣиный свистъ, клокотаніе, кудахтаніе, хрустъ зубовъ; вся эта масса чрезвычайныхъ звуковъ выражала удивленіе, нѣчто похожее на восторгъ, но неопредѣленные быстрые проблески души были помѣчены въ гидѣ; гидъ Бедекера въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ повелѣвалъ удивляться, англичанинъ удивлялся.

Я видѣлъ англичанина подъ темно синими небесами Рима, онъ стоялъ въ pince-nez, которое тихонько сползало съ конца длиннаго, сизаго носа, въ рукахъ его былъ плэдъ, панталоны на немъ были клѣтчатыя, пиджакъ — клѣтчатый прочнаго цвѣта, воротникъ, высокоторчащій, клѣтчатый, шляпа мягкая, круглая; бакенбарды были мутнорыжія, глаза съ лиловыми жилками, жирные, гармонирующіе съ глыбами, развалинъ. Этотъ античный взглядъ каменно смотрѣлъ на источенные вѣками, дивныя развалины, уцѣлѣвшія грандіозныя памятники; на мусоръ, отмѣченный въ гидѣ Бедекера, въ крѣпкомъ красномъ переплетѣ; около него лебезилъ, треща безъ умолку, полуеврей, полугрекъ — вѣчный спутникъ англичанина — драгоманъ. Взоръ оставался тотъ же: устремленъ ли онъ былъ на древній мусоръ, на Венеру Капитолійскую, группу Лаакоона, сладострастную гетеру, замученную ласками Сатира, преображенье Рафаэля, Фрески Микель-Анжело. Онъ былъ тотъ же античный камень, когда созерцалъ горы, тающія при послѣднихъ лучахъ солнца, въ золотисто ро луною, чудовищныя, таинственныя развалины, обросшаго мохомъ Колизея. Сизый носъ оффиціально, по заказу, совершенно одинаково вдыхалъ запахъ дикихъ розъ, миндальныхъ деревьевъ, апельсинныхъ и лимонныхъ цвѣтовъ, какъ и зловонія, несущіяся изъ темныхъ переулковъ, отъ перегнивающей, выброшенной на улицу, пищи. Сказочной красоты, древніе и новые храмы, дворцы, музеи, сады, полные роскошной растительности, проходили передъ каменнымъ взоромъ, не отражаясь.

Я видѣлъ англичанина въ знойной Сахарѣ, всходящаго на въ небо укатывающуюся, желтую, колоссаль-

ную пирамиду Хіопса; онъ былъ въ сѣрой блузѣ, пробковой шляпѣ, съ широкими полями и вентиляторами; за нимъ съ огненными глазами, бронзовыми лицами, черными бородами, въ бѣлыхъ развѣвающихся одеждахъ, подымались арабы. Взгдядъ безжизненный, какъ пирамида, поперемѣнно устремляся на волнообразные пески пустыни, Каиръ потонувшій въ пальмовыхъ рощахъ, на серебристо-голубую ленту Нила, на затанувшаго въ пескѣ колоссальнаго, безъухаго, безносаго сфинкса.

На высотѣ пирамиды онъ поглотилъ массу мясной пищи, много коньяку и тщательно увѣковѣчилъ, желѣзнымъ остріемъ, ни кому неизвѣстное, никому не нужное имя. Я видѣлъ его пыхтящимъ, лиловымъ до удушія, ползущимъ внутри пирамиды; около мутно рыжихъ бакенбардъ, вспотѣвшаго лица, арабы держали зажженные ѳакелы и усердно подталкивали во всѣ удобныя для подталкиванія мѣста. Я видѣлъ его около гробницы Фараона: на саркоѳагѣ Фараона стоялъ арабъ въ бѣлой, волнистой одеждѣ, освѣщенный съ низу ѳакелами, въ его глазахъ свѣтился дикій огонь, въ высоко приподнятой рукѣ онъ держалъ ѳакелъ; красноватый свѣтъ боролся съ тысячелѣтнею тьмою, дымъ отъ ѳакела, сгустившись во тьмѣ свода, принялъ форму царящаго надъ нами бѣлаго призрака; другой арабъ ударялъ желѣзнымъ прутомъ въ пустую гробницу, она издавала звенящіе звуки, таинственно прекрасные; босая нога жалкаго раба ѳеллаха попирала то мѣсто, гдѣ нѣкогда покоилась набальзимированная въ коронѣ голова Фараона. Я пристально вглядывался въ глаза англичанина—путешественника; ни одинъ лучъ не проблеснулъ въ каменныхъ глазахъ.

Я видѣлъ англичанина у жерла Везувія, ночью, за мѣсяцъ до страшнаго изверженія: сѣрые, бѣлые пары, дымъ, какъ саванъ, покрывали гору; изъ громаднаго жерла, съ страшнымъ шумомъ, свистомъ, завываньемъ, будто тысячи исполинскихъ мѣховъ раздували его, вырывалось пламя; черные, острые зубцы застывшей лавы отливали кровавымъ свѣтомъ; черезъ трещины сочились, кипѣли, бурлили огненные потоки, подъ нами разскатывались, глухо уходя въ бездонную глубину,

подземные громы, земля кругомъ трепетала. Англичанинъ лѣзъ въ самое жерло, сапоги его обугливались въ горячей золѣ, щеки были краснѣе разрѣзаннаго ростбифа; на шагъ отъ смерти, около страшной огненной лабораторіи, онъ сохранилъ пирамидальное спокойствіе взгляда. Мы быстро спускались внизъ. Неаполь блестѣлъ безчисленными огнями, тонулъ въ лаврахъ, пиньяхъ и апельсинныхъ рощахъ; заливъ блестѣлъ синими огоньками, освѣщенный палевою луною; теплыя волны воздуха обвѣвали усталое тѣло и несли съ собою нѣжный запахъ жасминовъ, лимоновъ и розъ изъ садовъ Соррento; звѣзды яркія мигали въ лиловато-синемъ воздухѣ; млечный путь, какъ серебряное облако, ярко перепоясывалъ небо; гробовая тишина была кругомъ, звуки жизни не добирались до нашей высоты; а сзади насъ клубился бѣлый дымъ, блестѣло зарево вулкана; англичанинъ быстро спускался внизъ, обуреваемый энергическими позывами страшно энергическаго желудка.

Я видѣлъ англичанина на Маджорскомъ озерѣ; косые лучи заходящаго солнца бросали на голубое озеро прощальные лучи; вода искрилась на неизмѣримомъ пространствѣ розевато-золотистымъ свѣтомъ; озеро дремало; чуть слышно лепетали, ударяясь о темныя скалы, теплыя, золотистыя волны; вблизи отъ насъ подымался изъ водъ озера, „какъ сонъ Бога“, покрытый алоэ, кипарисами. лаврами, камеліами, лимонными, апельсинными деревьями, олеандрами, сверху до низу осыпанный розами, пестрыми цвѣтами, во всей блистательной, сказочной красотѣ, островъ: Isola bella: Громадныя, бѣлыя террасы подымались на немъ все выше, выше, мраморныя статуи, роскошныя вазы, тонкіе, мавританскіе шпицы покрывали ихъ; по сѣрымъ стѣнамъ вились, спускаясь гирляндами, ползучія, чернозеленыя растенія, осыпанныя пунцовыми колокольчиками; разносились благоуханья магноліи, чайныхъ розъ, алеандровъ, лимонныхъ цвѣтовъ. Громадный дворецъ, островъ стояли опрокинутые въ зеркальной водѣ, и казалось, что въ прохладной глубинѣ прячется другой волшебный островъ; сказка о хрустальномъ дворцѣ, свершалась на яву. Съ

трехъ сторонъ озеро, какъ вѣнцомъ, было окружено фіолетовыми горами; верхушки отдаленныхъ горъ розовѣли въ лучахъ заходящаго солнца. Бѣленькіе, веселенькіе города и множество причудливо разнообразныхъ виллъ, потопленныхъ въ роскошной, южной растительности, усѣивали золотой дымкой покрытые берега. Дремало, не колыхаясь, озеро, дремали синія небеса, — потопленныя въ солнечныхъ лучахъ долины; лодки наши остановились, гребцы бросили весла; ни одинъ звукъ не доносился, кругомъ было сказочно тихо; капли, съ веселъ падая, беззвучно разбѣгались серебристыми кругами. Нѣтъ тѣхъ словъ, которыми можно было бы описать то, что чувствуется въ такія минуты! Грезы ласковыя, какъ улыбка ребенка, нѣжныя, какъ запахъ розы, поэтическія, легкія, какъ вѣяніе перваго, весенняго вѣтерка, просыпаются въ дремлющей душѣ; ни одинъ звукъ скорбнаго диссонанса не зарождается въ успокоившейся душѣ; въ такія минуты хочется забыться, заснуть вѣчнымъ, дивнымъ сномъ, подъ чуть слышное колыханіе теплой волны. Венеція лунною ночью навѣваетъ тѣ же думы, тѣ же сны. Англичанинъ, убаюканный каплями, падающими съ веселъ, заснулъ; посовой свистъ, какъ завыванье осенняго, ночнаго вѣтра въ трубѣ и вульгарный храпъ нарушили поэтичную тишину; по временамъ, онъ силился проснуться; устало, лѣниво, какъ пьяный, онъ приподнялъ жирную, потную руку, сталъ ею махать около сизаго носа, какъ будто сгоняя безотвязную муху.

Я видѣлъ англичанина въ дѣвственномъ лѣсу Индіи: зеленые ліаны, какъ удавы, окутывали страшной высоты деревья; гирлянды цвѣтовъ спускались съ верхушекъ до самой земли; пряный, невыносимо раздражающій ароматъ носился въ раскаленномъ воздухѣ; среди голубыхъ бѣлыхъ, лиловыхъ,синихъ, желтыхъ, пунцовыхъ цвѣтовъ, развѣвался хвостъ какой-то фантастической, невидимой глазу, птицы; онъ переливался въ пробившемся, ослѣпительномъ лучѣ солнца, яхонтами, рубинами; среди немолчнаго шума, звона насѣкомыхъ, рѣзко выдѣлялись крики попугаевъ, а по временамъ покрывая всѣ звуки, раздавались страшные

вздохи, рыканья тигра... Англичанинъ красно-сизый, пыхтящій, обливающійся испариной, недоумѣвалъ; въ первый разъ онъ недоумѣвалъ: среди дѣвственнаго лѣса у него въ рукахъ не доставало толстаго гида Бедекера, въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ... . . . .
. . . . . .
. . . . ; . . . . . .

Вербовка въ Черносотенцы

. . . . . царь
Въ золоченныхъ хоромахъ, украшенныхъ,
Прохлаждался съ лихой полюбовницей,
Разноглазою кривдой проклятою,
Да съ своею опричниной подлою:
Со князьями, боярами глупыми,
Дормоѣдами, злыми, безпутными,
Съ завидущимъ поповскимъ отродьемъ,
Съ загребущею сворой холопскою..."

(„Какъ царь Ахреянъ ходилъ богу жаловаться")

Алексѣя Толстого.

Черносотенецъ *(къ обывателю)*. — Не хотите-ли, сударь, удостоится въ патритическія стражи записаться, значкомъ преважнымъ грудь разукрасить? Въ истино русскаго обратиться, постоять за царя-папеньку, кормильца-союзника нашего? За усиленье, благолѣпіе храма, за вполнѣ русскую религію? — Не житье, сударь, встрѣтитъ васъ, — но можно сказать — маслянница, съ икрою, масломъ, смѣтаною. Грѣшки, если за вами водятся, всѣ какъ есть снимутся, не только поддѣлки какія, но и грабительства и даже со взломомъ. Въ деньгахъ затрудненья не будетъ: у казны денегъ на наши хорошія дѣла хватитъ. Насъ, сударь, съ высоты престола блаославляютъ.

Обыватель. — Всѣмъ вы въ душу насмердѣли съ вашей вполнѣ русской Россіей. Вы на подлости несуразной, на холуйствѣ карьеру строите.

Черносотенецъ *(не выдерживаетъ)*. — А жрать, сударь, всласть хочется? Водку и разныя вина изъ царскихъ погребовъ локать хочется? Съ дѣвками большой блезирь испытывать хочется? Дебошн по ндраву своему чинить всюду желательно-съ? Значекъ нашъ, сударь мой, почище звѣзды генеральской, креста георгіевскаго, въ немъ права заключены неограниченныя, на манеръ автократіи.

Обыватель. — Думаю, что, маломальски, чистоплотный человѣкъ предпочтетъ сгибнуть въ тухлой, придорожней канавѣ, чѣмъ съ вами связаться. Вы, лія слезы, казацкія плети публично выцѣловываете. Пьянымъ рявканьемъ застѣнокъ, охрану превозносите, ветхозавѣтную азіатчину, лютую монгольщину призываете. Вы съ воплями кликушь, на брюхѣ ползаете передъ триклятою губкою, которую ваши дворцовые черносотенцы, цѣлый день, нажимаютъ окровавленными лапами, а она весь день кровь праведную, кровь народную всасываетъ и выбрасываетъ... всасываетъ и выбрасываетъ!..

Черносотенецъ. — Зато мы, можно сказать, въ эмпиреяхъ проклажаемся. Вашихъ, за одно покушеніе на полицейскаго, въ одинъ мигъ вѣшаютъ, а наши могутъ спрохвола, дряхлымъ жидкамъ гвозди ржавые въ очи и черепъ забивать, дочекъ, малолѣтнихъ, невиненькихъ, на глазахъ родителей, всласть насиловать, головки жиденятъ о стѣнки разбивать, цѣлые города пожарами, грабежами, убійствами опустошать, а губочка самодержавная, вами, сударь, проклинаемая, приговоры, даже пустяшные, смываетъ и смываетъ. Мы пароль знаемъ, съ нимъ черезъ огонь и воду невредимыми проходимъ, на все разрѣшенье получаемъ. Возопимъ гласомъ великимъ: „Великій, государь-батюшка! За тебя животишекъ не жалѣемъ; за Русь древнюю, порядокъ исконный стоимъ! Твою священнѣйшую особу отъ порхатыхъ охраняемъ, отъ нихъ отечество избавляемъ. Бьемъ земно челомъ, великій государь! Защити отъ судовъ неправедныхъ, ожидовѣли всѣ слуги твои!“ Глядь, и дѣло устроилось по желанію, — тотчасъ же помилованье, затѣмъ, впотемочкахъ, денежныя вознагражденья, мѣста тепленькія; какіе поважнѣе — въ

губернаторы, градоначальники, полицмейстеры попадаютъ, съ правами нарушенья законовъ. Мелкоту въ охрану, полицію пихаютъ, шпіонами за-границу посылаютъ. За царемъ усердіе и настоящая служба не пропадаютъ... Вы, простофили, отечеству наровите служить, ну и населяйте мѣста, крайне отдаленныя. пустыни ледяныя, наполняйте клѣточки тюремныя! Переполненья и расходовъ съ оными сопряженныхъ вверху не боятся: сыпной тифъ живо равновѣсіе возстановляетъ, какъ вихрь мететъ. Что же касается до общей ямы, для сваливанья покойниковъ и отпѣванья они почти ничего не стоятъ. Кучами стали казнить, не только изъ экономіи, но также изъ мести: забыть не могутъ, что, благодаря дурацкой амнистіи, спаслись нѣсколько важныхъ крамольниковъ и, вмѣсто вѣчной благодарности, закоренѣлость обнаружили. Безпокоятъ ихъ также побѣги. Планъ широкій имѣютъ: отъ всѣхъ, не по ихнему мыслящихъ, избавиться, застращать лѣтъ на сто всю Россію; оставить жить, и то подъ великимъ присмотромъ, только однихъ вполнѣ русскихъ.

Обыватель. — Пожнутъ слѣпые изверги, нравственные идіоты все, что посѣяли; небу станетъ жарко въ дни страшнаго суда... Ненасытная жажда мщенія, неодолимая ненависть растутъ и растутъ. Пусть въ ужастный часъ не взываютъ къ состраданью, котораго никогда, никогда не знали! Нелѣпые шуты вопятъ противъ политическихъ убійствъ; статью въ законы тиснули, карающую за ихъ восхваленье въ печати, а сами, всенародно, не только восхваляютъ политическія убійства, но и награждаютъ, ставятъ въ примѣръ.... Два солдата поссорились; одинъ вышелъ въ другую комнату, досталъ револьверъ и убилъ товарища, а, затѣмъ, находчиво заявилъ, что убилъ де за то, что товарищъ поносилъ срамными словами царя-батюшку. При военной дисциплинѣ, обыкновенно, растрѣливаютъ чуть не за грубое слово, но тутъ случилось вполнѣ русское диво дивное: командиръ полка пылко восхвалилъ хладнокровное убійство, выдалъ награду убійцѣ, поставилъ его всѣмъ въ примѣръ, а самъ царишка своему защитнику-убійцѣ прислалъ крупную сумму.

Нечего и говорить, что солдатикъ-проходимецъ, навѣрное, сынъ охранщика или жандарма, быстро пойдетъ въ гору, получитъ, впослѣдствіи, мѣстечко, съ правомъ убивать по усмотрѣнью.

Удивляюсь, что, пока, ни одинъ судимый за восхваленье политическихъ убійствъ, не сказалъ судьямъ: „Вы нагло перепутываете всѣ понятія, издѣваетесь надъ здравымъ смысломъ... Если бы я вздумалъ восхвалять, или подобно вамъ, защищать самодержавіе, я другими словами, восхвалялъ бы, защищалъ сплошное, коллосальное, нескончаемое преступленіе, а именно: растлѣніе всей страны холопскою подлостью, варварскимъ идолопоклонствомъ; убійство души, — удушеньемъ совѣсти, печатнаго и устнаго слова; убійство тѣла — всеобъемлющимъ, систематическимъ ограбленьемъ народа, доведеньемъ его до неслыханныхъ въ остальномъ мірѣ, нищеты, голодовокъ, вымиранья, вырожденья. Истребленіе лучшихъ людей страны жандармскими, шпіонскими шайками, повальнымъ заточеньемъ, ссылками, казнями безъ суда.

Актъ святого правосудія надъ мучителями страны, свершаютъ люди самые доблестные; желая спасти, защитить родину — они безтрепетно идутъ на муки, смерть. Смертные приговоры, вашихъ военныхъ судей-убійцъ, приводятъ въ исполненіе спасающіеся, бѣгущіе отъ смерти злодѣи, рѣзавшіе стариковъ, женщинъ, дѣтей. Но даже и они не удовлетворяются однимъ прощеньемъ, облобызаньемъ съ судьями, но требуютъ большихъ денегъ за каждую подсовываемую имъ петлю. Если бы судьи-убійцы на минуту глубоко задумались надъ этимъ животрепещущимъ фактомъ, я увѣренъ, что большинство изъ нихъ кончило бы сумасшествіемъ, отъ ужаса передъ своими безсмысленными злодѣйствами, удавилось бы отъ мукъ попранной совѣсти. Нигдѣ въ мірѣ вы не встрѣтите такого сліянья судей съ палачами, такой солидарности, гармоніи душъ. Впрочемъ, по моему, судьи неизмѣримо отвратительнѣе исполнителей: они спасаются отъ мучительной казни, а судьи дѣлаютъ карьеру. А знаетъ ли ваша хулиганская клика, кто

былъ первый у насъ настоящій, безпощадный террористъ?

Черносотенецъ. — А мы почемъ знаемъ! Мы исторіей не занимаемся, на кой чертъ она намъ? — Домъ Романовыхъ, и баста! У насъ своихъ исторій не расхлебать...

Обыватель. — Первымъ неумолимымъ, какъ рокъ, террористомъ былъ, именовавшій себя Романовымъ, сынъ неизвѣстнаго отца, царь Петръ I. Среди нашихъ террористовъ мы не знаемъ примѣра, чтобы отецъ, узнавъ, что сынъ предатель, замучилъ бы, убилъ его. тогда какъ Петръ убѣдившись, что длинноголовый идіотъ — сынъ стремится разрушить всѣ его прогрессивныя начинанья и, опираясь на затхлыхъ мракобѣсцевъ, уложить Россію снова въ свинцовый гробъ, вернуть неподвижную азіатчину, отдалъ его на пытки, а, затѣмъ, собственноручно убилъ топоромъ.

Черносотенецъ. — По теперешнимъ писаньямъ, можно думать, что и Александръ I — террористъ; при мнѣ разсказывали, что онъ подослалъ убить отца.

Обыватель. — Нѣтъ онъ попросту, отцеубійца. Даже у него передъ смертію поднялась совѣсть: предсталъ передъ померкающими очами призракъ убитаго отца. Втихомолку подсылая убійцъ, прячась, съ подлою дрожью, за Панина, Зубова, онъ думалъ не о благѣ родины, но о собственной шкурѣ. Лукавый лицемѣръ, трусъ, тряпка, какъ всѣ члены царской семьи, онъ ожидалъ каждую минуту, что Павелъ, въ припадкѣ все болѣе, болѣе разыгрывающагося сумасшествія забьетъ его шпицрутенами или собственною тяжеловѣсною палкою. Настоящая натура этого „византійца“ сказалось не вначалѣ царствованья, когда стараясь загладить отцеубійство, страшась такъ же кончить, онъ, подъ вліяніемъ окружающихъ его либераловъ, либеральничалъ. Но тогда, когда потихоньку освободившись отъ вольнолюбивыхъ руководителей, весь предался въ руки свирѣпого холопа—Аракчеева, запутался въ сѣрой паутинѣ священнаго союза.

Нѣкоторые, даже либеральные люди, осмѣлились спутывать всѣ здравыя понятія: называть васъ рево-

люціонерами съ права. Схоласты играли святыми словами, кощунствовали. У нашихъ либеральчиковъ слабо развито собственное достоинство; они любятъ путать, злонамѣренной софистикой морочить, забитыя всевозможными цензурами, слабыя головы. Мы не забыли фразы, которой, къ сожалѣнію, не воспользовались крайніе лѣвые: „Мы не признаемъ террора, убійствъ ни сверху, ни снизу“. Другими словами: нагло, низко, глупо смѣшивались Вильгельмъ Телль, памятники которому воздвигнуты повсюду къ Швейцаріи, и всѣми проклинаемый тиранъ—Геслеръ, Желябовъ, Перовская, Гриневицкій и Александръ II. Кравчинскій и Мезенцевъ; Сазоновъ и Плеве... Спасители, освободители страны и лютые губители, или подкупленные, простые убійцы.

Революціонеръ-сила, разрушающая и созидающая въ одно и тоже время; онъ развитъ отжившее. Революціонный ударъ—молнія, разрѣшающая не въ мѣру скопившееся электричество, озонирующая атмосферу. Революціонеръ водружаетъ „знамя жизни надъ могилой, надъ грудой труповъ“. Теплой крови своей не жалѣючи онъ защищаетъ послѣднюю правду... Пушкинъ чуть не сто лѣтъ назадъ, въ вдохновенномъ гимнѣ: „Кинжалъ“ пророчески говоритъ: „Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель, ты, проклятій и надеждъ! „Террористы не блѣднѣя передъ средневѣковыми пытками, мучительною казнію, старались казнить чудище-царя и поддерживающихъ его тупыхъ, слѣпыхъ палачей. Съ бомбою въ рукахъ, они защищали неприкосновенность жилища, личности, отъ разбойничьихъ шаекъ, охраняющихъ позорную азіатчину, врывающихся съ оружіемъ въ частные дома, квартиры. Учреждая тайный станокъ, распространяя революціонный журналъ, они отстаивали абсолютную свободу прессы, слова, совѣсти, свободный голосъ націи... Не имѣя легальныхъ путей, тѣни мирнаго выхода, они не убивали, но казнили. А ваши сумбурныя банды, что защищаютъ? За кого стоятъ? Изъ какихъ чистенькихъ мѣстъ они набираются?—Вся Россія знаетъ, что вербуютъ васъ между отребьемъ попро-

шайничающимъ по дворамъ богатыхъ монастырей, вамъ покровительствуютъ, помогаютъ эти православные притоны распутства, воровства, невѣжества, надувающіе темный народъ языческими фокусами. Во главѣ вашихъ мрачныхъ скопищъ стоятъ: царская семейка, дворцовые каторжники, пустосвяты, содомисты, архіереи—мечтающіе, въ случаѣ крупной пакости, попасть въ митрополиты. Къ вамъ отовсюду сползаются заплѣсневѣлые крѣпостники, съ непомѣрно зажирѣвшими затылками, пьяными глазами, покатыми лбами, не забывшіе дѣвичьи и конюшни, грезящіе казенными подачками, займами безъ отдачи. Лезутъ въ ваши ряды, стремящіеся хоть немного поживиться, попы—пьянчушки и пропросту—убійцы, воры.

Во время вашихъ срамныхъ процессій съ иконами, хоругвями, царскими портретами, за вашей спиной, въ хвостѣ шествуютъ пьяные казачищи съ плетьми, озвѣрѣвшіе полицейскіе съ браунингами, переодѣтые жандармы, охранщики, шпіоны, провокаторы. Вы, храбрецы, безъ ихъ шагу не смѣете ступить: вы знаете, какъ васъ всѣ презираютъ, ненавидятъ, какъ никто въ грошъ не ставитъ ваши хоругви, иконы, портреты. Вы не разъ доносили, что священнѣйшіе портреты, отвратительнаго палача, всюду заплевывались.

Всѣ омерзительные, по лютымъ звѣрствамъ, погромы свершены вашими бандами, и вы осмѣливаетесь себя называть союзомъ русскаго народа. Вы—пометъ, грязь народная; вы — отбросы режима, покоющагося на жандармеріяхъ, тайныхъ полиціяхъ, провокаціяхъ, на грабежахъ и насиліяхъ... Можно съума сойти при мысли, что какіе-то совсѣмъ дикіе, „игрушечнаго дѣла“ людишки, чтобы безчинствовать на полной свободѣ, наверху, зажимали ротъ цѣлой странѣ, указывали интеллигентнымъ людямъ, что имъ читать, какъ мыслить, писать, третировали великую страну, какъ кучу неразумныхъ малолѣтокъ. Какой то дряхлый, выжившій изъ ума, дворцовый пролаза—Бѣдоносцевъ оберегалъ міроваго генія Льва Толстого отъ вредныхъ книжекъ, продающихся свободно въ цѣломъ цивилизованномъ мірѣ... Малѣйшее высмѣиванье безобразій, именующихся само-

державіемъ, православіемъ, преслѣдовалось, какъ кощунство. Если ваше самодержавіе было способно на тѣнь чего нибудь путнаго, то почему, исключая „громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый Росъ“ оно ничего не свершило. Прямой разсчетъ каждаго правительства: проявлять свои творческія силы, оправдывать чѣмъ нибудь свое, непомѣрно стоющее странѣ, существованіе.

Почему ваше самодержавіе, за исключеніемъ, вынужденныхъ, половинчатыхъ реформъ, быстро отобранныхъ, ничего, кромѣ преступленій, не свершило и не свершаетъ! Не забывайте, что реформы, болѣе широкія, прочныя были даны двадцатью годами ранѣе во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, даже самыхъ отсталыхъ... Самые громы побѣдъ давнымъ давно затихли. Мы можемъ загремѣть, одержать жалкую побѣду только надъ какимъ нибудь совсѣмъ задичавшимъ государствомъ.

Самодержавіе всегда было свиньей пожирающей корни, питающаго ее дуба.

Черносотенецъ. — А развѣ ваши анархисты, коммунисты не перерѣзываютъ цѣлыхъ семей, частенько, изъ за какихъ нибудь десяти рублей?

Обыватель. — Какъ бы эти люди себя не называли, мы узнаемъ въ нихъ вашего брата-черносотенца; это тѣже погромщики. За не имѣніемъ подъ рукою погромовъ, другими словами: безнаказанныхъ, дозволенныхъ, крупныхъ грабежей, убійствъ, они соскучившись, принялись, на свой страхъ, не дожидаясь указаній, натравливаній, поощреній, за маленькія опустошенья... Съ городскихъ, широкихъ улицъ, перешли въ частныя квартиры; стали нападать не на однихъ евреевъ, а какъ богъ на душу положитъ, гдѣ подвернется хорошій случай. Безпощадное вырѣзываньe цѣлыхъ семей изъ за денегъ—логическое продолженье погромовъ, съ ихъ остервенѣлыми злодѣйствами.

Благодаря правительству, нервы обвыкли: мечтая остановить революцію, оно взлелѣяло, пустило въ ходъ эти шайки, дало имъ первоначальное воспитаніе, выдало аттестатъ зрѣлости, а теперь, замѣтивъ неподхо-

дящую распущенность, превратное толкованье, цинично, нагло, безъ суда, стало казнить, вѣрнѣе — удавливать жертвъ своей пропаганды. Имъ позволили рѣзать евреевъ, а они стали рѣзать помѣщиковъ, вообще богатыхъ.

Осатанѣлое провокаторство было всегда главною основою нашего самодержавія, имъ оно жило. Но помимо провокаторства, оно вѣчно давало примѣры: безпредѣльный грабежъ, нескончаемыя убійства невинныхъ, забиванья плетьми, залѣзанья не только въ квартиры, но и въ душу, практикуемые вверху, въ дни всеобщаго возстанья, броженья, борьбы сколѣвающаго съ начинающимъ сильно жить, перешли въ низы. Вы говорите, что рѣжутъ стариковъ, женщинъ, дѣтей за десятокъ рублей, за выпивку. Но развѣ главари ваши не хвастались, что могутъ нанять сколько угодно убійцъ за сотни рублей; главное, чтобы тѣ знали, что все сойдетъ съ рукъ, а въ случаѣ одоленья страны, они попадутъ на горяченькія мѣстечки въ тайной полиціи... Убійство трехъ лучшихъ людей Россіи, по слухамъ, обошлось вамъ въ нѣсколько сотъ рублей. Данныя правительствомъ большія деньги, вы подѣлили не поровну—гроши пошли убійцамъ, а тысячи провалились въ ваши просторные карманы. Финансиста Герценштейна особенно боялось наше министерство финансовъ: онъ могъ все разоблачить.

Грабящій частное лицо, съ ножемъ въ рукахъ, не можетъ быть революціонеромъ.—онъ перемѣщаетъ собственность изъ кармана убитаго въ свой собственный, и только. „Ты грабишь, я буду еще пуще грабить! Ты грабишь съ реверансами, я буду грабить и, при этомъ, рѣзать—душа больно ожесточилась“. Это логика отчаянья, безвыходности, вопль долго подавляемыхъ, животныхъ желаній, бестіяльскихъ инстинктовъ, то горилла, выступающій внаружу. Живодеры, хулиганы вверху получаютъ высшія назначенья, ордена на шею; живодеры, хулиганы внизу—петлю на шею.

Крупные убійцы, воры, подъ черными крылами охраны, мирно доживаютъ вѣкъ, холя шкуру награбленнымъ. Мелкіе убійцы, погромщики, не у настоящихъ

офиціальныхъ дѣлъ, не успѣвъ подѣлить на угадъ захваченной, мелкой добычи, попадаютъ, въ большинствѣ случаевъ, на висѣлицу.

Всѣ лютые грабежи, убійства послѣднихъ лѣтъ — слабое подражаніе правящимъ сферамъ. Низъ соревнуется съ верхомъ, хочетъ попытать счастье. Полная удача вверху раздражаетъ хулиганское воображеніе, порождаетъ сладкую иллюзію: авось удастся и внизу. Но бѣдные фантазеры забываютъ, что правительство имѣетъ за собою столѣтнюю практику, досугъ, полную безнаказанность; въ способахъ — какъ бы лучше потянуть, оно изощрялось, не спѣша. Казенные денежные залежи служили для него, какъ бы музою, вдохновляли.

Во время настоящихъ грозныхъ революцій, всѣ эти психическіе недуги быстро стихаютъ. Народъ, полный святого энтузіазма, ясновидѣнья, невольно, излечиваетъ разнузданную психопатію.

Истинный, сознательный революціонеръ непзбѣжно, долженъ стоять неизмѣримо выше того общества, противъ котораго возстаетъ. Его идеалъ: уничтоженье собственности, а не перекладыванье, — порой очень неудачное — изъ одного кармана въ другой. Онъ вноситъ въ ветхую, жестокую жизнь новый, животворящій, спасающій принципъ.

Можете ли вы представить себѣ на секунду настоящихъ анархистовъ: Кропоткина, Элизе Реклю, грабящихъ частную квартиру, перерѣзывающихъ всю семью изъ за денегъ, якобы для революціи?

Черносотенецъ. Что вы тамъ не разсказывайте, а все таки мы, подлецы, пролазы, дурачье, невѣжды, царское собачье, будемъ жить, да поживать, да добро наживать! А, вы, честные праведники, соль русской земли, поплететесь въ Сибирь, задохнетесь въ тюрьмахъ или петляхъ!

Обыватель. Гибель намъ не страшна — она для насъ тріумфъ, великая пропаганда. Холопская жизнь, подъ Дамоклесовымъ мечемъ, хуже смерти. Лучше въ цвѣтѣ жизни погибнуть человѣкомъ, чѣмъ тянуть долго жизнь, отвратительнаго пресмыкающагося. Если бы то, что живетъ въ нашей душевной глубинѣ, не перевѣ-

шивало всѣхъ страданій, мы не пошли бы по нашему тернистому пути, остановились бы передъ Голгоѳой. Наша жизнь исключаетъ моленіе о чашѣ. „Не бойтесь тѣхъ, кто убиваетъ тѣло, а душу убить не можетъ.“ Какъ бы вы страшно ни пали, живя только одною шкурою, но намъ все кажется, что и у васъ есть часы, когда проданная, опозоренная вами душа, неожиданно для васъ, встаетъ грознымъ судьею, на минуту снимаетъ слѣпоту съ очей. Какъ вы тамъ ни шумите горстью пустыхъ орѣховъ въ пустомъ мѣшкѣ, вы, все таки, презрѣнные трусы! Когда въ Москвѣ начали строить баррикады, вы, точно провалились подъ землю. Сознавай вы ясно, что ждетъ васъ завтра, вы, въ паническомъ ужасѣ, покинули бы ваши кровожадные, провокаторскіе союзы, пустопорожнюю дѣятельность. Васъ спасаетъ дремучее невѣжество, всосавшееся въ самое нутро — осатанѣлое холопство, способность мѣрить націю, состоящую изъ великихъ народностей, на свою микроскопическую мѣрку. Вы оголтѣли, думая, что правительство одолѣетъ. Все, что свершилось и свершается въ Россіи, говоритъ поразительно много пытливому уму. Вы прологъ близящейся, не только политической, но и соціальной революціи, приняли за эпилогъ. Не нужно быть дальновиднымъ политикомъ, пророкомъ, чтобы угадать, надвигающееся бурной тучей, грядущее. Таинственная завѣса, по временамъ, разрывается, какъ облака надъ безднами, и раскрываются, полныя свѣтозарнаго трагизма картины будущаго. Пламенные выступы, въ сотни тысячъ верстъ, обнаруживаются не на одномъ солнцѣ, такіе же мистически колоссальные пламенные обнаруживаются въ духовной жизни націй, наканунѣ міровыхъ переворотовъ. Передъ нашими изумленными глазами свершаются подвиги самоотверженья безграничнаго, мужества легендарнаго, отваги невѣроятной. Эти фантастическіе, по мощи, авангарды черезъ чуръ ясно указываютъ на неодолимое воинство, идущее въ слѣдъ.

Нужно быть нашимъ правительствомъ, чтобы сопротивляться грозно встающей, цѣлой странѣ. Шпіонскій участокъ, мечтающій навѣки извратить душу націи,

скрутить ея руки, — не болѣе, какъ нелѣпая, кровавая шутка. Лучи пламенной свободы проникаютъ черезъ самыя скалы, святое дыханье прогресса, какъ библейскій духъ божій, носящійся надъ водами и землею, охватываетъ всѣхъ. Арміи, неизбѣжно, втянутся въ заколдованный кругъ; армія — дитя народа, связанное съ нимъ настоящимъ и будущимъ. Чѣмъ выше, страшнѣе подымаются волны вокругъ судна, тѣмъ яснѣе, что ураганъ бушуетъ на неизмѣримомъ пространствѣ.

Вѣковыя надруганья надъ злосчастною страною, повальные грабежи, произволъ, безпощадныя избіенія, истязанья, подавленіе всѣхъ священныхъ правъ, вышіониванье души, принесли свои ярко красные плоды; сѣявшіе вѣтры, начинаютъ пожинать бурю. Изъ крови, неизбѣжно, родилась кровь, изъ жестокости — мщенье.

Революціонное движеніе никто никогда не побѣждалъ, иначе прогрессъ былъ бы невозможенъ; оно повиновалось только своимъ внутреннимъ, движущимъ законамъ... оно затихало, выбирая новые пути; крѣпло отъ ошибокъ, какъ фениксъ возрождалось изъ собственнаго пепла. Изъ костей, крови мучениковъ всегда выходили непобѣдимые мстители.

Послѣ 81 года, не смотря на покушеніе 1-го Марта, 87 года, убійство Судейкина, взрыва въ Боркахъ, правительство, въ безуміи своемъ, вѣрило, что побѣдило. Исполинское движеніе, разыгравшееся въ цѣлой Россіи, показало, что революція росла, горѣла подъ пепломъ; огонь изъ артерій тихо, неотразимо, переходилъ въ волосные сосуды націи. Передъ титаническимъ терроромъ послѣднихъ лѣтъ, померкъ терроръ, нанесшій незабвенный, славный ударъ 1-го Марта, 81 года. Помните, какъ при Николаѣ I горѣлъ дворецъ; балки медленно, тихо, тлѣли, въ одномъ углу рухнула щекатурка, и онъ вспыхнулъ весь разомъ.

Правительство не вняло первому предостереженью: ядрамъ, влетѣвшимъ въ залу зимняго дворца; по его наущенью, провокаторъ попъ — Гапонъ подготовилъ огромное избіеніе безоружныхъ рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей; рекламируя на весь міръ самодержавіе, православіе, онъ повелъ рабочихъ, съ иконами, хоругвями,

портретами царя, къ заранѣе покинутому дворцу; на глазахъ всего міра, они должны были, съ рабскими слезами, вымаливать у царишки блѣдно розовенькую конституцію. Предводитель двухъ сотъ тысячной рабочей массы, клявшійся достигнуть всего или умереть, сбѣжалъ при первомъ выстрѣлѣ. Свершивъ ужасную, предательскую миссію, онъ нырнулъ, сталъ шпіонить заграницей, проигрывая серебряники Іуды въ Монте-Карло, бокъ о бокъ съ мерзавцами изъ царской семейки. Онъ, въ качествѣ великаго знатока русскаго, революціоннаго движенія, предводителя народныхъ массъ, заявлялъ журналистамъ, что народное движеніе въ Россіи немыслимо, что правительство выйдетъ, неизбѣжно, побѣдителемъ, словомъ — хлопоталъ, пропагандировалъ новый милліардный заемъ. Правительство люто избивъ тысячи довѣрчивыхъ простаковъ, думало отстрочить свою гибель на десятокъ лѣтъ. Мы полюбовались результатами самодержавной стратегіи... Если декабристское движеніе замерло во время кошмарнаго царствованья черносотенца Николая Палкина, то отнюдь не изъ страха и мѣръ свинцоваго манекена, но черезъ крѣпостное право: рабъ, до поры до времени, выносилъ помѣщика, растлѣнный помѣщикъ — царя-деспота.

Свинцовое царствованье Николая Палкина, какъ всегда бываетъ, кончилось кровавымъ экзаменомъ, съ проваломъ. Цивилизація, какъ всегда, побѣдила варварство, свободные люди=рабовъ. Нація очнулась, начала тихо сбрасывать, зараженныя проказой рабства, лохмотья. Подъ давленіемъ всеобщаго пробужденья, освободились рабы, затѣялись половинчатыя реформы, затѣмъ революціонное движеніе пошло, не прерываясь. Война съ Японіей, другими словами послѣдній, еще болѣе позорный, неслыханный въ исторіи, провалъ, безъ одного выиграннаго сраженія, доконалъ разрушающійся, самъ себя пожирающій азіатскій, варварскій режимъ... Выстрѣлъ Каракозова былъ первый ударъ похороннаго колокола по самодержавію, но оно, увы, не поняло, смѣшало его со звономъ свадебнымъ, праздничнымъ.

Черносотенецъ. — Я, можно сказать, все выдержалъ,

желая дать вамъ, какъ слѣдуетъ высказаться, а теперь, я сочту священною, истинно русскою обязанностью, во исполненіе присяги, доложить о вашихъ мнѣніяхъ въ надлежащій департаментъ. За несказанно дерзкое поношенье нашего обожаемаго союзника — Николая II вы мзду весьма великую примите. Не прогнѣвайтесь, сударь мой, не я, по присяга тутъ, съ позволенья сказать, на первомъ планѣ!

Обыватель. — Но у васъ нѣтъ доказательствъ!

Черносотенецъ. — На счетъ этого не безпокойтесь, имѣя ввиду, что при вербованьяхъ, весьма часто, приходится выслушивать поносное хуленье священнѣйшей особы и даже приключались недоразумѣнья съ самой даже физіономіей — хочу сказать, мордобитія, съ плеваньями во уста и очи, мы начали запасаться свидѣтелями... Двое изъ охраны, сударь мой, примостившись, какъ можно удобнѣе къ дверямъ, можно сказать, глотали каждое поношенье ваше.

Содержаніе

Національный Гимнъ 3

Крамольники 5

Кошмаръ. 14

Кому Хорошо Жить на Руси. 23

Данте. 31

Кому Хорошо Жить на Руси, Картина Вторая. 32

Казнь 3-го Апрѣля 1881 37

Мракобѣсцы злые! Вами держится тронъ ;. 40

Сатана 41

Будда 46

Жизнь за Гробомъ 52

Богъ. 55

Милый другъ, я усталъ ; не тоскуй надо мной, ... 57

Послѣ долгаго зноя, засухъ упорныхъ, ... 58

Надъ Роной дворецъ сѣрый, гигантскій стоитъ 58

Республика 59

Святотатственный Злодѣй и Злодѣйка 61
Тайная Типографія 63
Она умирала; осыпались цвѣты; 64
На Волгѣ слухъ всюду таинственный бродитъ, ... 65
Степанъ Разинъ 65
У могилы Герцена 67
Дворецъ и Тюрьма 69
1 Марта 1881 г. 71
Крамольникамъ 71
О чемъ звонитъ Серебряный Колоколъ преосв. Амвросія въ Харьковѣ 73
Прибавленіе къ „О чемъ звонитъ колоколъ“ 74
Угнетенныхъ и бѣдныхъ защитникъ. 77
Въ вашихъ рѣчахъ звучитъ отвращенье. 78
Мои предки, безумно богатые, знатные 78
Пѣсня народная, пѣснь грезами полная, ... 79
Давно бы спустился на дно, — 79
Скала, средь равнины, пустынная, ... 79
Взгляните на общество, съ виду блистательное, ... 80
Шелъ мужичекъ изъ избушечки. 80
Океана гнѣвнаго волны могучія, , ... 80
О, моря спокойнаго, волна мелодичная 81
Закаленный упорной и роковой борьбой. 81
Башня изъ кружевъ желѣзныхъ. дворцы фантастичные . . . 81
Мать, молю предъ вѣчной разлукой 88
Не да ѣмъ девятнадцать вѣковъ протекли. 88
Въ часъ страшный, прощаясь на вѣки 83
Чорный годъ. 84

Злоехидный умъ конспиратора 84
Въ пунцовомъ плащѣ на горючемъ пескѣ,. 85
О, легкая тучка, розовымъ лучемъ озаренная,. 86
Средь цвѣтущихъ долинъ, апельсинныхъ лѣсовъ, ... 86
Продолженіе стихотворенія Лермонтова. 87
На Югѣ любилъ я садъ старый, пустынный 87
Миндальное дерево сронило цвѣтокъ. 88
О, Ницца, городь русскихъ съ больною душой 88
Послѣднее Прощанье 89
Тріумфъ 90
Греза 93
Юнгфрау и Солнце 94
Бракъ по любви въ XX вѣкѣ 95
Константинополь. 96
Отрывокъ изъ моихъ неизданныхъ путешествій 110
Вербовка въ Черносотенцы. 115

Полное Собраніе Сочиненій

П. Ѳ. АЛИСОВА

2-е Изданіе

Исправленное и дополненное

Вошли статьи не бывшія въ печати

II КНИГА

Статьи Антирелигіозныя

ЦѢНА 5 ФР.

Нарва

Типографія Я. Е. Клейдмана, 7, rue Cotta

1910

„*Что до меня касается, я гроша не дамъ за политическую свободу, если я въ то же время рабъ своихъ религіозныхъ убѣжденій; истинная свобода можетъ быть только тогда, когда человѣкъ религіозно свободенъ, истинное образованіе тамъ, гдѣ человѣкъ сдѣлался господиномъ своихъ религіозныхъ предразсудковъ и представленій. Мы живемъ въ постоянномъ противорѣчіи между религіей и образованіемъ, уничтожить это тлетворное противорѣчіе есть задача нашего времени; для новаго времени необходимо и новое воззрѣніе и убѣжденіе о первыхъ элементахъ и причинахъ человѣческаго существованія и если хотите сохранить слово религія — необходима новая религія.*

Религія заключаетъ въ себѣ элементы, существенно противорѣчащіе образованію, такъ какъ она тѣ представленія, обычаи, изобрѣтенія, которые сдѣланы человѣкомъ въ дѣтствѣ, хочетъ поставить закономъ и для зрѣлаго возраста.

Когда люди выйдутъ изъ теперешней кажущейся цивилизаціи изъ эпохи религіознаго варварства, имъ покажется дикимъ, какъ они могли принимать законы нравственности и любви за заповѣди Божьи.

Богъ не такая вещь, которую ты можешь найти посредствомъ телескопа въ астрономическомъ небѣ или посредствомъ лупы въ ботаническомъ саду, или посредствомъ минералогическаго молотка, въ черныхъ рудникахъ геологіи, или посредствомъ анатомическаго скальпеля во внутренностяхъ человѣка и животнаго, ты его найдешь только въ вѣрѣ, въ воображеніи, въ сердцѣ человѣка, потому что онъ самъ есть ни что иное, какъ существо фантазіи или воображенія, существо человѣческаго сердца.

Задача моя заключалась въ томъ, чтобы изъ друзей Бога сдѣлать васъ друзьями человѣчества, изъ вѣрующихъ — мыслителей, изъ молельщиковъ — работниковъ, изъ кандидатовъ загробной жизни — студентовъ настоящей, изъ христіанъ, которые по собственному сознанію, полуживотные, полуангелы — людей, полныхъ людей.“

(*Сущность Христіанства.* Людовика Фейербаха)

Прекрасная Елена

„Нѣтъ, нѣтъ то не тучи!
То сами они, то могучіе Боги Эллады,
Объятъ изумленіемъ чуднымъ, смотрю я
На этотъ воздушный, большой пантеонъ,
На этихъ боговъ исполиновъ,
Безмолвно и страшно свершающихъ по небу путь.

. . . . . .

Когда я гляжу въ вышину на васъ, позабытые Боги,
Васъ мертвыя, ночью бродящія тѣни,
Непрочныя, словно туманъ, разгоняемый вѣтромъ,
И только я вспомню, какъ пусты и какъ малодушны
Тѣ идолы — Боги, что васъ побѣдили —
Несносные, властные, новые Боги
Подъ маской смиренья, носящіе гнусную злобу,
О, въ эти минуты исполненъ я мрачнаго гнѣва,
Готовъ бы разрушить всѣ капища новыхъ Боговъ
И броситься въ битву за васъ, побѣжденные Боги!“

Боги Греціи. Г. Гейне.

Я зашелъ въ театръ; онъ былъ пустъ, въ особенности мало было женщинъ, впрочемъ это было для меня немного понятно — давали прекрасную Елену; упорно-застѣнчивый полъ боится раздражающихъ сценъ прекрасной Елены; ихъ высокая нравственность тотчасъ же свертывается отъ прикосновенія... Женщины, наполнявшія, кой гдѣ, ложи, отличались рѣдкимъ уродствомъ и даже жаждущимъ прикосновенія видомъ.

Занавѣсъ взвился; толпа угомонилась... Дѣвушки, въ вѣнкахъ, поютъ любовную пѣсню; огонь тускло горитъ въ жертвенныхъ чашахъ; послѣ пѣсни, онѣ приносятъ скудныя жертвы, и исчезаютъ... Двери храма отворяются; въ красномъ плащѣ, зеленомъ вѣнкѣ, медленно, торжественно выплываетъ жрецъ, комически забавное просвѣчиваетъ въ малѣйшей морщинкѣ его лица; провожающему его, закутанному въ бѣлое, прислужнику, онъ, пришамкивая, говоритъ: „Цвѣты, цвѣты, очень много цвѣтовъ“, пріостановившись, съ грустью, добавляетъ: „Черезъ чуръ много цвѣтовъ, фонды Юпитера падаютъ, что ни день все болѣе, болѣе, какъ простыя, бумажныя акціи“. — Кузнецъ вноситъ желѣзный листъ, то страшный громъ старика Юпитера;

кузнецъ трясетъ листъ; роковые раскаты оглушаютъ жреца, онъ умоляетъ остановиться, не злоупотреблять сильными ощущеніями...

Является прекрасная Елена, съ разрѣзною туникою, при каждомъ ея поворотѣ, таинственно, виднѣются стройныя ноги; старички-селадоны пустили слюни и, отвратительно вздрагивая, уставили бинокли на появляющіяся и исчезающія, бѣлыя ноги... Рыжая Елена—чувственная красавица; ея разогрѣтому южнымъ солнцемъ воображенію снятся мужественныя, прекрасныя формы мужчины; обольстительная супруга стараго Менелая заманчиво сладострастна; отъ нея вѣетъ зноемъ, нѣгою; она помышляетъ о запретномъ яблочкѣ; пастушекъ Парисъ раздражаетъ въ ней чувственные нервы. Весь первый актъ обвѣянъ розовою дымкою, обоняешь запахъ лимонныхъ, миндальныхъ цвѣтовъ... невольно переносишься воображеніемъ въ апельсинныя, лимонныя рощи, въ тѣнистые, увитые гирляндами розъ, роскошные сады, въ комнаты, наполненныя, пряными ароматами, пылающими свѣтильниками; въ серебряномъ дыму благовоній сверкаютъ сладострастныя ложи; всюду блещутъ черные огни глазъ нѣжныхъ красавицъ, съ чуть прикрытымъ тѣломъ, съ призывною нѣгою въ лѣнивыхъ движеніяхъ; языческая, поющая, черезъ чуръ ликующая, до истомы пьющая чашу наслажденій жизнь, съ ясными, синими небесами, запахомъ дивныхъ цвѣтовъ, звономъ фонтановъ, невольно возникаетъ въ воображеніи. Прошлая жизнь, обвѣянная сатирою, осыпанная ѣдкими эпиграммами, мирно, весело проходитъ передъ вами. Раздѣтая до нага, религія, полная неисчерпаемаго шарлатанства, не бѣситъ васъ, она освѣщена, согрѣта смѣхомъ; закулисныя шашни, дешевыя пружинки, замысловатыя уловки плутоватыхъ, вороватыхъ жрецовъ Юпитера, Венеры, Пріапа, выведены на чистую воду, съ неподражаемымъ, тонкимъ, веселымъ остроуміемъ. Жрецъ Калхасъ, пастушекъ Парисъ, прекрасная Елена острятъ, дѣлаютъ забавное меле изъ прошлаго и настоящаго, и божественный винегретъ выходитъ превкусный и пикантный.

Но замолкли веселые, ликующіе звуки, занавѣсь упала и мнѣ стало грустно; темные, исполинскіе призраки умершихъ боговъ, пронеслись въ моей потрясен-

ной душѣ. Могучіе, позабытые боги! чѣмъ только не забавлялись вы, задыхаясь на небѣ отъ скуки, вы умѣли стращать и любить, безумствовать, мстить и наслаждаться! у вашихъ пышныхъ алтарей, пресмыкаясь въ прахѣ, ползали жрецы въ священныхъ пышныхъ облаченіяхъ; передъ вами блистали, не угасая, яркіе огни жертвенниковъ; въ дыму кадильныхъ тумановъ вы грозно смотрѣли съ своей высоты; передъ вами сыпали золото, но не дойдя до васъ, оно текло въ бездонно священные карманы жрецовъ, гетеръ, наложницъ; и васъ, одѣляющихъ щедрою рукою жрецовъ, наложницъ, презрительно, нахально столкнули съ улетающихъ въ небо пьедесталовъ, низвергнули въ прахъ, смѣшали съ жалкимъ прахомъ; много вѣковъ проспали вы пустымъ сномъ и проснулись на подмосткахъ, сверкающаго огнями театра, въ блестящихъ, остроумныхъ опереткахъ, на сухихъ безпощадныхъ страницахъ исторіи; вы грозили людямъ, а теперь ихъ смѣшите, ваши громы затихли, пылающіе яркимъ огнемъ жертвенники потухли; вы освѣщены не яркимъ огнемъ жертвенниковъ, но яркимъ блескомъ сатиры, словомъ, взбалмошные старые боги, вы весело преобразились... Но милые, веселые, старые боги, новые смѣнившіе васъ — галкіе, злые, нелѣпые боги тоже ждутъ смѣны; пора и ихъ отпустить на вѣчный покой! Вамъ служили веселые, увитые вѣнками, проказники жрецы, съ эротическими словами на чувственныхъ губахъ; у новыхъ божковъ тоже есть служители, но головы ихъ неувиты вѣнками изъ пахучихъ розъ, на нихъ, неуклюже, тяготѣютъ полновѣсныя митры, съ тяжелыми украшеніями или еще хуже — дурацкіе колпаки; вмѣсто развѣвающихся, красивыхъ, легкихъ мантій, на нихъ висятъ тяжелыя, дорогія ризы; въ угоду вамъ сжигали чудные ароматы, въ угоду новымъ—курятъ дурманомъ; вамъ, веселые боги, покланялись въ цвѣтущихъ, зеленыхъ садахъ, подъ сводомъ роскошнаго, неба при вѣяніи теплаго, нѣжнаго вѣтерка, подъ пѣніе, щебетаніе чудныхъ, разноцвѣтныхъ птицъ; новымъ въ удушливо-смрадныхъ, темныхъ храмахъ; зеленое, мутное небо чуть просвѣчиваетъ сквозь ихъ тюремныя рѣшетки, а горячее солнце никогда не заглядываетъ въ эти сырые погреба.

Ваши жрецы, нахальные плуты, умѣли съ внутреннимъ смѣхомъ, корчить серьезныя мины, маска была имъ иногда не подъ силу, не стѣсняя себя и другихъ, они часто сбрасывали ее и являлись забубенными гуляками, жадными до языческихъ удовольствій; они, ближе всѣхъ стоящіе къ богамъ, умѣли въ нихъ не вѣрить, они играли въ деньги, боги были неосязаемые капиталы, дающіе осязаемые проценты. Служители новаго Бога, его многочисленнаго причета жалки, грязны, глупы до подлости, серьезны до идіотизма; они опутали тяжелыми цѣпями тѣло и душу, вся жизнь ихъ— маска; они лгутъ вѣчно, такъ колоссально, что подъ конецъ вѣрятъ въ ложь, какъ въ истину; лѣти мрака, дикой обрядности, они ловятъ рыбу въ мутной, полной роящимися насѣкомыми, гнилой водѣ, они до тошноты приторны, и что очень грустно — жаднѣе жрецовъ минувшихъ; Богъ для ихъ—курица, несущаяся не золотыми, но брилльянтовыми яйцами; играя въ него и угодниковъ, оборачивая этотъ призрачный капиталъ въ своихъ жадныхъ лапахъ, они вѣрятъ въ свою чистоту, шарлатанятъ безъ горькой, ядовитой насмѣшки надъ собою. Попавшіе на сцену старые боги смѣшатъ насъ до слезъ, нашъ Іегова, съ своею непостижимою тройцей будетъ усыплять слушателей. Тамъ ликованіе, звуки тимпановъ, розы, веселье; тутъ самоистязаніе, мракобѣсіе, черная корыстная ложь!

Въ послѣдней сценѣ прекрасная Елена, ложась въ постель, говоритъ жрецу Калхасу, что она жаждетъ блаженныхъ сновидѣній; она засыпаетъ въ полумракѣ, роскошно раскинувшись, ея яркопунцовыя губки ждутъ горячихъ поцѣлуевъ; нѣжное тѣло, трепетно, жаждетъ прикосновенія. Старикъ жрецъ чмокаетъ засохшими отъ внутренняго жара губами и сладострастно шепчетъ: „Чудная бабеночка, славная капашка!“ онъ не въ силахъ сдержать закипающей, старческой похоти и въ припрыжку, а ля Петръ Ивановичъ Бобчинскій, приближается къ Еленѣ и чуть не прикасается къ ея нѣжному локтю, на этомъ поразительномъ мѣстѣ онъ получаетъ поразительную затрещину и старичка сатира смѣняетъ молодой сатиръ; оставшись одинъ, онъ будитъ красавицу поцѣлуями, красавица увѣряетъ, что это сонъ; Парисъ охотно соглашается быть сномъ.

Влюбленная парочка нѣжно поетъ и незамѣтно подвигается къ кровати, къ концу всѣхъ концовъ. Заманчиво сопротивляясь, театральная Елена доводитъ театральнаго Париса до того, что тотъ забывши все и вся, начинаетъ странно спазматически дышать, глотать слюни и непостижимо скоро, натурально кладетъ ее на постель. Но въ то время, когда уродливыя лица, бывшихъ въ ложѣ дамъ, озарились багровымъ румянцемъ, глаза дико заблестѣли, а массивныя груди бурно заколыхались подъ толстыми костями тѣсныхъ корсетовъ, Менелай, довѣрчивый, рогатый супругъ, вбѣгаетъ въ комнату и горько, слезно оретъ: „караулъ, караулъ!“ Увлекшійся, до послѣдней физической возможности, Парисъ, насилу можетъ раздышаться отъ недоконченной сцены; прекрасная Елена, остановленная, очень рѣзко, на половинѣ пути, приходитъ очень основательно, въ забавное бѣшенство; комната наполняется карикатурными царьками, являющимися отъ перваго до послѣдняго акта, во всѣ критическія минуты... Менелай вопитъ, карикатурные царьки вопятъ, а жрецъ въ красной, развѣвающейся мантіи, съ кубкомъ пѣнящагося вина въ рукѣ, съ веселою, похотливою рожею сатира, тихо, беззвучно хохочетъ....

II.

Сошедшіе со сцены, старые боги, не только вы сами излились изъ нѣдръ солнца, но и всѣ ваши миѳы сотканы изъ солнечныхъ лучей, ароматовъ южныхъ цвѣтовъ, изъ брызгъ лазурныхъ волнъ ликующаго моря. Не грозною, пугающею красотою поражалъ вашъ Олимпъ, но тающими въ небѣ контурами. На склонахъ гармонически переливалась пестрая зелень густыхъ лѣсовъ, въ сумракѣ звенѣли средь разноцвѣтныхъ камней, студеные ключи. Нѣжно синія, прозрачныя небеса при восходѣ и закатѣ солнца ослѣпляли причудливыми красками... Это вы, боги и богини, развѣвали по всему небу ваши воздушныя, палевыя, розовыя, ярко красныя отливающія золотомъ, серебромъ, перламутомъ божественныя одежды и сіяніе ихъ отражалось на мраморныхъ колоннадахъ храмовъ.

Какъ граціозна, нѣжна, пышна, цвѣтуща Психея въ объятіяхъ млѣющаго Амура, какъ омерзительны

христіанскія святыя, старыя дѣвы, желто гнилыя, приподносящія на блюдечкахъ небесному жениху свои отрѣзанныя, высохшія, робкія груди.

Какъ чудовищно прекрасенъ сынъ солнца не справившійся съ бѣшенными огненными конями; сколько безконечной шири въ его безумномъ дерзновеніи, крамольномъ порывѣ, какъ величественна гибель... Какъ отвратительны наши самоистязующіеся праведники, съ вѣчнымъ холопскимъ послушаньемъ, рабски вялымъ непротивленьемъ, неистощимымъ какъ ихъ глупость терпѣньемъ, безконечной покорностью провидѣнью...

Какъ ничтоженъ легендарный Іисусъ, съ его получасовымъ страданьемъ на крестѣ за людей, передъ первообразомъ революціонера, мятежнымъ Прометеемъ, прикованнымъ къ дикой, черной скалѣ, окруженной черными тучами. Опъ зажегъ огонь свободы въ сердцахъ людей, и его всеобъемлющее сердце на мигъ не отдыхая жретъ коршунъ Зевеса, раны зарастаютъ и вновь, вновь рветъ сердце проклятый палачъ, проклятаго деспота...

На вашихъ сіяющихъ, воздушныхъ образахъ, призракахъ, витающихъ надъ Олимпомъ, жрецы нажили много... много...

Наше попьё на небеспомъ нолѣ нажило милльарды, тысячи милліардовъ . . . . . .

. . . . . .

Одесса. 1870.

Опроверженіе

„Жизни Іисуса“ Ренана

Аббата Гете

„Передъ истиной нагой исчезъ и призракъ Бога.“

Монологи Огарева

„Только сердцемъ можно видѣть небо; если же вы хотите заставить меня вѣрить въ него, какъ заставляете вѣрить въ существованіе антиподовъ т. е. съ помощью разсказовъ и географическихъ вѣроятностей, то я вовсе не повѣрю ему...“

Исторія англійской литературы Тена

Аббатъ Гете, обуреваемый религіозными чувствами, состряпалъ книженку, озаглавленную чрезвычайно комично: „Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, Ренана“. Повидиму, онъ пожелалъ въ прахъ разнести — Ренана. Переводчикъ въ своемъ наивномъ предисловіи, объясняетъ свой переводъ книги тѣмъ, что будто бы Ренанъ чрезвычайно увлекателенъ (другими словами очень логиченъ) и легко можетъ увлечь молодежь и неспеціалистовъ закона Божьяго на свою сторону; и что онъ съ своимъ переводомъ является какъ противовѣсъ вліянію Ренана. Сердобольный переводчикъ трогательно печется о сохраненіи религіозныхъ вѣрованій. Книга аббата Гете — жалкое, безплодное усиліе удержать, безсильными, дѣтскими ручонками, съ каждымъ часомъ все болѣе, болѣе надвигающіяся, страшныя тяжести; это послѣдній tour de force слабенькаго мозжечка, занавоженнаго нелѣпостью и предразсудками.

Перешедшій въ православіе Гете, состоящій попомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, именуемый отцемъ Владиміромъ, задумалъ трудное дѣло; его крохотные софизмики, поповскія воззрѣнія популяризируютъ Ренана, изъ области свѣтской онъ проникнетъ въ монастыри; опроверженьями онъ ярко освѣщаетъ ту тьму кромѣшную вѣрованій, которыхъ придерживаются попы и забитые ими невѣжественныя массы.

Постараемся сдѣлать легкій обзоръ труду отца Владиміра: сочиненіе предназначено для публики, не знаю иронія ли это, или крайне наивное пониманіе публики?

Все сочиненіе написано тяжелымъ, сухимъ, топорнымъ языкомъ; скучно оно до фантастическихъ размѣровъ; когда читаешь его, въ памяти подымаются отвратительныя воспоминанія; вспоминаешь тупого попа, отмѣчающаго ногтемъ страницы изъ катихизиса. Попъ Владиміръ съ его пресловутыми опроверженіями дѣйствовалъ бы энергически на страдающихъ упорной безсонницей, если бы рядомъ съ убаюкивающими свойствами не имѣлъ еще такихъ, которыя возбуждаютъ отдѣленіе желчи; его слабыя очи не выносятъ истины; потухающими очами онъ глядитъ назадъ, а не впередъ; сочиненіе бывшаго аббатика, „привыкшаго въ гостиныхъ бить „маленькій набатикъ“ проникнуто не безпристрастнымъ спокойствіемъ, обѣщаннымъ въ предисловіи, а скорѣе забавнымъ бѣшенствомъ. Попъ Владиміръ съ остервенѣніемъ грызетъ панталоны на икрахъ Ренана, онъ прыгаетъ отъ софизма къ софизмику, до крайняго истощенія силъ, и для того, чтобы ничего не доказать, а невиннымъ образомъ подкрѣпить его сужденія; съ поражающимъ педантизмомъ, онъ перелистываетъ священныя побасенки, старается, въ отжившихъ нелѣпостяхъ, найти таинственный, высокій смыслъ; въ мертвечину вдуваетъ, своимъ чахоточнымъ дыханьемъ, жизнь; какъ утопающій тщетно хватается за всякую соломенку; поминутно упрекаетъ Ренана въ недостаткѣ учености, его же собственная—ограничивается знаньемъ католическаго катихизиса и философіи семинаріи; раздергивая сочиненіе Ренана по клочкамъ, онъ самъ обрывками текстовъ старается доказать свои положенія.

Постараюсь озаглавить все то, что старается доказать doctor angelicus, служащій при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ:

1) Іисусъ родился отъ дѣвы Маріи, которая своеобразно зачала его ни болѣе ни менѣе какъ отъ духа святаго;
2) Іисусъ творилъ чудеса;
3) Улетучился послѣ смерти въ безграничное пространство;
4) Іисусъ — богочеловѣкъ, видно это ясно изъ того, что Богъ, папаша Іисуса, прокопавъ пальцемъ дырку въ небѣ, крикнулъ оттуда всѣмъ людямъ

„То есть сынъ мой возлюбленный, о немъ благоволихъ„.

5) Рай и адъ существуютъ.

Приведенные мною пять пунктовъ до того пикантны, что многіе заподозрятъ издѣвательство надъ книгою попа Владиміра. На самомъ дѣлѣ тѣни вымысла нѣтъ въ выше приведенныхъ строкахъ, онѣ сильно сжаты, въ сочиненіи же посольскаго попа удивительно разжижены.

Постараюсь подробнѣе распространиться о доказательствахъ, приводимыхъ въ пользу каждаго изъ этихъ пунктовъ; въ пользу перваго попъ приводитъ слѣдующее: „Пусть же (пишетъ онъ) намъ докажутъ, что Богъ, сотворившій міры, вложившій въ человѣка способность воспроизведенія, не можетъ создать человѣческое тѣло въ утробѣ дѣвы“. Пребѣдовый чудакъ Богъ отца Владиміра, выкинувшій такой замысловатый фокусъ-покусъ! но сотворивши въ горячахъ эксцентрическую глупость, онъ раскаялся, это видно изъ того, что послѣ онъ не повторялъ такой забавной продѣлки; грустно, что Богъ не оказалъ ровно никакой услуги Маріи такимъ непозволительнымъ зачатіемъ; роды ея были бы гораздо легче, если бы она зачала по всѣмъ правиламъ естественнаго зачатія. Теперь мы полюбопытствуемъ узнать у бывшаго аббатика, на какихъ трезвыхъ данныхъ онъ основываетъ свое баснословное положеніе, неужели не шутя, не издѣваясь надъ собою, не дѣлая шута изъ бога, онъ можетъ стараться доказать это?

„Іисусъ творилъ чудеса“, воскресилъ протухшаго въ копецъ Лазаря; отъ его слова мертвые воскресаютъ, слѣпые прозрѣваютъ, глухонѣмые отъ рожденія слышатъ и говорятъ; больные, увѣчные исцѣляются; даже изъ одержимыхъ злымъ духомъ, съ трескомъ, шумомъ, какъ ракеты, вылетаютъ шаловливые бѣсенята. Трудно повѣрить, что попъ Владиміръ берется побѣждать Ренана! теперь и дѣтей не проведешь такими незамысловатыми сказочками! Плохую услугу оказалъ онъ Іисусу: изъ его поповскихъ лапъ онъ вышелъ низкимъ шарлатаномъ, восточнымъ кудесникомъ; всякій повѣрившій этому, долженъ глубоко разочароваться въ Спасителѣ; трудно предположить, что

такой гнусный обманщикъ, фокусникъ, умеръ на крестѣ, за великую мораль! Но увы — все перемалывающее время очистило идеальный миѳъ отъ грязныхъ наслоеній, наложенныхъ усердіемъ вѣрующихъ въ него мистиковъ.

Единственную вещь умѣлъ исцѣлять Спаситель, это: нравственный мучительный разладъ; его ясное, теплое, правдивое слово навѣрное многихъ заставляло призадумываться надъ собою; онъ, иногда, умѣлъ давать благодѣтельный толчекъ, выходъ изъ мучительной борьбы съ собою. Пусть отвѣтитъ попъ Владиміръ, гдѣ не свершались чудеса? Они свершались, для желающихъ ихъ видѣть, всюду и всегда, всѣ пророки, великіе преобразователи носятъ ихъ съ собою цѣлыми кучами, это—ихъ позорная свита, начиная съ Будды, кончая Магометомъ. И даже теперь, совѣстно сказать, полиція позволяетъ святымъ кукламъ творить доморощенныя чудеса. Всякая религія обременена и загрязнена ими, но здравый смыслъ, давно покончилъ съ выкидышами тьмы; то—языческіе фокусы, о которыхъ долженъ былъ бы посовѣститься говорить человѣкъ, получившій воспитаніе въ XIX вѣкѣ.

Все противное неизмѣннымъ законамъ природы признано чепухою, могущею тѣшить только погрязшую въ предразсудкахъ массу; неужели нужно серьезно доказывать, что чудо діаметрально противуположно логикѣ, и наукѣ, что колоссальная природа, движимая законами, не можетъ забавляться въ угоду попамъ фокусами... Неужели отецъ Владиміръ настолько лишенъ намека на здравый смыслъ, самостоятельные выводы, что потому только, что жалкія бредни разсказаны подозрительными Евангелистами, онъ поддерживаетъ ихъ, онѣ служатъ ему незыблемымъ авторитетомъ? эти жалкія росказни простительны апостоламъ: жившимъ 1800 лѣтъ назадъ, а не попу Владиміру, служащему при посольствѣ и гдѣ же, въ Парижѣ! Попъ слезно упрекаетъ Ренана, что тотъ дошелъ до того,—

„Что сталъ заподозрѣвать добросовѣстность повѣтствователя; правда, Г. Ренанъ, вѣрный своему обычаю, не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подвержденіе столь оскорбительнаго обвиненія, брошеннаго въ лицо писателя, который возлежалъ на персяхъ Іисусовыхъ. Такъ и хочется при видѣ такого неосновательнаго оскорбленія потребовать за него строгаго отчета отъ Г. Ренана!“

О, ужасъ какъ осмѣлился, онъ усомнится въ Іоаннѣ, возлежавшемъ на персяхъ Іисусовыхъ!!.. откровенно говоря, Іоанну удобнѣе, мягче было бы имѣть подъ головой подушку, чѣмъ твердыя перси Іисусовы...

„Іисусъ улетучился послѣ смерти". Невольно являются вопросы: куда прилетѣлъ улетѣвшій Спаситель? въ какомъ мѣстѣ резиденціи Бога? летѣлъ онъ туда съ остановкою или безъ остановки? останавливался ли, на лунѣ, Венерѣ, Меркурій и другихъ планетахъ? записалъ ли названія лучшихъ отелей? отдыхалъ ли на солнцѣ? а если отдыхалъ, то не измѣрилъ ли изъ любопытства температуру солнца? посѣтилъ ли млечный путь, туманныя пятна? не зацѣпился ли за хвостъ кометы? Не знаю кто дальше залетѣлъ: Іисусъ воскресшій послѣ смерти, или п пъ Владиміръ, старающійся доказать это? Я посовѣтовалъ бы отцу Владиміру пройти краткій курсъ физики, краткія начала астрономіи; пройди онъ ихъ въ объемѣ средняго училища, онъ съ ужасомъ взглянулъ бы на свои строки, поразился собственнымъ безсмысліемъ, но къ сожалѣнію отецъ Владиміръ устарѣлъ для физики; кабалистическія книженки святыхъ отцовъ такъ разжижили его мозгъ, что его, увы, не сгустятъ никакія естественныя науки.

„Іисусъ богочеловѣкъ" т. е. божественный гермофродитъ. Пусть попъ Владиміръ побезпокоится разложить это сложное, химическое пятно на его составныя части; разъяснитъ эту гомерическую безсмыслицу неподражаемую гиперболу.

„Адъ и рай существуютъ".. Отцы церкви, вѣря въ это, презабавно противорѣчатъ себѣ, ихъ идеальный Богъ превращается въ безгранично безжалостнаго тирана. Неронъ, Эліогобалъ нѣжные архангелы въ сравненіи съ нимъ: преслѣдуя лютыми казнями, пытками христіанъ, они отличались сравнительно съ правосуднымъ, благимъ Богомъ, святою мягкостью; за грѣшную жизнь, продолжающуюся нѣсколько десятковъ лѣтъ, попы сулятъ муки вѣчныя. Творецъ! какъ велика твоя благость, твое правосудіе, всепрощеніе!!.. Многіе могутъ сказать, что такія варварскія воззрѣнія отошли въ ничѣмъ небрезгающую, все проглатывающую вѣчность, и что вѣра въ подобную загробную жизнь

исчезла съ расширеніемъ естественнаго знанія, что даже попы, говоря о пыткахъ вѣчныхъ, вовсе не подразумѣваютъ подъ ними тѣ уродливыя воззрѣнія, въ которыхъ отразилось, грубое кровожадное человѣчество, съ огнемъ, мечемъ, муками; что сковороды, жаровни, щипцы, крючки, косматые черти отошли, въ область гадкихъ сказокъ; что подразумѣваются нравственныя мученія, но не все ли равно: чѣмъ онѣ понятнѣе, легче физическихъ! Скучно тратить слова на увѣренія, что послѣ смерти все живущее дѣлается достояніемъ природы для новыхъ формъ жизни, которыми она замѣняетъ старыя; что все живущее—физическій матеріалъ, вѣчно перерабатываемый въ лабараторіи природы. Попъ Владиміръ унавозитъ своею семинарско ученою особою крохотное мѣстечко на кладбищѣ посольства; какія метаморфозы потерпитъ онъ, рѣшить трудно; проявится ли онъ въ формѣ никому ненужнаго бурьяна, или же душистыхъ розъ, въ крылѣ бабочки, панцырѣ навознаго жука, въ глазахъ крота, или, видоизмѣняясь милліоны разъ, будетъ весело обращаться въ кровеносныхъ сосудахъ отъявленнаго атеиста...

Но прежде, чѣмъ обречь человѣчество на вѣчныя пытки, попу Владиміру нужно было бы пояснѣе объяснить, что такое грѣхъ и на сколько человѣкъ, всасывающій физіологически наклонности отъ родителей, живущій среди грѣшнаго, испорченнаго до мозга костей человѣчества, виновенъ въ своихъ грѣхахъ? Пусть попъ Владиміръ побезпокоится отмежевать въ атмосферѣ уголокъ для посмертнаго, нравственнаго или физическаго страданія; укажетъ, подъ какою небесною долготою, широтою находится курьезное мѣстечко; пусть докажетъ возможность нравственнаго страданія съ абсолютнымъ отсутствіемъ физическихъ органовъ; приведетъ примѣръ чувствительности безъ нервовъ,—зрѣнія безъ глаза, мысли безъ мозга; словомъ, докажетъ существованіе мучающагося, мыслящаго ничто!...

Навѣрное ни одному теологу не пришли слѣдующія логическія мысли... Во всѣхъ религіяхъ подъ разными названьями богъ и дьяволъ представляютъ своими особами—богъ—духовныя стремленія, дьяволъ-плотскія вожделенья... Въ небѣ царятъ—прохлада и свѣтъ, свѣтъ безъ конца, превосходящій свѣтъ солнца, дивное

мерцаніе звѣздъ, не палящій, но все озаряющій ; все полно музыкой сферъ, ангелы бѣлоснѣжными крыльями навѣваютъ грезы легкія какъ дуновеніе ихъ крыльевъ... Въ небесныхъ сферахъ невѣдомы, страсти, желанья, страданья, царитъ божественный сладкій восторгъ, звучитъ хвалебный гимнъ. Рай —гармоническое вѣчное созерцаніе божества, сладостное успокоенье.

Въ аду—огонь универсальной кухни, сочащіеся на вертелахъ ротсбифы, презрѣнный металлъ, льющійся потоками, пѣнящіяся вина, ненасытный блудъ; какъ огонь ада жгучи страсти, неугасимы желанья; всюду гремятъ запрещенныя небесной цензурой, необузданныя рѣчи, пѣсни и всевозможныя дерзновенья. Нѣтъ предѣла наслажденію плотскому ; въ аду хохочутъ надъ небесными эфирными наслажденьями, божественными предразсудками, въ аду нѣтъ морали, все дозволено... вѣчный огонь на кухнѣ, вѣчный жаръ въ крови, въ сердцахъ, нервахъ. По послѣднимъ извѣстіямъ кухонный огонь въ аду замѣненъ электричествомъ, но это не измѣняетъ моего взгляда. Электрическій огонь интенсивнѣе.

Богъ угощаетъ своихъ обожателей воздушными блаженствами. Сатана своихъ матеріальными.

Сатана лютый врагъ бога, его всемогущій соперникъ вѣчно мѣрящійся съ нимъ силами... вѣчно критикующій. Чудовищная нелогичность представлять его мстителемъ за бога, его усерднымъ палачомъ, логика летитъ кувыркомъ, разъ вы начинаете увѣрять, что онъ своихъ послѣдователей, друзей, угодившихъ ему во всемъ, будетъ вѣчно терзать, но за что? въ угоду кому? безконечно мучая противниковъ бога, сатана игралъ бы ему на руку, угождалъ ему, несъ на своихъ лохматыхъ плечахъ клеймо палача болѣе тяжкое, чѣмъ крестъ Голгофы. Богъ — успокоившійся вѣчный консерваторъ, онъ ничего не читаетъ, ни за чѣмъ не слѣдитъ, предоставляетъ все своимъ архангелам... Сатана революціонеръ ненасытный въ стремленьяхъ, жаждущій знанья, никогда недовольный... вѣчно анализирующій.

Когда я пишу эти строки, я взглядываю на южное небо, усыпанное яркими звѣздами, блестящія искорки дерзко блещутъ въ прозрачной синевѣ неба; глядя на нихъ, мнѣ становится смѣшно, и грустно; безконечное

количество исполинскихъ тѣлъ вращается въ необъятномъ небѣ, среди нихъ, въ сравненіи съ ними крохотный атомикъ, математическая точка — земля совершаетъ свой опредѣленный вѣчными законами путь; на этой крохотной, смѣшной планеткѣ живетъ людское племя, неизмѣримо крохотнѣе, забавнѣе самой планетки; но микроскопическіе гномы заносчивы до безпредѣльныхъ размѣровъ, они придумали себѣ колоссальнаго Бога, назвали его творцемъ безконечнаго неба, съ его безчисленными гигантскими мірами, и его безграничнаго, всемогущаго продерзостно упрятали въ свою крохотную скорлупку; навязали ему роль временщика надменнаго, безцеремонно заставили вмѣшаться во всѣ дрязги, мелочи жизни, какъ капризнаго самодура-деспота, стали смягчать подачками, жалкими молитвами, и въ довершеніе всѣхъ издѣваній, заставили оплодотворить сверхъестественно дѣвственницу, чтобы родить въ придачу къ себѣ сына, а къ нему—святого духа. Если каждая планетка, звѣзда, предъявятъ такія же требованія, — боговъ, сыновей, святыхъ духовъ будетъ столько же, сколько звѣздъ, кружащихся въ небѣ! ... И витіи, вродѣ посольскаго попа, берутся устоять противъ неудержимо бурнаго потока новыхъ понятій, все большихъ, большихъ успѣховъ естественныхъ наукъ! Жалкіе кроты, если свѣтъ недоступенъ вамъ, то нечего вылѣзать изъ темныхъ щелей, и напрасно хорохориться...! Отецъ Владиміръ, сосредоточиваясь на темной сторонѣ религіи, упустилъ ея свѣтлую,—гоняясь за тѣнью, потерялъ самый предметъ, отбрасывающій тѣнь; онъ нагло, рѣзко выказалъ всѣ больныя мѣста религіи и не съумѣлъ выставить величавой морали горней — проповѣди...; онъ защищается истрепанною фразишкою, что великіе умы и милліоны вѣрили; но чему только. не вѣрили и невѣрятъ , эти удивительные милліоны? —въ Браму, Вишну, Шиву, Кали, Изиду, быка Аписа, Юпитера громовержца, Минерву, Афродиту, въ непогрѣшимость папы, въ божественность деспота, тайную инквизицію, чорта, чортиковъ, вѣдьмъ, — путается умъ въ вычисленіи предметовъ всеобщаго поклоненія, но:

„Свергнуты всѣ боги, всѣ его богини
Марсы, Аполлоны, сбиты съ колесницы,
Рухнули подмостки жалкой небылицы,

И сквозь ихъ лохмотья мысль людей прозрѣла
Бездну безъ границы, бездну безъ предѣла,
Вѣчное пространство съ тьмою неизмѣнной —
Океанъ бездонный, темный гробъ вселенной!“

Что же касается до вѣрующихъ великихъ умовъ, то не были великіе умы, то были *большіе* попы! Великіе умы прощали чепуху Евангелію за его чистые, человѣчные принципы, они дороги всѣмъ, но они выработаны не легендарнымъ Іисусомъ, а цѣлымъ человѣчествомъ, въ тысячи вѣковъ; Но пусть не забудетъ отецъ Владиміръ, что рядомъ съ *большими* попами, вѣрующими въ призраки, всегда всюду были люди, старавшіеся энергическимъ, живымъ, огненнымъ словомъ поколебать вѣру въ призраки, что борьба свѣта съ тьмою началась съ перваго сознавшаго себя общества, а кончится она тогда, когда свѣтъ на всегда поглотитъ тьму, что далеко, страшно далеко, но во что жадно—вѣритъ умъ...

Пространный христіанскій катихизисъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чѣмъ болѣе человѣкъ держится за религію, тѣмъ болѣе онъ вѣритъ, чѣмъ онъ болѣе вѣритъ, тѣмъ менѣе знаетъ, чѣмъ менѣе онъ знаетъ, тѣмъ онъ глупѣе, чѣмъ онъ глупѣе, тѣмъ легче онъ даетъ собою править...

„Религіозная чума“ І. Моста.

„Отъ смѣха падаютъ идолы, падаютъ вѣнки и оклады, чудотворная икона превращается въ почернѣлую, дурно нарисованную картинку.“

(Герценъ)

„Смѣха боится тотъ, кто ничего не боится на свѣтѣ.“ (Гоголь)

Подъ этимъ простенькимъ заглавіемъ таится самая подлѣйшая книженка, въ которой издѣванія надъ совѣстью, здравымъ смысломъ дошли до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ; книженка выдержала уже 57 изданій! она такъ пришлась по сердцу синоду и дикому деспоту, что ее, не передѣлывая, не измѣняя ея варварскаго смысла, слога, издавали 57 разъ. Можетъ быть правительствующій синодъ, состряпавши подъ нѣжнымъ покровительствомъ земнаго владыки книженку, съ наслажденіемъ простился съ нею, чтобы болѣе уже никогда къ ней не возвращаться? Хорошенькаго по немножку и въ рѣдкость.

Душители, гасители прогресса, какія грубыя бревна разбрасываете вы по дорогѣ, по которой, плетясь, жалкимъ шагомъ подвигаются впередъ люди; какъ вамъ хочется задержать и безъ того не быстрое движеніе! Ребенокъ, поступая въ школу, долженъ задолбить эту позорную галиматью, а зазубривать безсмыслицу очень, очень трудно и чрезвычайно вредно для мозга; незнаніе же этого предмета можетъ его оставить въ томъ же классѣ; ребенокъ, только цѣною медленной потери здраваго смысла, можетъ переходить изъ класса въ классъ. Но перейдемъ къ разбору археологическаго осколка синодской глупости, постараемся разложить сальное мутное пятно, раскрыть скрытые въ немъ страшно ядовитые микробы, грозящіе заразить дѣтскій мозгъ, породить неизлѣчимые душевные болѣзни...

Предварительныя понятія катихизиса заключаются въ томъ, что нѣкій таинственный X вопрошаетъ: „Что такое катихизисъ?“ еще болѣе таинственный, слѣдовательно, и болѣе нелѣпый X отвѣчаетъ: „Катихизисъ есть наставленіе въ православной вѣрѣ христіанской, преподаваемое христіанину для благоугожденія Богу и спасенія души...“

Составители заявляютъ, что книженка нужна для благоугожденія Богу; гнусенъ Богъ, если ему можно благоугодить превращеніемъ мальчика, съ здравымъ смысломъ, въ безтолковаго олуха! въ угоду себѣ онъ отымаетъ у развивающагося созданія лучшее въ немъ — имъ же созданый разумъ. Тутъ же говорится, что Апостолъ Павелъ сказалъ.

„Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. XI.) т. е. увѣренноотъ въ невидимомъ, какъ бы видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ.“

Текстикъ апостола Павла не въ состояніи перевернуть нашъ мозгъ; счастливъ тотъ, кто можетъ вѣрить въ несуществующее счастье, какъ бы въ существующее; въ неосуществимую надежду, какъ въ осуществившуюся. Если не видя, не анализуя можно вѣрить во все, что проповѣдуютъ пастыри, то, идя послѣдовательно, можно увѣровать въ то, что копна сѣна заговорила, стулья, шкафы затанцовали въ присядку, а ослица, перещеголявъ Валаамскую, запѣла отрывки изъ оперы чѣмъ же ихъ разсказы правдоподобнѣе этихъ? Развѣ ихъ Іисусъ не ходилъ по водѣ озера, какъ по гладко вымощенной мостовой? не накормилъ пятью хлѣбами пяти тысячъ? очень грустно, что не смотря на всю любовь къ людямъ, онъ никому не завѣщалъ дивнаго фокуса; какую безконечную услугу оказалъ бы онъ голодающему человѣчеству, какъ просто разрѣшились бы промблемы соціализма! Проливъ елей на душу, не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду желудка. Развѣ весь ветхій и новый завѣтъ не начинены чудесами, одно забавнѣе, нелѣпѣе другого? Между ними есть такія пресловутыя, что всѣ продѣлки спиритизма, выходки Каліостра, Пинетти кажутся только цвѣточками. Снова таинственное лицо вопрошаетъ:

Вопросъ: „Какое различіе между знаніемъ и вѣрою?“
Отвѣтъ; „Знаніе имѣетъ предметомъ видимое и постижимое.

Знаніе основывается на опытѣ или изслѣдованіи предмета, а вѣра на довѣріи къ свидѣтельству истины. Знаніе принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце, а вѣра преимущественно принадлежитъ сердцу, хотя начинается въ мысляхъ."

Великіе труженики, разбирающіе гіероглифы, разъясните, въ чемъ дѣло? Знаніе въ умѣ, а маленькій его кусочекъ въ сердцѣ — вѣра вся цѣликомъ сидитъ въ сердцѣ и только крохотная ея часть въ здравомъ смыслѣ. Глубоко справедливо, почтенные старцы, нечаянно вы проговорились истиной. Наука, разсѣивающая мракъ, быстро широко подвигающаяся впередъ, опирается на дѣйствительность, а дѣйствительность, — желѣзная почва: выходя изъ области видимыхъ фактовъ, она часто впадаетъ въ противорѣчія, ошибки, но у нея, мощной, здравой, трезвой, нѣтъ той самоувѣренности, какая существуетъ у васъ, жалчайшихъ неучей! она не выдаетъ своихъ предположеній за абсолютныя истины, она предполагаетъ и не мѣшаетъ дѣлать предположенія другимъ, у нея есть слово для философскихъ обобщеній, слово это-гипотеза. Реальная наука, жаждущая все постигнуть, устойчивая въ изысканіяхъ, крѣпкая въ трудѣ, скромная въ своихъ опредѣленіяхъ, дала людямъ все, начиная съ одежды, комфорта въ жилищахъ, утонченныхъ удобствъ, сохраняющихъ здоровье, и кончая громадными, смѣлыми, безчисленными открытіями, отъ которыхъ гордо бьется сердце. Вы же что дали, обитатели дорогихъ, громадныхъ монастырей, вампиры, притаившіеся во мракѣ соборовъ? гдѣ продукты вашей многовѣковой дѣятельности? Вы сидѣли съ вѣрою въ сердцѣ, разумъ забытый, препебреженный вами, оставилъ васъ. Вы гнѣздились въ сердцѣ народовъ и высосали оттуда много, много крови; вы были паразитами народовъ; варварское, тормозящее умственную жизнь невѣжество, безумныя жестокости стояли на вашей сторонѣ! Мечъ, огонь, пытки, только очень недавно перестали быть вашими святыми аттрибутами; узкую, злую нетерпимость — вы сохранили до настоящей минуты. Нравственность, лежащая на самомъ днѣ вашего ученія, загрязнена вами; идеи правды, добра принадлежатъ людямъ науки, вы же, нелѣпою схоластикой загадили евангельскую, вѣрнѣе общечеловѣческую мораль... Наука давала человѣчеству плодотворныя открытія, вы грабили чело-

вѣчество, извиваясь, путаясь въ предразсудкахъ, наука смѣло, на показъ цѣлому міру, выставляла тяжкимъ трудомъ добытыя истины; вы же боялись критики, шли на нее крестовыми походами, вы трепетали успѣховъ здраваго смысла, преслѣдовали огнемъ, цѣпями мечемъ свободное слово; оно было неумолимый врагъ вашъ, вы открещивались отъ него сильнѣе, чѣмъ отъ лахматаго чорта. Но что гаже всего — что вы были вѣчными охранителями тирановъ, подъ вашими темными крыльями имъ спокойно, весело жилось; вы были сторожевыми собаками деспотовъ. Вы смастерили катихизисъ, чтобы угодить не такъ Богу, какъ высшему начальству, которое умѣетъ награждать васъ и чтобы за-одно съ предержащею властью деморализировать сотни тысячъ дѣтскихъ душъ. Вы очень хорошо понимали, что можете существовать только при поголовномъ рабствѣ, невѣжествѣ. Ваше святое гнилье, при жизни были блюдолизами царей; земные представители нищаго Спасителя принимали охотно отъ нихъ громадные пенсіоны, брилльянтовые кресты, звѣзды, и торжественно будущіе святые разъѣзжали въ каретахъ шестериками, съ холопами на запяткахъ...

Наука трепетно останавливается передъ все болѣе расширяющейся вѣчною тайною. Вы, попы, не задумываетесь ни надъ чѣмъ, вы все, все знаете, знаете во сколько дней сотворилась земля и все безконечное небо съ безсчетными мірами, вы за панибрата съ богомъ, вы проникли въ его прошлое, настоящее, знаете его желанія, мечты, его характеръ, знаете, чѣмъ его разгнѣвать, чѣмъ умилостивить, подкупить, для васъ не тайна, что ждетъ насъ за гробомъ...

Чуть не мистическій ужасъ возбуждаетъ астрономическое небо, съ его безпредѣльностью съ ужасающими размѣрами вращающихся въ немъ міровъ. Поповское небо—мизерное; по ихъ увѣренью, всѣ звѣзды, слетятъ кубаремъ въ моментъ, когда всесвѣтный прокуроръ Іисусъ возсѣвъ на тучку, начнетъ судить нашъ жалкій родъ людской.

Вопросъ: „Что разумѣется подъ именемъ божественнаго откровенія?“

Отвѣтъ: „То, что самъ Богъ открылъ человѣкамъ, дабы они могли и спасительно вѣровать и достойно чтить его.“

Пастыри толкуютъ объ этомъ съ непостижимой увѣренностью, — ученый, осязающій, съ глубочайшимъ вниманіемъ вникающій въ предметъ, не заикнется о немъ сказать съ такою увѣренностью. Пусть самый маленькій изъ воспитанниковъ спроситъ у пастыря: откуда онъ взялъ это? Тутъ обыкновенно начинаются ссылки на Моисея и на цѣлую кучу полупомѣшанныхъ пророковъ. Но, почтеннѣйшіе пастыри, пророки были люди, а вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ другимъ, на сколько могутъ безстыдно, часто несознательно лгать невѣжественные люди! Пророки — такъ обольщались видѣніями собственнаго больнаго мозга, что вѣрили порой чистосердечно въ то, что говорили; то было фантастическое время: небо, земля были биткомъ набиты призраками, таинственными сверхъестественностями; но время призраковъ миновало, они расплылись, слово *духи* замѣнилось словомъ *газы*. Еслибы составитель катихизиса сталъ разсказывать, что въ то время, когда онъ стряпалъ его, Богъ поддиктовывалъ ему съ неба, его попросили бы не молоть ерунды, если же не смотря на увѣщанія начальства, онъ снова продолжалъ, его засадили бы въ сумасшедшій домъ, гдѣ на его бритую глупую голову сверху лилось не откровеніе, а ледяная вода. Есть глупости такія безобидныя, сами себя уничтожающія, что совѣстно опровергать ихъ. Несчастное откровеніе съуживаетъ до микроскопическихъ размѣровъ, безграничную природу... Неизмѣримое небо, съ вращающимися въ немъ мірами-исполинами, интимничаетъ съ душевно больнымъ пророкомъ, нашептываетъ ему на ушко божественное откровеніе...

В о п р. „Неужели человѣкъ не можетъ имѣть познанія о Богѣ безъ особеннаго откровенія Божья?“

О т в. „Въ разсужденіи вѣры въ Бога предшествуетъ помышленіе, что онъ есть; которое помышленіе мы спискаемъ черезъ сотворенныя вещи, прилежно разсматривая тверенье міра познаемъ, что Богъ премудръ, благъ, всемогущъ, познаемъ также и всѣ невидимыя его свойства. Такимъ образомъ его какъ верховнаго правителя пріемлемъ. Поелику всему міра творецъесть Богъ, а мы составляемъ часть міра слѣдственно Богъ есть творецъ нашъ, за симъ познаніемъ слѣдуетъ вѣра, а за сею вѣрою поклоненіе...“ В а с и л. В е л. п о с л. (232)

Не правда ли, слогъ хорошъ? писать умѣютъ „на мысли, дышащія силой, какъ жемчугъ нижутся слова.“ Я нахожу, что русскій языкъ обязанъ своимъ огром-

нымъ улучшеніемъ составителю катихизиса, — это въ своемъ родѣ образцовый стилистъ... Разсматривая сотворенное, вовсе не придешь къ тому, что Богъ есть, а еще менѣе къ тому, что онъ благъ, мудръ, всемогущъ, за нимъ водятся несообразности, изумительнѣйшаго характера: изъ Бога абсолютнаго совершенства, престранно, вытекъ міръ, полный плачевнаго несовершенства; плохъ тотъ учитель, работу котораго можетъ раскритиковать его ученикъ! зачѣмъ всемогущій Богъ создалъ человѣка и позволилъ ему согрѣшить, а послѣ допустилъ впасть въ бѣдственное состояніе? какимъ образомъ безгрѣшный породилъ грѣшное? Зачѣмъ онъ всемогущій, всесовершенный выродилъ изъ себя несовершенство и зло, въ какихъ твореньяхъ проявляется его мудрость, благость? огни вулкановъ спалили уничтожили милліоны людей, а сверкающія чудною растительностью долины превратили въ пустыни. Цѣлый міръ тысячи лѣтъ рѣжется, изъ за маленькихъ границъ, изъ за ссоръ, интригъ, деспотиковъ; тысячи лѣтъ справляются охоты на людей. На гигантскихъ престолахъ вѣчно торчатъ цари пигмеи, помѣсь скорпіона и пьявки. Многолюднѣйшая часть человѣчества съ искони вѣковъ безплодно стонетъ подъ адскимъ гнетомъ, тщетно вопіетъ о хлѣбѣ, гремитъ безсильными проклятіями противъ неба и гибнетъ повально отъ горя, голода, холода, кровавой нужды, невыносимаго труда. Крохотное меньшинство утопаетъ въ преступной роскоши, животныхъ наслажденіяхъ. Весь міръ, отъ полюса до полюса, опоясанъ болѣзнями, мучительными, ужасными, пожирающими людей массами; въ одномъ мѣстѣ холодъ накинулъ ледяной саванъ на жизнь, растительность, въ другомъ — вертикальные лучи солнца влили въ людей сонную апатію. Въ обвитыхъ ліанами сказочныхъ лѣсахъ таятся смертоносныя гадины, колоссальныя чудовища; тучи разносятъ разрушительные ураганы и электричество, слѣпо разящее своими молніями все, встрѣчающееся на пути. Наслажденіе всегда отравлено; радости жизни, счастье, облиты ядомъ. Повальныя глупость, безобразіе, упрямое невѣжество, непониманье, черная ложь царятъ надъ землею. Протрите хорошенько ваши глаза и очки, дряхлыя дѣти! гдѣ благость вашего Бога? его всемо-

гущество, всесовершенство? Иногда попы, притиснутые логикою противниковъ, произносятъ: „человѣку дана свободная воля,“ удивительное даяніе небесъ! Напрасно мудрый Богъ далъ человѣку свободную волю на твореніе зла; прежде, чѣмъ давать ее, всевидящему не мѣшало бы подумать, къ какимъ свѣтлымъ результатамъ приведетъ такое даяніе! Но къ великому огорченію поповъ, свободная воля не выдерживаетъ строгой, научной критики: „человѣкъ свободенъ какъ птица въ клѣткѣ.“ За познаніемъ, — продолжаютъ пастыри — слѣдуетъ вѣра, а за вѣрою поклоненіе. Тупой страхъ, невѣжество, татарское раболѣпіе создали религію... Монахамъ, скотски жирѣющимъ, полезно духовная гимнастика, то есть церковные поклоны, но остальные смертные съ большею пользою могутъ придерживаться раціональной гимнастики. Рабовъ, лакеевъ много: одни поклоняются солнцу (и это самые умные), другіе огню, третьи звѣздамъ, четвертые скотамъ, пятые простымъ деревяшкамъ, намалеваннымъ картинкамъ. Насколько хватаетъ силъ, мы стремимся къ истинѣ, въ реверансахъ она не нуждается. Природа, управляемая законами, свершаетъ свой круговой путь; проклятія, молитвы, какъ и всякій звукъ, колеблютъ ея матеріальныя частички и только. Чуждая лести, осужденія, она покойно движется, руководимая скрытыми въ ней же законами. Самое слово *законъ* парализируетъ слово *молитва*, показывая ненарушаемость непреложность. Наука раздвинула природу до безпредѣльныхъ размѣровъ, религія съузила до безпредѣльныхъ размѣровъ. Безконечный, всемогущій Богъ превращается въ чиновника тайной полиціи, въ уличнаго городоваго, всюду подсматривающаго, во все вмѣшивающагося.

В о п р. „Какимъ образомъ божественное откровеніе распространилось между людьми и сохраняется въ истинной церкви?“

О т в. „Двумя способами: посредствомъ священнаго преданія и священнаго писанія. Святой Ириней пишетъ, не должно у другихъ заимствовать свѣтъ истины, который легко заимствуется изъ церкви, ибо въ нее какъ въ богатую сокровищницу апостолы положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питье жизни.

Совершенно справедливо, церковь — богатая сокровищница, но только въ матеріальномъ смыслѣ; не

апостолы въ нее положили сокровища, а бѣдные, глупые погрязшіе въ предразсудкахъ люди, тяжко заработывающіе себѣ кусокъ жалкаго хлѣба. Надутые торговцами религіи, они кладутъ въ церковь послѣднюю, трудовую копейку; изъ ихъ грошей составились неисчерпаемыя богатства; каждый отъ нея можетъ принять питье жизни, предварительно купивъ его по очень возвышенной цѣнѣ; церковь иногда угощаетъ вооставленіе грѣховъ подкрашенною водкою съ накрошенною въ ней французскою булкою, но и-за тѣло и кровь Христа она взимаетъ деньги. Что же до истины, пусть попы поищутъ ее въ съѣденныхъ молью церковныхъ библіотекахъ и если найдутъ, то пусть пережевываютъ на здоровье. Истина, яркая, какъ солнце, чистая, какъ хрусталь горныхъ источниковъ, таится не въ церковныхъ погребахъ, проросшихъ плѣсенью, она гуляетъ по міру свободная, прекрасная; какъ солнечный лучъ, иногда западаетъ въ самую грѣшную, неспокойную голову и пролетаетъ мимо пасмурныхъ головъ, въ дурацкихъ клобукахъ. Она вырабатывается всѣми людьми, а не маленькою жалкою, залежалою ихъ частицей, — не черезъ шушуканіе съ небомъ, а опытомъ, трудомъ, наблюденіемъ и несдавленнымъ, широкимъ, умственнымъ движеніемъ.

В о п р. „Для чего дано священное писаніе?“

О т в. „Для того, чтобы откровеніе Божье сохранилось болѣе точно и неизмѣнно. въ священномъ писаніи мы читаемъ слова пророковъ и апостоловъ точно такъ же какъ бы мы съ ними жили, ихъ слышали, не смотря на то, священныя книги писаны за нѣсколько вѣковъ и тысячелѣтій до нашего времени.“

Такою живостью похвастатся могутъ и несвященныя книги, прочтите „Иліаду“ Гомера: вереница героевъ, боговъ шумно, весело проходитъ передъ вами; герои и боги свершаютъ подвиги, обжираются, мучаются, блаженствуютъ, весьма исправно надуваютъ другъ друга и не смотря на всю непрезентабельность ихъ дѣйствій, каждое слово „Иліады“ дышетъ силою, образами.

В о п р. „Что такое ветхій и новый завѣтъ?“

О т в. „Иначе сказать древній союзъ Бога съ человѣкомъ и новый союзъ съ Бога человѣкомъ.“

В о п р. „Въ чемъ состоялъ ветхій завѣтъ?“

О т в. „Въ томъ, что Богъ обѣщалъ человѣкамъ божественнаго искупителя и приготовлялъ ихъ къ принятію его“.

Бѣдное человѣчество! По словамъ пастырей, оно, такое громадное, готовилось тысячи лѣтъ къ принятію Спасителя. Изумительный этикетъ! Тысячи лѣтъ священное преданіе городило нелѣпости, пророчествовало и послѣ всего, отъ хорошенькой, экзальтированной, измѣнившей старому мужу женщины родился Іисусъ; легенда увѣряетъ, что онъ горячо любилъ людей, его благородная жизнь была посвящена пропагандѣ добра, любви, самоотверженія; умеръ онъ на крестѣ за то, что былъ умнѣе, честнѣе своихъ современниковъ, и такое скромное явленіе человѣчество, къ великому своему безчестью, готовилось принять тысячи лѣтъ!

В о п р. „Что такое чудеса?“
О т в. „Дѣла, которыя не могутъ быть сдѣланы ни силою, ни искусствомъ человѣческимъ, но только всемогущею десницею Бога, напримѣръ, воскресеніе изъ мертвыхъ.“

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Совершенно справедливо, они не могутъ быть сдѣланы человѣкомъ, — кромѣ животнаго, растительнаго и минеральнаго царства мы другихъ не имѣемъ, почему можно, предположить, что они и не творились. Въ настоящее время чудесными повѣтствованіями тѣшутся убогія старушки, юродивые и богомолки; вѣкъ чудесъ минулъ, въ нашъ скептическій вѣкъ онѣ кой когда пропрыскиваютъ, но онѣ отданы подъ надзоръ полиціи, цѣна имъ дешевая, механизмъ ихъ удивительно несложенъ; эти — тѣни волшебнаго фонаря, пропадающія отъ незначительнаго луча свѣта. 24, 25, 26 страницы посвящены объясненію символа вѣры. на этихъ удивительныхъ страницахъ пастыри стараются доказать, что Богъ вѣчный, всеблагой, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный; передъ этимъ же сказано, что Богъ — выше всякаго пониманія, что онъ непостижимъ даже для ангеловъ (на что уже тонкій народъ!) И какими восхитительными аргументами они доказываютъ это: въ пользу вѣчности приводятъ слова Давида, о всевѣдѣніи — слова Іоанна, о премудрости — слова апостола Павла, о вездѣсущности — слова изъ Апокалипсиса, о благости — слова Іисуса; каждый изъ поименованныхъ кой что пробормоталъ на счетъ какого нибудь изъ этихъ аттрибутовъ. Вотъ незыблемая почва религіи, вотъ ея полновѣсныя доказательства, въ под-

твержденіе фантастической дребедени! Нѣсколько духовныхъ авторитетовъ сдѣлали Богу отмѣтки въ его паспортѣ; на 25 стр. они чистосердечно увѣряютъ, что Богъ единъ и даже приводятъ слова апостола Павла. На 29 страницѣ одинокій Богъ апостола Павла разлагается на три элемента; сначала его считали простымъ тѣломъ, послѣ нашли, что оно — сложное: онъ состоитъ изъ самаго себя, сына и духа святого; по существу, одинъ, но троиченъ въ лицахъ.

Вопр. „Какъ единъ Богъ есть въ трехъ лицахъ?„
Отв. „Мы не постигаемъ сей внутренной тайны Божества, но вѣруемъ ей по непреложному свидѣтельству слова Божья.“

Совершенно справедливо, постигнуть бездонную чертовщину нѣтъ положительно никакой возможности! Самый прочный черепъ оголтѣлаго метафизика разсыпится въ кусочки, столкнувшисьсъ такой преградой, эта такая внутренняя тайна, судьба которой вѣчно оставаться во внутренности.

„Это таинство святое.
Будетъ тѣмъ однимъ понятно,
Кто разсудка тьму и цѣпи
Оставляетъ невозвратно.“

(Гэйне)

Вопр. „Что такоо ангелы?“
Отв. „Духи безплотные, одаренные умомъ, волею и могуществомъ.“
Вопр. „Что прежде сотворенно, видимоо при невидимоо?“
Отв. „Невидимое прежде видимаго, и анголы прежде человѣковъ.“

На что былъ труденъ вопросъ, но и на него безъзапинки отвѣтили...

Вопр. Когда сотворена глупость? *Отв.* Не только до человѣка, но и до ангеловъ; но до сотворенія человѣка и ангеловъ она была невидима, съ сотвореніемъ же ихъ, стала очень видима, даже осязаема.

Вопр. „Всѣ ли ангелы созданы добрыми и благодѣтельными?“
Отв. „Нѣтъ, есть злые, которыхъ иначе называютъ дьяволомъ.“
Вопр. „Отчого они сотворены злыми?“
Отв. „Они сотворены добрыми, но нарушили долгъ совершеннаго повиновенія (жандармскаго) Богу и такимъ образомъ отпали отъ него и впали въ самолюбіе, гордость и злобу.“

Не даромъ говорятъ, что дьяволъ великій логикъ это онъ своими безупречными, неумолимыми доводами доканывалъ Лютера и Лютеръ, побѣдившій всемогущее

папство, стушевался передъ сатаною; побѣжденный онъ пустилъ въ него тяжеловѣсной чернилицей. О, символическая чернилица, во всѣ вѣка тобой пускали въ голову умѣвшимъ дивно логически мыслить, но къ сожалѣнію многіе изъ смертныхъ отъ тебя не увертывались такъ удачно и не щекатурку разбивала ты, но черепъ. Всемогущій Богъ не могъ справится съ расколомъ въ небѣ. Революціонеръ Сатана раскритиковалъ его въ прахъ, отказался, не смотря на запугиванья, повиноватся ему, сформировалъ свою исполинскую партію. Богу нечего сердиться, это изъ его всесовершенныхъ нѣдръ вышелъ Сатана... за отпаденіе самолюбивый царь тьмы ровно ничего не проигралъ; онъ сдѣлался страшнымъ, могущественнымъ соперникомъ Бога. На нашей планеткѣ онъ оттѣснилъ его совершенно на задній планъ.

Глупость имѣетъ обыкновеніе катиться по наклонной плоскости внизъ: не успѣли мы перевести духъ отъ ангеловъ, какъ уже докатились до чертиковъ, переходъ не рѣзокъ; чтобы дойти до такихъ выводовъ, нужно: спуститься въ преисподнюю. Несчастная участь постигаетъ бѣдныхъ дѣтей, съ ихъ головками распоряжаются, болѣе чѣмъ безцеремонно, и безпощадно набиваютъ ихъ небеснымъ хламомъ: архангелами, ангелами, единымъ Богомъ о трехъ лицахъ, и это злое издѣваніе надъ здравымъ смысломъ и совѣстью, называется воспитаніемъ! На 31 стр. разсказывается, очень подробно, какъ Богъ творилъ землю; разсказано это съ такою увѣренностью, какъ будто все человѣчество, съ нотаріусами, записными книгами, присутсвовало, записывая все случившееся въ шнуровыя книги, съ приложеніемъ казенныхъ печатей; разсказывается это такъ механически глупо, что приходишь въ ужасъ, неужели эти духовныя молюски чему нибудь учились? вотъ до какого состоянія умственной нищеты можетъ довести пекущееся правительство, созидающее для сильнаго молодого поколѣнія свои ученыя программы, проникнутыя политической заднею мыслію.

34 страница посвящена раю, гдѣ ему, попросту, отводится небольшое мѣстечко, между Тигромъ и Ефратомъ, (хорошо, что не забираются слишкомъ высоко); тутъ же говорится о древѣ жизни, съ котораго просто-

душная Ева сорвала яблочко, и за этотъ, повидимому невинный поступокъ, ее и Адама, съ которымъ Ева раздѣлила яблочко, Богъ выгналъ по шеѣ изъ рая, посовѣтовавъ для такихъ прогулокъ сыскать, какъ можно подалѣе, закоулокъ. Говорится о томъ, что Богъ выломалъ ребро у Адама и смастерилъ Еву. Зачѣмъ Богъ безъ особенной нужды искалѣчилъ Адама, катихизисъ конечно знаетъ: „Для того, чтобы весь родъ человѣческій по своему происхожденію былъ одинъ и тотъ же и чтобы потому человѣки были склонны любить и беречь другъ друга.“

Не было бъ ребра, не было бъ и любви. На этой же страницѣ говорится, что человѣкъ сотворенъ для того, что-бы онъ познавалъ Бога, любилъ, прославлялъ и за то вѣчно блаженствовалъ... Умирающіе въ горѣ, нуждахъ люди, послушайтесь пастырей, бросьте занятія, дающія вамъ кусокъ черстваго хлѣба, начните любить боженьку, бейтесь лбомъ почаще у его богатыхъ алтарей, и за это вы будете блаженствовать! Священное писаніе гарантируетъ, что пролетающія птицы будутъ кормить васъ, а если вы умрете отъ голода, то ни единый волосъ не спадетъ съ вашей головы, безъ разрѣшенія небеснаго начальства.

В о п р. „Что такое промыселъ Божій?“

О т в. „Промыселъ Божій — непрестанное дѣйствіе всемогущества, премудрости и благости божіей, которыми Богъ сохраняетъ бытіе и силу тварей, направляетъ ко благимъ цѣлямъ, всякому добру вспомосуществуетъ, а возникающее черезъ удаленіе отъ добра зло пресѣкаетъ и исправляетъ, и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ.“

Являются вопросы: къ какимъ благимъ цѣлямъ направляетъ боженька тварей, стрѣляющихъ другъ въ друга и рѣжущихъ другъ другу горло, въ безплодной борьбѣ? къ какимъ благимъ цѣлямъ онъ ведетъ сотворенное имъ человѣчество, моря его голодомъ, уродуя горемъ, болѣзнями, трудомъ и одѣляя благами кой какія единицы? Зачѣмъ онъ вспомоществуетъ быстрому распространенію подлой, варварской лжи? теологи по этому случаю иногда произносятъ: „что бы ни было, но вы видите, что міръ идетъ постоянно впередъ и наконецъ въ немъ водворится счастье, неужели вы въ этомъ не видите благость и мудрость провидѣнія?“ Нѣтъ сомнѣнія, что люди, направленные на настоящій путь, наконецъ, завоюютъ себѣ счастье! Но неужели

теологи въ грошъ не ставятъ милліарды погибшихъ, человѣческихъ жизней, въ тщетной погонѣ за счастьемъ? Неужели все человѣчество, отложившееся въ черноземъ, было агнцемъ пасхальнымъ будущихъ счастливыхъ людей? Еще разъ спрашиваю: какимъ образомъ изъ нѣдръ совершенства вышло такое поразительное несовершенство — человѣкъ? На 25 стр. богъ непостижимъ для ангеловъ, на 36 они закончили его полную біографію, чуть не упомянули, какія кушанья онъ любитъ, въ которомъ часу ложится и встаетъ и часто ли мѣняетъ бѣлье на себѣ и кровати...

Вопр. „Для чего сынъ Божій сошелъ съ небесъ?“
Отв. „Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія.“
Вопр. „Отчего именно спасти человѣковъ пришелъ на землю сынъ Божій?“
Отв. „Отъ грѣха, проклятія и смерти.“

Никакъ не умудряемся понять, за что насъ прокляли, обрекли на смерть; неужели все это черезъ простое, а можетъ быть даже червивое яблоко? О, Ева! Ева!

Колоссальный прыжекъ сдѣлалъ Спаситель съ неба, съ мыслью спасти людей! Не понимаю эксцентрическаго Іисуса, охота было ему воплощаться въ чревѣ невинной дѣвушки, а въ концѣ дать пригвоздить себя ко кресту! Онъ могъ поступить умнѣе, послѣдовательнѣе: не безпокоя, не мучая себя, и безъ прыжка, онъ — всемогушій Богъ — могъ создать человѣчество такимъ прекраснымъ, что оно не нуждалось бы ни въ его мученической смерти, ни въ новомъ откровеньи! Очень грустно, что прійдя насъ спасти отъ трехъ такихъ скверныхъ вещей, онъ не спасъ ни отъ одной изъ нихъ, да и не спасъ себя отъ терноваго вѣнца и распятія.

Вопр. „Откуда грѣхъ въ человѣкѣ, когда онъ сотворенъ по образу и подобію Божью, а Богъ грѣшить не можетъ?“ вопросъ очень неглупый.
Отв. „Отъ дьявола; творящій грѣхи отъ дьявола есть, яко испервa дьяволъ согрѣшаетъ.“

Вотъ таинственный источникъ зла, сфинксъ перестаетъ быть сфинксомъ, а вы, бѣдные философы, бились надъ этимъ вопросомъ, въ мукахъ, слезахъ! Озари васъ въ шу голову мысль открыть катихизисъ Филарета, и вы

тотчасъ бы навсегда успокоились, не мучили бы себя и бѣдныхъ читателей, глубочайшими метафизическими разсужденіями — ларчикъ просто открывался. На 26 стр. трехъ-личный, — болѣе чѣмъ двуличный — Богъ былъ отрекомендованъ, какъ вездѣсущій, на 41-ой стр. ему пришлось посторониться: половину всего неба, самымъ наглымъ образомъ, занялъ колоссальный, вездѣсущій чортъ; у Бога оказался пренепріятный сосѣдъ, отъ котораго его всемогущество не можетъ избавиться: Богъ вездѣ и безконеченъ и чортъ вездѣ и безконеченъ; думаю, что ни одинъ мудрецъ еще не задавалъ такой шарады! А нечестивая физика — рядомъ съ лекціей закона божьяго — учитъ, что два газа не могутъ занимать одно и тоже пространство, — конечно, для двухъ ничто законъ не писанъ. На 26 стр. говорятъ и текстами подкрѣпляютъ, что Богъ духъ вседовольный, всеблаженный; на 41 стр. ему и тѣсно и невесело; Богъ-духъ, Чортъ-духъ слились вмѣстѣ, соединились, въ силу химическаго сродства. Я рѣшаюсь предложить пастырямъ созвать соборъ и причислить чорта къ святой тройцѣ; за одно лишнее лицо, я увѣренъ, Богъ не обидится, но если бы даже обидился, иначе поступить нельзя: некуда дѣвать чорта. Одно изъ двухъ: или чортъ въ Богѣ или Богъ въ чортѣ.

Вопр. „Какъ можно распять плоть свою со страстями и похотями."

Отв. „Воздержаніемъ отъ страстей и похотей, дѣйствіями имъ противными, напр. когда гнѣвъ побуждаетъ насъ злословить врага, то мы, противясь сему желанію и вспоминая какъ Іисусъ молился за враговъ своихъ, молимся и мы за своихъ, то симъ образомъ мы распинаемъ страсти гнѣва."

Трогательно сказано, цѣломудренные пастыри рѣдко распинали и распинаютъ свое сѣмя, большею частью въ глухихъ переулочкахъ или уединенныхъ кельяхъ они развратничаютъ на славу, и это идетъ имъ въ прокъ, иначе расплывшіеся выкормки лопнули бы отъ изобилія жизненныхъ соковъ, и наконецъ, монахи старающіеся сдержать себя, впадаютъ въ бѣшенныя страсти, становятся Клодами Фролами.*) Разнообразныя галлюцинаціи нашихъ святыхъ угодниковъ происходили отъ сдерживанія похотей, растройства

*) Герой романа „Соборъ Богоматери" Вик. Гюго.

желудка; монахъ запертый въ свою келью, питающійся одною водою и хлѣбомъ, разпинающій свой желудокъ, тѣло, здравый смыслъ, дающій полную свободу воображенію, доходилъ до того, что начиналъ очень ясно видѣть боговъ, чертей, ангеловъ; но чаще всего, въ обольстительномъ туманѣ, ему являлась страшной красоты женщина, нагая, съ сладострастнымъ, нѣжнымъ тѣломъ, жгучимъ огнемъ въ глазахъ; она манила его своими нагими руками, обжигала глазами. За подобными призраками всегда слѣдовала экзекуція: согрѣшившій не одною мыслію, монахъ отчаянно поролъ себя, стараясь распять неугомонныя похоти. Не забывайте, отцы церкви, что вы своими мудрыми ученіями страшно распинаете здравый смыслъ ребенка!

Вопр. „Какъ будетъ судить Богъ людей на страшномъ судѣ?“
Отв. „Совѣсть каждаго человѣка откроется передъ всѣми и обнаружатся всѣ дѣла наши, кто слѣлалъ во всю жизнь на земли но и всѣ сказанныя слова и тайныя желанія и помышленія.“

По призыву трубы ангела, сгнившее, перегнившее, отложившееся въ слои человѣчество должно воскреснуть; разжиженные въ воздухѣ атомы, части, переваренныя червями, поглощенныя растеньями, отложившіяся въ слои мѣла, глины, чернозема, все, милліоны разъ измѣнившее свою форму въ лабораторіи природы, будетъ распадаться и снова формироваться въ формы исчезнувшихъ организмовъ. Души же — свойства погибшихъ организмовъ, снова воспрянутъ къ жизни, съ возобновленіемъ организмовъ, и наступитъ судъ. Въ Іосафатовой долинѣ не могущей вмѣстить десяти тысячъ—соберутся милліарды людей, разсортируетъ небесная полиція праведниковъ отъ грѣшниковъ, грѣшниковъ пошлютъна вѣчныя пытки, праведниковъ же разсадятъ по чинамъ и погрузятъ въ нестерпимо скучное, однообразное созерцаніе, такъ мило распорядившагося Бога. Вымыселъ такъ печально невѣжественъ, что, не унижая себя, нѣтъ силъ опровергать его; есть произведенія ума, стоящія внѣ критики. Совсѣмъ забылъ, что въ день суда, все небо поколеблется и несчетные исполинскіе міры наполняющіе безконечное пространство, спадутъ съ неба на землю. Но довольно, начинаетъ черезъ чуръ сильно нести сумасшедшимъ домомъ, отдѣломъ буйнаго помѣшательства.

В о п р. „Что такое антихристъ?“
О т в. „Противникъ Христа, который будетъ желать истребить христіанство, но вмѣсто того самъ погибнетъ ужасно.“

Нѣтъ сомнѣнія, что величайшіе противники христіанской морали попы; не знаю, погибнутъ ли они ужасно, но губятъ они людей своимъ нелѣпо варварскимъ ученіемъ ужасно! Поучителенъ тотъ фактъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ рядомъ съ физикой, химіей, анатоміей, физіологіей, читаются лекціи объ антихристѣ, событія, совершающіяся на нашихъ глазахъ, наложатъ анекдотическую славу на ревнителей нашего образованія.

В о п р. „Духъ святой не открылся ли человѣкамъ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ?“
О т в. „Онъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ въ пятидесятый день по воскресеніи Христовомъ.“

Бѣдные апостолы! откровеніе было жгучее, если на ихъ головы сходили огненные языки; не мудрено, что подъ вліяніемъ неожиданнаго обжога они написали жгучую чушь.

В о п р. „Чѣмъ удостовѣриться, что благодать Божья пребываетъ въ церкви до нынѣ и будетъ пребывать до скончанія вѣка?“
О т в. „Въ семъ удостовѣряетъ насъ слова самого Христа: „созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ее.“

До прочтенія текста я всегда сильно боялся за каѳолическую и другія церкви, думалъ, что благодать, сходящая въ церковные кошельки, скоро, вслѣдствіе людскаго индеферентизма, коварства, совсѣмъ изсякнетъ, — оказывается, что каѳолическая церковь и другія просуществуютъ вплоть до появленія антихриста, имѣйте терпѣніе господа — невѣрующіе.

В о п р. „Есть ли свидѣтельство священнаго писанія о посредствующей молитвѣ святыхъ къ небесамъ?“
О т в. „Святой Евангелистъ Іоаннъ въ откровеніи видѣлъ ангела которому даны были фиміамы многи да даетъ молитвамъ святыхъ всѣхъ на алтарь златой сущей передъ престоломъ и изыди дымъ кадильный молитвами святыхъ отъ руки ангела передъ Бога.“

(Апокалипсисъ VIII 3. 4.)

Ради Аллаха! что хотѣли разъяснить пастыри, приводя эти обольстительныя строки, написанныя стилемъ Телемахиды? Въ небо возносится ангелъ съ массою

духовъ, онъ желаетъ уложить „фиміамовъ мнози“ на златой алтарь, стоящій безъ точки опоры въ безпредѣльномъ небѣ; изъ руки его, какъ изъ печной трубы, идетъ кадильный дымъ прямо въ носъ Богу; по всей вѣроятности, озадаченный Богъ чихаетъ.

В о п р. „Какими свидѣтельствами утверждаемся въ вѣрованіи, что святые по представленіи своемъ чудодѣйствуютъ черезъ нѣкоторыя земныя посредства?“

О т в. „Четвертая книга царствъ свидѣтельствуетъ, что отъ прикосновенія къ костямъ пророка Елисея воскресъ мертвый. Апостолъ Павелъ не только самъ непосредственно свершалъ чудеса, но тоже дѣлали взятые отъ тѣла его головотяжки и убрузцы.“

О, всесильное время! во времена пророка Елисея кости его воскресили мертвеца, въ наше — онѣ пригодились бы въ видѣ порошка для рафинировки сахара; если же его кости оказались бы дѣйствительно хорошими, самое высшее употребленіе сдѣлала бы наука, свинтивъ изъ нихъ скелетъ, по которому юношамъ учитель преподавалъ бы анатомію. Было время, когда головотяжи, какое прелестное pendant къ мокрострупамъ! творили чудеса, теперь такое сокровище бросили бы въ навозъ. Пастыри оказываются скептиками, они не признаютъ медицины. стоитъ ли трудиться надъ наукою, когда все можно устроить гораздо проще: на кіевскихъ святыхъ муміяхъ слѣдуетъ каждый день мѣнять рубашки фуфайки, подштаники, носки и все снятое пропитанное чудодѣйственною силою, разсылать для излеченія по губернскимъ и уѣзднымъ больницамъ! Наступитъ роковое время: изсохшими, святыми муміями будутъ поджигать дрова въ печкахъ.

Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ:

„Мощи святыхъ аки спасительные источники дарованномъ владыки Христосъ иже многоразличныя благодѣянія источаютъ.“

Іоаннъ Дамаскинъ неточно выразился, вмѣсто *источаютъ* нужно было написать: испускаютъ, и не благодѣянія, а просто вонь... Въ кіевскихъ пещерахъ пахнетъ перегнившею соломою; не смотря на провѣтриванія, обкуриванія святыхъ кудесниковъ, моль завелась въ нихъ сырыхъ гробницахъ, она жретъ ихъ; болѣе половины Европы уже не вѣритъ въ ихъ существованіе, считая ихъ черезъ чуръ грубымъ, подлымъ шарлатанствомъ. Корыстная ложь, таящаяся во мракѣ по-

гребовъ не вынесетъ разливающагося всюду свѣта науки, она разсѣется отъ соприкосновенія съ свѣжей струей воздуха; муміи закупорены, но время выставитъ ихъ на всенародныя очи.

„В о п р. „Какое важное преимущество имѣетъ каѳолическая церковь?"

О т в. „Ей собственно принадлежатъ высокія обѣтованныя слова: „что врата адовы не одолѣютъ ее."

Изумительное преимущество передъ другими церквами! Но вы забыли, что тогда только это преимущество обнаружится, когда врата адовы одолѣютъ всѣ церкви, а вашей нѣтъ, но такъ какъ никакія ворота не идутъ осаждать, то какая церковь тупѣе, гнуснѣе грязнѣе, сказать трудно. Грустныя пророчества шевелятся въ умѣ моемъ. Іисусъ не солгалъ, врата адовы не одолѣютъ васъ: несуществующее — самый безопасный противникъ, но васъ смѣшаетъ съ грязью здравый смыслъ, которому вы всю вашу жизнь, неутомимо, подставляли бревна. „Все перемалываетъ время, какъ шелуха, слетаетъ ложь и какъ твердыя зерна остаются недвижныя истины." Ваше существованіе сопряжено съ самою бѣдной степенью умственной жизни, вы можете существовать только во мракѣ; но человѣчество не стоитъ, оно идетъ впередъ, вы будете брошены, какъ безсмысленный грузъ, нестерпимо затрудняющій движеніе... На 74 стр. проводится слѣдующая интересная мысль:

„Каѳолическая церковь не можетъ погрѣшать и заблуждаться и изрекать ложь вмѣсто истины, ибо духъ святой всегда дѣйствуетъ черезъ вѣрно служащихъ отцовъ церкви." (Послан. Восточн. Патр. о правосл. вѣрѣ.)

Незаблуждающіеся, абсолютно авторитетные, поддерживающіе постоянную корреспонденцію со святымъ духомъ, вѣрно-служащіе отцы церкви, въ подтвержденіе злостной нелѣпости, ссылались на полусумашедшихъ пророковъ и апостоловъ, но, увлекаясь на скользкомъ пути, дошли до того, что довольствуются, за неимѣніемъ лучшаго, восточнымъ патріархомъ; эти наглыя жестокія строки припахиваютъ женымъ человѣчьимъ мясомъ, дымомъ инквизиціонныхъ безчисленныхъ костровъ, лютыми надруганіями надъ человѣкомъ; изъ этой отхожей чумной ямы вытекла абсолютная непогрѣшимость, абсолютные изверги: цари и папы хоронятся въ этихъ гнуснѣйшихъ воззрѣніяхъ! Уста-

рѣлая, упрямая ложь стремится силою отвоевать свое существованіе; человѣчество пролило цѣлыя рѣки крови за абсолютную непогрѣшимость. Люди, свершившіе безумнѣйшіе, безчисленныя преступленія, болѣе всѣхъ ошибающіеся, провозгласили этотъ страшный противоестественный принципъ.

Вопр. „Что есть крещеніе?“
Отв. „Крещеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій христіанинъ при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду съ призываніемъ Бога отца и сына и святаго духа умираетъ для жизни плотской грѣховной и возрождается отъ духа святого.“

Интересный процессъ: вѣчную, духовную жизнь можно купить троекратнымъ погруженіемъ въ холодную воду. Но грустно, что въ холодную воду трижды окунаютъ новорожденныхъ младенцевъ и при этомъ попъ бормочетъ, какъ пиѳія на треножникѣ; мы знаемъ, что купать ребенка очень полезно (въ особенности во время прорѣзыванія зубовъ), но только въ извѣстной температурѣ воды, отъ холодной онъ буквально можетъ умереть для жизни плотской; что же касается до воскресенія его въ мірѣ духовномъ, то это очень и очень плохое утѣшеніе! Купая ребенка, никто не шепчетъ заклинаній, не обставляетъ ванночку восковыми свѣчами... На этой же страницѣ говорится, что Іисусъ самъ принялъ крещеніе отъ Іоанна, но до этого намъ нѣтъ никакого дѣла, то дѣло его личнаго вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

Вопр. „Что значитъ въ особенности помазаніе чела?“
Отв. „Освященіе ума или мыслей.“

Попы, помажьте, по гуще, другъ другу лбы для освѣщенія темноты вашихъ головъ! всѣ вислоухіе ханжи подставьте ваши мѣдные лбы попамъ, не поумнѣете ли вы?

Вопр. „Помазаніе персей?“
Отв. „Освященіе сердца и желаній.“

Пусть пастыри не тратятъ масла, пусть поберегутъ его для салата и не мажутъ персей, отъ нихъ еще довольно далеко до желаній.

Вопр. „Что есть причащеніе?“
Отв. „Причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующіе подъ видомъ хлѣба и вина вкушаютъ само тѣло и кровь Христовой.“

Совершенно справедливо—во время причащенія причащающійся ѣстъ булку съ краснымъ виномъ, но трудно

предположить, чтобы кто нибудь проглатывая кусочекъ булки съ краснымъ виномъ, воображалъ, что онъ пьетъ кровь Іисуса и ѣстъ его тѣло, всякаго вырвало-бы отъ такихъ каннибальскихъ мыслей. Не понимаю, какъ рѣшаются люди богомольные въ великій постъ ѣсть бога: блюдо очень скоромное, положимъ кусочекъ крошечный, но все же мясо, не знаю, какъ дѣйствуетъ причастіе, какъ кровочистительное и успокоительное, но я знаю одно, что имъ страшно разносятъ сифилисъ „по лицу земли родной."

Вопр. „Какой долженъ быть хлѣбъ для таинства?" (вопросъ практическій)·

Отв. „Такой, какого требуетъ самп имя хлѣба и святость таинства и примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ, т. е. квасной, чистый и пшеничный."

Конечно, лучше „квасной по примѣру Іисуса Христа и апостоловъ," но отчего же любители кваснаго, чистаго, пшеничнаго хлѣба, пастыри, вы не сослались на кого нибудь изъ пророковъ или патріарховъ? ужъ не начинаете ли вы вольнодумствовать...

Вопр, „Что значитъ пасти церковь?"
Отв. „Наставлять людей въ вѣрѣ, благочестіи и добрыхъ дѣлахъ."

Увы, мы знаемъ пастыри — что вы подразумѣваете, подъ добрыми дѣлами и благочестіемъ!

Пасите лучше злонравныхъ свиней, благонамѣренныхъ телятъ, кроткихъ ягнятъ, оставьте людей въ покоѣ!

Вопр. „Что есть бракъ?"
Отв. „Бракъ есть таинство, въ которомъ при свободномъ передъ церковью и священниковъ обѣщаніи женихомъ и невѣстою взаимной супружеской вѣрности благословляетъ ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковью и испрашивается имъ благодать единодушія въ благословенному рожденію и воспитанію дѣтей."

Да, это таинство несетъ за собою часто тяжелыя послѣдствія! я не говорю о людяхъ мыслящихъ, тѣхъ не связываетъ то, что попъ, какъ деревенская знахарка пробормочетъ надъ ними дикую чертовщину, и скуетъ ихъ кольцами нерасторжимой цѣпи, связь ихъ крѣпка внутреннею, горячею любовью, общими потребностями, —симпатіями, идеалами, тѣ, охладясь другъ къ другу (что случается чрезвычайно рѣдко) не станутъ подогрѣвать себя, холодно мертвеннымъ долгомъ, заѣдать

свою жизнь хроническимъ самоубійствомъ; для нихъ не существуетъ обрядовъ. Но тяжкія оковы наложила церковь на женщину суевѣрнаго круга; большинство людей нелѣпо придерживается тысячи предразсудковъ; женщина изъ среды такихъ людей — глубоко страдательное существо: она не должна любить другого и не смѣетъ до конца жизни разлюбить мужа.

Прекрасное, дающее счастье, возвышающее душу чувство любви превращается въ преступленіе: она должна быть счастлива во чтобы то ни стало съ мужемъ, если же нѣтъ, бѣдная должна влачить тяжкій, незаслуженный крестъ всю жизнь и съ даромъ разбитою, уничтоженною жизнью сойти въ пустую могилу. Мужъ—крѣпостной жены, а чаще всего жена—крѣпостная мужа; церковь любитъ вязать несвязуемое, благословлять тиранію, рабство. Многіе скажутъ, что съ уничтоженіемъ брака найдутся люди способные увлечь и бросить молоденькую дѣвушку, воспользовавшись ея красотою, молодостью, неопытностью, что бракъ—обезпеченіе бѣдной дѣвушки. Вглядѣвшись глубже, вы подмѣтите другое: развѣ не можетъ мужъ, не любящій жены, дѣвушки безъ состоянія, морить ее голодомъ, лишеніями всѣхъ удовольствій, грубою ревностью, словомъ преслѣдовать ее всѣми изсасывающими, законами дозволенными, средствами? развѣ такихъ примѣровъ мало въ нашихъ деревенскихъ вертепахъ? неужели это лучше, чѣмъ если бы онъ ее совсѣмъ бросилъ? Долгъ, честные взгляды выработываются не пустыми обрядами, не цѣпями и безсмысленными стѣсненіями! Теперь возьмите другое: дѣвушка по горячей любви выходитъ замужъ, вноситъ въ жизнь любимаго человѣка тепло, свѣтъ; но въ силу простой случайности является человѣкъ, который сторонами ли характера, умомъ, сердцемъ привязываетъ къ себѣ женщину, та противится вновь возникающему, сильному чувству, но пламенная кровь сильная впечатлительность и много другихъ условій, въ которыхъ не виновата женщина, пересиливаютъ чувство къ мужу; тихое счастье улетучивается; холодно становится супругѣ и супругу; не обманывая мужа, она сознается въ любви къ другому. Если въ немъ есть искра человѣчности, онъ, поборовши въ

себѣ все невыносимо тяжелое, пробудившееся при потерѣ дорогаго счастья, съ любовью уступитъ ее человѣку, могущему ей дать больше счастья, чѣмъ самъ онъ; но тутъ то и обнаруживаются всѣ болѣзненные симптомы негоднаго, связывающаго прочно непрочное, обряда; китайскія стѣны, воздвигнутыя духовенствомъ, особенно ярко рисуются; общество, воспитанное въ путахъ всевозможныхъ обрядовъ, начинаетъ въ нее бросать комами грязи, оно изыскиваетъ іезуитскіе способы уколоть, затронуть ее, дерзко оскорбить. Вы можете сказать, что женщина должна стать выше этого неразвитаго общества; нѣтъ! презрѣніе къ обществу не сдѣлаетъ невыносимыхъ уколовъ совершенно нечувствительными; какъ бы я ни презиралъ человѣка, обида не теряетъ совершенно своего болѣзненнаго, раздражающаго свойства! словомъ, бракъ людей порядочныхъ не имѣетъ силы связать, но за то негоднымъ людямъ даетъ патентъ на надругательство. Церковь передаетъ со всѣми законными формальностями женщину въ крѣпостную зависимость мужу.

Вопр. „Какъ осмѣлится назвать Бога отцомъ?“
Отв. „По вѣрѣ въ Іисуса Христа и по благодати возрожденія.“

Вопросъ и отвѣтъ такъ забавны, что многіе, позабывшіе катихизисъ, подумаютъ, что я сочиняю вопросы и отвѣты, чтобы вышучивать отцовъ церкви, посылаю недовѣряющаго въ первый книжный магазинъ, пусть броситъ гривенникъ и пріобрѣтетъ изданное 57 разъ сокровище и, раскрывъ сѣрыя, воняющія плѣсенью страницы, провѣритъ списанные мною тексты... Непростительная дерзость назвать Бога папашей! я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что Богъ былъ страшно взбѣшенъ за фамильярность.

На 132 стр. начинается подробный разборъ заповѣдей со всевозможными коментаріями, текстами, собственными поразительными выводами; но на второй заповѣди невольно останавливаешься, противъ нея грѣшны болѣе всѣхъ и попы, тамъ осуждается идолопоклонство, этотъ рабскій безсмысленный грѣхъ тяготѣетъ надъ ними болѣе, чѣмъ надъ всѣми остальными смертными; преслѣдуется чревоугодіе, пьянство, ими удивительнымъ образомъ отличаются попы; тысячи анекдо-

товъ, народныхъ остротъ, пословицъ намекаютъ на это грубо и ясно. Она осуждаетъ корыстолюбіе, и ни въ комъ оно не проявляется такъ гадко рѣзко, какъ у духовенства: служа, поклоняясь призраку, они обираютъ народъ отвратительнымъ шарлатанствомъ, а за взятыя деньги нашпиговываютъ головы негоднымъ мусоромъ; собранныя деньги идутъ въ сундуки или на украшеніе дурно нарисованныхъ картинокъ, капиталъ укладывается на жалкую внѣшность, не принося никому пользы.

Вопр. „Кто же заступить для насъ мѣсто родителей?“
Отв. „Государь и отечество (очень нѣжные родители), потому что государство есть великое семейство, въ которомъ государь-отецъ и подданые его дѣти.“

Да, государство — великое семейство, въ которомъ члены семейства преаппетитно пожираютъ другъ друга, а папаша государства по своей нѣжности къ дѣтямъ похожъ на Сатурна. Вотъ къ какимъ архихолопскимъ выводамъ пришли пастыри! не даромъ катихизисъ издавался на казенный счетъ 57 разъ! Поклоненіе, униженіе личности, вотъ основы катихизиса! Лизать, пресмыкаться учитъ въ угоду властямъ состряпанная книженка! На этой же страницѣ почитаніе, послушаніе извиваніе расползается отъ царя къ святымъ пастырямъ, отъ пастырей къ благодѣтелямъ, отъ благодѣтелей къ старшимъ возрастомъ; смиренное ползаніе, вылизываніе свѣтятся въ каждой строчкѣ. Въ пользу этой татарщины приводятся нѣсколько текстовъ и слова Спасителя; „воздайте Кесарю кесарево, а Богу божье“. Пастыри увлекаясь темною стороною религіи. совсѣмъ упустили свѣтлую; Іисусъ Евангелія не былъ лакеемъ власти, съ его устъ не срывались слова униженія передъ сильными міра; онъ былъ другъ слабыхъ, врагъ сильныхъ, его ученіе діаметрально противуположно поповскому. Родился онъ въ хлевѣ нищимъ и умеръ на крестѣ нищимъ. Ученіе; его дышало горячею любовью ко всѣмъ угнетеннымъ, обойденнымъ жизнью, самоотверженіемъ безграничнымъ.

Онъ не признавалъ царей, грабителей, тирановъ не признавалъ собственности; первые были для него послѣдними. послѣдніе первыми. Идеи эти жили во многихъ головахъ и религіозныхъ обществахъ, но

онѣ не были по душѣ начальствующихъ пользующимися всѣми благами. Онъ взялся ихъ съ безстрашіемъ великаго крамольника провести въ жизнь, но погибъ, какъ опасный, рано пришедшій революціонеръ; ничего не щадящая сила злобы, невѣжества распяли его; эта проклятая стихійно неразсуждающая сила живетъ, дышетъ до настоящей минуты, она отстрѣливается пушками отъ правды, защищаетъ ложь штыками, тюрьмами, застѣнками, каторгами, кандалами! Эту дотягивающую свой вѣкъ лютую силу, катихизисъ называетъ нашимъ отцомъ, благодѣтелемъ! но придетъ день, „когда поднявшіяся на небо облака изъ слезъ милліоновъ несчастныхъ прольются на землю всемірнымъ потопомъ, и тогда ужасъ, раскаяніе наполнятъ пустыя сердца безчеловѣчныхъ притѣснителей, и они въ свою очередь станутъ взывать о томъ самомъ состраданіи, голосу котораго никогда не хотѣли внимать". Къ Іисусу подошли провокаторы, съ желаніемъ выпытать отъ него отрицаніе налоговъ въ пользу деспота, они спросили: „слѣдуетъ ли платить Кесарю?" Іисусъ мгновенно понялъ подлый смыслъ вопроса и обезоружилъ двусмысленностью: „Кесарю воздайте кесарево, Богу божье". Но скажите, истязующіе правду, попы, много ли бы получилъ Кесарь, если бы ему дали только то, что ему принадлежитъ по праву? чтобы сдѣлать ему подарокъ, надо предварительно было содрать съ него шкуру, которая была и есть единственная неоспоримая собственность всѣхъ монарховъ земного шара!

Вопр. „Какъ говоритъ священное писаніе о подчиненіи служителей господамъ?"

Отв. „Раби повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ не только благимъ и кроткимъ но и строптивымъ."

Вотъ вамъ плантаторское ученіе катихизиса! вотъ чему учитъ желающая спасти душу книженка! Апостолы плетей, рабства! правительство и царь — угнетатели, близкіе вамъ, опередили васъ, они ослушались непогрѣшимаго катихизиса и освободили рабовъ; вы текстами подкрѣпляете гнетъ, горячечное рабство, палки, плети съ тройными наконечниками, и въ эти ужасъ наводящія строки всовываете личность Спасителя! Жалкое, отребье человѣчества! укажите, въ какомъ мѣстѣ евангелія онъ проповѣдывалъ подобныя мысли,

если вы докажете это, вы смѣшаете его съ вонючею грязью!

Въ объясненіи шестой заповѣди идіотизмъ доходитъ до геркулесовскихъ столбовъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ:

Вопр. „Всякое ли отнятіе жизни есть беззаконное преступное дѣйствіе?"

Отв. „Не есть беззаконное убійство, когда отнимаютъ жизнь по обязанности: 1) когда преступника наказываютъ смертью по правосудію, и 2) когда убиваютъ непріятеля на войнѣ за царя и отечество."

Вотъ синодская сокровищница, заражающая небо, кишащая чумными микробами помойная яма, изъ которой суждено дѣтямъ черпать православную мораль... За страницу передъ этимъ затхлая книженка оправдывала, пѣла гимны зловѣщему рабству, а въ концѣ дошла до того, что проводитъ мысль, что война изъ за владыкъ—гуртовое душегубство, гдѣ человѣкъ человѣка убиваетъ и калѣчитъ нисходитъ на степень кровожадной тварп—святое дѣло. Каннибальская оргія названа благодѣтельнымъ поступкомъ. Тяжкая, уголовщина, за которую въ мирное время ссылаютъ на каторгу, во время войны превращается въ дѣйствіе чистое, за него нашихъ военныхъ головорѣзовъ возводятъ въ чины, украшаютъ цацками. И вы, черные, презрѣнные, пресмыкатели, беретесь разсѣчь гордіевъ узелъ—разъяснить, что такое грѣхъ! Да, вы умѣете убивать и физически и духовно, вы создали аскетизмъ, доведшій милліоны здоровыхъ людей до истощенія тѣлеснаго и извращенья душевнаго, но вы на этомъ не остановились: принялись нагло, публично расслѣвать юношей, дѣтей, навязывая имъ ученіе о непогрѣшимости церкви и властителей, оправдывая войну, застѣнки, кнутъ, рабство, униженья. Послѣдняя страница катихизиса замыкается слѣдующею тирадою:

„Той же рабъ видѣвый волю господина и не уготовавъ, по сотворивъ по волѣ его біенъ будетъ много."

Вотъ вамъ послѣднее, прощальное слово катихизиса! Говоря о Богѣ, Христѣ, они пріѣхали безъ малѣйшихъ скачковъ, послѣдовательно, къ плетямъ, батогамъ; кнутъ и крестъ, вотъ святые аттрибуты православнаго духовенства! и этою аномаліею они хотѣли спасти умъ учащагося, выработать въ мальчикѣ понятіе о добрѣ, правдѣ!

Съ тяжелымъ чувствомъ приступилъ я къ разбору катихизиса; серьезно обличать его было бы странно: весь онъ напичканъ такою безграничною, низкою чепухою, что единственное оружіе, которое можно было поднять противъ него, не унижая себя: это смѣхъ, но не тотъ свѣтлый смѣхъ, который освѣщаетъ лицо, разгоняетъ на немъ морщины, а тотъ больной, злой смѣхъ, рвущійся отъ негодованія, отвращенія и который судорожно искривляетъ лицо. Надо было ясно, понятно для пятилѣтняго ребенка разъяснить всю кромѣшную тьму его содержанія. Правительство, общество тогда только обратятъ вниманіе, когда насмѣшка вполнѣ раскроетъ злую нелѣпость. Баснословно дико то, что это кабалистическое ученіе обязательно воспитаннику, онъ на него затрачиваетъ молодую память, трудъ; само ученіе такъ возмутительно, что мальчикъ невольно развращается нравственно, умственно, можетъ быть, это — самая пламенная мечта синода и правительства! прочтя его одинъ разъ, чувствуешь давленіе кошмара, какая же ужасная участь постигаетъ тѣхъ, которые обязаны его выдолбить!...

Капръ 1869 г.

Замѣтки о религіи

„Мысль мысль, какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,
Страшна твоя тяжолая борьба...
Грознѣй небесныхъ бурь, несешь ты разрушеніе,
Неумолима, какъ сама судьба...
. . . . . .
„За вѣрой, вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ, мнѣ тьмою назвала...“

„Монологи“ Н. Огаревъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я пишу мои замѣтки для той огромной массы, которой дѣлаются недоступны великія истины, если высказывать ихъ начнетъ, полный самообожанія, таинственно глаголющій, жрецъ науки, и для которой будетъ непонятенъ, запутанный терминами, сухой, однимъ спеціалистамъ принадлежащій, языкъ. Пора перестать, поборникамъ науки, презирать читающую публику; она невиновата въ своемъ научномъ невѣжествѣ, виноваты тѣ, Плюшкины науки, которые всѣ ея сокровища, прячутъ, отъ непосвященныхъ, въ темныя кладовыя. Публика жадно ловитъ всякое честное слово, новую, научную мысль; она не обижается за горькую правду, если видитъ въ пишущемъ не глумящагося тупицу, а живого, любящаго человѣка, горячо дѣлящагося съ нею всѣмъ своимъ умственнымъ имуществомъ. Публика съумѣла оцѣнить Герцена, Чернышевскаго Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и многихъ другихъ. Она способна понять всякую научную мысль, всякій выводъ науки, расширяющій умъ, если съ ней заговорятъ, не подымаясь на ходули, не задирая назадъ голову, не терзая сухими мелочами, утонченными спеціальными подробностями. Съ небольшими исключеніями, всякую науку можно упростить до того, что ее въ состояніи будетъ понять ребенокъ, а не только образованный человѣкъ. Спеціалисты тѣ же чиновники; они силятся даже живую науку превратить въ архивную груду; ихъ узенькій эгоизмикъ не допускаетъ сознаться, что если они публично снимутъ покрывало

съ Изиды, то для публики обнаружится не совсѣмъ грандіозное зрѣлище; что если отбросить во многихъ наукахъ всѣ, необходимыя только для одного спеціалиста, подробности, то въ результатѣ окажется не такъ много, какъ кажется, великихъ, неоспоримыхъ, полезныхъ истинъ. Такъ какъ для меня сочувствіе публики неизмѣримо дороже черство-педантическаго сочувствія спеціалистовъ, то я безъ тайнаго трепета, слегка отдерну ту занавѣску, за которой прячется та суровонедоступная богиня, одинъ любопытный взглядъ на которую, покрытыя волосами головы ученыхъ, дѣлаетъ плѣшивыми и одервеняетъ всѣ ихъ горячія, юношескія мысли и широкія стремленія.

Я не намѣренъ щеголять массою мельчайшихъ подробностей, сомнительною ученостью. Я хочу прослѣдить возвышеніе науки и фіаско религіи, познакомить массу съ выводами, которые дастъ наука, не желая не стремясь давать ихъ. Наши лѣтописи храпятъ курьезно прискорбные примѣры, гдѣ профессора естественныхъ наукъ часто вѣрили въ дремучую галиматью, непростительную ребенку. Самое названіе „замѣтки“ показываетъ сущность сочиненія; я не разсчитываю дѣйствовать общею методою; не стану впадать въ пространную болтовню, въ которую любятъ впадать, говоря о религіи; каждую мысль, которую я хочу высказать, можно тянуть на нѣсколькихъ страницахъ. Не стану съ особенною осторожностью приступать къ моимъ замѣткамъ: — осторожность мыслима тамъ, гдѣ предметъ черезъ чуръ теменъ. Многіе считаютъ забавнымъ съ ухищреньями, реверансами опровергать что домовой не заплетаетъ по ночамъ гривы лошадямъ, какъ думаетъ масса народа, а вѣрованія такія же глупыя, наивныя, принадлежащія болѣе образованнымъ сословіямъ, почему то разбираются съ большею осторожностью, тогда какъ, въ послѣднемъ случаѣ, нападки должны быть еще безцеремоннѣе: классъ малообразованныхъ имѣетъ болѣе шансовъ понимать нелѣпое, не даромъ же они чему нибудь учились и что нибудь читали!...

Не стану, для большаго подкрѣпленія моихъ словъ, ссылаться на каждомъ полушагѣ на знаменитыхъ философовъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ: одного,

незабитаго, безпробудно, здраваго смысла достаточно для пониманія того, что я пишу. Не стану замаривать читателя описываніемъ всѣхъ религій, медленнаго перехода изъ очень грубой, очень темной, къ болѣе свѣтлой; описываніемъ всѣхъ геологическихъ періодовъ земли; изложеніемъ теоріи появленія организмовъ; теоріи самосотворенія вселенной, или творенія ея черезъ Творца. Понятно, что люди враждебно смотрящіе на теорію самосотворенія, впадаютъ въ еще большую неясность, говоря о Творцѣ; если возможно самосотвореніе Творца, то почему же невозможно самосотвореніе самой природы? Одна теорія предполагаетъ, что Творецъ не имѣетъ ни начала, ни конца, потому что начало немыслимо по своей нелѣпости: изъ ничего никакъ не могло умудриться произойти что; другая — что міры творились въ продолженіи несчетныхъ милліоновъ лѣтъ, изъ вѣчной матеріи, руководясь вѣчными, въ ней же скрытыми, законами; какъ логическое научное, такъ и нелогическое богословское сходятся въ концѣ концовъ въ томъ пунктѣ, гдѣ дѣло идетъ о причинѣ всѣхъ причинъ; въ обоихъ случаяхъ основа предположеній — вѣчность, непонятная, неподдающаяся ни на какія объясненія. Знаніе не безконечно; есть предѣлы, гдѣ наука останавливается и ни какія гигантскія усилія не подвинутъ ее ни на одну линію. Природа таинственна въ томъ смыслѣ, что въ ней есть основы, которыя не могутъ быть обняты конечнымъ разумомъ; пусть кто нибудь уяснитъ себѣ безконечность матеріи и силы, ихъ вѣчное движеніе, — или такіе неосязаемые предметы, какъ сознаніе, чувствительность — но не смотря на невозможность разъяснить ихъ, они ничего не имѣютъ общаго съ дикими вѣрованіями и безобразнымъ идолопоклонствомъ. Естествоиспытатель, дойдя до этихъ границъ, остановится и не станетъ выбиваться изъ силъ. чтобы сдѣлать сальто-мортале черезъ границу, за которой царствуетъ бездна, безъ границы. При современномъ знаніи, заглядываніе въ безконечность — пустая затрата силъ, работа мифологическаго Сизифа: вѣчно вскатывающаго, вѣчно и снова скатывающійся камень. Но теологи, какъ великіе невѣжды пошли далѣе: они рѣшили на своемъ мудромъ совѣтѣ, что Богъ непостижимъ,

даже для господъ ангеловъ; и рядомъ непостижимое у нихъ обратилось въ доморощеннаго мастера, который отъ скуки творитъ міры, создаетъ добро и зло, а потомъ звѣрски мститъ за зло; выкидываетъ разнаго рода эксцентрическія продѣлки Таинственному, непостижимому они приписали достоинства, цѣлую кучу желаній; словомъ, написали психологію Бога. Оказывается что для теологовъ непостижимое — пустой звукъ: для нихъ въ цѣломъ мірозданіи нѣтъ ничего непостижимаго, ничего таинственнаго. Сильный орелъ не перелититъ воздухъ, его поддерживающій, человѣкъ не перегонитъ свою тѣнь, онъ не объяснитъ безконечное своимъ конечнымъ разумомъ.

Капля спермы, наросшаго живыхъ, всевоспринимающихъ клѣточекъ, формирующая Шекспира, Данте, Галилея, Байрона и другихъ чудныхъ геніевъ, врядъ ли когда нибудь перестанетъ быть тайною!

ГЛАВА II

„Воздвигая храмы древнимъ истукапамъ,
Люди не подкупятъ небо фиміамомъ,
И дымокъ ничтожный купленныхъ куреній,
Вѣтеръ вдругъ развѣетъ въ нѣсколько мгновеній."

„Ямбы"

Я набрасываю очерки того, что болѣе всего, всегда волновало людей, сбивало ихъ съ толку. Прошли тысячелѣтія, а люди на гибель себѣ все продолжаютъ идти темною дорогою; сколько таинственно нелѣпаго, безобразно фантастическаго породила религія; какіе кроваво-трагическіе, непостижимо комическіе споры возникали по ея поводу. Сколько, ученыхъ философовъ, простыхъ смертныхъ бились надъ религіозными вопросами, въ мукахъ, слезахъ; какая масса ложно направленныхъ великихъ умовъ сгорѣла огнемъ безплоднымъ, погрузившись въ бездны религіозной безсмыслицы. Нѣтъ сомнѣнія, что первые проблески религіи обнаружились въ несчастнѣйшемъ подобіи современнаго человѣка, когда въ немъ уже начали обнаруживаться намеки на цивилизацію, то есть даръ слова и наблюденія. Много тысячелѣтій протекло надъ нашими предками, пока, борясь на жизнь и смерть съ неорганическою и органическою природою, они расправляли свою лохма-

тую спину, а дикій ревъ, жалобное мычаніе пересоздавали въ намекъ на слово, выражающее мысль. Человѣкъ, имѣющій уже право на это названіе, такъ дорого купленное его предками, очутившись среди враждебной ему природы, испуганно съежился передъ ея суровою громадностью; всѣ явленія, бросающіяся ему въ глаза, были обвѣяны для него глубокою таинственностью; страшныя бури, гремящія молніи, бурно разливающіяся рѣки, потоки, наводили слѣпой ужасъ на перваго несчастнаго человѣка; слабый, совершенно неопытный, крайне несвѣдущій, беззащитный, онъ былъ жалчайшимъ, затерянымъ созданіемъ, среди великой, грозной природы; объяснять все естественно было невозможно: такія объясненія не даются даромъ, не сходятъ съ неба, въ видѣ огненныхъ языковъ, а завоевываются, неутомимымъ трудомъ, неусыпнымъ наблюденіемъ, обобщеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ выбралъ что легче: въ каждомъ явленіи природы, онъ сталъ видѣть властелина; неодушевленный предметъ получилъ одушевленное значеніе; это первое, слѣдовательно самое наивное, поклоненіе называется фетишизмомъ. Рѣка текла у фетиша по собственному желанію; ураганъ, развѣявшій въ прахъ его жилище, руководствовался извѣстною заднею мыслію. Эти остроумныя объясненія лежали въ самой природѣ первобытнаго человѣка — онъ мѣрилъ колоссальную природу на свой микроскопическій аршинъ — если онъ дѣлалъ зло, то онъ хотѣлъ этого, на этомъ простомъ основаніи, онъ перенесъ свой образъ дѣйствій на окружающую, безучастную къ человѣку природу...

Въ продолженіи многихъ тысячелѣтій религія переходила отъ грубаго, дѣтскаго объясненія къ болѣе осмысленному; переходъ совершался черезъ чуръ медленно, какъ и всегда бываетъ медленъ погрессъ свѣтлой мысли. — Человѣкъ тихо сталъ пробивать дорогу къ объясненіямъ разумнымъ; терпѣніе, наблюденіе, пытливость, обобщеніе начали расширять путь. Чудовищныя гоненія, суровыя испытанія, терновые вѣнцы смерти и пытокъ вынесли бойцы за истину. Уродливое невѣжество, свирѣпое варварство царили бы до сихъ поръ, если бы яркій свѣтъ науки не проникъ въ кромѣшную тьму. Изъ большихъ рукъ огромнаго Бога

стали вынимать одинъ за другимъ его аттрибуты, это дѣлалось шагъ за шагомъ... Страшный, онъ носился по небу, окутанный тучами, щедро сыпалъ огненные перуны; люди трепетали, воображая, что то мстящая сила за дурныя дѣла. Но сомнѣніе проникло и сюда: болѣе наблюдательные замѣтили, что эти дѣйствія носятъ характеръ случайности — молнія разила камни, скалы, деревья, храмы, людей, правоб[illegible] и все это безъ малѣйшей послѣдовательности; между людьми она порожала не худшихъ, но иногда и самыхъ лучшихъ, словомъ какъ прійдется. Нашелся смѣльчакъ, на бумажный, дѣтскій змѣй, онъ поймалъ молнію, находящееся въ ней электричество послужило людямъ въ большую пользу; чѣмъ далѣе, тѣмъ смѣлѣе стали изучать бога; тѣмъ безцеремоннѣе обезоруживать его. Люди начали вырабатывать болѣе очищенный взглядъ на него, перестали въ немъ видѣть барина, полицейскаго сыщика, всюду толкающагося, во все вмѣшивающагося, управляющаго по произволу судьбами людей, посылающаго на нихъ напасти; понемногу они начали выходить изъ крѣпостнаго состоянія, но совершенно отдѣлаться отъ мистическаго благоговѣнія съумѣли очень, очень немногіе. Даже среди большинства начали понемногу исчезать, даваемыя Богу взятки, подлизыванья, пасованія, трусливыя мольбы. Бросающаяся въ глаза, глупость начала исчезать, но совершенное ея исчезновеніе наступитъ въ далекомъ будущемъ, не потому что объясненіе всего естественнымъ путемъ было бы трудно, нѣтъ, но вслѣдствіе недостатка внимательности къ своей логикѣ и придури, общаго удѣла невѣжественныхъ массъ... Очень часто попадаются въ естественныхъ книгахъ ни къ чему не идущія ничего не объясняющія, но сильно замарачивающія слабыя головы фразы: „Его всемогущая воля,“ „творящая десница,“ „возваніе къ хаосу,“ „бытье и небытье,“ „благость пекущагося, мудраго провидѣнія.“ „Стройный планъ великаго геометра.“ Эта патетическая трескотня, самая вредная, самая жалкая! Нѣкоторые подъ словомъ Богъ подразумѣваютъ природу съ ея законами; иные употребляютъ этотъ эпитетъ въ полной увѣренности, что еще рано отрѣшиться отъ такого освященнаго вѣками названія; что полное раскрытіе истины не по плечу многимъ, что

нужно прививать идеи послѣдовательно, медленно. Высказывать истину вполнѣ никогда не рано; въ чемъ человѣкъ глубоко убѣжденъ, онъ обязанъ высказывать; у кого нѣтъ мужества выйти на свѣтъ, у того нѣтъ силы переносить свѣтъ. Вредѣе быть не можетъ постоянныхъ недомолвокъ: неохватыванія идеи сполна... Императоры, папы, попы и самые черные ругиперы, могутъ не только высказывать свои убѣжденія, но и реализировать ихъ въ жизни, а истину нужно высказывать шопотомъ, съ осторожностью убійцы изъ подъ угла съ оглядками по сторонамъ, чрезвычайно постепенно! Душить, грабить людей, занаваживать ихъ головы перегнившею рухлядью не только можно, но и должно; за такіе патріотическіе подвиги въ монархическихъ государствахъ увѣшиваютъ орденами, награждаютъ пожизненными пенсіонами; высказывать же простыя, свѣтлыя, какъ солнце, неэгоистическія мысли вредно, это значитъ въ конецъ развращать массы! Противоестественнымъ считается глубоко, самоотверженно любить людей и естественнымъ — ихъ давить, обдирать, обезличивать, презирать и ненавидѣть! Отъ этого мы часто встрѣчаемъ людей, которые, рядомъ съ широкими мыслями, высказываютъ младенческую несообразность; рѣдко кто умѣетъ мыслить до конца, у многихъ, весьма неожиданно, въ началѣ пути, духъ захватываетъ. Полное и законченное развитіе, даже самой блѣдненькой, либеральной мысли можетъ поразить сюрпризомъ; приведемъ одинъ примѣръ, изъ безчисленнаго множества: закоренѣлые собственники, готовые отъ всей души растерзать человѣка, проповѣдующаго нецензурныя идеи о собственности, полномъ равенствѣ, валяются растянувшись плашмя, передъ образомъ Спасителя, образомъ революціонера, рушившаго троны и собственность. И такихъ противорѣчій на каждомъ шагу бездна... „Многіе говорятъ: Положимъ, что все это вѣчная матерія и что она управляется вѣчными законами, ну а знаете,“ (говорящій пристально вглядывается въ васъ) „все есть что-то, откуда же это все могло взяться?“ (говорящій впадаетъ въ философскую меланхолію) „не само же это родилось?“ (Нѣтъ сомнѣнія, что для Бога не предоставлялось затрудненья родиться.) „Наконецъ милліоны вѣруютъ, отъ дикаря до

самого образованнаго человѣка, согласитесь что эти люди имѣютъ же какое нибудь основаніе!... это выше всякаго пониманія, выше разсужденія, знаменитые ученые и тѣ вѣровали (говорящій высчитываетъ чуть не сотню знаменитостей, полузнаменитостей, десятую долю знаменитостей, дураковъ и знаменитыхъ дураковъ). — „Невѣрующій Вольтеръ и тотъ передъ смертію покаялся. Самъ Вольтеръ былъ деистъ, снималъ шапку передъ великимъ геометромъ—богомъ.“ Можетъ быть, мнѣ пришлось вступать въ разсужденіе съ людьми недалекими, но сколько я помню, на этихъ фразахъ всегда вертѣлись доказательства вѣрующихъ. Сильнѣе другихъ поражаетъ своею непроходимою нелѣпостью аргументъ: что милліоны вѣруютъ; если бы составить хронологическую таблицу всѣхъ несообразностей, въ которыя вѣрили и вѣрятъ милліоны, онѣ наполнили бы большой томъ. Въ XVIII вѣкѣ еще царила вѣра, что преслѣдовать огнемъ, мечемъ человѣка за его мысль, — святыню неприкосновенную — дѣло не только не чудовищное, но, напротивъ, вполнѣ естественное; десятъ лѣтъ назадъ, въ Россіи милліоны вѣрили въ святость, неприкосновенность крѣпостнаго палачества; наша современная цивилизація можетъ похвалиться такими вѣрованіями, отъ которыхъ съ ужасомъ отшатывается всякая человѣческая мысль! Принимается или не принимается извѣстная мысль, по плечу ли она всѣмъ или нѣтъ, высказывать ее вполнѣ, законченно, необходимо: нынче ее поймутъ двое, а черезъ нѣсколько лѣтъ, она станетъ достояньемъ тысячъ. Чья забитая голова ни принять, ни усвоить ее не можетъ, пусть не усваиваетъ, вольному воля; идей силою никто не долженъ навязывать.

Слово „Богъ“ можно замѣнить словами: „природа и ея законы“; къ чему два названія, если одно туманно и заморачиваетъ слабыя головы, а другое ясно опредѣляетъ сущность предмета? — У Гейне есть стихотвореніе, проникнутое глубокою мыслью, жестокою ироніей, я его напомню читателю:

„Ночью надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ
Такъ онъ волнамъ говоритъ:

* * *

— О разрѣшите мнѣ жизни загадку.
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!..
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!...

* * *

Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ — и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.

* * *

Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайно отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?...
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?...

* * *

Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несется и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ въ безстрастіи—холодномъ,
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ!"

Вотъ вамъ безмолвный, горькій отвѣтъ природы на мучительные вопросы! Страшныхъ вопросовъ нѣтъ, есть прямо вопросы очень трудные; вопросъ: „откуда пришелъ человѣкъ" утерялъ для насъ мистически недоступный характеръ: Дарвинъ, въ своемъ геніальномъ трудѣ: „Происхожденіе человѣка," глубочайшими научными выводами доказалъ, что ближайшіе предки величественно гордаго рода человѣческаго — мелкая порода узконосыхъ обезьянъ стараго свѣта; если же генеологическую линію вытянуть гораздо далѣе, на милліоны лѣтъ, то громадно отдаленные родоначальники человѣка затеряются въ глубинахъ морскихъ. Въ то, богатое духовною жизнью, время, наши Богамъ равные предки, виляя хвостами, махая плавниками, дыша жабрами, свободно разгуливали по необозримымъ теплымъ водянымъ пространствамъ, весело, безмятежно пожирая другъ друга. Отъ этой восхитительной способности взаимнаго пожиранія еще не отдѣлался современный намъ, блистающій цивилизаціей міръ. Десятки тысячъ лѣтъ нужны были для того, чтобы животному переродиться въ человѣка; тысячи лѣтъ, жалкое, безобразное подобіе нынѣшняго человѣка разгинало свою обезьянью спину, кровавымъ потомъ, жгучими слезами завоевывая себѣ крошечныя удобства

жизни. Животное царство безъ перерыва, неуловимо для строжайшихъ наблюденій, переходитъ въ растительное; растительное — въ минеральное. Нѣтъ сомнѣнія, что наука скоро сведетъ всѣ сложнѣйшія, величайшія по разнообразію явленія природы къ единому простому тѣлу, микроскопической клѣточкѣ. Вопросъ же: „куда пойдетъ человѣкъ — еще менѣе роковой, таинственный. Если мертвеца не набальзамируютъ, не уложатъ въ герметическій свинцовый гробъ, то его очень быстро переработаетъ природа въ своей постоянно дѣятельной лабораторіи, и какія бы причудливыя формы не лѣпила она изъ нашего праха, вновь создавая, вновь разрушая до послѣдняго часа жизни нашей планеты, во всякомъ случаѣ, нашъ прахъ, развѣ только въ формѣ космической пыли залетитъ за предѣлы земной атмосферы. Сомнѣваться во всемъ этомъ могутъ только поклонники библіи, въ которой Егова 5633 года назадъ т. е. въ эпоху цвѣтущей Индѣйской цивилизаціи, въ эпоху, когда въ Египтѣ уже были построены исполинскія пирамиды, сказочные дворцы, храмы, города, была устроена по всей странѣ ирригація и проч. смастерилъ, сначала, въ шесть дней міръ, отдыхая по нѣскольку часовъ, послѣ каждаго утомительнаго дня творенія, а на седьмой человѣка, послѣ чего онъ залегъ спать на мягкихъ бѣлыхъ облакахъ и не просыпался до настоящей минуты. Что же касается до послѣдняго вопроса, который — тайна отъ вѣка: „кто тамъ надъ звѣздами живетъ?“ Мы отвѣтимъ, что при помощи сильнѣйшихъ телескоповъ открыли, что за звѣздами нами видимыми, парятъ не разиженный самодержецъ небесъ, а стройно, руководимыя вѣчными законами, вращаются вокругъ центральныхъ солнцъ, еще болѣе громадныя звѣзды, а надъ ними еще и еще звѣзды, до безконечности.

Человѣкъ, вздумавшій въ настоящее время, съ тоскою, слезами или совсѣмъ безъ слезъ, безъ тоски, задавать природѣ такіе наивные, мучительные вопросы, былъ бы эксцентрическій чудакъ. Теперь никто ни на берегу моря, ни на берегу ручья, ни прямо на крыльцѣ, словомъ, ни въ какой мѣстности, повидимому благопріятствующей мучительнымъ вопросамъ, предлагать ихъ не станетъ. Съ природою стали разговаривать немного

иначе, при церемонномъ, жеманномъ обращеніи, вдумчивыхъ вопросахъ, она зазнавалась и упорно молчала, теперь она разговорилась и разговорилась такъ, какъ будто старается вознаградить себя за все время многовѣковаго молчанія. И кому вы думаете, она начала навязывать, одно за однимъ, свои таинства? Въ силу деликатнаго чувства, она должна была бы все разсказать пламеннымъ вздыхателямъ, предлагавшимъ ей вопросы, непремѣнно съ большими потугами и въ слезахъ,—людямъ, ведшимъ съ нею всегда продолжительные, крайне запутанные, меланхолическіе, мечтательно метафизическіе разговоры. Нѣтъ, она ничего не обнаружила передъ метафизиками, но она разоблачилась передъ безмолвными невѣжливыми натуралистами, передъ ихъ прозаическими ретортами, вѣсами, пневматическими машинами, словомъ передъ прозаическими орудіями физическаго, химическаго физіологическаго кабинетовъ. Старыя пестрыя лохмотья свалились съ ея мощныхъ, колоссальныхъ плечъ, и предстала она во всей своей грандіозной, поражающей, ослѣпляющей наготѣ...

Религія считала сводъ небесный крышею земли, а за крышею—замерзшій воздухъ, въ который были вставлены звѣзды—вѣрные служители и усладители нашей земли. Подъ замерзшимъ воздухомъ свершали свой ежедневный всходъ солнце и мѣсяцъ, спеціально предназначенные для земныхъ жителей. Кристальный, верхній міръ былъ наполненъ духами, служилъ резиденціей Богу; поэты изнывали, описывая блаженство духовъ. Что же сказала наука? — Земля окружена оболочкою, состоящей изъ смѣси газовъ; основываясь на наблюденіяхъ надъ явленіями сумерекъ въ тропическихъ странахъ, Эмануилъ Ліэ нашелъ, что высота атмосферы достигаетъ 300 верстъ; сначала думали, что она невѣсома, теперь она взвѣшена, измѣрено ея давленіе, извѣстны ея составныя части и колоссальное значеніе для всего живущаго. „На землѣ царствовала бы вѣчная смерть и гробовая тишина, если бы не было атмосферы, внѣшней оболочки нашей планеты. Эта газообразная, прозрачная, иногда невидимая масса, которую на первый взглядъ трудно даже признать за часть земли, составляетъ однако, главную стихію послѣдней, она самая подвижная изъ всѣхъ стихій, и въ ней

преимущественно сосредоточена жизнь. Всѣ мы люди, животныя и растенія, держимся на почвѣ, но живемъ въ воздухѣ и воздухомъ. Не говоря уже о птицахъ, всѣ существа, ходящія, ползающія или стоящія корнями на почвѣ, могутъ быть названы дѣтьми атмосферы.

Разсматриваемая, какъ небесное свѣтило, наша планета состоитъ изъ внутренняго ядра, окруженнаго двумя жидкими слоями. Твердое ядро, или земля въ тѣсномъ смыслѣ. — это каменные пласты, заключающіе лавы, расплавленные металлы и всю массу неизвѣстныхъ веществъ, занимающую центръ земнаго шара. Океаны, моря и сѣть рѣкъ облегаютъ этотъ земной остовъ; затѣмъ надъ водяной оболочкою идетъ второй сферическій слой, еще болѣе жидкій, представляющій громадный дыхательный аппаратъ, въ которомъ происходитъ непрерывное движеніе токовъ отъ полюсовъ къ экватору и отъ экватора къ полюсамъ, отличающееся тою же правильностью, какую мы замѣчаемъ въ процессѣ дыханія человѣка. Атмосфера—это, такъ сказать — лёгкія нашей планеты; подобно своему спутнику, который, по мнѣнію большинства астрономовъ, не имѣетъ газообразной оболочки, земля обратилась бы въ мертвое свѣтило, блуждающее въ пространствѣ, если бы вдругъ исчезъ окружающій ее слой воздуха и прекратилось правильное дыханіе вѣтровъ. Каждая частица атмосфернаго газа вѣчно переходитъ отъ жизни къ смерти и отъ смерти къ жизни; становясь поочередно вѣтромъ, волною, землею, животнымъ или цвѣткомъ, она, не смотря на свою малость, служитъ символомъ безконечнаго движенія. Воздухъ—это неизсякаемый источникъ, гдѣ беретъ начало все живущее, громадный резервуаръ, куда отдаетъ свое послѣднее дыханіе все умирающее. Подъ вліяніемъ атмосферы родятся и умираютъ всѣ организмы, разсѣянные по лицу земли. Въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, заключены жизнь и смерть, постоянно чередующіеся путемъ обмѣна газообразныхъ частицъ. Элементы, выдѣляемые листьями дерева, переносятся вѣтромъ въ лёгкія новорожденнаго ребенка; послѣдній вздохъ умирающаго идетъ на образованіе блестящаго вѣнчика благоухающаго цвѣтка. Тихій вѣтерокъ, едва колеблющій стебельки травъ, гдѣ

нибудь далѣе реветъ страшнымъ ураганомъ, который вырываетъ съ корнемъ вѣковыя деревья и топитъ корабли вмѣстѣ съ экипажемъ. Такъ, посредствомъ безконечнаго сцѣпленія частныхъ смертей, атмосфера поддерживаетъ общую жизнь земнаго шара. Будучи сходно съ океаномъ, по непрерывному круговращенію своихъ волнъ, великое атмосферное море не замкнуто, подобно водамъ, въ ограниченный со всѣхъ сторонъ бассейнъ. Частицы его скользятъ между порами тѣлъ; онѣ проникаютъ въ нѣдра земли, гдѣ плаваютъ лавы, въ глубину морей, гдѣ утверждаются въ организмахъ безчисленныхъ инфузорій. Атмосфера неустанно странствуетъ съ мѣста на мѣсто, увлекая на своихъ волнахъ всѣ мелкіе предметы, не прикрѣпленные къ почвѣ. Она овладѣваетъ золою, вылетающею изъ кратера вулкана во время изверженія и переноситъ ее за сотни и тысячи верстъ, она захватываетъ въ свои вихри милліарды микроскопическихъ животныхъ или облака цвѣтени, которыя переносятся за моря и падаютъ на землю въ видѣ тончайшей пыли. Она уноситъ самое море въ видѣ облаковъ и метеоровъ, и распредѣляетъ его по всѣмъ точкамъ материковъ; она насыщается цѣлыми потоками электричества, которое затѣмъ освобождаетъ въ видѣ молніи или лучей полярнаго сіянія. Словомъ, воздушная оболочка земнаго шара — это исполинскій проводникъ, чрезъ посредство котораго совершается всеобщій кругооборотъ элементовъ, составляющихъ твердую кору, массу водъ и органическія тѣла".

За этой земной оболочкой открыли дивный міръ и этотъ міръ, открытый разумомъ, оказался такъ безгранично грандіозенъ, что передъ нимъ клерикальная фантазія оказалась мелкою, дряненькой. Астрономическія измѣренія оказались такъ велики, что фантазія безсильна представить ихъ: лучъ свѣта, проходящій при одномъ колебаніи маятника пространство въ 8 разъ болѣе окружности земли, долженъ употребить десятки лѣтъ, чтобы дойти до насъ отъ звѣздъ, видимыхъ глазомъ. Лазурный колпакъ, опрокинутый надъ землею— chef d'œuvre клерикальной фантазіи—превратился въ безграничное пространство полное самосвѣтящихся солнцъ-млечный путь, какъ блѣдный, блестящій туманъ, перепоясывающій небо, весь состоитъ изъ скученныхъ звѣздъ;

нашъ многолюдный, могучій, гордый міръ — невидимая пылинка въ сравненіи съ ними, и весь этотъ неохватимый, безконечный міръ движется непроизвольно, напротивъ съ строгимъ ограниченіемъ того закона природы, по которому тѣла взаимно притягиваются. Обыскавъ все небо, вы нигдѣ не отыщете произвола, не разыщите толкающаго Бога: „въ этомъ безконечномъ пространствѣ свершаетъ свой путь необходимость; гигантскій механизмъ безстрастно двигается силою математическаго закона". Наполеонъ спросилъ у Лапласа, почему въ своей „Небесной механикѣ", онъ ни разу не упомянулъ слово Богъ; Лапласъ отвѣтилъ: „Я не нуждался въ этой гипотезѣ". Лакейство передъ природою, поклоненіе, молитвы, обращенныя къ ней — такое же грубое идолопоклонство, какъ и поклоненіе разноцвѣтнымъ лохмотьямъ и деревяшкамъ. Можно восхищаться природой, но поклоняться ей — нелѣпость невообразимая. „Безсознательно, неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка переходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго; человѣкъ ея дитя, но она — всеобщая мать и у ней нѣтъ предпочтеній; все, что существуетъ въ ея лонѣ возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому: она создаетъ, разрушая, и ей все равно, что она создаетъ и что она разрушаетъ, лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ; а поэтому она такъ же спокойно покрываетъ плесенью божественный ликъ Фидьясовскаго юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе молп драгоцѣнныя строки Софокла. Эта глухая, слѣпорожденная сила даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, и идетъ все пожирая; какъ устоять противъ ея грубыхъ безконечно, и безустанно надвигающихся волнъ?...

Чтобы устоять нужно изучать ее; локомотивъ на ужасной высотѣ прорѣзаетъ холодную мглу облаковъ, телеграфная проволока связала два міра, пролегла черезъ ширь океана; компасъ руководитъ судномъ на краю міра, на бездорожномъ пространствѣ океана; крошечная стрѣлка компаса раздавила въ прахъ ученіе тысячелѣтій; что земля плоска. Паровыя машины всѣхъ

родовъ: двигающіяся, высокаго и низкаго давленія, которыя въ одной Великобританіи замѣняютъ собою ручной трудъ милліоновъ людей; телескопы, разоблачившіе небо, микроскопы—землю и воздухъ и тысячи неисчисляемыхъ, окружающихъ насъ предметовъ начиная съ необходимаго, кончая роскошью, все это дало изученіе природы. Атмосферѣ, состоящей изъ азота, кислорода, углекислоты, нѣтъ дѣла до насъ, наши заклинанія она не услышитъ, наши мольбы ей непонятны, какъ и деревяшкѣ съ намалеваннымъ святымъ изображеніемъ. Атмосферѣ все равно, складываете ли вы, набожно, ваши пальцы въ знаменіе креста, или машете по ней палкой; небу все равно, возведете ли вы на него полные религіознымъ восторгомъ очи или плюнете въ него; пустое, безвучное, холодное небо, одинаково не откликнется вамъ, обратитесь ли вы къ нему съ проклятіями или съ нѣжнымъ, горячимъ моленіемъ съ злымъ укоромъ или пламенною благодарностью, ваши дорого стоющіе ѳиміамы расплывутся въ немъ такъ же безслѣдно, какъ и зловоніи отхожихъ мѣстъ. Ваши духовныя картины осыпанныя сверкающими брилльянтами, залитыя золотомъ—мертвые безпроцентные капиталы; ваши красивые, огромные храмы отравляютъ вашу кровь, углекислотой, во время пышныхъ, безплодныхъ, многолюдныхъ и безтолковыхъ моленій. Религіозныя побрякушки глотаютъ капиталы, могущіе служить бѣдности всюду царящей, все пожирающей; служеніе призраку подрываетъ служеніе высоко существенному, человѣчному.

Храмы, царскіе дворцы,—чудовищные анахронизмы, это тѣ же колоссальныя пирамиды, которыхъ строили сотни лѣтъ, сотни тысячъ людей, задыхаясь въ раскаленной Сахарѣ, обливаясь кровавымъ потомъ, чтобы во внутрь горы, изъ кирпичей, положить трупикъ плюгавенькаго фараончика. Мысль, очень лестная для египтянъ, что пирамиды служили защитой отъ надвигающихся въ извѣстномъ направленіи, песковъ пустыни, пока еще не доказана... Лопающіеся отъ жира и лѣни монахи, вмѣсто полезнаго труда, вносятъ въ жизнь изощренныя похоти и забивающую на смерть здравый смыслъ средневѣковую схоластику. Не богъ создалъ человѣка по своему образу и подобію, а люди соз-

дали кучу боговъ, по своему жалкому образу и грустному подобію. Что ни народъ — то богъ. Разновидныя боги носятъ на себѣ яркіе отпечатки людскаго невѣжества... Въ одномъ мѣстѣ богъ разрастается въ страшное могущѣство, рядомъ расплывается въ полное ничтожество; онъ подобенъ водѣ носитъ на себѣ отражающей плывущія надъ ней облака. Имъ можно измѣрять приблизительно вѣрно умственный уровень массъ. Неохватимая никакою мѣркою, природа, грозно-покойно движется, руководимая скрытыми въ ней же законами; ея необъятный механизмъ не поколеблется ни на одну линію отъ неслышныхъ, крохотныхъ посяганій на ея все могущество. Неумолимая, равнодушная, она — движущаяся необходимость. Воздухъ, наполненный углеродомъ, задушитъ васъ потому что въ удушающемъ газѣ дѣйствуетъ законъ; не сила молитвы, двигающая горы, спасетъ васъ, но во-время отворенная форточка. Камень, брошенный на воздухъ, въ силу закона притяженія, упадетъ на землю; если бы весь міръ отъ полюса до полюса до кроваваго пота молился, надрывался у всѣхъ божественныхъ алтарей, онъ не остановилъ бы паденія крошечнаго камня; ударъ молніи отъ вашей головы можетъ отвратить желѣзная, заостренная палочка громоотвода и тотъ же самый ударъ не отвратятъ всѣ религіи, взятыя вмѣстѣ, всего земнаго шара. Темная туча, полная электричества разрѣшится надъ храмомъ, полнымъ слезномолящихся людей, курящихся благовонныхъ ѳиміамовъ, такъ же слѣпо, равнодушно, какъ и надъ стадомъ свиней, мирно пасущихся гдѣ нибудь, въ лѣсу; грозные удары чаще всего рушатъ въ небо возносящіеся храмы; ни взятки, ни мольбы не помогутъ; никакое доморощенное, во мракѣ сфабрикованное чудо не измѣнитъ законовъ природы. Единственное, универсальное средство, черезъ которое можно избѣжать столкновенія съ неумолимыми законами, это: изученіе природы; въ этомъ знаніи таится наша громадная мощь, великая всепобѣждающая сила.

ГЛАВА III

Квентинъ Дорвандъ. „Чего ожидаешь ты въ будущемъ, умирая съ такими понятіями и безъ покаянія?“

Цыганъ. „Моя надежда, моя увѣренность заключается въ томъ, что таинственный составъ человѣка раздѣлится на общую массу природы, чтобы снова образоваться въ другія формы, которыми она ежедневно замѣняетъ то, что ежедневно исчезаетъ и возвращается въ другихъ видахъ: земляныя обогатятъ мать свою — землю; воздушныя обратятся въ легкіе вѣтерки, а огненныя присоединятся въ сіящему Альдебарану.

Квентинъ Дорвардъ — романъ В. Скотта.

Давно ли всякій благонамѣренный гражданинъ изъ себя вышелъ бы, узнавъ, что есть люди, осмѣливающіеся покушаться на безтѣлесную душу; малѣйшее прикосновеніе къ душѣ, по общему мнѣнію только квартирующей въ тѣлѣ, возбуждало негодованіе, считалось святотатственнымъ; но, не смотря на стерегущихъ, злыхъ церберовъ, людская пытливость проникла и въ этотъ запрещенный міръ. Кромѣ невещественнаго начала души, человѣку приписывали еще другое, такое же замысловатое невещественное — жизненную силу, которая сама умудряется творить всѣ разнообразныя явленія въ человѣческой экономіи; но невиннѣйшія предположенія лопнули какъ мыльные пузыри, когда наука, каждымъ своимъ новымъ словомъ, разрушающая какую нибудь суевѣрную глупость, открыла, что сердце человѣка устроено по извѣстнымъ законамъ гидравлики; что каналы, несущіе кровь отъ сердца, снабжены простыми, механическими клапанами, что устройство глаза основано на самыхъ утонченныхъ началахъ оптики,—его роговая оболочка, хрусталикъ и влага имѣютъ свойства собирать лучи для составленія изображенія, а радужная оболочка, подобна діафрагмѣ въ микроскопѣ и телескопѣ, предупреждаетъ хроматизмъ и регулируетъ получаемое количество свѣта; открыла, что ухо снабжено органами для воспріятія трехъ характеристическихъ свойствъ звука: барабанная перепонка для силы звука, улитка для тона, полукругыми каналами для качества звука. Что воздухъ, входящій въ организмъ черезъ большое ды-

хательное горло, дѣйствіемъ атмосфернаго давленія, обусловленнымъ пониженіемъ грудобрюшной преграды, по физическимъ законамъ переходитъ въ крайнія клѣточки легкихъ, а потомъ въ кровь и производитъ повсемѣстныя, химическія измѣненія. возбуждаетъ теплоту и вызываетъ сложныя отправленія органической жизни. Даже таинственное питаніе органовъ замкнутыми волосными сосудами объяснилось эндосмосомъ и экзосмосомъ. Прежде, чѣмъ приступить къ объясненію, что такое сверхъестественная душа, нужно предварительно объяснить, что подразумѣваетъ наука подъ словами сила и матерія. Сила, не соединенная съ матеріей — отвлеченность. Азоту, кислороду, водороду присущи ихъ свойства отъ вѣка; Бюхнеръ говоритъ, что силы не лошади, которыхъ можно запречь и выпречь, это— свойство матеріи. Желѣзо останется желѣзомъ: движется ли оно метеорнымъ камнемъ вокругъ свѣта, трется ли въ колесѣ локомотива о рельсы желѣзной дороги, течётъ ли въ кровеносныхъ сосудахъ и бьется ли въ вискахъ какого нибудь ученаго. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, желѣзо, его свойства неизмѣнны; всѣ невѣсомыя тѣла: свѣтъ, теплота, электричество, звукъ—только различные виды взаимнаго притяженія матеріальныхъ частицъ; въ теплотѣ частицы стремятся къ расширенію, въ холодѣ — къ сближенію. Свѣтъ, звукъ—волнообразное колебаніе матеріальныхъ частицъ. Звонъ боя часовъ не слышенъ въ безвоздушномъ пространствѣ колокола пневматической машины; звукъ не можетъ образоваться безъ матеріи; на Монбланѣ, пистолетный выстрѣль раздается въ разрѣженномъ воздухѣ, какъ звукъ спущеннаго курка. Сила немыслима безъ матеріи, нельзя себѣ вообразить слизь, отдѣляющуюся безъ железъ; сокращеніе безъ мускуловъ; ни одинъ самый завзятый теологъ не ухитрился видѣть безъ глазъ, нюхать безъ носа, дышать безъ легкихъ, существовать безъ крови и желудка, думать безъ мозга, получать впечатлѣнія безъ зрѣнія и нервовъ. Душа превращается въ волшебную безсмыслицу, отдѣленная отъ мозга, нервовъ, крови, желудка, почекъ, мускуловъ; постепенный прогрессъ ума, неминуемо тянетъ матеріальное совершенствованіе нервной системы и мозга.

Одной величины мозга мало; въ немъ играетъ важную роль его строеніе, присутствіе въ немъ извилинъ, преобладаніе сѣраго вещества; у пса смердячаго конечно обрѣтается душа, какъ и у человѣка, слово инстинктъ придумали ученые, какъ рѣзкую грань, какъ комплиментъ въ сторону человѣка, у животныхъ мы наблюдаемъ умъ, нѣжность, любовь, понятливость, доброту, злопамятность; охотничья собака и всѣ домашнія животныя доказали большую способность цивилизоваться; сравнительно медленный прогрессъ въ мірѣ животныхъ, зависитъ отъ ихъ, сравнительно, малаго количества мозга, отсутствія настоящей рѣчи. Малѣйшее поврежденіе мозга влечетъ умственное разстройство; недоразвитіе—идіотизмъ; сильный ушибъ можетъ передѣлать генія въ идіота. Рюмка презрѣннаго вина — тяжелую, давящую грусть переродить въ бѣшенную веселость въ большой дозѣ сдѣлать человѣка невмѣняемымъ. „Мозоль придавить вашъ бодрый умъ и докажетъ ему его зависимость отъ тѣснаго сапога“. Ребенокъ, съ его неразвитымъ мозгомъ, неспособностью перерабатывать внѣшнихъ впечатлѣній—маленькое животно-растеніе, развивается мозгъ, увеличивается воспріимчивость впечатлѣній, увеличивается душа. „Духъ безъ тѣла страшенъ своею невообразимою нелѣпостью; таинственные философы говорятъ вамъ, что духи имѣютъ воздушное тѣло, незримое нашими глазами, тонкое, легкое и прозрачное; не думайте, что прозрачность и воздушность — что нибудь высшее; если бы человѣкъ сдѣлался жиже и еще жиже и, наконецъ, совсѣмъ прозрачнымъ, онъ отъ этого сталъ бы хуже; хорошая кровь густа и хорошій мозгъ густъ, хорошіе мускулы упруги, воздушные мускулы не могли бы служить, газовымъ мозгомъ нельзя было бы думать. Невидимыхъ для простого глаза животныхъ бездна: всѣ наливочныя животныя; но они, хотя и малы, не состоятъ же изъ одного воздуха, или же изъ одной жидкости, у нихъ есть свои оболочки, очень тонкія, но которыя послѣ себя оставляютъ известь и мѣлъ; прозрачность ихъ сопряжена съ самою бѣдною степенью жизни. Для того, чтобы жизнь мухи или осы была возможна, тѣлу животнаго надобно было очень погустѣть, потерять

свою прозрачность и мѣстами окрѣпнуть, какъ крылья жука или кузнечика".

„Тѣло всякаго животнаго: червя, слона, человѣка дѣлается изъ окружающихъ предметовъ ѣдой и дыханіемъ; на это ему нужны части твердыя. жидкія, воздухообразныя; пока онѣ вмѣстѣ работаютъ и ни одна не беретъ верхъ. жизнь продолжается; если у животнаго отнять твердыя оболочки, то кровь и всякая жидкость, обращающаяся въ сосудахъ, прольется, газы, заключающіеся въ ней, испарятся, твердыя части вывѣтрятся и засохнутъ, сдѣлаются черноземомъ, твердой землей. Объяснить общее дѣло (жизнь), задерживающее въ извѣстномъ видѣ и въ извѣстной дѣятельности части тѣла—задача трудная, но путь къ ея разрѣшенію — физіологія и химія; неполное знаніе не даетъ право на произвольныя предположенія".

„Можетъ ли душа существовать безъ тѣла—вопросъ, продуктъ нелѣпаго пониманія, что духъ можетъ существовать безъ тѣла; что сказали бы вы человѣку, спросившему васъ: „Можетъ ли черная кошка выйти изъ комнаты, а черный цвѣтъ остаться?" вы его сочли бы съумасшедшимъ. Тотъ. кто можетъ себѣ представить черный цвѣтъ, оставленный кошкою, или ласточку, летающую безъ крыльевъ и легкихъ, тому легко себѣ представить душу безъ тѣла, такое цѣлое, котораго части уничтожены... Есть люди, которые, безъ малѣйшаго основанія, говорятъ, что души умершихъ отправляются на другія планеты, это понять не легче; какъ же это онѣ подымаются въ океанѣ кислорода и селитророда, не окисливши въ немъ? или не соединяясь съ водородомъ, углеродомъ? Но душа не имѣетъ химическихъ свойствъ! — Какія же? — физическія? Нѣтъ! А движется? Предметъ, не имѣющій, ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ, безъ формы, качества и количества, мы называемъ несуществующимъ т. е, ничѣмъ. Тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ сравненію съ электрическою искрою, но электрическая искра очень богата физическими и химическими свойствами, не смотря на то, въ ней нельзя предположить сознанія, а вѣдь это главное. чего хотятъ въ душѣ, отрѣшенной отъ тѣла. Чтобы сознавать себя, нельзя быть ни твердымъ, какъ кремень, ни жидкимъ, какъ вода, ни

прозрачнымъ, какъ воздухъ, надо быть студнемъ, кашей, какъ мозгъ. „И надъ этой простой, яркой, какъ друммондовъ свѣтъ, истиной, бились въ мукахъ, слезахъ головы, въ колпакахъ, іероглифныхъ кидарахъ, беретахъ, чалмахъ и теперь, когда наука каждый часъ, все глубже, глубже проникая въ природу, все болѣе, болѣе открываетъ въ ней, милліоны головъ безъ пудры и колпаковъ, думаютъ, загадочно разсуждаютъ, недовѣрчиво, враждебно смотрятъ на подобныя мысли.— Что же далѣе? Выводъ прямой: пока кровь обращается, мозгъ работаетъ, желудокъ варитъ, мы живемъ; разъ пріостанавливается какой нибудь изъ этихъ важныхъ процессовъ, равновѣсіе нарушается, наступаетъ смерть; индивидуальность исчезаетъ, человѣкъ поступаетъ въ общій ящикъ природы; человѣческое гордое „я“ превращается въ черноземъ; дѣлается достояніемъ химіи; тихо выползаютъ черви; наступаютъ превращенья дивно разнообразныя, какъ сама природа, превосходящія самыя безумныя фантастическія грезы... И не все ли равно въ чьемъ желудкѣ будетъ свершаться процессъ дальнѣйшаго измѣненія матеріальныхъ частицъ? Матерія—безсмертна, расплывается духъ; „матерія, сила—вѣчны, онѣ не могутъ быть ни рождены, ни уничтожены; исчезнетъ сила передъ нашими глазами, но на самомъ дѣлѣ она не исчезла, а только перемѣнила форму, перешла въ другія силы; повидимому образуется новая сила, но на самомъ дѣлѣ, она посредственно или непосредственно перешла изъ другихъ силъ. Механическая, химическая, электрическая, магнитная сила, теплота и свѣтъ переходятъ другъ въ друга, но величина силы остается такою же, въ какой бы формѣ послѣдняя не проявлялась“.

Та же самая исторія повторяется съ матеріей, что пропадаетъ въ одномъ мѣстѣ, появляется въ другомъ; часы, разбитые, времени не покажутъ, составныя же же части ихъ цѣлы. Матерія, милліонъ разъ перемѣнивши свою форму, останется той же матеріей; трупъ можетъ черезъ тысячи лѣтъ проявиться въ листьяхъ крапивы, личинкѣ пестрѣющей дивно нѣжными красками бабочки, въ пахучихъ, чудныхъ цвѣтахъ. Въ природѣ смерть—рожденіе, могила—колыбель; матерія—фениксъ, сгорая, обращаясь въ пепелъ, она снова яв-

ляется юнымъ фениксомъ; „матерію можно уподобить кругу, который въ самомъ себѣ носитъ смыслъ своего существованія, въ которомъ причины и слѣдствія перепутываются безъ начала и конца".

Жіорданъ Бруно сказалъ: „изъ сѣмени образуется стебель, изъ стебля колосъ, изъ колоса зерно, изъ зерна хлѣбъ, изъ хлѣба питательный сокъ, изъ сока кровь, изъ крови животное сѣмя, изъ сѣмени зародышъ, изъ зародыша человѣкъ, изъ человѣка трупъ, изъ трупа земля, камень и другія массы". Частица воды, поднявшаяся изъ моря, можетъ, незамѣтно, перейти въ воздухъ, можетъ плавать надъ нами въ облакѣ, падать въ видѣ дождя, всасываться въ землю, выступить снова въ источникѣ, войти въ корни растеній, подняться въ его сокѣ до листьевъ, разложиться тамъ съ помощью солнечнаго свѣта на свои составныя части: кислородъ и водородъ; изъ этихъ и другихъ элементовъ могутъ быть приготовлены масла, кислоты и различные органическіе составы; въ этомъ видѣ или въ своемъ неразложившемся состояніи частичка воды можетъ войти въ пищу животныхъ, обращаться въ ихъ крови, участвовать въ дѣятельности пониманія, отправляемой ихъ мозгомъ и наконецъ вернуться въ воздухъ посредствомъ выдыханія. Пролитая въ слезѣ, въ минуту отчаянія, она можетъ породить радугу— эмблему надежды, словомъ, каковы бы ни были испытанныя ею измѣненія, какого бы свойства ни была господствовавшая надъ ней сила, ея элементарныя составныя части сохраняются всегда. Вспомните слова Гамлета на могилѣ Офеліи въ разговорѣ съ могильщиками: „Передъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли, великій Цезарь нынѣ прахъ и имъ замазываютъ щели". Самый дерзкій умъ запутается, слѣдя за вѣчнымъ круговоротомъ матеріи; выпасть матеріи очень трудно изъ того ящика, окруженнаго слоемъ атмосферы, который называется земнымъ шаромъ. Обокрасть природу нельзя, можно только перемѣстить ея части, но самихъ себя люди обворовываютъ съ восхитительнымъ тупоумiемъ: тысячи милліардовъ пудовъ человѣческихъ отбросовъ, которые. утучнивъ почву, переродились бы въ громадныя массы хлѣба, спускаются, посредствомъ водосточныхъ трубъ, въ рѣки и моря, которыя, не на

столько любезны, чтобы возвратить разъ принятое въ свое лоно, а люди не на столько еще хитры, чтобы ихъ оттуда вытащить. Одинъ Парижъ, со времени своего существованія; навѣрное, въ видѣ собственныхъ извержений, выбросилъ въ Океанъ, какъ негодный мусоръ въ тысячи разъ болѣе милліардовъ, чѣмъ онъ заплатилъ Германіи, послѣ войны 1870 года. Статистикѣ остается вычислить: сколько теряетъ одна Европа золота каждый годъ черезъ водосточныя трубы; навѣрное, цифра выйдетъ такая, что сразитъ самое зной-ное необузданное воображеніе. Другой возмутительно безчестный поступокъ заключается въ томъ, что человѣкъ каждую терцію заимообразно беретъ у природы пищу, воздухъ, ея цѣлебныя, живыя силы, но когда наступаетъ день окончательнаго разсчета т. е. смерть, онъ велитъ самымъ низкимъ образомъ спровадить себя, какъ можно глубже въ землю, стараясь какъ можно глубже уйти отъ долговъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его прахъ, выростаетъ бурьянъ, тогда какъ, поступи онъ честно, разумно, позволивъ сжечь свой трупъ и имъ унавозить землю, онъ породилъ бы обильный урожай травы, цвѣтовъ или хлѣба. Умершему, т. е. несознающему себя праху рѣшительно все равно, но разнаго рода Вильгельминамъ, Анжеликамъ, Маргаритамъ, склоняющимся на гробахъ мужей своихъ, или рано отцвѣтшихъ любовниковъ, этотъ проэктъ покажется возмутительно прозаическимъ; ихъ сентиментальныя сердца вострепещутъ при одной мысли, что не будутъ вновь возникать глубоко поэтическія кладбища, оттѣненныя липами, испещренныя незабудками, и погибнутъ урны—эмблемы слезъ, тоски, надъ которыми такъ живописно, поэтически склонялись отъ нечего дѣлать милліоны пищихъ духомъ златокудрыхъ и чернокудрыхъ головокъ.

ГЛАВА IV

Отвращенье, презрѣнье невольно подымаются въ душѣ при мысли о загробномъ мірѣ, какъ его понимаетъ христіанская религія. Не только чудовищно нелѣпы, но и чудовищно омерзительны вѣчныя поджариванья, безъ пережариванья, вѣчныя блаженства за ничтожную праведность.

Три четверти монастырскихъ и церковныхъ богатствъ обязаны своимъ происхожденіемъ этой вѣрѣ. Попы, монахи, захвативъ въ руки богатую, крупную жертву, тотчасъ же старались забить, обезсмыслить ее страхомъ, они разрисовывали передъ нею—римско-католическіе попы были на это великіе мастера—картины будущихъ вѣчныхъ мученій, сковороды, вертела, щипцы, крючья, клокочущій металлъ, неугасимое пламя выдвигались такъ искусно, что замученная до летаргіи жертва отдавалась въ полную власть чернымъ силамъ, съ тѣмъ, чтобы они избавили грѣшную душу отъ злополучной участи. Тогда послѣдователи нищаго Спасителя весьма скромно запускали обѣ руки въ карманы и сундуки грѣшника и обчищали ихъ съ непостижимымъ искусствомъ, обѣщая за эти добровольныя пожертвованія, прощеніе всѣхъ грѣховъ и вѣчное блаженство въ раю.

Искусные напускатели страха догадались, что въ ихъ рукахъ таится страшная, злая сила. Римско-католическая Европа до сихъ поръ-игрушка въ рукахъ поповъ, по милости этой силы; самая безпощадная эксплуатація массъ и отдѣльныхъ единицъ была свершена съ ея помощью. Исповѣдь, покрывавшая шпіонской сѣтью всю страну, и загробный міръ сдѣлали колоссальнымъ образомъ свое дѣло. Іезуиты, вооружившись этими смертоносными орудіями, смѣло входили во дворецъ и скоро муха, носящая царскую корону, билась въ густой паутинѣ, окруженная пауками. Съ научной точки —вѣра въ загробную жизнь болѣе, чѣмъ нелѣпа, съ нравственной—она чудовищно безнравственна... жалокъ, гадокъ человѣкъ, дѣлающій временное добро, съ мыслью заполучить за него вѣчное блаженство, это апологія сверхъестественнаго ростовщичества! Истинное добро,—потребность развитого, гуманнаго человѣка, оно свободно вырабатывается всѣмъ складомъ его жизни, сердца, ума...

Отсутствіе дикихъ вѣрованій не отымаетъ, но увеличиваетъ въ насъ хорошее; современные идеалы невѣрующихъ неизмѣримо шире, выше идеаловъ прошедшихъ; религія—костыли, нужные изможженному калѣкѣ; сильный, вѣрующій въ себя человѣкъ съ презрѣніемъ оттолкнетъ ихъ; вѣрующіе въ божественный при-

зракъ, евангельскую легенду, въ минуты страданій, потерь, мучительной безпомощности, обращаются къ своей воздушной опорѣ, ихъ дѣтски наивная молитва, обращенная къ уголку комнаты, вноситъ въ ихъ душу сладкое забытье, вѣру въ скрытую, всюду разсѣянную помощь; суровые удары и послѣ молитвы обрушившіеся на ихъ головы, они принимаютъ за испытаніе, за забаву надъ ними всеблагаго Бога. Невѣрующій не купитъ, цѣною незнанія, сладенькаго успокоенія, истина дороже ему убаюкивающихъ софизмовъ, его закаленный въ логикѣ умъ отшатывается отъ идолопоклонства, оно противно ему въ маленькихъ и громадныхъ размѣрахъ. Мы знаемъ ту горькую истину, что безумное счастье, великія блага—счастливыя, непреднамѣренныя случайности; вѣчнымъ, звѣздамъ, повисшему надъ нами бездонному небу все равно, блаженствуемъ ли мы, упоенные счастьемъ, трепещемъ въ восторгѣ или копошимся, расплюснутые въ пыли; надъ нами нѣтъ пекущагося о нашемъ благѣ Бога. Дорогое, любимое нами существо умираетъ, въ этомъ печальномъ фактѣ мы видимъ одинъ изъ безчисленныхъ законовъ природы; развѣ виновата струя холоднаго воздуха за то, что вы подставили ей розгоряченную грудь? развѣ вы рѣшились бы проклинать природу за то, что на вашихъ глазахъ хорошенькій, пахучій цвѣтокъ завялъ безъ дождя, спаленный солнцемъ? это явленія природы, на которыя жаловаться безсмысленно и крайне безполезно. Природа перестала быть для насъ злою букою съ тѣхъ поръ, какъ мы отняли у нея заднюю мысль, подмѣтили въ ней слѣпую механичность, безстрастность, строгое подчиненіе законамъ. Чѣмъ болѣе мы ее узнаемъ, тѣмъ менѣе мы подвергаемся ея грубымъ натискамъ; сойдясь съ нею глазъ на глазъ, мы перестаемъ ее бояться, мы подчиняемъ ее себѣ; во многихъ случаяхъ она стала нашею покорною рабою: паръ безплодно улетучивался въ небо, сгнетенный въ тѣсную машину, онъ двигаетъ локомотивъ съ быстротою вѣтра; несетъ пароходъ по волнамъ океана; тамъ, гдѣ мы не умѣемъ справиться, мы скромно сторонимся; если надъ дорогой виситъ, готовая рухнуть глыба, ее нужно обойти; отъ вреднаго для насъ холода мы обороняемся теплымъ жилищемъ, теплою одеждою; отъ

болѣзней гигіеническими мѣрами ; въ строгомъ, истинномъ пониманіи природы заключаются громадныя преимущества атеистовъ надъ поборниками деспота, самодура Бога; вѣрующіе не глядятъ подъ ноги, а черезъ чуръ умильно въ небо, слишкомъ довѣряютъ ему, вслѣдствіе этого часто спотыкаются съ опасностью сломить себѣ шею. Нашъ вѣкъ, не смотря на глубокій скептицизмъ, сталъ строже къ самому себѣ, требованія увеличились; какъ можно менѣе эгоизма, какъ можно болѣе для другихъ, стало горячимъ стремленіемъ лучшихъ современныхъ людей. Въ основѣ всѣхъ гуманныхъ ученій нашего вѣка лежитъ та святая мысль, которая составляла сущность общечеловѣческой морали и за которую, какъ претендуетъ легенда, мученически погибъ на крестѣ Христосъ: не покупать себѣ счастья цѣною чужаго несчастія. Каждый вѣкъ, каждый часъ жизни снимаетъ по чешуйкѣ съ глазъ человѣка, смягчаетъ какой нибудь лучъ его разума, вызываетъ какую нибудь силу изъ его сердца.

Неужели еще нужно доказывать, что религія, исповѣдываемая большинствомъ, не вяжется съ нравственностью, что она безполезна; каждый вѣрующій, благоговѣйно, укладываетъ ее въ тѣ строго ограниченныя рамки, которыя ему необходимы, чтобы религія не безпокоила, не мѣшала ему. Религія массъ никогда еще не помѣшала какъ массамъ, такъ и отдѣльному человѣку творить разнообразнѣйшія операціи и кровопусканья.

Религія необыкновенно эластична, чрезвычайно способна принимать тысячи разнообразныхъ формъ, смотря по людямъ, времени и обстоятельствамъ. Давно уже Мольеръ, устами Тартюфа, произнесъ: „съ небомъ можно легко сговориться обо всемъ“.

Отрицая, полную мрака, преступленій религію, мы, съ благоговѣніемъ, останавливаемся передъ общечеловѣческою моралью, скрытою, пренебреженною, забытою, таящуюся на самомъ днѣ всѣхъ религій.

Я сталъ бы преступникомъ, если бы, бывъ соціалистомъ, вздумалъ доказывать, путаясь въ софизмахъ. что нужно обирать слабаго, угнетать беззащитнаго, что сто милліоновъ людей должны холопски подло склоняться передъ послѣднимъ, злымъ ничтожествомъ-

царемъ; должны восторженно жертвовать личною свободою, счастьемъ, имуществомъ для его необузданныхъ, безумныхъ прихотей, на поддержаніе его растлѣнной дворни. Я кощунствовалъ бы надъ вѣчной моралью, если бы вздумалъ увѣрять, что законъ долженъ безпощадно карать жертву жизни-преступника, другими словами: жечь рану, указывающую всеобщее зараженіе. Что въ то время, когда бѣдность печальная, безпріютная стала удѣломъ цѣлой націи, слѣдуетъ воздвигать колоссальные храмы честному нищему, ненавидѣвшему богатство и умершему на крестѣ за бѣдныхъ. Универсальная мораль не нуждается, въ наше время, въ божественной санкціи, въ возносящихся къ небу ѳиміамахъ, въ роскошныхъ, ѳантастическихъ храмахъ, подъ ослѣпительнымъ блескомъ, скрывающихъ цѣлую бездну разложенья, омутъ заразы.

ГЛАВА V.

„Мысль, мысль, какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе.

. . . . . .

Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушеніе
Неумолима какъ сама судьба.“

„*Монолога*“ Н. Огарева.

Въ концѣ концовъ поддающаяся на опыты, наблюденія, во многихъ случаяхъ, подчиненная намъ природа, гигантски могущественна, зависимость наша отъ нея огромная; мы ее разлагаемъ, изучаемъ, подчиняемъ себѣ, создаемъ искусственныя преграды въ борьбѣ съ нею, но въ свою очередь никакія наши усилія не помогутъ, и мы подчинимся ей.

Природа, безбрежное, волнующееся море, мы же люди и наши мудренныя государства—волны; оно неустанно въ далекую, таинственную даль укатываетъ свои шумныя волны, но завянутъ вѣтры, затихнетъ море и волны исчезнутъ. Настоящее, относительное постоянство формъ—слѣдствіе ѳизическаго приблизительнаго равновѣсія; постоянство формъ только и мыслимо пока мы его измѣряемъ нашею крошечною исторической жизнею, крошечнымъ уголкомъ, въ которомъ мы живемъ; постоянство будетъ продолжаться до тѣхъ

поръ, пока не измѣнится ежегодный запасъ свѣта, средняя температура, составъ воздуха, расположеніе водъ, океаническія и атмосферическія теченія. „Шаръ останется неподвижнымъ на горизонтальномъ столѣ, но если немного наклонить столъ, онъ скатится; чтобы мы сказали о томъ, кто, разсматривая шаръ въ неподвижномъ состояніи, сталъ бы утверждать, что онъ и не можетъ двигаться“? Колоссальная физическая природа медленно, безостановочно измѣняясь, измѣняетъ животный міръ и человѣческій муравейникъ; слабый, чтобы бороться съ нею, онъ принимаетъ тѣ формы, которыя возможны въ данный мигъ.

Все существующее—форма: страшно далекое прошлое даетъ печальный урокъ, кипучая жизнь, полная сказочныхъ чудовищъ, колоссальной растительности, медленно отложилась въ слои; громадно далекое будущее грозитъ медленною смертью цѣлому живущему и прозябающему міру. Нашъ міръ не погибнетъ такъ грандіозно, какъ предсказываетъ апокалипсисъ; равновѣсіе небесное не нарушится отъ гибели нашей планетки —пылинки въ мірозданіи. Наступитъ то роковое время, когда весь растительный, животный міръ отложится въ слои, чтобы уже никогда не возникнуть къ жизни. Солнце—нашъ всемогущій Богъ, медленное охлажденіе его массы заморозитъ, тихо, нашу крошечную планетку; сухой холодъ, несущій смерть, мракъ, будетъ медленно неотразимо, сползать отъ ледяныхъ полюсовъ къ роскошному сверкающему югу. Залитыя солнцемъ, пестрѣющія благоуханными цвѣтами, дивною растительностью, тропическія страны зачахнутъ, застынутъ, охваченныя вѣчною, холодною ночью; горячія воздушныя экваторіальныя теченія все съ меньшей, меньшей энергіей будутъ разливая, уравнивая тепло, нестись къ полюсамъ, холодныя же теченья все стремительнѣй притекать къ югу. Теплый Гольфстремъ, разливающій тепло, жизнь по холоднымъ материкамъ, островамъ, все болѣе, болѣе будетъ укорачивать свое теченіе, а холодныя воды все бурнѣе течь къ югу... И нашъ многолюдный, могучій міръ превратится въ мертвую, ледяную глыбу, которая будетъ слѣпо, носиться „безъ цѣли, безъ лучей въ пространствѣ вѣчномъ“. Титаническій, гордый родъ людской, съ его

чудною всепроникающею дѣятельностью, съ его телескопами, микроскопами, телеграфами, прорѣзающими тучи локомотивами и другими величайшими аттрибутами, исчезнетъ, какъ затухшій огонь,—капля попавшая въ океанъ,—розовое, утреннее облачко, расплывающееся въ небѣ. Безжалостная природа распорядится съ нами такъ же безцеремонно, какъ съ трупомъ микроскопической инфузоріи. Благопріятны для насъ окружающія условія, мы существуемъ; физическія силы даютъ намъ жизнь и тѣ же грубыя, физическія силы безпощадно уничтожатъ насъ. Природѣ все равно, появятся ли послѣ насъ геніи люди или морскія раковины.

Можетъ быть, нѣкоторые замѣтятъ, что этими суровыми мыслями я отнимаю у міра его дивную волшебность и жизнерадостную красоту, да, я отнимаю волшебность, но не отнимаю красоты; если картина хороша, то не все ли равно для меня — Богъ ли управляетъ движеніями всего, или природа управляется собственными законами. Передъ моими окнами, когда я пишу, надъ моремъ тихо всплываетъ луна, бросая длинную, яркую, красновато-золотую полосу, она искрится милліонами чудныхъ огней; кругомъ темно-синее море, оно усиливаетъ свѣтъ придаетъ ему еще болѣе красоты и яркости, прозрачный воздухъ черенъ отъ густой синевы; вдали показывается пароходъ, дымъ, черною волною, стелется за нимъ; на немъ мелькаютъ разноцвѣтные огоньки, онъ подвигается все ближе и прорѣзаетъ полосу луны; мачты свѣтятся, дымъ серебрянный клубится за нимъ; его могучій корпусъ бросилъ рѣзкую, черную тѣнь на воду, секунда... и все исчезло, какъ фато-моргана. Вдали судна, распустивъ бѣлые, большіе паруса, кажутся, при свѣтѣ луны, гигантскими птицами, распахнувшими бѣлыя крылья. Волны, чуть слышно, нѣжно бьются о песчаные берега; шумятъ мелкія, морскія раковины увлекаемыя волнами; нашептываютъ сказки говорливыя волны, поютъ, погружающую въ грезы, колыбельную пѣсню. Южные цвѣты пахнутъ раздражительно сладко. Буду ли я чувствовать уменьшеніе наслажденія въ томъ, что восходъ луны, мелодичный шумъ волнъ, дивный запахъ цвѣтовъ, явленія не преднамѣренныя, не меч-

тающія очаровывать меня мучительно сладостнымъ душевнымъ волненіемъ?

Нѣтъ, пониманье природы не уменьшаетъ моей впечатлительности къ прекрасному, невѣжда вѣрующій, въ простотѣ душевной, въ преднамѣренность всего, что свершается въ природѣ, не будетъ вовсе наслаждаться всѣмъ, если онъ не носитъ въ душѣ поэтической искры, готовой разгорѣться при чудныхъ условіяхъ.

Ясно, что никакое изученіе природы не подрываетъ ея красоты, дѣйствія на нервы. Знаніе усиливаетъ наслажденіе.

Ботаникъ, знающій тайны цвѣтовъ, геологъ-тайны безконечно отдаленныхъ временъ, формированье пугающихъ воображенье, горныхъ вершинъ. будутъ созерцать природу съ невѣдомымъ для профановъ, наслажденьемъ.

Египетъ, Александрія, 1869.

Христіанство и соціализмъ

Мы не изгнаны изъ рая огненнымъ мечемъ. Мы должны завоевать его себѣ огненнымъ сердцемъ любовью. Плодъ отъ дерева познанья принесетъ намъ не смерть, но вѣчную жизнь.

Гейне.

Христіанство есть шагъ впередъ, оно учитъ о богѣ, который умэръ, тогда какъ для языческихъ боговъ смерть была вещью совершенно невозможною.

Генрихъ Беръ.

Религіи подобны свѣтящимся червякамъ — имъ нуженъ мракъ, чтобы блестѣть.

Шопенгауэръ.

Люди слишкомъ срослись съ ложными понятіями и очень боятся простыхъ объясненій.

А. Герценъ.

Пора съ глупостью считаться, какъ съ громадною силою.

А. Герценъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ дни горячей юности, когда душа съ сомнѣніемъ дерзкимъ не боролась, я глубоко вѣрилъ въ Іисуса. Надъ моей усталой головой часто носился образъ, озаренный сіяніемъ, въ бѣлой одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ, печальными глазами, съ терновымъ вѣнцомъ, изъ подъ котораго сочилась кровь. Мнѣ мелодически звучали слова: „Я сынъ человѣческій, я пришелъ спасти людей; иго мое — благо, и бремя мое — легко“. Ни одна легкая тѣнь не омрачала чудный таинственный образъ. Я говорилъ себѣ: протекло 18 вѣковъ, и сынъ человѣческій стоитъ выше всего міра; онъ настолько же выше насъ, насколько былъ выше своихъ современниковъ; его ученіе тепло, привѣтно, какъ дуновеніе перваго весенняго вѣтерка; въ немъ дивно сплелись великая мораль и голубиная кротость...

Воображеніе уносило меня къ далекому зеркальному озеру; его лазеревыя волны тихо плескали въ песчаные берега, покрытые дикими, пахучими цвѣтами. Среди цвѣтовъ шумно бѣжали свѣтлые ручейки; дремотною нѣгою вѣялъ воздухъ; вдали высились, уходя въ синій просторъ, сумрачныя, скалистыя горы; надъ

ними носились орлы; на нихъ пророки черпали исполинскія силы, бесѣдуя съ Еговою, среди тучъ и холода.

Подъ нѣжный, музыкальный прибой замиравшихъ на пескѣ волнъ озера, въ лунныя ночи, бесѣдовали дѣти природы о тайнахъ, чудесахъ міра. И этотъ младенчески чистый лепетъ чарующе дѣйствовалъ на мою юную душу.

Но золотые сны начали таять, какъ дымчатыя, утренія облака отъ первыхъ лучей солнца. Я сталъ болѣе думать, болѣе знать. У мысли есть законы, такіе же неумолимые, какъ и тѣ, которые двигаютъ планеты въ міровомъ пространствѣ. Я убѣдился, что никакой геній не отрясетъ вполнѣ презрѣннаго праха своей націи, своего вѣка. Іисусъ, на крестѣ, молящійся за враговъ своихъ, въ бреду отъ мукъ, видящій себя въ силѣ, славѣ одесную отца, — отодвинулся въ тѣнь передъ мучениками, гибнущими безъ свидѣтелей, агонія которыхъ длится не часы, но годы, и слезы которыхъ горьче слезъ, пролитыхъ въ саду геѳсиманскомъ; гибнутъ они за любовь къ человѣку и не мечтаютъ о загробныхъ наградахъ.

1800 лѣтъ не даромъ пронеслись надъ человѣчествомъ. Явились люди, безъ волшебнаго зачатія, огненныхъ столбовъ на небѣ, сонма ликующихъ херувимовъ и кучи легендъ. По ученію, ими проповѣдуемому, они стоятъ на столько выше Іисуса, на сколько современная Европа — выше Палестины первыхъ лѣтъ христіанства.

Іисусъ разрушилъ Олимпъ; пророки XVIII и XIX вѣковъ разрушили созданное Іисусомъ христіанство и государственный Олимпъ, гробовою, свинцовою крышкою душащій міръ.

Прогрессирующая роль христіанства уже давно миновала, — оно не двигаетъ, но тормазитъ; не спасаетъ, но тянетъ въ страшный мракъ прошедшаго.

Христіанство стоитъ на лазурномъ эѳирѣ, новое, соціальное ученье — на практической, желѣзной почвѣ. Послѣднее слово Іисуса припавшимъ къ его ногамъ народамъ — уйти въ грезу; въ грезѣ о загробномъ мірѣ все спасеніе. Рабъ, говоритъ христіанство, свободенъ и въ цѣпяхъ.

Новѣйшее ученіе не считаетъ цѣпи веществомъ невѣсомымъ; оно гнѣвно, порывисто стремится сбросить ихъ не съ одного духа, но и съ тѣла; призываетъ завоевывать для себя и будущихъ людей счастье, свободу, равенство, въ дѣйствительной жизни.

Христіанство очищалось муками, нищетою, покорностью, смиреньемъ, новѣйшее ученіе учитъ, какъ избавиться отъ нихъ.

Но, можетъ быть, сопоставленіе христіанскаго бога съ атеистами и соціалистами и отдаваніе полныхъ преимуществъ послѣднимъ, можетъ глубоко огорчить, растревожить вѣрующихъ? Но что же дѣлать? Іисусъ самъ сказалъ: „Нельзя служить въ одно и тоже время богу и мамону“, — въ переводѣ на нашъ языкъ: Разуму и попамъ.

Мысль отдѣльнаго человѣка, какъ и всего человѣчества, повинуется однимъ и тѣмъ же законамъ. Полное, сознательное невѣріе — пока удѣлъ единицъ, но, неизбѣжно, наступитъ время, когда сознательное невѣріе охватитъ все человѣчество. Наука растетъ, какъ сказочный богатырь, удары ея, направленные противъ религіи, съ каждымъ новымъ ея шагомъ становятся все могущественнѣе. Религія не мѣняетъ свою форму, но умираетъ. У христіанскаго бога не будетъ наслѣдниковъ. Освободясь отъ государственной, злой опеки, мы должны будемъ неизбѣжно отречься отъ небесной тайной полиціи. Признаніе надъ собою небеснаго самодержца — унизительная процедура.

Религія — расплывшееся, раздутое въ идеалъ земное холопство, рабство, полное экстаза, лиризма.

Защитники христіанства въ его паденіи видятъ закатъ солнца, хаосъ, мракъ овладѣютъ землею, и затѣмъ, сопровождаемый ужасами апокалипсиса, сойдетъ сынъ человѣческій судить народы. Противники въ паденіи христіанства видятъ лучезарный восходъ солнца.

II

Историки, философы должны неизбѣжно придти къ выводамъ, къ которымъ пришелъ Дарвинъ въ своемъ геніальномъ трудѣ: „Происхожденіе видовъ“. Несомнѣнно, что ни въ животномъ мірѣ, ни въ мірѣ идей — до какой бы чудовищной высоты онѣ ни подымались

— не можетъ быть экстраординарнаго зарожденія изъ ничего. Изъ ничего можетъ произойти только ничто. Люди, вѣрующіе въ чрезвычайное зарожденіе, должны признать дѣйствительнымъ фактомъ появленіе Минервы, во всеоружіи, изъ головы Зевса, и проч. и проч-

Джонъ Уайтъ не открылъ бы паровой машины, если бы его изысканіямъ не предшествовалъ рядъ открытій въ физикѣ, механикѣ. Ньютонъ не открылъ бы закона всеобщаго тяготенья, если бы въ его время математика, астрономія не были достаточно разработаны, если бы ему не предшествовали: Коперникъ, Галилей, Кеплеръ. Дарвинъ не написалъ бы произведеній, одно величавѣе другаго, если бы естественныя науки не стояли на извѣстной высотѣ. Мысли эти, понятныя ребенку, разъ дѣло идетъ о Ньютонѣ, Дарвинѣ, вдругъ становятся непонятными, когда дѣло зайдетъ о христіанствѣ или вообще о религіи. Но сталкиваясь съ такими несравненными наивностями, нужно всегда напоминать слова Берне: „Всякій имѣетъ полное право быть дуракомъ, но не нужно злоупотреблять этимъ правомъ".

Реакція гнетущему, выдохшемуся іудейскому формализму, его неподвижнымъ, часто безчеловѣчнымъ законамъ назрѣвала рядомъ, шагъ въ шагъ, съ самимъ формализмомъ.

Идеи любви, самоотверженія, естественнымъ образомъ, въ продолженіи десятковъ тысячъ лѣтъ, вырабатывались въ человѣчествѣ, бокъ о бокъ съ грубымъ эгоизмомъ, злобою, ненавистью. Идеи любви свободы, равенства прежде всего — идеи очень выгодныя, очень практическія, — въ этомъ вся ихъ сила, все ихъ будущее. Только съ ихъ водвореніемъ, настоящая, человѣческая жизнь возможна.

Въ такомъ неряшливомъ сборѣ всего дикаго, часто кровожаднаго, какой представляетъ священная библія и тамъ Юдиѳь, отсѣкающая голову Олоферну — образецъ высокой святой любви къ родинѣ. Давидъ, въ отношеніи преслѣдующаго его Саула — образецъ христіанскаго самоотверженья, смиренья. Іовъ, благословляющій язвы, сниспосланныя ему Еговою перещеголялъ Іисуса, повелѣвающаго подставлять лѣвую щеку, когда бьютъ по правой.

Не забывайте, что величайшія страданья были обрушены на голову ни въ чемъ неповинnаго Іова, изъ за довольно энергичнаго спора бога съ дьяволомъ: они держали пари, и выигралъ богъ. Но интересно, что собственно выигралъ бѣдный Іовъ?

Сравните ученіе Сократа, Платона съ ученіемъ Іисуса и вы будете поражены ихъ сходствомъ. Не даромъ у отрицателей была мода сравнивать Іисуса съ Платономъ, но разница въ томъ, что Платонъ, за 400 лѣтъ до Іисуса, поднялся выше его: онъ не признаетъ наградъ за добрыя дѣла.

Цезарь Маркъ Аврелій, сдѣлавшійся врагомъ христіанства какъ политической секты, отрицавшей въ корнѣ римское государство, написалъ книгу, по морали,—стоящую выше христіанства. Люди компетентные уже давно указывали, что идеи любви, самоотверженія не разъ произносились передъ народами. Христна, Ману, Будда, Зороастръ торжественно провозглашали ихъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что христіанская легенда — варьяція на ту же тему, приnаровленная къ другой мѣстности и нравамъ.

Еще задолго до этого сочиненія я, въ жаркій полдень, въ январѣ, блуждалъ по развалинамъ Помпеи; одна картина суровѣе другой возникали въ воображеніи. Бѣшено ликующая жизнь кончилась страшно; туча спустилась безъ предвѣстниковъ; все безобразно смѣшалось; кипѣли рѣки лавы, яростно шумѣло море; сквозь тьму, пепелъ прорывалось пламя; подъ землею грохоталъ гулъ, похожій на рвущіяся гигантскія цѣпи; среди тьмы раздавались стоны, звонъ разбиваемыхъ урнъ, рыканья, вздохи львовъ, жалобный плачъ гіенъ. Напрасно бѣжали люди, унося на своихъ плечахъ сокровища: они проваливались съ ними легче; напрасно молились: безполезная молитва застывала на ихъ устахъ. Я вспомнилъ другое беззаботное ликованіе, ликованье всемірное около все выше, выше подымающихся огненныхъ волнъ... Горе, когда изъ тьмы, вони, грязныхъ мрачныхъ улицъ подымутся руки замученнаго пролетарія и загремятъ призывы къ праведному мщенію!

Не успокаивая меня, чудными красками играла южная природа. Темно-розовый Везувій курился, опоя-

санный у самой вершины серебряннымъ облакомъ. Въ заглохшихъ фонтанахъ, въ трещинахъ рубчатыхъ колонъ, по сѣрымъ стѣнамъ пробивалась свѣжая, пушистая трава; лиловыя, красные, нѣжно розовые, блѣдно желтые цвѣты тонкими корнями опутывали сѣрыя глыбы; дикій ароматъ нашей русской весны вѣялъ среди развалинъ. На стѣнахъ среди потускнѣвшихъ, древнихъ мозаикъ, одна остановила мое вниманіе, — съ умиленіемъ я разсматривалъ ее. Въ подземеліи, въ темницѣ, старому, умирающему съ голоду, старику молоденькая женщина даетъ молоко, своей груди.

— Нѣтъ, нѣтъ! думалъ я, — напрасно христіанство захватило себѣ монополію на все человѣческое добро, — оно нагло гордится награбленнымъ. Во всѣ времена, всюду проявлялась святая любовь къ ближнему.

Мнѣ кажется, что смѣшно доказывать, что величайшіе акты самоотверженія если сохранить это слово— дѣйствія, эгоистическія — если я иду безстрашно на муки, казнь за свои идеи, то ясно, что для меня онѣ дороже жизни. И этотъ благородный, великій эгоизмъ, лежащій въ глубинѣ подвига, не умаливаетъ его. Никто, никогда, не сравнивалъ подобныхъ людей съ несчастными людишками, живущими будничными, грошовыми интересами, не жертвующими ничѣмъ для блага ближняго.

Но нетолько въ человѣческомъ обществѣ, но и въ животномъ мірѣ свершаются, на каждомъ шагу, акты самоотверженія, — разница что они носятъ болѣе узкій, чисто семейный характеръ. Прочтите капитальный трудъ Брема, и вы будете поражены количествомъ примѣровъ.

Обезьяна-самка нерѣдко бросается одна во враждебное стадо обезьянъ, на вѣрную гибель, чтобы спасти дитеныша; она подставляетъ свою грудь подъ смертельные удары, пряча за-собою дитеныша. Загляните въ любой зоологическій садъ: съ какимъ трогательнымъ чувствомъ ухаживаетъ обезьяна за раненнымъ товарищемъ, облизываетъ, оберегаетъ отъ мухъ рану.

Что же касается до розысканія паразитовъ въ сѣдалищныхъ частяхъ, то въ этомъ отношеніи обезьяны почти подходятъ подъ нашихъ низкоподанныхъ; маленькія обезьянки дѣлаютъ это съ благопожеланіемъ,

платоническою угодливостью, — это своего рода адрессы монарху отъ дворянства, купечества, поздравленія съ избавленіемъ отъ опасности, воздвиганіе часовень, пресмыканья, лизанья, дворцовыхъ куртизановъ.

За зло платятъ добромъ не одни люди, но гораздо чаще собаки: кто ни читалъ о собакѣ, лизавшей руку убивающему ее, за любовь, вѣрность, хозяину? Нужно только прибавить, что подобный песъ стоитъ неизмѣримо выше любаго Франциска Ассизскаго: онъ вовсе не разсчитывалъ за это вѣчно блаженствовать.

Приступая къ разбору Евангелія скажу нѣсколько словъ о самыхъ извѣстныхъ публикѣ сочиненіяхъ, касающихся Іисуса.

Штраусъ посвятилъ всю жизнь „Жизни Іисуса.“ Въ своемъ толстомъ сочиненіи: „Nouvelle viede Jesus Christ“ онъ распластываетъ Евангеліе, какъ медикъ трупъ замореннаго имъ больного. Онъ говоритъ, подобно медику: такой-то органъ пораженъ, такія-то ткани совершенно обезображены, но, къ великому удивленію, уцѣлѣли въ свѣжести чрезвычайно важныя отправленія. Штраусъ, рядомъ съ гадательными заключеніями, даетъ очень положительныя — о времени, когда написаны Евангелія, перечисляетъ пророчества въ Библіи, послужившія для составленія всѣхъ легендъ объ Іисусѣ, указываетъ на попадающіеся на каждомъ шагу несообразности; даетъ вѣрную характеристику четвертому Евангелію, приписанному Іоанну. Въ Іисусѣ онъ—нѣтъ сомнѣнія — видитъ человѣка и рядомъ, пускаясь въ чисто личныя симпатіи, дѣлаетъ на каждомъ шагу tour de force, стараясь доказать, что все грубое, противорѣчивое навязано Іисусу; онъ оставляетъ за нимъ только все свѣтлое, — другими словами: его Іисусъ остается тѣмъ же теологическимъ фантомомъ, идеаломъ, измѣняющимся, смотря по времени. Онъ не сознаетъ той банальной истины, что Іисусъ, бывъ человѣкомъ, не могъ быть совершенствомъ: что онъ продуктъ мѣста и времени со всѣми ихъ недостатками, что, стремясь очистить его, онъ уничтожаетъ его вполнѣ или же дѣлаетъ его снова богомъ, только болѣе порядочнымъ, — богомъ XIX вѣка. О книгѣ Штрауса можно сказать то же, что сказалъ Чернышевскій въ статьѣ „Антропологическій

принципъ въ философіи": „Есть книги, заслуживающія огромнаго уваженія, но чѣмъ болѣе онѣ внушаютъ уваженія; тѣмъ болѣе шансовъ, что ихъ не прочтутъ".

„Жизнь Іисуса" Ренана, благодаря малому объему, необыкновенной увлекательности изложенія, облетѣла полсвѣта. Большой недостатокъ книги — величайшая идеализація Іисуса; сочиненіе по духу подходитъ подъ „Орлеанскую Дѣву" Шиллера, „Эгмонта" Гёте, „Сарданапала" Байрона.

Я взгляну на Евангеліе гораздо проще. Посвящать христіанству всю жизнь я не имѣлъ въ виду, считая это самоубійство слишкомъ эксцентричнымъ для конца XIX вѣка. Я разберу его съ точки зрѣнія умѣющаго связать двѣ мысли человѣка; постараюсь доказать, что Евангеліе, принятое въ буквальномъ смыслѣ, какъ оно есть, безъ вышвыриванія изъ него всего, болѣе или менѣе подозрительнаго, не выдержитъ прикосновенія критики, простаго, здраваго смысла. Мораль соціализма такъ трезва, глубока, что она ни на волосъ не нуждается въ щебетаніи младенческаго, невѣжественнаго ума, отдѣленнаго отъ насъ чуть не девятнадцатью столѣтіями.

Христіанство, какъ и всѣ религіи, явленіе патологическое, нѣтъ сомнѣнія, что религіями, впослѣдствіи, займутся врачи-психіатры, — за ними послѣднее слово.

Говорить о христіанствѣ съ научной точки — болѣе, чѣмъ странно: даже такіе, все отмѣчавшіе историки, какъ Іосифъ Флавій, Тацитъ, Свѣтоній, близкіе къ нему по времени, упоминаютъ только о темной сектѣ, о неряшливыхъ, дикихъ ея послѣдователяхъ, появившихся въ Римѣ; упоминаютъ они вскользь, съ нескрываемымъ презрѣніемъ... Всего триста лѣтъ прошло съ появленія, въ Англіи Шекспира, о которомъ Гейне сказалъ: „Провидѣніе лишивъ Великобританію солнца, дало ей взамѣнъ Шекспира." Тысячи томовъ посвящены ему; каждое слово его драмъ опутано тысячами комментарій; какъ святыню показываютъ мѣсто его рожденія. Имъ наслаждается съ всевозрастающимъ энтузіазмомъ весь міръ; значеніе его вѣчныхъ міровыхъ типовъ усугубляется, и не смотря на все, возникла цѣлая литература, многотомные споры, утверж-

дающіе, что Шекспиръ не существовалъ, все приписываемое ему, принадлежитъ Бакону. Въ Англіи имена Байрона, Шелли, еще не очистились отъ легендъ... Мы не имѣемъ яснаго, внѣ спорнаго представленія о титанахъ первой революціи. Партійные взгляды заслоняютъ науку. Попробуйте только сравнить взгляды на великую революцію Луи Блана, Мишле и Тена. Спорятъ до сихъ поръ о желѣзной маскѣ. Не знаютъ имени палача, обезглавившаго Карла I. И рядомъ, рѣшаются, съ серьезностью, говорить о личности, промелькнувшей восемнадцать вѣковъ назадъ. Старое, какъ міръ, откровеніе, блѣдную, отрывистую копію съ ученій Зароастра, Будды, силятся выдавать за новое, низшедшее съ неба. Вѣковѣчную, кочующую по міру мораль, они нагло пригвоздили ко кресту Голгоѳы. Они говорятъ съ необычайною увѣренностью о миѳѣ, забывая, что десятки Іерусалимовъ отслоились, стали твердою почвою. Безпощадное время засыпало овраги, источники, сравняло возвышенности. Отъ Гефсиманскаго сада, конечно, не уцѣлѣла даже зола. Голгоѳа измѣнила свою форму... Палестину въ продолженіи долгихъ, вѣковъ сжигали, не одно солнце и палящіе вѣтры пустынь, но и упорно опустошала рука человѣка. На ея почвѣ, благодаря Іисусу, разыгрывались неисчислимыя, лютыя кровопролитія; по ней тяжелою стопой прошли сотни тысячъ закованныхъ въ сталь рыцарей, съ крестами на груди, съ сатаною внутри, распространяя всюду „мерзость запустѣнія“, къ огню солнца, прибавляя огонь пожаровъ, избивая не только мужчинъ, но женщинъ, дѣтей, а, вслѣдъ за ними, все чудомъ уцѣлѣвшее, подметала черная смерть — чума.

Первое евангеліе сфабриковано черезъ два столѣтія, послѣ мнимаго рожденія Іисуса; только черезъ двѣсти лѣтъ они на общечеловѣческую мораль наклеили ярлыкъ.

III.

На землю посмотри:
Она несчастна такъ же и преступна,
Какъ и вчера. Духъ испустилъ Христосъ —
И что жъ? Свершилось только въ мірѣ
Однимъ убійствомъ больше.....
. . . . . .

(„Кровь“, стихотв. Золя).

А вотъ погибшіе святые мудрецы
Идутъ, вѣнчанные позоромъ.....
Идутъ великіе пророки и пѣвцы,
Глядя впередъ печальнымъ взоромъ.

(„Жертвы“, Барьбе).

Солнце закатывалось; на дикой горѣ, покрытой сѣрыми глыбами камней, стояли три креста; толпа народа шумѣла около креста, стоявшаго по срединѣ. Надъ головою распятаго была прибита доска съ злою надписью: „Іисусъ Назарей, Царь Іудейскій“. Іисусъ былъ измученъ; кровь сочилась изъ-подъ терноваго вѣнца, застилала зрѣніе; палестинскіе буржуа кричали погибающему энтузіасту: „Если ты богъ, то сойди съ креста, ты спасалъ другихъ, себя же спасти не можешь!“ Видя смѣющуюся толпу вокругъ, отрезвляемый страданіями, онъ поднялъ мутный взоръ къ небу, и духъ смутился въ немъ. Всемогущій отецъ, съ олимпійскимъ равнодушіемъ, далъ пригвоздить сына ко кресту... Страшныя сомнѣнія забродили въ истомленной душѣ; легенда говоритъ: „Въ эти минуты облако закрыло отъ него лицо отца“. Сомнѣнія не въ первый разъ охватывали его душу: въ тихую ночь, въ пустынномъ саду, онъ, обливаясь горячими слезами, молилъ, чтобы миновала страшная чаша; бурная жажда жизни проснулась въ немъ; онъ стоялъ на рубежѣ спасенія или гибели. Идя въ садъ Геѳсиманскій, онъ на минуту задумывается, велитъ ученикамъ взять съ собою оружіе, но этотъ страхъ передъ будущимъ быстро проходитъ. Ему предстали два пути: смѣло шагнуть впередъ и умереть, сохранивъ мужественное величіе, душевную красоту до конца, запечатлѣвъ проповѣдь въ сердцахъ людей мученическою смертью, или сойти со сцены, затеряться въ толпѣ, зажить ея крошечнымъ счастіемъ, грошовыми интересами. Въ смертельной тоскѣ, обли-

вающійся слезами, изнемогающій человѣкъ вышелъ изъ борьбы исполиномъ, кротко, покойно пошелъ, по колючему пути, къ распятію.

Прекрасный, честный человѣкъ! Не знай я, что и безъ тебя намъ не миновать бы того же христіанства, —я бы отъ души пожелалъ, чтобы ты затерялся въ толпѣ, зажилъ ея счастіемъ, обнимая добрую, красивую жену, лаская дѣтишекъ, весело обработывая садъ свой. Слишкомъ много горя принесло намъ твое божественное величіе; капли твоей крови, изъ-подъ терноваго вѣнца, превратились въ широкія кровавыя рѣки... Однимъ великимъ человѣкомъ, одною грандіозною картиною меньше, но за то счастливыхъ простыхъ людей было бы больше...

Слабое тѣло Іисуса было надорвано; онъ вынесъ молитву въ саду Геѳсиманскомъ, бичеваніе, крестное шествіе и процедуру распятія; впечатлительные нервы изнемогли. Черезъ нѣсколько часовъ у него вырвался ужасный крикъ и онъ испустилъ духъ.

Мучительность распятія умаливается тѣмъ отраднымъ фактомъ, что 1840 лѣтъ назадъ люди были менѣе насъ звѣри: они давали страдальцу погружающій въ полное безчувствіе напитокъ, — смерть спускалась неслышно.

Когда я былъ юношей, послѣдніе дни жизни Іисуса, его кроткая молитва, на крестѣ, за враговъ своихъ, благородная смерть—производили потрясающее впечатлѣніе; душа росла, священный холодъ пробѣгалъ по тѣлу. Подъ вліяніемъ разгоряченнаго воображенія размѣры картины разсширялись безъ границъ. Я сосредоточивался на картинѣ распятія до такой степени, что забывалъ весь міръ, который—къ стыду моему—тогда плохо зналъ. Но такое профессоровское сосредоточеніе, зажмуриваніе на всю міровую исторію ведутъ къ плачевнымъ промахамъ, удивительной узости взгляда.

Я началъ перелистывать исторію, и разумъ взялъ верхъ надъ сумасбродною фантазіей. Во всѣ вѣка у всѣхъ народовъ было очень много людей, умѣвшихъ умирать грандіозно. Не будемъ говорить о герояхъ Греціи, Рима: это завело бы насъ слишкомъ далеко; возьмемъ примѣры изъ временъ „не столь отдаленныхъ“.

Въ 1416 году Констанскій соборъ приговорилъ къ костру Іоанна Гусса; его повели на казнь въ бумажномъ колпакѣ, разрисованномъ чертями, и мимо того мѣста, гдѣ сжигались его сочиненія, святая святыхъ его души, тѣ сочиненія, отъ которыхъ онъ не отрекся въ виду ужасной смерти. Когда пламя обвило его, онъ пѣлъ псалмы...

Въ томъ же году героически погибъ на кострѣ, слава своего народа—Іеронимъ Пражскій.

Въ 1498 году, 20 мая, погибъ мучительною смертью, на кострѣ изъ сырыхъ дровъ, Саванарола, защитникъ свободы, равенства, образецъ нравственности. Онъ сурово, безстрашно обличалъ изверга папу Александра VI; проповѣдовалъ величавое самоотверженіе, любовь къ ближнему, всеобщее экономическое равенство.

Мишле говоритъ: „Толпа гадкихъ мальчишекъ бросала камни въ умершаго, качающагося въ воздухѣ, испуская крики радости, когда камень касался сердца или чела, того чела, которое столько разъ вся Флоренція видѣла съ трепетомъ, озареннымъ дивнымъ вдохновеньемъ“.

Въ концѣ XVI вѣка Жіорданъ Бруно имѣлъ неосторожность сказать, что земля вертится, и за эту научную аксіому онъ высидѣлъ шесть лѣтъ въ свинцовой тюрьмѣ въ Венеціи. Но нѣтъ сомнѣнія. что этотъ, сохранившійся до настоящей минуты, правительственный способъ отрицанія истины воспитываетъ, закаляетъ сильныхъ личностей. Выйдя на свободу, онъ началъ проповѣдывать, что въ область священнаго писанія не входитъ наука, а только нравственность. Съ героическимъ безстрашіемъ всюду, куда ни кидала его жизнь, онъ проводилъ выношенныя въ душѣ возрѣнія.

Въ 1600 году инквизиція пустила въ ходъ послѣднее доказательство—костеръ. Всходя на него, глядя яснымъ взоромъ въ глаза своихъ палачей, онъ произнесъ: „Быть можетъ, вы съ большимъ страхомъ произносите приговоръ, чѣмъ я выслушиваю его.“

Не знаю, что пережилъ Галилей, когда его, сѣдаго старика, въ позорной одеждѣ, заставили пасть на колѣни передъ собравшимися кардиналами—мірового генія передъ дикими невѣждами — и отречься отъ того, что

составляло святую суть его жизни,—что испыталъ онъ, умирая плѣнникомъ инквизиціи.

Галилей сказалъ: „земной шаръ двигается". онъ, какъ бы, предугадалъ вѣчное, прогрессивное движенье. Попы упорно утверждали, что міръ стоитъ и будетъ стоять вѣчно.

Въ 1645 году протестантскій священникъ Оперъ былъ сожженъ въ нѣсколько пріемовъ. Подъ него подложили мало дровъ и очень свѣжихъ; вѣтеръ отнесъ дымъ въ сторону, и дымъ не задушилъ жертву. На половину сгорѣвшій, онъ кричалъ: „дровъ! дровъ, добрые люди... огня!... огня!..." Тѣло его было изжарено, лицо почернѣло, распухшій языкъ выходилъ изо рта; жиръ, кровь капали въ слабо горѣвшій костеръ; кожа на животѣ прогорѣла и внутренности начали вываливаться. Но онъ еще жилъ и билъ себя въ ужасныхъ конвульсіяхъ въ грудь.

Но вы, недогадливые читатели, спросите, съ дрожью въ душѣ: кто сжегъ протестантскаго священника? Его сожгли за протестантство римско-католическіе ревностные священники, носящіе распятіе на груди, которые на церковныхъ кафедрахъ источали потоки слезъ, повѣтствуя о мученической смерти Іисуса за убѣжденіе, и сыпали проклятія на головы его свирѣпыхъ палачей...

Когда я пишу эти строки, передо мною встаетъ страшная картина: въ обшитой войлокомъ дырѣ лежитъ посинѣлый человѣкъ; голодъ, жажда, побои, почные допросы замучили его, но не достаточно. Пытка соленой рыбой, безъ воды, оказалась мягка; палачи пробуютъ надъ нимъ новое, научное средство, болѣе мучительное чѣмъ гвозди, вбиваемые подъ ногти, постель, усѣянная остріями ножей,—болѣе жгучее, чѣмъ простой огонь жаровни: они прижигаютъ истерзаннаго человѣка электричествомъ,—имъ нужно заставить заговорить его, какъ заставляютъ говорить сонамбуловъ, и выдать имъ на муки еще нѣсколько несчастныхъ.

Русское правительство свершаетъ это въ 1879 году надъ выстрѣлившимъ въ царя, надъ желавшимъ цѣною жизни спасти родину! И тотъ же царь, то же правительство, годъ назадъ, плакали по поводу звѣрствъ баши-бузуковъ и тоже правительство только и говоритъ

и печется о религіи, наводняя церковными школами всю Россію.

Нѣтъ, господа инквизиторы, палачи религіи! Вы не удивите насъ, дѣтей гуманнаго вѣка, своими лютыми казнями, неистовствами; мы ушли впередъ, намъ не нуженъ костеръ; мы умудряемся такъ обойтись съ политическимъ праведникомъ, что онъ самъ зажигаетъ на себѣ одежду и безъ звука, чтобы не помѣшали, зажаривается на собственномъ матрасѣ, въ своей тюрьмѣ. Но извиняюсь за отступленія, — русскіе ужасы напрашивались на параллель.

Въ Шотландіи, во время религіозныхъ гоненій, при Іак вѣ II, вдова Марія Маклаганъ и молоденькая дѣвушка Маргарита, за твердость своихъ убѣжденій, были приговорены къ потопленію. Ихъ повели на то мѣсто, которое Солвей заливаетъ два раза въ день, ихъ привязали къ столбамъ, врытымъ въ песокъ, между знаками высокой и низкой воды.

Старшая страдалица была помѣщена ближе къ прибывающей водѣ, надѣялись, что ея послѣднія мученія ужаснутъ младшую, но несчастный ребенокъ сохранилъ мужество до самой смерти. Вода росла, шумно надвигалась все ближе, ближе; твердая гибель старшей мученицы не ужаснула ее; она не обнаружила тревоги, пѣла псалмы и горячо молилась! Волны затопили ее, но ее не оставили въ покоѣ: вытащили изъ воды, отвязали, возвратили къ жизни и предлагали отречься. „Нѣтъ, я христіанка,—топите меня...!“ и воды слились надъ нею въ послѣдній разъ...

Іисусъ Назарей, какъ мученикъ, ты пигмей передъ этой слабой, молоденькой дѣвушкой, твой терновый вѣнецъ — вѣнокъ изъ гроздей винограда передъ ея суровымъ вѣнцомъ!...

Рѣзко выдающихся людей, погибшихъ мучительною смертью за святыню убѣжденій, до XVI вѣка есть необычайно трудная возможностью счесть, но затѣмъ исторія становится такъ богата мучениками, героями, что ни одинъ историкъ не посмѣетъ заикнуться о возможности перечесть ихъ имена; мы не увѣрены даже въ цифрахъ.

Іисусъ вѣрилъ, умирая, что возсядетъ одесную отца, въ силѣ и славѣ. Наше время начинаетъ перерастать

загробныя награды и наказанія — конфертативы для возбужденія добра. Новые мученики, распинаемые, изо дня въ день, долгіе годы, большею частью совсѣмъ не вѣрятъ въ небеснаго отца и загробную жизнь.

Кто искренно вѣритъ въ загробное блаженство, пустится на какія угодно самоистязанія, чтобы достигнуть его. Изъ за вѣчнаго блаженства прямой разсчетъ вытерпѣть, какія угодно, временныя муки. Легенда говоритъ, что Симеонъ Столпникъ высидѣлъ тридцать лѣтъ на столбѣ, въ девять саженъ высоты, съ вершиною въ восемь квадратныхъ вершковъ; онъ сидѣлъ, прикованный цѣпями, и возсылалъ нескочаемыя молитвы къ щедрымъ небесамъ за дарованныя ему великія, богатыя милости. Его поливали дожди; надъ беззащитною, открытою головою гремѣли грозы; его палило южное солнце; а въ зимныя ночи пробирала до костей стужа.

Передъ такими святѣйшими, воздушными мученіями крестъ на Голгоѳѣ не болѣе, какъ уколъ булавки. Рай, рай, чего только ты не надѣлаешь!

Въ Индіи факиры, намѣревающіеся попасть прямехонько въ лоно Брамы, въ способности умирать перещеголяли Іисуса. Когда катится запряженная тысячами людей колоссальная колесница съ богомъ Сивою, факиры гвоздями прибиваютъ себя къ ея гигантскимъ колесамъ и, въ то время, когда начинаютъ перемалываться ихъ кости, они блаженно улыбаются, льютъ слезы небеснаго восторга. Во время празднествъ дворы храмовъ полны факирами; въ присутствіи народа они кладутъ ноги на раскаленные уголья не моргнувъ бровью, обрѣзаютъ себѣ вѣки, губы, лѣвою рукою рѣжутъ правую руку. Никто не ведетъ счета этимъ героямъ мукъ, и вдохновенныхъ убѣжденій!

Но каждый въ правѣ сказать, что важнѣе самой смерти Іисуса его ученіе. Отбросивъ въ сторону ту печальную истину, что это ученіе отнюдь не принадлежитъ Іисусу, мы приходимъ къ заключенію, что божественное откровеніе оказывало трогательныя, незабвенныя услуги каждому желающему: гуманисты черпали изъ него прекрасныя слова любви, самоотверженія; палачи — изреченія, достойныя палача. Нужно было простить грѣшницѣ, приводились божественныя слова;

„Пусть изъ васъ первый броситъ камень тотъ, кто самъ не грѣшенъ“; — простить врагу, приводилась, производя громадный эффектъ, молитва на крестѣ: „Прости имъ, Господи: они не вѣдаютъ, что творятъ“. Очень понадобилось затиранить по подземельямъ десятки тысячъ людей, столько же спалить на медленномъ огнѣ — и, тотчасъ же, текстъ, весьма подходящій, недвусмысленный, являлся къ услугамъ изъ того же божественнаго откровенія. Не нужно забывать, что ни одно злодѣйство никогда не дѣлалось на обумъ, безъ текста! Нужно было ввиду своихъ интересовъ затопить кровью, утучнить человѣческими тѣлами вовсе ненуждающіяся въ этомъ роскошныя долины Прованса; заставить рѣзать дряхлыхъ — стариковъ, губить нетолько мужчинъ, женщинъ, но и грудныхъ дѣтей, — стоило только раскрыть святую книгу — текстъ, ослѣпительный, какъ южное солнце, тотчасъ же самъ собою отыскивался и сладостно примѣнялся. Творилась воля небеснаго отца.

Являлась неотлагаемая потребность подправить Евангеліе, вычистить слогъ, согласить его смыслъ съ излюбленными, очень ехидными воззрѣніями, — и оно, не утеривая ни атома божественности, исправлялось, перемарывалось. Евангеліе мѣняло свою роль удивительно часто, чрезвычайно непринужденно; оно было сосудомъ, полнымъ священнаго елея и, рядомъ, ночною поповскою посудиной; оно часто дѣлалось лавченкою изъ ножевой линіи съ знаменитымъ „чего хочешь, того спросишь“.

Сначала я постараюсь изобразить Іисуса свѣтлаго и рядомъ — Іисуса, проповѣдника злобы мщенія, кудесника, плохого логика. Разнообразные Іисусы будутъ вѣрные продукты одного и того же Евангелія. Симпатизируя легендарному образу, я относился къ нему съ ребяческимъ пристрастіемъ; оставлялъ за нимъ все свѣтлое и, съ негодованіемъ, отбрасывалъ все чудесное, нелѣпое. Но я переросъ ребячество; если я вѣрю всему хорошему, написанному въ Евангеліи, я, неизбѣжно, долженъ повѣрить и всему дурному. Мнѣ гораздо пріятнѣе вѣрить хорошему, но такое субъективное поползновеніе не выдерживаетъ критики. Когда я былъ молодъ, во мнѣ говорило сильно чувство, логика

отодвигалась порою на задній планъ. Но печальное время напрасно оскорбляемой логики начинаетъ потихоньку проходить для меня. Я одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ, которые къ ней чувствуютъ слабость. Сдѣлаю отступленіе. Наше большинство размашисто презираетъ логику, она намъ не нужна ни въ частной, ни въ общественной жизни. Царь жандармерія, полиція думаютъ за насъ, — довѣріе намъ нужно, но не логика! Мы великая раса, безлогичнаго будущаго... Обожаемый повелитель! Сдирай съ насъ смѣло шкуру хлещи по щекамъ, но не забывай дать облобызать самодержавную руку; вѣшай нашихъ сыновей, мори по тюрьмахъ слабыхъ женщинъ и дѣтей; мы великая раса, у насъ великое будущее! мы прямо изъ подъ плетей вполземъ въ землю обѣтованную!

Гдѣ жъ, какъ не въ полиціи, не съ разрѣшенія полицмейстера разгуляться нашей широчайшей натурѣ?

Впередъ, начальство! Мы за тобой, увѣнчаемъ головы наши подсолнечниками, а питейные дома лаврами.

Трубите въ побѣдныя трубы, провокаторы, шпіоны!

Посмотрите, какъ дивно сплелись у насъ:

Земство и сатрапы губернаторы.

Судъ съ присяжными и III отдѣленіе, съ Петропавловскою крѣпостью, тайными допросами, судомъ въ застѣнкѣ.

Человѣчные присяжные и смакующіе кровь прокуроры!

Выстрѣлъ Каракозова и невыносимо хамскіе адрессы отъ сословій; всеобщее желаніе лечь костьями за „обожаемаго.“

Огромное число тайныхъ обществъ, самаго крайняго характера, и самое крайнее, лизаніе, хамское слезоточеніе.

Запытанное, безъ суда, безчисленное число юношей за святую мечту и выпущенные на свободу Митрофанія, Струсбергъ, Ландау.

Выстрѣлъ Засуличъ, ея торжественное оправданіе, овація, встрѣчи, и пожалованіе Трепову мѣста въ государственномъ совѣтѣ, съ царскимъ поцѣлуемъ во сахарныя уста.

Высокіе сановники, искренно пекущіеся о семейномъ очагѣ, плачущіе надъ нимъ, подобно весталкамъ, поддерживающіе въ немъ неугасимое пламя, разсылающіе циркуляры, алчущіе пресвѣтлой, семейной чистоты и рядомъ — тѣ же сановники, не смотря на терпѣливое лѣченіе у лучшихъ докторовъ отъ сифилиса, все болѣе, болѣе пожираются имъ: язвы полученныя въ борьбѣ за семейную идиллію, все шире, шире раскрываются.

Каждый наблюдательный человѣкъ уже давно привыкъ къ той мысли, что у насъ разъ появился неумолимый защитникъ семейнаго начала, то неизбѣжно онъ сифилитикъ, импотентъ или пробавляется мужелоствомъ; защитникъ собственности — неизбѣжно воръ и, чѣмъ болѣе защитникъ, тѣмъ болѣе воръ — но, конечно, не съ точки зрѣнія Прудона, а простого сыщика. Говорятъ, что царь и братцы его Константинъ и Николай Николаевичи положительно бредятъ святою, собственностью.

Боборыкинъ, посѣщающій Герцена, увлекающійся имъ безъ ума, и тотъ же Боборыкинъ-губернаторъ оренбургскій, сѣкущій арестантовъ колючимъ терновникомъ, размоченнымъ въ соляномъ растворѣ, — жгущій имъ раны раскаленнымъ желѣзомъ.

Колючій терновникъ, размоченный въ соли, инквизиціонныя пытки, замариваніе живыхъ людей рядомъ съ полуистлѣвшими мертвецами, треповскія расправы, битье студентовъ саблями, кнутомъ, батогами, кражи труповъ политическихъ мучениковъ, раздираніе ртовъ на допросѣ, висѣлицы безъ суда и... общества покровительства животныхъ!

Требованье уваженія къ зерцалу присутственныхъ мѣстъ, каторга за его оскорбленіе, и полнѣйшее презрѣніе къ зерцалу человѣческому, рыночная, средняя цѣна за оплеуху 25 руб.

Гуманнѣйшія школы и лицей Каткова, съ систематическимъ шпіонствомъ, публичными поцечинами.

Борьба за славянское освобожденіе и повальная порка освобожденныхъ; всеобщее мордобитіе, какъ способъ поднятія нравственнаго уровня; жалобы на грабительство турокъ и осатанѣлый грабежъ, залѣзаніе подлыми лапами въ солдатскій голодный желудокъ.

Лапы Грейгеровъ, Когановъ въ потемкахъ встрѣчаются, сплетаются съ пухлыми, жадными лапами брата вѣнценосца, обладателя милліонныхъ доходовъ, Николая Николаевича, — съ маленькими ручками его суки...

Пожалованіе Болгаріи конституціи и пожалованіе своимъ чернаго столба съ веревкою, — торжественнѣйшее погруженіе въ свирѣпый восточный деспотизмъ, китайскую богдыханщину...

Ненависть къ турецкимъ башп-бузукамъ и подаваніе холуйски сладостныхъ любовныхъ адрессовъ своимъ собственнымъ.

Наши мечты и разочарованія, сентиментальный романтизмъ и азіатская жестокость — все носитъ беззаботный, фривольный, забубенный характеръ. Гоголь, въ бреду вдохновенія, сравнилъ Россію съ необгонимою тройкою; но не нужно забывать, что почтовая необгонимая тройка, купленная по очень дорогой цѣнѣ у Ноздрева, управляемая будочникомъ, и логика — вещи несоединимыя, это наша правительственные Кречинскіе, Расплюевы, Чичиковы, Молчалины указуютъ путь нашему бѣшеному прогрессу, но довольно!

Прочитывая Евангеліе, вникая въ его прекрасныя изреченія, вы часто видите чрезвычайно находчиваго невѣжду, побивающаго на каждомъ шагу книжниковъ и фарисеевъ. Въ то незабвенное время ученая дребедень густо засаливала мозги людей; здравый смыслъ погибалъ безвозвратно; нетолько корни ученія были горьки, но и плоды были горьки, кислы и гнилы. На сторонѣ книжниковъ, фарисеевъ была почтенная рутина, окаменѣлая отъ долгаго лежанія; на сторонѣ Іисуса — изреченія, освященныя здравымъ смысломъ, хорошимъ сердцемъ. То было необыкновенное время для морали; стоило только глубоко противорѣчить фарисеямъ, книжникамъ, идти въ разрѣзъ съ закономъ Моисея — и мораль выходила удивительная. Приведу примѣры.

Законъ *Моисея* изрекаетъ: „Око за око, зубъ за зубъ.“

Іисусъ: „Когда васъ ударятъ по правой щекѣ, подставьте лѣвую щеку. Когда съ васъ снимутъ верхнюю одежду, отдайте нижнюю.“ На наивный вопросъ Петра: „Сколько разъ прощать брату моему, согрѣшившему

противъ меня, — не до семи ли разъ?“ онъ отвѣчалъ: „Не говорю тебѣ до семи разъ, но — до семижды семидесяти разъ.“

Законъ *Моисея*: „Люби ближняго своего и ненавидь врага своего.“

Іисусъ: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ, молитесь за обижающихъ и гонющихъ васъ. Отецъ небесный повелѣваетъ солнцу всходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.“

Фарисеи и *книжники*, въ разгарѣ цѣломудренной добродѣтели, пожелали побить каменьями блудницу и съ злостною задней мыслью спросили Іисуса: не имѣетъ ли онъ чего нибудь противъ этого? *Іисусъ* божественно противорѣчитъ ветхозавѣтнымъ агентамъ цѣломудрія: „Пусть изъ васъ первый броситъ камень тотъ, кто самъ не грѣшенъ.“ Фарисеи и книжники со стыдомъ удалились. — Удивляюсь ихъ совѣстливости! Наши агенты бровью не сморгнувъ, убили бы ее, и сильнѣе всѣхъ, навѣрное, побивалъ бы проночевавшій въ публичномъ домѣ... На картинѣ Полѣнова, старый еврей передаетъ камень маленькому мальчику, но въ тайнѣ шалящій мальчикъ, отказывается бросить.

Фарисеи, во время молитвы, бьютъ себя безжалостно въ грудь, и продѣлываютъ замысловатые гимнастическіе фарсы передъ почтеннѣйшею публикою.

Іисусъ: „Молиться нужно въ темномъ углу, обливаясь слезами“, и разсказываетъ очень тонкую, полную иронiи, притчу о мытарѣ.

Книжники и *фарисеи*, въ родѣ нашихъ членовъ филантропическихъ обществъ, съ громаднымъ эфектомъ роздаютъ гроши нищимъ.

Іисусъ говоритъ грошовымъ филантропикамъ: „Давайте милостыню такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая“, и относится съ трогательнымъ умиленіемъ къ вдовѣ, положившей послѣднюю лепту. — Нашимъ филантропикамъ Іисусъ прибавилъ бы: „И не печатайте о вашихъ щедротахъ въ газетахъ, съ платою отъ строчки“.

Книжники и *фарисеи* требуютъ поклоненія субботѣ: человѣкъ не смѣетъ жить въ этотъ удивительный день;

уваженіе къ Егове должно было отравлять всѣ его радости, — словомъ, смотрять на субботу, какъ современный англичанинъ на воскресенье.

Іисусъ: „Не человѣкъ созданъ для субботы, но суббота для человѣка“, и прибавляетъ очень вѣское, понятное всякому обладателю положеніе объ овцѣ, упавшей въ яму въ субботу.

Фарисеи придаютъ огромное значеніе внѣшности, осквернению черезъ уста и разнаго рода обмываніямъ, промываніямъ и подмываніямъ.

Іисусъ, не смотря на свою относительную чистоплотность, противорѣчитъ имъ: „Не то нечисто, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ устъ“.

Книжники и *Фарисеи* презирали бѣдняка, любовались золоченными крышами дворца Ирода.

Іисусъ бросаетъ въ нихъ желѣзное слово, облитое горечью и злостью: „Горе вамъ, презирающимъ убогій кровъ, горе вамъ, созидающимъ дворцы изъ чужаго пота: каждый кирпичъ, положенный въ это зданіе — грѣхъ“.

Если бы наши, въ конецъ замороченные низкоподдапные почаще вспоминали это дивное изреченіе, глядя на проклятые царскіе дворцы, вытянувшіе всю кровь, всѣ живые соки государства.

Фарисеи и *Книжники* предендовали на широкую, философскую прозорливость.

Іисусъ безцеремонно профанируетъ ихъ мудреную мудрость словами: „Оставьте ихъ, — они слѣпые вожди слѣпыхъ, а если слѣпой ведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму“. — Въ послѣднемъ выводѣ очень трудно усомниться

Книжники и *Фарисеи* были надменны, черствы сердцемъ; они не стремились къ правдѣ, не алкали истины; практическіе люди, они невозмутимо пользовались несправедливыми дарами жизни; выше собственнаго чрева писаннаго закона, мысль ихъ не поднималась.

Іисусъ пускаетъ въ нихъ ядовитыми стрѣлами, произнося свои краткія, кроткія изреченія; кротость эта колола, какъ остріе отравленнаго ножа:

„Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть царствіе небесное“.

„Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю“.

„Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся“.

„Блаженны милостивые — и они помилованы будутъ“.

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царствіе небесное“.

Но непривѣтная жизнь кругомъ начинаетъ постепенно ожесточать Іисуса; тонъ его молніеносныхъ изреченій повышается:

„Горе вамъ, богатые, ибо вы уже получили свое утѣшеніе“.

„Скорѣй канатъ пройдетъ сквозь игольное ухо, чѣмъ богатый въ царство небесное“.

„Горе вамъ, смѣющимся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете.“

„Горе, когда всѣ люди о васъ будутъ говорить хорошо, ибо такъ поступали съ лжепророками отцы ихъ“.

„Лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ глаза своего и тогда увидишь, какъ вынуть сучокъ изъ глаза брата твоего“.

Душа Іисуса часто кипѣла негодованіемъ, борьба съ іерусалимскими педантами, ветхозавѣтными академиками ожесточала его. Сѣмя падало на выжженную, каменистую почву. Смотря на эти камни, онъ говорилъ:

„Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царстіе небесное“.

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь крашеннымъ гробамъ, которые спаружи кажутся хороши, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“.

„Зміи, порожденіе ехидны,—какъ избѣжите вы отъ осужденія въ геенну — вожди слѣпыхъ, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе?“

„Горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь: за то примете тѣмъ большее осужденіе“.

„Связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плечи людей, а сами не хотятъ пальцемъ двинуть ихъ“.

Но онъ на этомъ не остановился. *Фарисеи* говорятъ ему: „Выйди и удались отсюда,—Иродъ хочетъ убить тебя“. *Іисусъ* отвѣчаетъ: „Пойдите и скажите этой лисицѣ, я изгоняю бѣсовъ и совершаю исцѣленія сегодня, завтра, а въ третій день кончу“. Послѣ этихъ довольно таки безсмысленныхъ словъ,— за исключеніемъ слова лисица,—у него вырывается божественный вопль изъ души: „Іерусалимъ! Іерусалимъ! избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ... Сколько разъ я хотѣлъ собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!...“

Не смотря на заявленія, что онъ пришелъ не нарушить законъ Моисея, но соблюсти, Іисусъ никого не провелъ оппортюнискою фразою.

Іисусъ радикально разошелся съ сильными міра, комплименты, черезчуръ щедро разсыпаемые на всѣ стороны фарисеямъ, книжникамъ и правителямъ, выравнивали, расширяли дорогу къ распятію.

Но странно, смѣшно, что многіе неистовствуютъ, говоря о іудеяхъ, распявшихъ Іисуса; нельзя себѣ ничего представить банальнѣе этого событія.

Какое правительство, какая общественная власть до Іисуса и послѣ Іисуса, вплоть до настоящей минуты, позволили идти противъ себя открытою, непримиримою войною? Безстрашный протестъ царящему злу кончался и кончается черезчуръ печально.

Не станемъ говорить о среднихъ вѣкахъ, о религіозныхъ преслѣдованіяхъ вплоть до XIX вѣка.

Въ XVI вѣкѣ хоронили живыхъ людей, палили десятки тысячъ на кострахъ, ломали кости, тянули жилы.

Въ XVIII вѣкѣ еще въ модѣ было заливаніе растопленнаго свинца въ раны, разрываніе на части, вырываніе сердца у живаго преступника.

Но, говоря, о XIX вѣкѣ, я не вижу царенія гуманности—вывелись изъ моды костры, щипцы, колесованія, но за то ввелись такія утонченныя пытки, передъ которыми стушевываются нетолько распятіе, но и нюренбергская желѣзная дѣва. съ ножами внутри...

Защитникамъ свободы, любви, равенства не дозволяютъ часто умирать эфектною смертью, на глазахъ

у несмѣтной толпы: палачи догадались, что время стало удивительно перемѣнчиво и что такая смерть равносильна громадному памятнику, — но ихъ сгнаиваютъ по 20 лѣтъ въ подземельяхъ, заросшихъ плѣсенью; ихъ поютъ гнилою водою; душатъ затхлымъ, полнымъ страшныхъ заразъ воздухомъ, отравляютъ гнилою пищею, отъ которой съ отвращеньемъ отскочила бы голодная собака; морятъ голодомъ, холодомъ, сыростью, тоскою, нечеловѣческимъ, варварскимъ обращеніемъ, надруганьями, имъ быстро прививаютъ ужасные хроническіе недуги; доводятъ до сумасшествія, самоубійства; ихъ истощенныя тѣла отдаютъ на растерзаніе не тиграмъ и львамъ—это черезчуръ грандіозно—но на съѣденье голоднымъ вшамъ и клопамъ, ихъ кормятъ настоящими и нравственными оплеухами; бичуютъ у позорнаго столба, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, не часъ, но годы... И мы должны не забывать ни на секунду, что изощренная чуткость пониманія оскорбленій безостановочно растутъ со времени Іисуса и что христіанскій взглядъ на оплеухи, начинаетъ проходить.

Еще разъ повторяю: я не вижу большой разницы— замучаютъ ли меня на крестѣ или въ заплѣснѣвѣломъ, каменномъ мѣшкѣ,—всѣ преимущества на сторонѣ креста. Пока замучиваніе будетъ существовать, въ формахъ ли голода, труда, униженья, зависимости, тюрьмы и проч..—пусть гангрена покроетъ языкъ того наглаго лжеца, который рѣшится кричать о прогрессѣ, гуманности, цивилизаціи! Мы продолжаемъ жить въ состояньи полнаго варварства.

Не все ли равно, будетъ ли толпа кричать: „Распни! распни его!“ или отпускать плоскіе кроваво бездушные каламбуры, когда голова невиннаго мученика катится въ мѣшокъ? Не все ли равно, будетъ ли толпа насмѣшливо кричать: „Сойди со креста, если ты богъ!“ или когда тысячами выбрасываютъ на муки самоотверженныхъ людей, христіаннѣйшая публика, зѣвая, провожаетъ ихъ на гибель, осыпаетъ осатанѣлаго деспота распрохолуйскими адрессами, лижетъ кровавыя лапы и хихикаетъ надъ жертвами. Вздоръ! толпа іудейская неизмѣримо порядочнѣе, человѣчнѣе современнаго намъ русскаго общества. Легендарный Иродъ, избивающій

младенцевъ, воскресъ въ злобѣ, одурѣломъ, гнусномъ образѣ Александра II, легенда стала дѣйствительностью.

Пилатъ гуманнѣе, справедливѣе любого, самаго прозаическаго, предсѣдателя суда и прокурора.

Книжники, фарисеи, царятъ всюду.

Предатель Іуда удавился,—современный міръ можетъ похвалиться, что предательство, кровавая измѣна стали одною изъ самыхъ выдающихся сторонъ жизни. Предатели, шпіоны, нѣтъ сомнѣнія, никогда не удавливаются, никогда не возвращаютъ денегъ, но, живя припѣваючи, передаютъ капиталы, нажитые шпіонскою любознательностью и откровенностью передъ полиціей, своимъ малюткамъ.

Предательство цѣлаго народа, задушевнаго кружка считается завидною ловкостью; удавшееся, оно —кратчайшій путь къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, почету, богатству.

У насъ только высочайшею подлостью, грязнѣйшими, невѣроятными униженьями, гнуснѣйшими интригами, способностью не останавливаться ни передъ какимъ позорнымъ преступленьемъ, можно достигнуть первыхъ мѣстъ въ государствѣ, стать по правую руку царя,—ему нужна достойная компанія.

Господа, не стыдящіеся повторять сказку про Прода, въ разцвѣтѣ римской цивилизаціи, избивающаго всѣхъ первенцевъ, разсказывающіе о черни еврейской, кричащей: „распни его, распни!“ ни разу не задумались надъ тѣмъ идиллическимъ фактомъ, что благодаря архи нелѣпой, поповской выдумкѣ, въ продолженіи тысячи лѣтъ кроткіе христіане, молящіеся за враговъ своихъ, передушили, попереуродовали, по крайней мѣрѣ, нѣсколько милліоновъ, ни въ чемъ неповинныхъ евреевъ. Одного такого факта за глаза достаточно, чтобы проклясть тысячу разъ—день сомнительнаго рожденія злополучнаго христіанскаго бога.

Іисусъ, изрѣкающій слова мести. — Раздражаемый ядовитыми нападками, провокаторскими придирками фарисеевъ, видя на каждомъ шагу презрительное невѣріе въ него, онъ впадалъ въ отчаяніе, полное гнѣва, желчи.

„Горе тебѣ, Харазинъ, горе тебѣ, Вѳсаида! Если бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленныя въ васъ, то давно бы они въ вретищахъ и пеплѣ покаялись, но, говорю вамъ, Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда.

„И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься, ибо если бы въ Содомѣ явлены были силы, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сихъ поръ; но говорю вамъ, что землѣ Содомской будетъ отраднѣе въ день суда".

Когда къ нему пришли сомнѣвающіеся въ немъ мать и родные братья, онъ не вышелъ къ нимъ и, указывая на учениковъ, сказалъ: „Вотъ, мать моя, братья мои". Въ этихъ словахъ многіе видятъ свойственное фанатикамъ отрицаніе семьи, всѣхъ личныхъ привязанностей, въ виду поглощающей ихъ идеи. Но кромѣ этого, можно видѣть сильное личное ожесточеніе противъ семьи, которая не вѣрила въ него, насмѣшливо стягивала съ пьедестала.

Чудеса, пророчества, сверхъестественныя миссіи не любятъ прозаическаго настроенія въ публикѣ, освѣщенія изъ нагорѣвшаго сальнаго огарка, тутъ нужны дикія вершины горъ закутанныя тучами, пещеры въ знойной пустынѣ, блескъ страшныхъ молній, громовые раскаты, неопалимая купина.

Въ глазахъ семьи Іисусъ терялъ весь свой эффектъ: она его видѣла черезчуръ въ неглиже. Марія, родившая его дѣвушкой, часто обмывала загаженный задъ христіанскаго бога, мыла его пеленки, переходъ отъ домашней, банальной, грязной прозы къ Мессіи, сыну бога, былъ черезчуръ, до смѣшного, рѣзокъ. Скажи въ то время кто нибудь Маріи, что она зачала его черезъ ухо отъ святаго духа, она наплевала бы въ лицо насмѣшнику, позволяющему себѣ издѣваться надъ ея увлеченіемъ римскимъ солдатомъ.

На сколько христіанская публика оцѣнила это постное зарожденіе, видно изъ того, что всякій разъ, когда не знаютъ, отъ кого родила дѣвушка, говорятъ: навѣрное, отъ святаго духа.

Говоря о своемъ будущемъ пришествіи, онъ оставляетъ кроткій тонъ,—это не тотъ Іисусъ, который съ трогательной лаской прижималъ къ груди дѣтей, произ-

нося дивныя слова: „Не вливайте вина стараго въ мѣхи новые“, другими словами: Министръ Толстой, не замаривай на смерть несчастныхъ дѣтей залежалою, классическою мудростью; старый, подлый холопъ, ты хочешь обезсилить тѣло и душу цѣлыхъ поколѣній, чтобы легче растлѣвать ихъ гнуснымъ рабствомъ, легче покорить подъ ноги ненасытному, самодержавному Молоху.

Не тотъ Іисусъ, у котораго на берегу лазореваго озера выливались слова, полныя дѣвственной красоты, ласкающей любви, такъ гармонирующія съ прекрасною природой. Борьба съ партіями, нелѣпые, схоластическіе споры съ іерусалимскими профессорами, лицемѣріе, злоба, зависть, ожесточили его теплую душу. Въ разсказахъ о второмъ пришествіи кипитъ месть; его воображеніе витаетъ въ царствѣ вѣчныхъ мукъ, вѣчныхъ ужасовъ. Передъ вторымъ пришествіемъ явятся лжепророки, съ великими знаменьями и, нѣтъ сомнѣнія, соблазнятъ публику, очень любящую знаменья; нагрянутъ моры, глады, землетрясенія; люди возненавидятъ другъ друга, и наступитъ мерзость запустѣнія. „Кто на кровлѣ, пусть не сходитъ взять что нибудь изъ дома, кто на полѣ, да не возвращается взять одежды свои; горе беременнымъ и питающимъ сосцами въ тѣ дни,—великая скорбь будетъ по всей землѣ“.

Люди скажутъ горамъ: „Обрушьтесь на насъ“ и проч, Финалъ всего — померкнетъ солнце; луна не дастъ свѣта; звѣзды спадутъ и силы небесныя поколеблются... Тогда явятся знаменья сына человѣческаго; восплачутся всѣ племена земныя и увидятъ сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ (послѣ померканія болѣе, чѣмъ удивительнаго, солнца, луны, паденія звѣздъ, облака продолжаютъ спокойнѣйшимъ образомъ существовать), и пошлетъ ангеловъ своихъ съ трубою громогласною, и соберутся избранники его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края небесъ до края ихъ.

Наразсказавъ всю эту безпардонную галиматью, онъ прибавляетъ: „Не перейдетъ родъ сей, какъ все сіе сбудется“.

Исаія, Іеремія, Іезекіилъ, Даніилъ въ своихъ пророчествахъ, говоря о казняхъ, готовыхъ обрушиться по

повелѣнію Еговы на излюбленный народъ, впадаютъ въ болѣе мрачный, рѣзкій тонъ. Ихъ пророчества дышутъ дикою поэзіей; не человѣческій голосъ слышится въ нихъ, но рыканія, вздохи голодныхъ львовъ въ знойной пустынѣ. Егова является евреемъ отъ головы до пятъ, онъ воплощаетъ въ себѣ всѣ недостатки семитической расы: онъ страстенъ, бурно порывистъ, кроваво-мстителенъ; страшный индійскій Сива блекнетъ передъ суровымъ богомъ пустыни, удушливымъ, палящимъ, какъ хамсинъ. По приказанію Еговы избиваются египетскіе младенцы, жабы залѣзаютъ въ постели египтянъ, отравляя имъ семейное благополучіе; ангелъ смерти, въ одну ночь, предательски истребляетъ фантастическую стотысячную армію; онъ даже перещеголялъ самого фараона жестокостью: сердце фараона смягчается послѣ каждой казни, но разгулявшійся Егова снова ожесточаетъ его и, съ деспотическою безжалостностью, расточаетъ муки, казнитъ ни въ чемъ неповинный народъ, египетскій. Какъ въ этихъ знойныхъ фантазіяхъ, историческихъ сказкахъ, въ снахъ, полныхъ кошемаровъ, отражается душа націи.

Но не нужно забывать, что Егова и его, съ острою кровью въ жилахъ, пророки нигдѣ не имѣютъ претензіи вносить въ міръ новые, благіе принципы. Егова—старый, закоренѣлый злодѣй, дышащій крайностями; о логикѣ, при его темпераментѣ, думать нельзя; онъ мечется отъ жестокости къ голубиной нѣжности и снова къ ненасытной жестокости. Въ одномъ изъ своихъ моноложовъ (пророчества Исаія) онъ грозитъ оплѣшивить всѣхъ іудейскихъ кокетокъ, ходящихъ съ звенящими цѣпочками, въ серьгахъ и запястьяхъ съ луночками; онъ хочетъ лишить ихъ нетолько дорогихъ, тяжеловѣсныхъ украшеній, но и легкотканныхъ одеждъ и пустить нагишемъ разгуливать, съ язвами на мягкихъ частяхъ. И, рядомъ, онъ пророчитъ то время, когда ребенокъ положитъ руку на нору ехидны, и она не ужалитъ, и левъ, ставъ вегетеріанцемъ, будетъ пастись на одномъ лугу съ ягненкомъ. Кары грозны, но онѣ не вѣчны, онѣ смѣняются идиллiями: Іегова еще не додумался до ада.

Прочтя Библію, Евангеліе, невольно спросишь: какимъ чудомъ Іисусъ могъ считаться сыномъ Еговы?

Разница между нимъ и Юпитеромъ не такъ велика, какъ между отцомъ и сыномъ,—это своего рода „отцы и дѣти“ Тургенева.

Іисусъ прижимаетъ къ сердцу дѣтей, *Егова* ни за что избиваетъ всѣхъ первенцевъ. *Іисусъ* прощаетъ грѣшницу, произнося слова любви всепрощенія, *Егова*, не задумываясь, велитъ избивать блудницъ каменьями.

Іисусъ отличается большой цѣломудренностью (отношенія его къ Маріи Магдалинѣ еще несовсѣмъ выяснены), *Егова*, грозно, приказываетъ израильтянамъ, послѣ побѣды, избивать всѣхъ стариковъ, старухъ, дѣтей и оставить себѣ однѣхъ дѣвственницъ, конечно, не съ цѣлью поддержанія семейныхъ основъ и цѣломудрія.

Старикъ не пощадилъ даже дѣвичьи лѣта Маріи... хотя и не по нашему способу, но все же сдѣлалъ ей ребенка.

Егова говоритъ: „Око за око, зубъ за зубъ“, *Іисусъ* —„Молитесь за ненавидящихъ и гонющихъ васъ. Отдайте нижнюю одежду, когда съ васъ снимутъ верхнюю“. Это крайнее несходство характеровъ ясно намекаетъ, что христіанская легенда пришла очень изъ далека.

Но тутъ снова обнаруживаются противорѣчія: Іисусъ начинаетъ въ жестокости отодвигать Іегову на задній планъ.

Второе пришествіе можетъ поставить въ тупикъ самаго находчиваго человѣка. За что такая расправа надъ бѣдными людьми? Зачѣмъ нужно несчастному человѣчеству, проходя въ царствіе небесное, проходить мерзость запустѣнія, глады, моры и разнаго рода чертовщину? За что такое дикое, безсмысленное издѣваніе надъ безсмысленно созданными людьми? Почему за неумѣлость, промахи, ошибки творца должно отвѣчать человѣчество? Какая необходимость была замѣшивать въ компанію съ землею солнце, луну, звѣзды? Видимо, они считались quantité négligeable.

Засгращиваніе наивныхъ простачковъ апостоловъ, вѣра въ свое второе, страшное пришествіе, ясно показываютъ, на сколько Іисусъ, въ нѣкоторыхъ сторонахъ своего ума, стоялъ въ уровень съ самымъ невѣжественнымъ классомъ людей,—на сколько, передъ

своимъ концомъ, онъ окунулся съ головою въ сумрачныя, суевѣрія толпы, въ ея младенческія воззрѣнія на окружающую природу.

Іисусъ—плохой логикъ. — Капитальное противорѣчіе таится въ его ученіи о загробныхъ наградахъ, наказаніяхъ. У индусовъ душа, по мѣрѣ грѣховности, переселяется въ души низшихъ существъ; не смотря на продолжительность, мучительность превращеній, въ концѣ, концовъ, очищенная, просвѣтленная страданіями, душа возвращается въ лоно Брамы, какъ капля, испарившаяся океана, блуждающая въ облакахъ, источникахъ, снова возвращается въ океанъ. Временныя муки до ужаса, несправедливы, но что же сказать о вѣчныхъ мученіяхъ? Іисусъ учитъ людей за зло платить добромъ, любить ненавидящихъ, отдавать послѣднюю одежду, и, рядомъ, у него совершенный, благой милосердный богъ является безграничнымъ тираномъ, безпощаднымъ, безсмысленнымъ мстителемъ, ненасытнымъ поджарывателемъ.

Іисусъ говоритъ: дѣлайте добро такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая, и рядомъ: „Награда вамъ великая будетъ на небесахъ“. Если безнравственно—ожидать за добрыя дѣла награды на землѣ, то неизмѣримо безнравственнѣе ожидать вѣчныхъ наградъ на небесахъ. Награды, наказанія перемѣняютъ только мѣсто: съ земли переходятъ на небо, мораль безслѣдно утеривается.

Въ то варварское время люди, и въ томъ числѣ Іисусъ, не доросли до пониманія, что добро утериваетъ свой чистый характеръ, если человѣкъ, дѣлающій его, безгранично барышничаетъ, безконечно спекулируетъ, жалкіе звѣри были люди, нуждавшіеся въ такихъ гадкихъ выдумкахъ, чтобы быть добрыми.

Геенна огненная часто заставляетъ Іисуса впадать въ сказочныя безсмыслицы: „Кто скажетъ своему брату: безумный, подлежитъ геенѣ огненной (не больно ли строго?). Кто скажетъ слово на сына человѣческаго простится ему; если же кто скажетъ на духа святаго, не простится ему ни въ семъ свѣтѣ, ни въ будущемъ“.

Со святымъ духомъ шутки изъ рукъ вонъ плохи,

невольно вспоминается трагическая повѣсть Тургенева: „Разсказъ отца Алексѣя“.

Исаія (по догадкѣ Евангелія), пророчествуя о кроткомъ агнцѣ, поэтически говоритъ: „Не воспрекословитъ, не возопіетъ, никто не услышитъ на улицахъ его голоса, трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ“. Идеалъ кротости — неспособный угасить льна, переломить надломленную трость — чуть не переломалъ ребра маленькимъ евреямъ, торгующимъ въ храмѣ лепешками, чеснокомъ. Къ мощному агитатору болѣе шло обрушить гнѣвъ на крупныхъ торгашей. Расправа въ духѣ квартальнаго Держиморды, очень не вяжется съ тою сценою, гдѣ Іисусъ, на данную ему оплеуху, кротко отвѣчаетъ: „Если я сказалъ худо, покажи, что худо, а если хорошо, то за что ты бьешь меня?“ Кроткій идеалистъ не разъ изрекалъ воинственные монологи, которымъ могъ бы позавидовать Мольтке и Бисмаркъ: „Не думайте, что я пришелъ миръ принести на землю, — не миръ пришелъ я принести, но мечъ; я пришелъ раздѣлить отца съ сыномъ, дочерь съ матерью ея“. Если такъ, то не слѣдовало такъ много болтать о самоотверженіи, любви, смиреніи, всепрощеніи, призывать: „ Прійдите ко мнѣ всѣ, нуждающіеся, обремененные, и я успокою васъ. Иго мое—благо, и бремя мое—легко“. „Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, но спасать“.

Стоило слѣзать съ неба, чтобы раздѣлять „отца съ сыномъ, дочерь съ матерью ея“. Люди и безъ божественнаго вмѣшательства знаютъ до совершенства рѣзать, мучить другъ друга; сынъ, идущій противъ отца, дочь—противъ матери,—тоже далеко не новость. Всемогущій сынъ бога долженъ былъ придумать нѣчто погуманнѣе, поновѣе, подобрѣе.

Іисусъ придаетъ громадное значеніе своимъ доморощеннымъ чудесамъ: когда ученики Іоанна Предтечи пришли со словами: „Іоаннъ спрашиваетъ тебя, ты ли тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другого“? — онъ отвѣчаетъ: „Пойдите и скажите Іоанну, что видите и слышите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ“. Фарисеямъ, сомнѣвающимся въ его правѣ прощать грѣхи,

онъ говоритъ: „Что легче сказать: прощаются тебѣ грѣхи твои, или сказать разслабленному: встань и ходи?“ Когда многіе подозрѣваютъ, что онъ творитъ чудеса силою вельзевуловой, Іисусъ пускается въ метафизику: „Если сатана раздѣляется самъ съ собою, то какъ устоитъ царствіе его? если сатана сатану изгоняетъ, то онъ раздѣлился самъ съ собою, — какъ устоитъ царствіе его?“ Послѣ этого, очень логическаго, построенія, онъ предрекаетъ появленіе лжепророковъ передъ вторымъ пришествіемъ; они свершатъ великія знаменія, чудеса, и многіе соблазнятся. Въ одномъ случаѣ чудеса служатъ критеріумомъ для распознаванія сына бога, — на нихъ все зиждется; притиснутый со всѣхъ сторонъ, онъ опирается на кудесничества какъ на послѣднюю твердѣйшую опору; тѣ же самыя чудеса, передъ вторымъ пришествіемъ, служатъ полнѣйшимъ отрицаніемъ Мессіи... Раздѣлившійся Вельзевулъ не поражаетъ болѣе своею безсмысленностью.

Но есть еще болѣе замѣчательныя тирады: „Небо и земля перейдутъ, но слова мои не перейдутъ“. Самый толстый черепъ отпѣтаго метафизика треснетъ по всѣмъ швамъ, если обладатель онаго вздумаетъ разъяснять эту дивную шараду. Картина — очень эффектная: все небо съ его мірами погибли и среди всесвѣтнаго хаоса, какъ ни въ чемъ не бывало, витаютъ вѣчно слова Іисуса! Послѣ такихъ божественныхъ пассажей, самъ сумасшедшій домъ покажется чертогомъ свѣтлаго разума.

Іисусу приписываютъ ту добродѣтель, что онъ рушилъ международныя заставы, отрѣшился отъ душныхъ клѣточекъ, построенныхъ іудаизмомъ; доказательствомъ служитъ бесѣда съ самаритянкой, слова: „Говорю вамъ, что многіе придутъ съ востока и запада, возляжутъ съ Авраамовъ, Исааксмъ, Іаковомъ въ царствѣ небесномъ, а сыны царства (т. е. іудеи) ввержены будутъ въ тьму кромѣшную.“

Я напомню читателю бесѣду съ ханаеинкою, гдѣ онъ является іудеемъ отъ головы до пятъ. Ханаеинка кричала: „Помилуй меня, Господи: дочь моя жестоко бѣснуется“. Онъ не отвѣчалъ. Ученики, приступивъ, просили его: „Отпусти ее, потому что кричитъ за нами“. Не смотря на уважительность просьбы, Іисусъ

сказалъ: „Я посланъ къ погибшимъ овцамъ дома Израиля“... но она кланялась и говорила: „Господи, помоги мнѣ!“ Іусусъ отвѣчалъ: „Не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ“. Этотъ милый привѣтъ былъ обращенъ ко всѣмъ ханаеянамъ. Она сказала: „Господи, но и псы ѣдятъ крохи, падающія со стола господъ ихъ“. И тогда, наконецъ, Іисусъ изрекаетъ: „Женщина, велика вѣра, твоя—да будетъ по желанію твоему“. Черствымъ, узкимъ іудаизмомъ вѣетъ отъ этой сцены. Напрасно мучающимъ, безжалостно испытывающимъ, является Іисусъ передъ несчастной, смиренной хананеянкой, какъ бы не старались теологи объяснить эту сцену, суровый смыслъ ея отъ этого не измѣняется, не будь ея вѣра такъ трогательно велика, онъ не исцѣлилъ бы.

Удивительная логика просвѣчиваетъ въ слѣдующемъ изреченіи: „Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать (чрезвычайно логично), и кто женится на разведенной — прелюбодѣйствуетъ“. Послѣднее прелюбодѣйство такъ таинственно, что не можетъ быть объяснено здравымъ смысломъ; за разъясненіемъ посылаю къ сочиненіямъ Ѳомы Кемпійскаго,—томъ XVIII, стр. 2975, глава подъ названіемъ: *„Блудъ и срамныя послѣдствія его“*. — Бѣдная женщина! неудача перваго замужества кладетъ клеймо на всю твою жизнь... Семейныя основы закрѣплены этою тирадою, и это клеймо на лбу женщины выгравилъ благословляющій дѣтей, прощающій блудницъ сынъ человѣческій.

Ученики, услышавъ отъ него фразы: „кто разведется съ женой не за прелюбодѣяніе и женится на другой, прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной —прелюбодѣйствуетъ“ рѣшили, что если таковы обязанности мужа къ женѣ, то лучше не жениться, онъ отвѣчаетъ: „Не всѣвмѣщаютъ слово сіе, но кому дано, ибо есть скопцы, которые изъ чрева материнскаго родились такъ, есть скопцы, которые оскоплены отъ людей, и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царствія небеснаго, — кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“.

Дорожа своею половою способностью, я вмѣстить этой фразы не могу, и ни за какое царствіе небесное,

даже за магометовъ рай, не рѣшусь на эту операцію, но помѣстить поразительную фразу считаю долгомъ, чтобы обворожить читателя философскими способностями Іисуса. Шелопуты вполнѣ вмѣстили въ себѣ загадочныя слова — однимъ взмахомъ ножа они отворили себѣ двери царствія небеснаго.

Христіанство зиждется на самоистязаньи, самоуродованьи, оно вѣчно надругивалось надъ разумомъ, живою природою, претендуя спасти душу, оно ее вѣчно губило.

Іисусъ — кудесникъ. — Смутное время переживала Іудея подъ властью Рима. Видя полную безвыходность, іудеи жили мечтою о пришествіи избавителя, въ блескѣ, силѣ, на гремящей огненной колесницѣ. Ожиданія такого воинственнаго характера объясняютъ, почему въ Іерусалимѣ Іисуса встрѣтили съ презрительной холодностью, Галилея, изъ которой пришелъ онъ, была на дурномъ счету; іудеи смѣясь говорили: „Пророкъ не можетъ быть изъ Галилеи“. Іисусъ былъ слишкомъ бѣденъ, скроменъ. Въ Іерусалимѣ онъ не разъ покушался состязаться съ книжниками въ педантизмѣ, и становился невыносимо смѣшонъ, жалокъ. Онъ выходилъ изъ великой роли: простоты здраваго смысла. Ожидая воинственнаго царя-освободителя, они съ недоумѣніемъ смотрѣли на восторженнаго мечтателя, говорящаго о небесномъ царствѣ. Что же касается до попытки выдавать себя не пророкомъ, но сыномъ бога, то такая попытка была черезчуръ опасна и, если Іисусъ существовалъ не въ одномъ евангельскомъ романѣ, но въ дѣйствительности, она не могла прійти ему въ голову: іудейская религія вся покоилась на единобожіи, о — сыновьяхъ, святыхъ духахъ не могло быть рѣчи: такая сумасшедшая аллегорія вела къ побіенію каменьями.

Іудея напряженно ждала избавителя, — собачій ошейникъ становился не подъ силу; всеобщая экзальтація выражалась въ огромномъ количествѣ больныхъ душевными болѣзнями; лунатики, галлюцинаторы, сдержимые падучей неистовствовали по всѣмъ дорогамъ, маленькимъ городкамъ, спросъ на кудесниковъ былъ огромный. Вращаясь среди сверхъестественнаго, таинственнаго, слыша о чудесахъ, ему приписанныхъ, Іисусъ навѣрное кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ вѣрить въ

свою способность творить ихъ... Такія психическія явленія, такое одурѣваніе встрѣчаются всюду и во всѣ вѣка. Путь всѣхъ пророковъ всегда затуманенъ всевозможными чудесами.

Чудеса Іисусъ свершаетъ на разные лады: иногда, довольствуется одною лаконическою фразою, иногда не хуже деревенской знахарки лечитъ приплевками, пришептываніемъ; чтобы распространить свою славу, онъ пускаетъ въ ходъ то же, что, весьма удачно, пускаютъ и теперь разные шарлатаны — проситъ не говорить о случившемся.

Одного глухого и косноязычнаго онъ исцѣлилъ слѣдующимъ оригинальномъ способомъ: отвелъ его въ сторону отъ народа, заткнулъ ему въ уши персты свои; плюнувъ, коснулся языка его; но это оказалось недостаточнымъ: онъ поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ и сказалъ. „Эффаѳо“ (отверзнись), послѣ чего уста начали говорить, а уши слышать“. Проходя мимо слѣпорожденнаго, онъ плюнулъ на землю, сдѣлалъ броніе изъ плюновенія и помазалъ этою гадостью глаза слѣпого, сказавъ: „Умойся въ купели силоамской“. — Немного запутанно, но результаты, во всякомъ случаѣ, очень неожиданные для окулистовъ...

Все это было бы очень смѣшно, если бы не было такъ грустно!

Выходя изъ Виѳаніи, онъ взалкалъ и тотчасъ полетѣлъ къ смоковницѣ, покрытой листьями, но не нашелъ смоквъ, по той основательной причинѣ, что былъ не сезонъ для смоквъ. Не смотря на невинность смоковницы. грозный приговоръ прогремѣлъ надъ нею. „Отнынѣ да не вкушаетъ никто отъ тебя плода во вѣкъ“. Смоковница покорно засохла, стала сухимъ памятникомъ іисусовой глупости и несправедливости. — Это проклятіе удивительно напоминаетъ младенческій возрастъ: ребенокъ, ударившись о стулъ, начинаетъ бить, бранить его. Маленькому фетишисту это простительно. Разъ Іисусъ могъ заставить, въ одинъ мигъ, засохнуть смоковницу, онъ могъ, въ мигъ, заставить ее принести плоды, и, затѣмъ, скушать ихъ.

Ученики, съ позволенія Іисуса, тоже дѣлали чудеса, но, продѣлывая ихъ, довольно удачно, они напали на одного субъекта, одержимаго цѣлымъ легіономъ бѣ-

совъ; интересно, почему бѣсы такъ облюбили этого человѣка, что рѣшились на добровольное, невыносимо тѣсное, заключеніе!. Сколько ученики ни кружились вокругъ, но упрямые бѣсы не сдавались; самъ Іисусъ съ большимъ усиліемъ избавилъ его отъ внутреннихъ квартирантовъ. Бѣсы, — почти такіе же эксцентрическіе, какъ англичане, — замѣтивъ, что дѣла плохи, вдругъ попросили переселить ихъ въ мирно пасущихся свиней; просьба не поставила въ тупикъ Іисуса: онъ согласился — и 2.000 свиней, съ бѣсами внутри, полетѣли со скалы въ море; пораженные дебошемъ, пастухи побѣжали и разсказали всѣмъ о случившемся. Жители близъ лежащихъ деревень, какъ и можно было ожидать, вышли и начали просить Іисуса, чтобы отошелъ отъ предѣловъ ихъ. Есть за что попросить оставить предѣлы: самый добрый мирный буржуа, — разъ у него есть свиньи, — поймете убійственное положеніе хозяевъ погубленныхъ свиней! Пусть современный намъ самый рьяный католикъ, если онъ любитъ копченную ветчину, вдумается въ событіе, прикинетъ 4.000 задпихъ окороковъ на франки, — и я ручаюсь, что, не бывъ колбасникомъ, онъ возненавидитъ Іисуса съ тою же жгучею страстностью съ какою истинные буржуа ненавидятъ анархистовъ. Ни одинъ современный соціалистъ, изъ самыхъ крайнихъ, не подымался до такого грандіознаго отрицанія частной собственности въ пользу бѣсовъ... Количество свиней сильно поражаетъ, если взять въ разсчетъ, что евреи не ѣли свинины...

Апостолы, оставшись наединѣ съ Іисусомъ, спросили, отчего они не могли выгнать легіона бѣсовъ; Іисусъ отвѣчалъ: „Сей родъ изгоняется только молитвою и постомъ“ (или слабительнымъ). Апостоламъ онъ разрѣшилъ нетолько изгонять бѣсовъ, но разъ, въ хорошемъ расположеніи духа, произнесъ: „Даю вамъ власть наступать на змѣй, скорпіоновъ и на всю силу вражью — и ничто не повредитъ вамъ“. Читая о разрѣшеніи дѣлать чудеса, казалось, что скорпіоны, змѣи невольно входятъ въ эту область, что всѣ чудеса одинаково легки, — разъ дѣло пошло на чудеса, то тотъ, кто однимъ словомъ можетъ воскресить мертваго, можетъ тѣмъ же однимъ словомъ остановить солнце на небѣ.

Рядомъ съ этимъ исключительнымъ позволеніемъ, Іисусъ говоритъ: „Я видѣлъ Сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію“. Послѣ скорпіоновъ змѣй паденіе сатаны не кажется страннымъ; но будь эта фраза произнесена въ другое, менѣе благопріятное, время, она повела бы къ большимъ опасеніямъ за умственное состояніе Іисуса. Послѣ такихъ галлюцинацій, чудеса становятся занятіемъ въ высшей степени легкимъ. Въ наше, прозаическое время такое нервное состояніе лечатъ kali bromat; запускать такіе симптомы не совѣтуютъ, — иначе все кончится бритьемъ головы, холодными душами и горячешной рубашкой.

Приписываніе себѣ сверхъестественныхъ способностей проявляется на каждомъ шагу, въ окружающей насъ жизни; мы каждый день слышимъ разсказы объ удачныхъ исцѣленіяхъ, необыкновенныхъ предсказаніяхъ, предчувствіяхъ, говорящихъ духахъ, канканирующихъ столахъ, стульяхъ; но даже изгнаніе бѣсовъ не рѣдкость. Въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, недавно жилъ помѣщикъ, не хуже Іисуса, изгонявшій чертей разныхъ возрастовъ, шерстей, изъ животовъ бабъ. Толпа народа шла къ нему съ цѣлью, освободиться отъ бѣсовъ; то же самое дѣлали помѣщики (да простятъ мнѣ выдачу секрета). Одного стараго, глупаго нѣмца онъ уходилъ на смерть, засадивъ его, больного, въ холодную ванну и продержавъ болѣе часа, требовавшагося для изгнанія очень упрямаго бѣса. Процедуру изгнанія онъ свершалъ торжественно; лаконическія изреченія въ энергіи не уступали іисусовымъ. Онъ прожилъ очень мирно свой вѣкъ, подъ вульгарною кличкою чертогона, и ни одинъ психіатръ, во время его наѣздовъ въ Москву, не обезпокоилъ его.

Но есть ли разница между тимскимъ чертогономъ помѣщикомъ и палестинскимъ чертогономъ Іисусомъ?

Есть, но очень незначительная: *тимской* чертогонъ за изгнаніе бѣса бралъ курицу или, по крайней мѣрѣ, десятокъ яицъ; за изгнаніе изъ тимскаго предводителя дворянства цѣлаго легіона бѣсовъ онъ взялъ волчью шубу и бѣговыя, подержанныя дрожки; — палестинскій чертогонъ, какъ видно изъ Евангелія, былъ равнодушенъ къ курамъ и яйцамъ.

Тимской чертогонъ, послѣ водки, любилъ закусывать копченою ветчиною и, вслѣдствіи этого, ни разу не переселилъ бѣсовъ въ свиней; палестинскій погубилъ 2.000 свиней.

Стоитъ ли упоминать о чудесахъ другаго характера — превращеніи воды въ вино, кормленіи пятью хлѣбами, пятью рыбами пяти тысячъ (жаль, что Егова, разрѣшая первому встрѣчному святому дѣлать чудеса, исключилъ изъ программы самое необходимое для голодающаго человѣчества чудо), хожденіе по морю, какъ по сушѣ, монеткѣ, найденной во рту рыбы?

Дреперъ, говоря о чудесахъ, приводитъ мѣткія слова арабскаго ученаго:

„Если кто нибудъ начнетъ утверждать, что три болѣе десяти и, въ доказательство, обратитъ палку въ змѣю, я буду удивляться его ловкости, но конечно останусъ при прежнемъ мнѣніи.“

Старая штука — чудеса! кому только они не навязывались! Индійскій Христна зародился въ утробѣ непорочной дѣвы отъ Брамы; быкъ Апись — въ утробѣ непорочной коровы отъ молніи; Іисусъ — въ непорочной утробѣ Маріи отъ Еговы.

Христна свершалъ всю жизнь чудеса, былъ распятъ на деревѣ, на третій день воскресъ, а затѣмъ улетучился въ безграничное небо...

Ману поднялся на небо.

Будда поднялся на небо, оставивъ слѣдъ ноги на вершинѣ горы, на Цейлонѣ.

Зароастръ былъ похищенъ солнечнымъ лучомъ.

Моисея унесъ ангелъ. Илья пророкъ, на тройкѣ обывательскихъ, въ собственной кибиткѣ, безъ подорожной, паспорта, укатилъ на небо. Пророкъ Елисей также, на тройкѣ, продралъ на небо, но передъ вознесеніемъ съ нимъ случилась непріятность: выбѣжали мальчишки и, съ свойственнымъ дѣтямъ задоромъ, принялись кричать: „плѣшивый, плѣшивый!“ Елисей попросилъ бога проучить малютокъ. Богъ спустилъ на нихъ, съ неба, свиней, небожители сожрали малютокъ. Погибли забіяки лютою смертью за правду: Елисей на самомъ дѣлѣ былъ плѣшивый. Въ греческой миѳологіи Гераклъ, покрытый облакомъ, на кострѣ, подымается на небо. Язычникъ Аполлонъ Тіанскій, послѣ пятилѣт-

няго молчанья, заговорилъ вдругъ на всѣхъ языкахъ и сталъ, въ придачу, понимать языкъ всѣхъ звѣрей, птицъ; этотъ многосторонній человѣкъ, не хуже Іисуса, воскрешалъ мертвыхъ и подобно корреспонденту „Новаго Времени“ Молчанову, являлся разомъ во многихъ мѣстахъ; утомившись жизнію, онъ поднялся на небо.

Біографія каждаго христіанскаго святого полна чудесъ; передъ нѣкоторыми изъ нихъ чудеса самаго Іисуса кажутся скромными, даже шаловливыми. Самыя дряненькія гнилые святые, испеченные на нашихъ глазахъ, подаются подъ пикантнымъ соусомъ изъ чудесъ: передъ открытіемъ мощей Тихона Задонскаго монахи шлялись по кабакамъ и очень дешево напимали мнимыхъ калѣкъ и настоящихъ пьяницъ. За штофъ водки они ихъ нестерпимо мучили репетиціями, не смотря на увѣренія пьяницъ, что съ свѣжими силами они гораздо лучше продѣлаютъ нужныя чудеса. Удачно сыгравшіе свою роль, въ нѣсколько дней дѣлали себѣ фортуну.

Многіе смотрятъ на средніе вѣка, какъ на наичудеснѣйшее время для чудесъ. Тампліеры продавали, не конфузясь, за большія деньги цѣлыми бутылками молоко Богородицы. Одинъ монастырь въ Іерусалимѣ показывалъ, приводя въ неописанный восторгъ вѣрующихъ, палецъ св. духа; безчисленное число монастырей показывали терновый вѣнецъ съ головы Іисуса, осколки креста, гвозди въ крови; копье, которымъ былъ пронзенъ бокъ Спасителя, его хитонъ, сандаліи и проч. Въ одно и то же время они фигурировали всюду и всѣ были настоящіе. Но — увы! — и теперь нетолько въ римско католическихъ церквахъ, но и русскихъ монастыряхъ можно легко сыскать палецъ святаго духа, его органъ — виновникъ непорочнаго зачатія, осколки креста, сливки Богородицы, слезы Христа, мироточивыя посы и кости... Въ средніе вѣка большинство, за неимѣніемъ больницъ, и медиковъ, лечилось прикосновеніемъ къ святой дохлятинѣ: Филиппъ II умудрился уложить въ постель больного сына цѣлыя мощи св. Варфоломея. Но то же самое продѣлывается всюду въ католической Европѣ, въ особенности въ православной Россіи. Поговорите съ любою религіозною особою, изъ купечества, и вы навѣрное услышите разсказы, какъ,

вывалившіеся глаза, при всѣхъ выполнялись, начинали видѣть лучше настоящихъ, искривленныя ноги выпрямлялись, отгнившіе члены выростали... Все сіе свершили въ бозѣ почившіе статскіе совѣтники Митрофаній Воронежскій, Тихонъ Задонскій, или же мироточивые черепа, зубы, носы..... Пожаловаться на отсутствіе докторовъ мы не можемъ!

Въ средніе вѣка во время чумы, холеры эпидемій, служились обѣдни, молебны, — чума, болѣзни, нѣтъ сомнѣнія, вслѣдствіи, сборищъ невѣроятно усиливались. Но оглянитесь кругомъ: въ южной Италіи, во время засухи, таскаютъ святыхъ куколъ, ихъ безпощадно сѣкутъ, бьютъ, если онѣ пропутешествуютъ даромъ, не притянувъ грозовыхъ тучъ.

Въ южной Франціи, Бельгіи и другихъ католическихъ государствахъ продѣлывается, съ небольшими варіаціями, то же самое. Въ Россіи, во время засухи попъ, часто пьяный, валяется по хлѣбамъ. Во время холеры у насъ, вмѣсто санитарныхъ мѣръ, предпринимались церковныя: моленія, крестныя шествія; тысячи людей, толпящіяся въ церквахъ среди зараженнаго воздуха, съ всепобѣдною силою разносили заразу. Въ средніе вѣка монахъ смотрѣлъ на медика какъ на чернаго мага, а на лекарство, какъ на зелье дьявольское, но въ его оправданіе нужно сказать, что медикъ былъ явленіе рѣдкое, а медицина, по фантастичности, нелѣпости, немногимъ отличалась отъ средневѣковой схоластики. Но, не смотря на блестящее состояніе медицины, несмѣтное число докторовъ, наши монахи продолжаютъ ненавидѣть медиковъ, видятъ въ нихъ отчаянныхъ конкуррентовъ, отбивателей хлѣба, къ чему медицина, разъ есть мощи? Они обращаются къ нимъ только въ крайнихъ, очень частыхъ, случаяхъ заболѣванья секретными болѣзнями.

Все это, взятое вмѣстѣ, — такое диво дивное невѣжества, повальнаго сумасшествія, что просто совѣстно было бы говорить объ этомъ. Но пусть читатель не забываетъ, что десятки милліоновъ вѣрятъ въ диво дивное, что сказками тѣшатся не одни дѣти. Религіозные вопросы — не вопросы прошедшаго, но роковые вопросы настоящаго и будущаго; я повторю слова Гейне: „агонія церкви продлится долго, она пережи-

ветъ всѣхъ насъ— пишущаго эти строки, наборщика набирающаго ихъ, и даже мальчишку, складывающаго листы". Не только за радикальное невѣріе, но и за желаніе не вѣрить преслѣдуютъ, ссылаютъ.

Я сдѣлаю легкій перечень тому, что продѣлывается почти на нашихъ глазахъ всюду, и страннѣе всего, что чудовищныя аномаліи поддерживаютъ не одни правительства, но и общество, литература, ученые и философы.

Милль въ сочиненіи: „О Свободѣ" говоритъ: „Нельзя ручаться, что средневѣковыя гоненія за антирелигіозныя убѣжденія не могутъ быть возобновлены". Джонъ Стюартъ Милль—гражданинъ свободной страны, въ которой болѣе столѣтія существуетъ свобода слова.

Три четверти Франціи, южная Италія, Испанія, Португалія, Бельгія, южная Америка стиснуты, чуть совсѣмъ не задушены клерикалами; окончательное паденіе такого сверхъестественнаго безобразія какъ папство, только предвидится въ близкомъ будущемъ, и только людьми съ утопическимъ направленіемъ.

Въ Англіи величайшіе умы, подъ давленіемъ всеобщаго религіознаго лицемѣрія, не смѣютъ открыто высказать свое невѣріе, отрицая все, они вѣжливо снимаютъ шляпу, низко раскланиваются передъ небеснымъ нолемъ... изъ угожденія публикѣ, называютъ его богомъ. Вспомните, какъ въ Англіи духовенство встрѣтило въ XIX вѣкѣ глубокія, мѣткія, вполнѣ научныя комментаріи къ Библіи. Робертъ Оуэнъ, въ апогеѣ своей славы, входя въ парламентъ, былъ сильнѣе всѣхъ королей Европы, но когда этотъ безстрашный, честный человѣкъ, ненавидящій компромиссы, провелъ мысль, что онъ не признаетъ воспитательнаго значенія за религіей, отнесся къ ней съ шутливымъ презрѣніемъ; онъ вышелъ изъ парламента безсильнѣе послѣдняго вислоухаго лорда, слушавшаго его. Окаменѣлая рутина, низкое лицемѣріе, повальное сумасшествіе и глупость вышли побѣдителями.

Дарвинъ, говоря о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, съ дѣвическою скромностью заявляетъ, что, можетъ быть, многіе скажутъ: „Если человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, то съ какого мгновенія начинается

въ немъ безсмертная, божественная душа", т. е., проще сказать: въ какую прекрасную минуту человѣкъ расшаркался съ животнымъ инстинктомъ и всерадостно впустилъ въ себя витавшую въ надзвѣздныхъ пространствахъ божественную душу?... Бѣдный, со всѣхъ сторонъ ощипанный Егова, Франклинъ отнялъ у тебя молнію, а Дарвинъ невинное вдуваніе души въ человѣка,—но утѣшься, разжалованный, получившій отставку безъ мундира, Богъ: съ тебя снимаютъ отвѣтственность за все человѣческое зло, за всѣ безобразія, —виноватъ не ты, а обезьяны, въ которыхъ ты ничего не вдувалъ.

Во Франціи Ренанъ былъ преслѣдуемъ за сочиненіе: „Жизнь Іисуса". гдѣ Іисусъ, идеализированный имъ, является неизмѣримо выше, божественнѣе, чѣмъ у евангелистовъ.

Въ Германіи той же участи подверглись: Фейербахъ, Штраусъ, Фохтъ, Молешотъ. — О Россіи странно говорить: она перещеголяла Турцію, Персію, — до настоящей минуты у насъ запрещены сочиненія дозволенныя всюду въ Европѣ: „Новая Жизнь Іисуса" Штрауса, „Жизнь Іисуса" Ренана, „Сила и Матерія" Бюхнера, сочиненія Фейербаха, Дрепера, Прудона, Луи Блана, Лорана, Мишле.

Но не только сочиненія современныхъ отрицателей запрещены, — намъ запрещено знакомство съ обширною литературою XVIII вѣка, мы знаемъ только имена Вольтера, Руссо, произведенія которыхъ сильнѣе молній озонировали чумную, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ непровѣтриваемую атмосферу европейской жизни. Но за то мы можемъ утѣшать себя, что наши малютки заучиваютъ наизустъ цитаты, конечно, благонамѣренныя, изъ римскихъ и греческихъ писателей и на всю остальную жизнь теряютъ способность нетолько заучиванія, но и вообще пониманія всего разумнаго... Въ XVII вѣкѣ Мильтонъ, защищавшій право народа казнить короля, произнесъ великія слова:

„Книга не мертвая вещь; она сохраняетъ въ себѣ, какъ въ драгоцѣнномъ сосудѣ, чистѣйшую эссенцію умственной жизни. Одинаково преступно: убить человѣка и хорошую книгу.

Убивающій книгу, убиваетъ самый разумъ. Много

людей тяготятъ землю своимъ жалкимъ, безполезнымъ существованьемъ; хорошая же книга — живая кровь, чудная суть высшаго разума, предназначенная для вѣчной жизни.

Остерегемся уничтожать жизнь, скопленную въ книгахъ, это человѣкоубійство, истязанье, и разъ оно распространяется на всю прессу, то, своего рода, бойня, и помните, что она не останавливается на истребленіи одной бренной матеріи, но бьетъ эфирную квинтъ-эссенцію, дыханіе разума, она силится задушить не жизнь, но само безсмертіе".

Въ полномъ разгарѣ XIX вѣка правительство, освобождающее славянъ, осмѣливающееся себя считать цивилизованнымъ, свысока взпрающее на турецкое—свирѣпо душитъ печатное слово, мнѣнье, свободныхъ людей. До настоящей минуты у насъ уцѣлѣли. статьи закона, карающія каторгой за неуважительный отзывъ о монархѣ и богѣ.

Чернышевскій написалъ крошечную статью: „Антропологическій принципъ въ философіи", въ которой съ тонкою ироніей, въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ, отрицаетъ дуализмъ и связанную съ нимъ теологическую мудрость,— и его чуть не задавила бумажнымъ тряпьемъ и не залила всего черниломъ наша благожелательная пресса.

Катковъ и компанія не унимались: цѣлый мѣсяцъ гоготали. рокотали, взывали къ дремлющей цензурѣ и проч.

Профессоръ Юркевичъ выгорѣлъ, безъ остатковъ, отъ благороднаго бѣшенства,—онъ порастрясъ всѣ церковныя книжонки, всю православную схоластику, по— увы! — тяжело нагруженное пескомъ судно развалилось, наткнувшись на маленькую подводную, острую скалу...

Герценъ въ „Колоколѣ" зло подтрунилъ надъ открытіемъ мощей Тихона Задонскаго, и тотчасъ полетѣли къ нему въ Лондонъ письма: разные иксы, минусы, ноли, умоляли остановиться; не губить журналъ, указывали на таинственную, гдѣ-то скрытую публику, которая негодуетъ, не желаетъ. находитъ, что еще рано.

Въ цвѣтущую пору „Современника“, когда вся читающая публика увлекалась Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, подъ напечатаннымъ описаніемъ чудесъ, свершенныхъ Николаемъ угодникомъ надъ купчихою Артамоновой, которая излечилась, отъ самой неизлечимой болѣзни, тремя жаренными хвостами сига, подписались четыре доктора, изъ которыхъ два профессора естественныхъ наукъ.

Повѣсти Вольтера, вышедшія въ русскомъ переводѣ, испещрены, какъ мозаикою, точками; тамъ, гдѣ Вольтеръ нападаетъ на своего конька, становится изумительно ѣдкимъ, до сумасшествія веселымъ, духовная и свѣтская цензура выпускаютъ изъ него цѣлыя страницы,—духовные и свѣтскіе вандалы намъ ставятъ, какъ ребятишкамъ, ноль. Идіоты, способные только къ пачканью разумныхъ сочиненій, продолжаютъ до настоящей минуты печься о нашихъ увлекающихся головкахъ, неусыпно слѣдятъ за нашимъ чтеніемъ. Есть вещи, до того оскорбляющія, унижающія, что злоба переходитъ въ смѣхъ... Когда же наконецъ, мы перестанемъ быть лилипутами, — когда же, наконецъ, мы сшвырнемъ съ нашихъ усталыхъ невмоготу плечъ всю эту сволочь въ отхожее мѣсто?! Но нужно помнить, что палачамъ, разбойникамъ, самоуправцамъ, грабителямъ нельзя существовать безъ строжайшей цензуры,— свободная пресса ихъ смерть.

Еще такъ недавно „Русскій Вѣстникъ“ переполнялся статьями естественника Вагнера о „Спиритизмѣ“, который ничто иное, какъ старое блюдо, тѣ же разогрѣтыя на прогоркломъ маслѣ чудеса.

Духи, не обремененные нашимъ грѣшнымъ тѣломъ, слѣдовательно, и нашей моралью; духи, имѣющіе передъ собою неизмѣримые горизонты, временно сгущаясь по желанію медіума, озадачиваютъ по истинѣ, земною ненаходчивостью и глупостью, пребыванье средь вѣчности, неизмѣримости, увы, не расширило ихъ взглядовъ; обозрѣніе всѣхъ міровъ ихъ ничему не научило.

Но не только въ Россіи, но и на Западѣ, не въ средѣ обскурантовъ, но отрицателей, проявляются поучительные факты.

Во Франціи трезвый, талантливый писатель Жаколіо въ книгѣ: „Спиритизмъ въ мірѣ“ разсказываетъ небылицы, въ духѣ Вагнера: на его глазахъ факиръ простоялъ нѣсколько минутъ на воздухѣ; умудрись кто нибудь, по желанью, стоять на воздухѣ, онъ не только нажилъ бы милліоны, но опрокинулъ бы вмигъ всю науку, всѣ законы мірозданія. По мановенію руки того же факира, вода бьетъ фонтаномъ, павлиное перо перевѣшиваетъ нѣсколько десятковъ килограммовъ.

Свободный мыслитель Лоранъ, въ своихъ превосходныхъ сочиненіяхъ:

„Христіанство“ „Папство и Имперія“ „Феодализмъ и Церковь“ и проч. проводитъ ту игривую мысль, что всѣ ужасы средневѣковыхъ войнъ и войнъ Реформаціи не болѣе, какъ продѣлки небеснаго начальства, которое, длиннымъ рядомъ шаловливыхъ опытовъ, научаетъ человѣчество уму, разуму. Онъ пишетъ: „Нужно признать Провидѣнье и провидѣнціальное управленіе... Богъ управляетъ нашими судьбами, не уничтожая нашей свободы, онъ ее направляетъ, вдохновляетъ. Богъ исполняетъ еще и другую обязанность въ жизни человѣчества.

Онъ—высшій распредѣлитель, судья; онъ наказываетъ, но и само наказаніе, въ его рукахъ, орудіе совершенствованья.

Даже самыя страсти людей и ихъ излишества становятся для провидѣнія способомъ дѣйствія... Богъ изъ зла творитъ добро; съ точки зрѣнія бога, все хорошо, дурное существуетъ только съ точки зрѣнія человѣка “.

Либерализмъ въ религіи такъ же жалокъ, смѣшонъ, какъ и либерализмъ въ политикѣ. На фантастическіе промахи осуждены бѣдные Фаусты, трясущіеся при появленіи окутаннаго пламенемъ Мефистофеля. Либералы политики боятся произнести послѣднее слово, цѣпенѣютъ передъ мрачно, грозно надвигающимся со всѣхъ сторонъ соціализмомъ. Либералы религіи конфузятся передъ его высочествомъ богомъ, и тѣ и другіе на каждомъ шагу впадаютъ въ ребяческія противорѣчія, договариваются до геркулесовскихъ абсурдовъ.

Время религіи, чудесъ еще не миновало; религія, чудеса, передъ своимъ исчезновеніемъ, начинаютъ принимать другія формы, болѣе замаскированныя; наши умники стараются связывать свои туманныя мысли, смягчать кричащія противорѣчія.

Посмотрите кругомъ внимательно и изъ десяти людей, считающихся образованными, девять не умѣютъ послѣдовательно, логически невѣрить; они перестаютъ вѣрить въ мироточивые черепа и рядомъ вѣрятъ въ нелѣпую голову помазаннаго масломъ въ Успенскомъ соборѣ.

Фантазія—безобразное чудовище: изъ плоской, жалкой прозы жизни она рвется куда-то далеко, ищетъ неба, ада, таинственныхъ мистерій, знойныхъ сновъ, томительно сладостной экзальтаціи, страстной вѣры. Монотонно скучна жизнь, нуждающаяся въ „Тысячѣ и одной ночи“, ничтоженъ средній умственный уровень массъ, пошла, бѣдна жизнь, жалки задачи и идеалы. Въ мертвящей тиши гарема создалась „Тысяча и одна ночь.“

Въ минуты смертельной скорби, безумной радости, болѣзненнаго волненія слабый невѣжественный человѣкъ ищетъ молитвы, какъ разряженія накопившейся нервной силы; духовный горизонтъ его тѣсенъ — онъ хватается за бога, какъ утопающій за призрачную соломинку. Человѣкъ въ гнѣвѣ машетъ руками, произноситъ проклятія, въ скорби онъ падаетъ на колѣни, шепчетъ молитву. Невѣжество, страхъ передъ непонятнымъ, безвыходность создали религію. У нашего народнаго поэта вырвались трогательныя, наивныя слова:

„О, горн, лампада,
Ярче предъ распятіемъ, —
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва“.

Я помню двѣ молитвы. Въ тихій, ясный вечеръ, на югѣ Франціи, я съ женою пошли на пустынный, песчаный мысъ; на краю его, у самаго берега, стояла разрушенная башня; корни дикихъ цвѣтовъ разрушали тихо камни башни, волны моря размывали ея подошву. Чудно было кругомъ: луна выплывала изъ-за лѣсистаго острова Св. Маргариты; рѣзкая, темная тѣнь

упала на море отъ острова; сурово чернѣлъ на немъ сосновый лѣсъ; серебряный туманъ обвилъ дымкою далекія, величавыя, скалистыя горы, роскошныя, утопающія въ южной растительности, окрестности Канна; свѣтлый, нарядный, какъ невѣста передъ вѣнцомъ, онъ отражался ярко въ застывшемъ морѣ... Къ берегу, къ подошвѣ башни, не замѣчая насъ, подошли четыре молоденькія дѣвушки-монахини, въ черныхъ покрывалахъ, съ большими золотыми крестами на груди. Онѣ сѣли на мягкій, желтый песокъ, долго смотрѣли на восходящую луну, долго прислушивались къ музыкальному ропоту волнъ и тихо запѣли грустную пѣснь; онѣ ровно качались въ тактъ заунывному напѣву.

Луна озарила молодыя, блѣдныя, увядшія лица: невыразимою грустью дышали ихъ красивые, черные глаза — они такъ гармонировали съ ихъ пѣснью; золотые крѣсты ярко горѣли на ихъ груди, освѣщенные луною; краса южныхъ почей, свѣтляки наполняли воздухъ своимъ блескомъ, падали на черныя покрывала дѣвушекъ, озаряли ихъ синимъ огнемъ.

Легкій вѣтерокъ дулъ отъ берега, несъ запахъ лимонныхъ цвѣтовъ и розъ изъ цвѣтущихъ садовъ; теплыя волны нѣжно лазурнаго моря искрились при лунѣ, съ таинственнымъ шумомъ замирали у ихъ ногъ, выплескивая блестящія, нѣжныя раковинки... Забытая, бѣдная, блѣдная жизнь! Молодыя отступницы жизни, на пустынномъ берегу, среди торжественной тишины, окруженныя блескомъ, нѣгою южнаго вечера, грустно молились, пѣли гимнъ не богу, а отвергнутой ими прекрасной, богатой природѣ...

Мы ѣхали около Нила передъ вечеромъ; быстро катила свои желтоватыя волны могучая рѣка; закутанныя дѣвушки, съ большими сверкающими кольцами въ ушахъ, съ тяжелыми браслетами на смуглыхъ античныхъ рукахъ, спускались легкою поступью къ песчанному берегу, неся на головахъ мѣдные сосуды. Воды рѣки, съ чуть слышнымъ гуломъ, омывали пальмовыя рощи, заросшіе кактусами, алоэ, олеандрами, сикоморами сады египетскихъ богачей и теряясь вдали, омывали „раскаленныя ступени царственныхъ могилъ.“

На выдающемся каменномъ уступѣ, на колѣняхъ, въ бѣлой, волнистой одеждѣ, въ большой бѣлой чалмѣ, молился арабъ; его худое, бронзовое лицо, съ черною, острою бородою, дышало вдохновеніемъ; его глаза устремлены были на закатывающееся солнце: оно спускалось за пальмовыя рощи, за пески необъятной знойной пустыни. Ярче и ярче разгорались прощальные лучи; страшный, поражающій свѣтъ засіялъ всюду; Нилъ озолотился, желтыя, пылающія небеса заиграли въ немъ; пронизанные лучами, пальмовыя рощи, сады, съ сказочною яркостью отразились въ рѣкѣ.... Арабъ молился, — солнце искрилось въ его черныхъ глазахъ... Примитивный человѣкъ молился на могучее свѣтило, на истиннаго бога земли!

Не одними научными доказательствами, философскими трактатами нужно добивать религію и религіозное поклоненіе государственной власти, но ироніей, сарказмомъ, безпощадною профанаціей. Смѣхъ—великое божественное орудіе!! XVIII вѣкъ выковалъ намъ это страшно острое, гибкое, упругое, блестящее, смертельно разящее лѣзвіе. „Смѣха боится тотъ, кто ничего не боится на свѣтѣ“. Смѣхъ сильнѣе огня и желѣза; то, что не поддавалось пыткамъ, крѣпло отъ нихъ, — разсѣялось дымомъ отъ всемогущаго хохота.

Самое утонченное уразумѣніе человѣческой глупости, предразсудковъ, самодовольнаго невѣжества, упрямаго непониманья, непремѣнно выразится въ презрительномъ смѣхѣ.

До настоящаго дня, по поводу чуть не дѣтскаго вздора, требуется углубленіе въ неисчислимые фольянты.

Нѣкоторые предметы, не смотря на кажущуюся важность, до того ничтожны, что продолжительное углубленіе пагубно для углубляющагося.

Долго наспловать свой мозгъ надъ пустопорожними шарадами безнаказанно невозможно: человѣкъ неизбѣжно, вслѣдствіи поклоненія собственному труду, начнетъ имъ придавать значеніе, глубокій смыслъ, будетъ силиться оправдать безплодную потерю времени.

Любуясь на Пія IX, я часто думалъ, что современное христіанство немного похоже на своего непогрѣшимаго

владыку, съ тіарою на головѣ; многимъ кажется, что тіара каждую секунду готова сползти, отъ собственной тяжести, съ лысой макушки рыхлаго старца, и, не смотря на все, фантомъ папства сидитъ въ своей вызолоченной клѣткѣ и лепечетъ то шопотомъ, то визгливо вскрикивая, какъ во снѣ, старые, осиплые звуки съ находчивостью стараго попки. Газеты объявляютъ всякій день, что Пій IX опухъ до конца своей головы и, не смотря на это, онъ долговѣченъ какъ попугай, онъ все живетъ и живетъ...

ГЛАВА IV.

Намъ приходится остановиться на святыхъ изреченіяхъ Іисуса, поднятыхъ вѣрующими на недосягаемую высоту; они обвѣяны трогательною поэзіей, на нихъ наброшены романтическіе покровы. Великіе теологи не договорили бездѣлицы: забыли, что неземныя изреченія составляютъ основу всѣхъ религій до христіанства. За тысячи лѣтъ до Іисуса, были произнесены слова: „дерево не должно лишать тѣни дровосѣка". Іисусъ говоритъ: „Если васъ ударятъ по правой щекѣ, подставьте лѣвую щеку; если съ васъ снимутъ верхнюю одежду, отдайте нижнюю". Іисусъ, произносящій эти—стоящія внѣ времени и пространства—фразы, не отличается особенною дальнозоркостью: онъ не предчувствовалъ, что святая мораль, пущенная въ обращеніе среди дирижирующихъ классовъ, т. е. двуногихъ, злыхъ скотовъ, превратится попросту—въ безнаказанный разбой.

Всѣ правительства всего земнаго шара ясно показали, на сколько склонность нисшихъ классовъ отдавать верхнюю одежду развивала у нихъ неудержимую потребность: стаскивать и нижнюю.

Въ одной изъ статей я говорю: „Самоотверженіе — великій актъ, но нужно знать, гдѣ и какъ онъ проявляется. Если вы вздумаете за ударомъ по щекѣ, подставить другую щеку, васъ буквально сотрутъ съ лица земли оплеухами; смерть ваша будетъ безславная и память безславная; такими христіанскими добродѣтелями у насъ отличаются несчастныя приживалки и заштатные чиновники полиціи.

Наше чудовищное политическое и соціальное положеніе происходитъ оттого, что мы черезчуръ добродѣ-

тельно, христіански смиренно устилаемъ собою путь, по которому съ тріумфомъ шествуютъ озвѣрѣвшіе отъ непротивленья самоуправцы.

Хищническіе клювы, когти не рвали бы на клочья наше бѣдное сердце, если бы мы со слезами платоническаго холопства не подставляли наши груди для мучительныхъ операцій.

Христіанская мораль о сниманіи съ себя нижней одежды, когда снимаютъ верхнюю, тогда развернулась бы во всей красотѣ, когда всѣ головы и сердца проникнись бы ею, то было бы торжество универсальной любви.

Много разсѣяно по міру людей, которые всѣмъ жертвуютъ для блага, спасенія страждущихъ, — они часто на свои головы принимаютъ болѣе суровые вѣнцы, чѣмъ вѣнецъ Спасителя; но они борятся со зломъ, — замѣтьте — страшно борятся со зломъ, война идетъ на жизнь и смерть, и это—божественная борьба свѣта съ тьмою".

Мусульманскій пророкъ неизмѣримо глубже понималъ жизнь, сказавъ: „Люди обрѣтутъ рай въ тѣни скрещенныхъ мечей".

Практика сурово разошлась со святою моралью: мы полюбовались ея широкимъ примѣненіемъ во время крѣпостнаго права. Молча, христіански смиренно стоялъ лакей передъ барином, подставляя, за лѣвой щекой, правую, и баринъ съ спокойною совѣстью хлесталъ его; вѣрный христіанской морали, молча ложился рабъ подъ плети, — и шкура лѣзла подъ ударами..... Довольно! мы сыты до рвоты примѣненіями святой морали къ дѣйствительной жизни. Побирающимся по помѣщичьимъ домамъ подъячимъ, плевали въ лицо, въ стаканы для питья, давали имъ затрещины, заставляли пить ядовитыя смѣси, жгли на ихъ головахъ, катаясь со смѣху, бумажки, и эти іовы крѣпостническихъ нравовъ падали все ниже, ниже, допуская надруганья, безропотность сводила ихъ на степень забитой собаки... Императоръ съ его дворней продѣлываютъ надъ Россіей то же самое, что продѣлывали помѣщики надъ подъячими, и разнаго рода приживалками, и мы съ овацiями, лизаніями, содраганьями, пресмыканьями, встрѣчаемъ его всюду. Онъ плюетъ намъ въ лицо —

мы трепетно слизываемъ слюни; онъ кричитъ на насъ, какъ на провинившихся мальчишекъ,—мы оремъ: ура! вѣрноподданнически плачемъ; онъ повелѣваетъ намъ шпіонить, доносить на собственныхъ дѣтей, — мы патетически клянемся лечь костьми. Онъ вѣшаетъ, нашихъ дѣтей — мы служимъ благодарственныя молебны; ему нужны деньги, мы готовы для него спустить съ себя послѣдніе штаны. И за всѣ эти вполнѣ христіанскія чувства мы пользуемся лестной репутаціей: насъ считаютъ безпробудными холопами. На насъ смотритъ съ презрѣніемъ, съ плохо скрываемымъ отвращеніемъ весь образованный міръ. Мы своимъ подлымъ, рабскимъ смиреньемъ задерживаемъ міровой прогресъ...

Ужасная, не клеющаяся съ жизнью мораль плодила, плодитъ все болѣе, болѣе разгуливающихся злодѣевъ, осатанѣлыхъ палачей и самодовольныхъ прохвостовъ. Человѣкъ, уважающій въ себѣ человѣка, съ ужасомъ, гнѣвомъ отвернется отъ этой апотеозы свирѣпаго насилія, и омерзительнаго рабства...

Большинство соціалистовъ любятъ навязывать Іисусу свои воззрѣнія; сочиненія на тему Іисусъ выдаютъ за Іисуса Евангелія; они утверждаютъ, что „Іисусъ рушилъ троны, собственность, гремѣлъ анаѳемой противъ угнетателей“.

Да, онъ возставалъ противъ притѣснителей и богатыхъ хищниковъ, какъ всѣ пророки и реформаторы, но судъ надъ ними откладывалъ до втораго пришествія; онъ стращалъ загробнымъ судомъ. Угнетатели остались очень довольны отсрочкою. Въ этой жизни онъ въ корнѣ уничтожалъ личность; смотря въ свое выдуманное небо, онъ топталъ безпощадно въ грязи всѣ благороднѣйшія, человѣческія чувства, обоготворялъ пощечины...

Не даромъ Пилатъ, умывая руки передъ народомъ, сказалъ: „Неповиненъ я въ крови этого праведника.“

Онъ видѣлъ въ немъ кроткаго безумца, галлюцинатора на волосъ не опаснаго для римской власти. Но совсѣмъ другое произошло, если бы Іисусъ вздумалъ подражать, часто до него являвшимся, Мессіямъ, которые обуреваемые крамольнымъ духомъ, стремились поднять, освободить свой народъ, опираясь не на „нагорную проповѣдь“, а на острый мечъ.

Во время Крестьянскихъ войнъ народъ вздумалъ перетолковать Евангеліе въ свою пользу, — захотѣлъ равенства, свободы на землѣ. Сильнѣйшій изъ теологовъ, Лютеръ, въ которомъ заподозрить непониманіе Евангелія трудно, пуская бѣшенную слюну рычалъ приблизительно слѣдующее: „Злодѣи! ваше дѣло пресмыкаться въ этой юдоли слезъ, — носите ярмо съ благоговѣніемъ, и съ смиреньемъ, околѣйте въ немъ: премудрый всеблагой богъ, въ своемъ непостижимомъ всевѣденіи, обрекъ васъ на землѣ на ужасную долю. Вѣрьте слѣпо въ загробное правосудіе, надѣйтесь, вѣрьте въ рай.“

. . . . . .

V

„Наше большое несчастье, что мы еще не знаемъ, на сколько въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ мы стоимъ гораздо ниже готентотовъ.“

Вольтеръ.

По показанью выдающихся миссіонеровъ и путешественниковъ, дикари часто доходили до слезъ отъ смѣха, когда попы начинали при нихъ присерьезно продѣлывать всѣ фокусы обѣдни и съѣдали, съ самыми торжественными реверансами, своего бога, ввидѣ оплатки. Истина говоритъ часто устами младенцевъ. Какое неисчислимое число поколѣній нужно было растлѣвать умственно, забивать неумолимо, неустанно, вѣчно окружать атмосферою сумасшедшаго дома, чтобы заставить даже насъ, чадъ XIX вѣка, переносить безъ ужаса, отвращенья, презрѣнья, а въ лучшемъ случаѣ, безъ хохота, всѣ эти церковныя издѣванья надъ разумомъ, человѣческою душою. Уцѣлѣвшіе попы, царьки, короли показываютъ ясно, что нашъ вѣкъ, кичащійся цивилизаціей, чудесами науки — попросту міровая богодѣльня, домъ умалишенныхъ, дикій, варварскій вертепъ.

Не будемъ унижать, профанировать науку тамъ, гдѣ можно легко обойтись безъ ея помощи; попробуемъ, полушутя, пошатнуть тотъ чудесный 1800-лѣтній храмъ, о которомъ Іисусъ въ порывѣ самообольщенія сказалъ: „Созижду церковь мою — и врата адовы не одолѣютъ ее.“ Человѣкъ, не окупувшійся въ кладезь

науки, но обладающій большимъ здравымъ смысломъ, наблюдая, обдумывая наблюдаемое, могъ бы сказать многое, заслуживающее большого вниманія. Онъ могъ бы разсуждать такъ: „Адвокаты и прикащики бога утверждаютъ: „богъ благъ, всемогущъ, вездѣсущъ, всевѣдущъ и безконеченъ“. Если онъ благъ, — зачѣмъ такъ безумно-жестоко наказалъ насъ за невинное грѣхопаденіе тысячами лѣтъ отдѣленныхъ отъ насъ предковъ? Неужели неисчислимыя людскія поколѣнія должны терзаться отъ голода, холода, болѣзней нескончаемыхъ несчастій за то только, что вѣтрянная Ева отвѣдала, подъ видомъ запрещеннаго плода, соблазнительное, отрадное счастье взаимной любви? Разъ въ ея непорочномъ, прекрасномъ тѣлѣ — подобіи божества — зажглись страсти, виновата не она, но вложившій въ нея зародышъ страсти, потребность наслажденія. Мы никакъ не умудряемся понять, за что она наказана, страстная, скучающая въ раю женщина; но мы совсѣмъ становимся въ тупикъ, когда узнаемъ, что всѣ наши страданія и самая смерть — послѣдствія ея ничтожнаго, поразительно давняшняго грѣха! Такое ехидное злопамятство, нелогическая, необъяснимая жестокость несовмѣстимы съ благостью. Вѣчное, лютое наказанье за мимолетный порывъ, за съѣденное яблоко, — фактъ, попстинѣ, поражающій.

„Богъ мудръ и всевѣдушъ“; обладая такими полновѣсными качествами, зачѣмъ создалъ онъ человѣка, вдыхалъ въ ноздри его, на нѣсколько мгновеній, безсмертную душу? „Всевѣдущій“, онъ зналъ, что прекрасное созданіе его согрѣшитъ и его придется позорно изгнать изъ эдема, заставивъ кровавымъ потомъ добывать себѣ скудную пищу. Если онъ все зналъ и, не смотря на это, сотворилъ человѣка—онъ не мудръ; если не зналъ — не всевѣдущъ. Если онъ далъ свободную волю, онъ не долженъ былъ карать за свободно вытекающіе изъ насъ поступки: давать свободную волю и не позволять кушать сладкія яблоки, ростущія подъ носомъ, другими словами, въ корнѣ уничтожать свое даяніе.

Разъ творцу пришла сумасбродная фантазія не допускать чувственныя удовольствія, не слѣдовало тратить воображеніе на созиданіе половыхъ органовъ.

„Богъ совершенство“! но совершенство, по самой сущности, не можетъ породить несовершенство: несовершенный продуктъ неопровержимо указываетъ на несовершенство творца, можно и не быть Спинозою, и все таки понять подобный выводъ. — Грѣхъ отъ дьявола, но дьяволъ созданіе Бога: совершенство породило дьявола! духъ тьмы вышелъ изъ духа свѣта и духъ свѣта не можетъ побѣдить духа тьмы! Въ такомъ случаѣ, мыслимо ли толковать о совершенствѣ, всемогуществѣ, благости!!!

Намъ часто напѣваютъ „богъ создалъ солнце, звѣзды, одѣлъ природу въ сказочное убранство, осыпалъ землю благоуханными цвѣтами, создалъ лазурные океаны, моря, рѣки, прозрачные ручейки, страшныя пустыни, прорѣзывающія тучи горы; онъ вложилъ драгоцѣнные металлы въ нѣдра земли.“ Если такъ, — то зачѣмъ творцу всего нужны роскошные блестящіе храмы, посредники, лавченки?

Если мы даже признаемъ силу за молитвою, то и тогда, торгующіе богомъ, ничего не выигрываютъ; этимъ невиннымъ занятіемъ можно забавляться и безъ нихъ. Если на мою бѣдную голову обрушатся несчастія, и я захочу прибѣгнуть къ молитвѣ, я не нуждаюсь ни въ комъ: моя молитва, полная слезъ, свѣтлой надежды, навѣрное, дойдетъ до всевидящаго, разъ онъ есть, и онъ всевидящій.

Человѣкъ, чуждый моему горю, не въ состояніи молиться теплѣе меня, удрученнаго горемъ. Развѣ можно молиться въ извѣстный, опредѣленный часъ, въ извѣстномъ мѣстѣ? Молитва, повторяемая по заказу, изо дня въ день, теряетъ свою живую силу; энтузіазмъ молитвы не можетъ длиться, не прерываясь, изо дня въ день, долгіе годы; молитва, въ темномъ углу моей кануры, послѣ трудоваго дня, выше, сильнѣе публичной молитвы подъ громовые раскаты органа, при свѣтѣ сотенъ свѣчей, въ маскарадныхъ костюмахъ.

Іисусъ сказалъ: „Если двое соберутся во имя мое, я среди васъ“. Если все равно, гдѣ ни молиться, то зачѣмъ нашъ тяжкій потъ, горючія слезы льются на эти безчисленные языческіе храмы? Зачѣмъ такъ свѣтлы, роскошны храмы и такъ мрачны, убоги наши жилища? Зачѣмъ такъ много храмовъ и такъ мало школъ? Мы

вытягиваемъ жилы, работая на тысячи людей, которые ничего не дѣлаютъ и жирѣютъ, творя молитвы; намъ не нужны ихъ молитвы, но ихъ сильныя руки для общей работы. Зачѣмъ кучи шелопаевъ шляются по деревнямъ, выканючивая наши послѣднія крохи хлѣба? Царь неба, навѣрное, не нуждается въ грабежѣ для прокормленія себя, довольно съ насъ царей земныхъ! Священнику за вялую молитву у нашего трупа мы платимъ послѣдній грошъ, платимъ за право быть зарытыми, взносимъ пошлину богу за право умереть. Мы потеряемъ способность молиться, если за насъ будутъ молиться другіе, другіе-же, постоянно молясь, перестанутъ сознавать, что молятся.

Прикащики бога суютъ намъ насильно священныя книги и не велятъ разсуждать, и въ то же время говорятъ: „Разумъ величайшій даръ бога“. Если такъ, то зачѣмъ нужно душить его? Іисусъ говоритъ: „Если я вамъ далъ одинъ талантъ, и вы зароете его въ землю, страшный судья ввергнетъ васъ въ геенну огненную, если же изъ одного сдѣлаете десять, вы получите награду великую на небесахъ“. Другими словами: чѣмъ энергичнѣе будетъ работать мой мозгъ, болѣе сомнѣваться, менѣе вѣрить на слово, чѣмъ далѣе зайдетъ онъ, тѣмъ лучше: я удесетеряю данный мнѣ талантъ. Давая намъ священныя книги, вы прибавляете: „То законы и слова бога“. но тотъ же самый всевѣдущій богъ тихо нашептываетъ: „Ложь! это слова сильныхъ, ловкихъ людей, чтобы поработить, обезсмыслить слабыхъ“.

Гдѣ же вѣщія знаменья? Гдѣ та огневая рука, съ исполинскимъ перстомъ, которая бы ясно начертала на небѣ, что слѣпая вѣра права, а мой анализирующій разсудокъ не правъ? Все, что насъ окружаетъ, говоритъ противное.

Люди слѣпой вѣры, говорятъ: „Сынъ бога ходилъ по водѣ бурнаго озера не замочивъ ногъ; превращалъ воду въ виноградное вино; воскрешалъ мертвецовъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, слѣпыхъ; отъ прикосновенія къ нему останавливались болѣзненныя регулы: онъ выгонялъ изъ животовъ грѣшниковъ бѣсовъ; говорилъ смоковницѣ: „засохни, не давай плода!“ смоковница,

недолго думая, засыхала и плодовъ, при всемъ желаніи давать, не давала; онъ велѣлъ цѣлой бандѣ дьяволовъ войти въ животы неповинныхъ свиней, и они немедленно, переселились въ свиней и полетѣли вмѣстѣ съ ними въ море.

Погибли жирныя, безгрѣшныя твари бога лютою, незаслуженною смертью; погибли глупые послушные бѣсы! Пятью селедками, пятью хлѣбами онъ, по самые кончики волосъ, накормилъ пять тысячъ человѣкъ и ходили кругомъ и набрали изъ остатковъ двѣнадцать корзинъ хлѣба.

Но увы! исчезло чудесное время, и мы не имѣемъ средствъ воротить его; текутъ мимо насъ источники, но увы! въ вино не обращаются; но зато, у торговцевъ вина, оно часто обращается въ воду, смоковницы сохнутъ, но помимо нашихъ желаній; пять селедекъ остаются пятью селедками; пять хлѣбовъ—пятью хлѣбами; ни попы, ни мы, ни наши пламенныя молитвы не могутъ устроить такъ, чтобы ими накормить не только пять тысячъ, но и пять человѣкъ, какъ слѣдуетъ; о корзинахъ съ остатками говорить досадно! Не только по водѣ, но и по сушѣ мы ходимъ спотыкаясь. Хожденіе же по водѣ на улицахъ ведетъ къ ревматизму.

Черезъ чуръ часто на нашихъ глазахъ, съ напѣвомъ погребальнымъ, несутъ и везутъ на кладбище невинныхъ дѣтей, юношей, дѣвъ, захваченнныхъ въ полномъ расцвѣтѣ жизни, счастливыхъ и несчастныхъ, но жадное кладбище не отдаетъ ихъ намъ обратно. — секретъ воскресенія потерянъ, и мы отложили попеченіе его сыскать,—они осуждены даже попами на гніеніе, только душамъ ихъ даютъ проходные билеты на небо или въ адъ.

Прокаженные исцѣлялись отъ прикосновенія, а теперь попы, доктора, возясь съ нами цѣлые мѣсяцы, не въ состояніи вылечить простой чесотки.

Іисусъ мазалъ слюнями глаза слѣпорожденному, онъ прозрѣвалъ; въ наше время такую продѣлку со стороны окулиста приняли бы за личное оскорбленіе, сказали бы, что онъ наплевалъ въ глаза, и случись это съ человѣкомъ вспыльчивымъ, окулистъ рисковалъ бы слетѣть съ лѣстницы: сильно обоими пусками или боками....

Дивное время! Чудесныя слюни! Святые очень развязно поцымались на небо, а мы пока умудряемся другъ друга спроваживать подъ землю.

Намъ говорятъ: „Зажмурься на весь міръ и вѣрь“, а природа, еще громче, немолчно всѣми своими безчисленными устами твердитъ: „Не вѣрь, тутъ нѣтъ бога, но одна доходная басня!“ Вы насъ долго утѣшали загробною жизнію, долго пугали вѣчнымъ поджариваньемъ, адомъ; а презираемый здравый смыслъ весело твердилъ мудрую, житейскдю фразу: „Не сули намъ журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки“.

Мы никакъ не можемъ понять, зачѣмъ богъ насъ мучаетъ на землѣ, почему роль безсмысленнаго тирана ему такъ по душѣ? Если онъ въ состояніи дать блаженство на небѣ, отчего не даетъ его на землѣ? Развѣ это для него труднѣе? Зачѣмъ онъ испытываетъ насъ десятки тысячъ лѣтъ, безжалостно бросая на рискъ всѣмъ случайностямъ?

За грѣшную жизнь, смерть безъ покаянія насъ ожидаютъ муки вѣчныя. Я разскажу вамъ исторію тысячъ труженниковъ, и вы узнаете, какимъ образомъ они дѣлаются грѣшниками и умираютъ, забывъ о покаяніи, и судите сами: они ли правы, или сотворившій насъ, для однихъ мукъ, богъ... Въ глухую ночь, при померкающемъ свѣтѣ огарка въ темномъ, сыромъ подвалѣ, меня родила, въ ужасныхъ мукахъ, моя бѣдная мать. Она разсказывала, что за нѣсколько часовъ, до моего появленія на вольный свѣтъ божій, мужъ суровый, озлобленный, ожесточенно билъ ее; билъ онъ ее за то, что она быстро таяла отъ работы, сырости, холода, голода, становилась безобразнѣе и безобразнѣе не по днямъ, а по часамъ; за то, что часто рожала больныхъ, золотушныхъ дѣтей и желтая, высохшая грудь не давала имъ молока; онъ преслѣдовалъ ее, поставщицу смерти, точно такъ же, какъ его самаго отовсюду страшно, незаслуженно преслѣдовала жизнь. Онъ возвращался въ свою берлогу изможденный трудомъ, впроголодь, молитвы онъ не зналъ — благодарить бога было не за что; искать въ немъ опоры, никогда не находя,— онъ не могъ, онъ былъ черезчуръ изнуренъ; религіозная сантиментальность не шла къ его звѣриному логовищу, то роскошь богатыхъ. Онъ всегда мрачно смотрѣлъ по

сторонамъ и не на чемъ было успокоиться его взору: жена часто выла, блѣдная, озлобленная, въ углу, прижимая къ груди плачущаго ребенка и испуганно, чего то ожидая, глядѣла въ его глаза.

Злоба начинала расти въ немъ, ничтожный предлогъ приводилъ въ бѣшенство и онъ вымещалъ все на женѣ и чудомъ спасшихся отъ смерти дѣтяхъ. Мой отецъ былъ очень трезвъ, проводи онъ вечера по кабакамъ, онъ былъ бы добрѣе. Изнуренный недоѣданьемъ, непосильною работою, внутренними, начинающими, разъѣдать недугами, онъ засыпалъ въ своемъ непривѣтномъ углу, вздрагивая, крича во снѣ.

Я росъ въ этомъ подвалѣ, борясь со смертью до тѣхъ поръ, пока она не пренебрегла мною, въ проголодь, подъ плачъ негодующей на судьбу матери, проклятія, скрежетъ зубовный отца; молиться меня не учили, и я бы не выучился: мелодіи моей жизни не дружились съ теплой молитвой; богъ мнѣ казался неумолимымъ, вѣчнымъ врагомъ рабочаго. Улыбка не играла на моихъ безкровныхъ губахъ; злоба, безсильный протестъ начинали расти въ моей юной душѣ; осматриваясь внимательно, я понялъ, наконецъ, гдѣ источникъ зла, гдѣ притаился дьяволъ, гдѣ разгадка всѣхъ грѣховъ; вѣчно вертѣлся въ моемъ возбужденномъ мозгу, какъ въ заколдованномъ кругу, вопросъ: за что? когда же все это кончится? Въ десять лѣтъ я походилъ на взрослаго; солнечный лучъ ни разу не проникъ въ нашъ подвалъ; нѣжнаго слова я никогда не слыхалъ; ласки... я не видѣлъ, какъ ласкаютъ постороннихъ; дары жизни съ улыбками, розами шли мимо, отъ нихъ падали къ намъ одни шипы.

Впослѣдствіи я узналъ, что есть усыпители человѣческой совѣсти, зовутся они романистами; они невольно осмѣяли наше рубище, оболгали нашу безпросвѣтную жизнь, навязавъ намъ сладчайшія идилліи, что-то въ родѣ пылающихъ камельковъ, сладкаго сна послѣ трудоваго дня.

Въ пятнадцать лѣтъ я уже работалъ 10 часовъ въ сутки на фабрикѣ, и пошелъ я, проклиная свое рожденіе, неся смерть въ душѣ, шагъ за шагомъ, тѣмъ лучезарнымъ путемъ, по которому шелъ мой отецъ. Но отецъ не вынесъ жизни фабричнаго рабочаго — жизнь

до ужаса коротка на фабрикахъ—онъ началъ харкать кровавыми сгустками, и въ осеннюю дождливую ночь, мучительно прохрипѣвъ нѣсколько часовъ, задохнулся въ потьмахъ; свѣчи у насъ не было: не на что было купить. Въ тьмѣ кончилась темная жизнь — и лучше: такія сцены еще страшнѣе при свѣтѣ, но какъ онѣ не ужасны, онѣ проходятъ, при полномъ днѣ, незамѣченными, обыкновеннаго свѣта мало, но когда вспыхнутъ пожары и несмѣтныя толпы, неся черное знамя, пойдутъ на приступъ, требуя: „свинца или хлѣба“, когда кровь несчастныхъ хлынетъ рѣкою, тогда только, тогда начнутъ понимать эти сцены!

И что безумнѣе всего, что сытые злодѣи, безжалостно разстрѣливающіе насъ, голодныхъ, затерзанныхъ, упрекаютъ насъ въ безжалостности, въ убійствахъ, поджогахъ! Посылая тысячами на каторги, они черезъ много лѣтъ еле рѣшаются освободить насъ, кричатъ о милости, прощеньи, забвеніи, совѣтуютъ исправиться.

Утромъ спустились въ нашу берлогу: полицейскій и попъ, велѣли вытащить нераскаявшагося грѣшника, свезли его на мірской счетъ и бросили въ яму, за оградой кладбища, кое какъ запорошивши землею, и безсмертная душа отца, пошатавшись по мытарствамъ, не довольно онъ шатался при жизни, прямехонько полетѣла въ адъ, потонула въ вѣчныхъ мученіяхъ.

Творецъ! въ изумленіи, благоговѣніи стою, передъ твоею благостью! взволнованный до дна души, тщетно ищу словъ, для выраженія тебѣ благодарности! непостижимо отражается твоя безконечная мудрость въ твоихъ твореніяхъ; совершенная жизнь вытекла изъ нѣдръ твоего совершенства!!...

Пусть не думаютъ читатели, что въ мрачной картинѣ жизни рабочаго я сгустилъ краски, разсказалъ нѣчто исключительное. Мнѣ, какъ соціалисту, французскіе и итальянскіе рабочіе повѣряли свою жизнь, и много изъ этихъ повѣствованій, своею зловѣщею горечью, превосходятъ мой сжатый разсказъ. Передавать жизнь русскаго рабочаго, который кромѣ матеріальныхъ невзгодъ, терпитъ побои, казачью плеть, я не рѣшился: меня непремѣнно упрекнули бы въ намѣренномъ, злост-

номъ переувеличеньи. Пусть вспомнятъ читатели разсказъ Щедрина: „Портной Гришка“.

Я считаю лишнимъ указывать на поражающія противорѣчія въ евангеліяхъ; всякій, у кого есть время, взявъ карандашъ, можетъ ихъ сыскать, отмѣтить десятки. На эти противорѣчія мѣтко, колко указывали всѣ отрицатели...

Не въ силу „Системы логики“ Милля, но въ силу доазбучной логики, ихъ быть не должно: евангеліе называется божественнымъ откровеніемъ.

Въ день пятидесятницы случился слѣдующій пассажъ:

„Внезапно сдѣлался шумъ съ неба, какъ бы отъ несущагося, сильнаго вѣтра и наполнилъ весь домъ, гдѣ находились апостолы и явились раздѣляющіе языки, какъ бы огненные и почили по одному на каждомъ изъ нихъ, и исполнились всѣ духа святаго, и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ духъ далъ, проповѣдывать.“

Въ Іерусалимѣ находились люди набожные, довѣрчивые, которые очень удивились, нашлись также скептики, рѣшившіе, что апостолы хватили сладкаго винца.

Жаль, очень жаль, что этотъ удивительный методъ обученія всѣмъ языкамъ, для насъ навсегда утерянъ; святому духу слѣдовало бы сжалиться надъ юными жертвами министра Толстого и обучить ихъ всѣмъ мертвымъ языкамъ, съ помощью огненныхъ языковъ! Эта дивная метода спасла бы многихъ несчастныхъ отъ самоубійства и идіотизма.

Петръ Апостолъ очень горячо принялъ фразу скептиковъ о винѣ (впрочемъ, замѣчено, что горькіе пьяницы всегда злятся и увѣряютъ, что у нихъ капли росиновой во рту не было), онъ очень логично опровергалъ, говоря: „Они не пьяны, какъ вы думаете, ибо теперь третій часъ дня“. (Будь шесть часовъ вечера, о! тогда совсѣмъ другое дѣло!)

Выводъ изъ выписаннаго слѣдующій: если Евангелія написаны подъ диктовъ почившихъ языковъ, и вообще подъ божественную диктовку, они должны быть сходны во всѣхъ микроскопическихъ деталяхъ, нельзя же не обидѣвъ святаго духа, предположить, что почив-

шіе навсегда на головахъ апостоловъ языки, въ одно прекрасное утро перемѣшались, заболтались... Языки принадлежали святому духу, слѣдовательно онъ долженъ былъ дирижировать ими, не допуская поэтическихъ вольностей.

Если нельзя остановиться на такихъ богохульныхъ предположеніяхъ, то прійдется прійти къ печальной мысли, къ которой ранѣе меня пришли прозорливые скептики того времени, т. е. что апостолы, не смотря на очень раннюю пору, подогрѣвали свое воображеніе очень неумѣренно мѣстнымъ виномъ (очень хорошимъ). Въ такомъ состояніи не трудно заговорить на всѣхъ языкахъ, исключая настоящаго.

Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что апостолъ Петръ въ своей дальнѣйшей рѣчи, совершенно непослѣдовательно, приводитъ пророчества Іоила, крайне алькоолическаго характера: „Солнце превратится въ тьму, луна въ кровь (намекъ, что у луны, какъ у особы женскаго пола, впослѣдствіи, откроются болѣзненные регулы), прежде чѣмъ наступитъ день великій и славный, (если такому дню будутъ предшествовать такія непозволительныя знаменья, мы долго прождемъ его). Покажу чудеса на небѣ вверху и знаменіе на землѣ внизу, кровь огонь и куреніе дыма".

Но кто же не знаетъ, что разъ галиматья дошла до куренія дыма, то дѣла идутъ плохо; послѣ такихъ фразъ, обыкновенно, машутъ безнадежно, рукою говоря: „Закурилъ, накурился!...

Шестнадцать вѣковъ человѣчество рѣзалось, захлебывалось въ собственной крови, въ припадкахъ падучей, изъ за нѣсколькихъ книженокъ, написанныхъ галлюцинаторами. Нашъ въ конецъ износившійся богъ умретъ безъ наслѣдниковъ: новый опоздалъ родиться. Представьте себѣ слѣдующую картину: въ какомъ нибудь азіатскомъ городкѣ (въ европейскомъ это мудренѣе) отъ легкой дѣвушки и небеснаго икса, въ телячьемъ корытѣ рождается новый богъ. Телеграммы объ его рожденіи, конечно, будутъ тотчасъ же посланы во всѣ главныя газеты Европы и Америки. Вмѣсто царей, волхвовъ, со всѣхъ сторонъ нагрянутъ корреспонденты и начнутъ строчить, строчить съ тройною платою отъ строчки. Замѣтивъ бѣдственное положеніе

богоматери, корреспонденты, съ грустью, сложатся и отправятъ ее, съ маленькимъ богомъ, въ третьемъ классѣ, по желѣзной дорогѣ, въ близь лежащій городъ, помѣстятъ въ буржуазный, дешевый пенсіонъ, 5 франковъ въ день, tout compris. Телячье корыто купитъ редакція крупной, американской газеты и начнетъ показывать даромъ для увеличенья подписчиковъ. Когда богъ подростетъ, ему, конечно, ни одна современная намъ полиція не дозволитъ вести публичныхъ споровъ въ храмахъ, но зато, если ему удастся понравиться какому нибудь богатому лицу, онъ на его счетъ можетъ пустить газетку. Если будетъ много, много подписчиковъ (въ чемъ можно сомнѣваться) и продажа на станціяхъ, въ кіоскахъ пойдетъ хорошо, божественное ученіе, потихоньку, начтетъ распространяться.

Если молодой богъ начнетъ дѣлать чудеса въ публичныхъ мѣстахъ, ему придется довольно часто ночевать въ полиціи. Даже въ республиканской Франціи онъ будетъ рисковать passer au tabac, о Россіи и говорить нечего: какъ сынъ неизвѣстнаго отца, онъ будетъ за соціалистическія проповѣди часто подвергаемъ наказанію на тѣлѣ. Въ Россіи и теперь можно свободно творить чудеса, свободнѣе, чѣмъ въ самыхъ передовыхъ странахъ, но для этого нужно быть родственникомъ значительнаго лица или имѣть званье архіерея, чинъ генерала или статскаго совѣтника, а главное — нужно быть жестоковыйнымъ мракобѣсцемъ, обожателемъ богдыханщины.

Какой богъ, — спрашиваю я васъ — устоитъ, разъ противъ него соединятся: желѣзныя дороги, телеграфы, гостинницы, рестораны, кофейни, корреспонденты? Отъ Ирода богу легко было спастись даже на ослѣ, отъ вышеупомянутыхъ, страшныхъ силъ, онъ не спасется даже на велосипедѣ, автомобилѣ.

Вы встрѣчаете корреспондента какой нибудь распространенной газеты, онъ останавливаетъ васъ словами: „Вообразите, мѣсяцъ назадъ, мнѣ пришлось въ Александріи, въ отелѣ „Бѣлой Кошки“ бесѣдовать съ Богоматерью. Откровенно говоря, персона неважная. Не понимаю, какъ богъ могъ связаться съ нею, впрочемъ, смазливенькая, всѣмъ комп-вояжерамъ навязывается: хочетъ выйти замужъ — понимаетъ бабенка, что ея

положеніе двусмысленное, англичанки, американки ее близко не подпускаютъ. У прежней Богородицы хоть для вида, былъ мужъ, хотя и старый колпакъ — столяръ, но все же законный. Увѣряетъ, что родила безъ живота, безъ потери невинности, отъ самаго всемогущаго бога, но не нужно забывать, что родила въ дѣвкахъ. Положительныхъ знаменій этого зарожденья мы, пока, констатировать не можемъ. Доктору освидѣтельствовать не позволяетъ. Ея сынишка отчаянный пачкунъ; богородица сильно любитъ чеснокъ, лукъ, и черезъ это сынишка божій страдаетъ вѣтрами, [illegible] и оретъ по ночамъ такъ, что его хотѣли вышвырнуть изъ отеля; мать его подчуетъ поджопниками, но толку мало... Зайдешь къ ней въ номеръ, — вонь, отъ грязныхъ, просушиваемыхъ пеленокъ, невыносимая. Эти восточныя женщины страшныя грязнюги... Скука съ нею большая: ничего не читаетъ, ничѣмъ не интересуется и, при этомъ, низкопоклонная: передъ самымъ ничтожнымъ полицейскимъ присѣдаетъ, чисто чего то боится. Чертовски комическое наше положеніе: беремъ тройную плату отъ строчки, а сами не знаемъ, что строчимъ. Замѣчательная, божественная чепуха!"

Звѣзда повела волхвовъ. Въ наше время звѣзды путешествуютъ съ одними генералами.

Удивительное дѣло! Даже богу понадобились: фантастическій, преслѣдующій Иродъ, умывающій руки Пилатъ, синедріонъ упорный, надруганья и распятіе на Голгоѳѣ. Богъ, умершій въ постелѣ, ни подъ какимъ видомъ не воскресъ бы!

Теперь никто не потащится на гору, даже если на нее есть финикюлеръ, зрѣть преображенье. Не угодно-ли устроить его въ залѣ трактирнаго заведенія, съ уплатой впередъ за помѣщеніе и освѣщеніе. И истинно говорю вамъ, я видѣлъ не разъ, при такой раздирающей обстановкѣ, чудное преображеніе: дивно лучезарнымъ становилось лицо, одухотворенное святою любовью къ людямъ, великими идеями; каждое слово пламенемъ вливалось въ душу. И мнѣ кажется, что по внутренней силѣ, оно превосходитъ легендарное преображеніе на поэтической горѣ, въ лучахъ закатывающагося палестинскаго солнца.

1800 лѣтъ назадъ начала формироваться, затѣмъ быстро крѣпнуть легенда о богѣ — нищемъ, богѣ-революціонерѣ. Первое зернышко анархизма, брошенное невѣдомо когда въ народную почву, пустило ростки, стало выходить изъ подъ земной тьмы на свѣтъ, солнце. Правительственная власть, на вѣки, поколебалась. Когда рухнутъ дворцы, храмы, пусть духовная и свѣтская власти не забываютъ, что это ихъ богъ — пролетарій — крамольникъ выдернулъ угловой камень... Легенда была заимствована и затѣмъ переработана не дурно. Въ навозѣ всевозможныхъ нелѣпыхъ фантазій попадаются перлы. Она утверждаетъ, что съ соблюденьемъ формальностей, сильная законная власть приговорила безумца, возставшаго противъ древняго бога и освѣщеннаго вѣками стараго правительства, къ бичеванью и крестной смерти... Его распяли между двухъ воровъ; практическіе, благонамѣренные фарисеи, мудрые книжники, защищающіе порядокъ, плевали въ его блѣдное лицо, презрительно хохотали надъ его утопіями, вздорными замыслами спасти міръ... Святотатственный негодяй, несмотря на тяжелый камень гроба, на третій день воскресъ, — но уже богомъ. По всему земному шару ему воздвигнуты колоссальные храмы; его страдающій ликъ окуривается дорогими благовоньями. Человѣчество, ограбленное, униженное, подавленное, безграничпо несчастное, бьетъ, у подножья его пышныхъ алтарей, горячимъ лбомъ холодныя плиты, обливаетъ ихъ слезами, возноситъ къ нему жаркія молитвы. Онъ, пострадавшій сынъ, отодвинулъ въ тѣнь никогда нестрадавшаго бога—отца...

Человѣчество обоготворпло позоръ, казнь, бичеванья, бунтъ противъ небесной и земной власти, осмѣяло судъ праведный.

Книжка, именуемая евангеліемъ — новымъ, божественнымъ откровеніемъ, рядомъ съ кучею злыхъ нелѣпостей, полна превратныхъ толкованій, разрушительныхъ утопій, злостнѣйшихъ аллегорій; въ ней власть иначе не именуется, какъ „гнусное порожденіе ехидны гробы, выкрашенные снаружи, полные червей, вони внутри.“ Какъ была велика сила вещей, если опекающія нашъ разумъ, чувства, правительства спохватившись, не въ состояніи были запретить ее, уничтожить.

На зарѣ исторіи, роковыя противорѣчія жизни будили въ человѣкѣ радужныя грезы. Незаслуженныя богатства, наслажденья, радости, рядомъ съ незаслуженными бѣдствіями, нищетой, сказочные дворцы, храмы по сосѣдству съ темными, убогими лачугами, всюду царящія насилія, неправда, жестокость, толкали къ неожиданнымъ открытіямъ въ области нравственной, моральной. То, о чемъ грезилъ тысячи лѣтъ назадъ, въ вдохновенномъ полуснѣ, индусъ, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ, на берегу священнаго Ганга, о чемъ мечталъ арабъ, созерцая восходъ и закатъ солнца въ безпредѣльной, знойной пустынѣ, отразилось въ ученіи Будды, Зароастра, въ наивномъ, инстинктивно правдивомъ лепетѣ евангелія, въ революціонныхъ принципахъ 89 года.

Жемчужныя капли, падающія тысячи лѣтъ съ деревьевъ дѣвственныхъ, дремучихъ, тропическихъ лѣсовъ, со сводовъ таинственныхъ пещеръ, съ обнаженныхъ суровыхъ скалъ, тихо образовывали ручейки, бурные потоки, каскады, и въ наше время слились въ многоводную, могучую рѣку, величественно катящую воды въ океанъ. Соціализмъ оформилъ грезы; мощныя теоріи человѣческихъ правъ возникли изъ прекрасныхъ порывовъ юннаго, простого сердца, алканій истомившейся неправдою души.

Глубокое невѣріе, граничащее съ атеизмомъ уже сказалось въ ученіи Будды, комедіяхъ Аристофана, поэзіи Лукреція, въ философскихъ системахъ греческихъ, римскихъ, арабскихъ ученыхъ, и ихъ дерзкіе намеки, великія угадыванья, гигантскіе, воздушные замки — въ наше время стали строгой наукой.

VI

У духа есть свои вѣчныя права, его нельзя сковать уставами и убаюкать колокольнымъ звономъ. Счастье, которымъ мы обязаны лжи, не есть истинное счастье; человѣкъ въ нѣсколько мгновеній болѣе свободнаго, болѣе божественнаго состоянья, испытываетъ столько счастья, сколько бы не испыталъ въ долгій вѣкъ прозябанья въ душныхъ, темничныхъ понятіяхъ.

Гейне

Истина—не публичная женщина, бросающаяся на шею къ нежелающимъ ее, она скорѣе красавица, на столько надменная, что даже жертвующій ей всѣмъ, не долженъ быть увѣреннымъ въ ея благосклонности.

Шопенгауэръ

Когда является наука, боги исчезаютъ.

Лякруа

Іисусъ, какъ человѣкъ, много утериваетъ отъ самаго легкаго прикосновенія критики; но нельзя себѣ представить, какою сверхъестественною нелѣпостью становится онъ, если его разбирать, какъ сына бога, члена единой тройцы. Смотрящіе на Іисуса съ божественной точки, — самые злѣйшіе его враги. Все, что въ человѣкѣ заслуживаетъ высокаго удивленія, въ божествѣ не представляетъ ровно ничего достойнаго, даже простого вниманія; всѣ недостатки, слабости, противорѣчія, простительные человѣку, дѣлаются дикимъ абсурдомъ, разъ зайдетъ дѣло о божествѣ, которое должно было все предвидѣть, все знать, быть совершеннымъ во всѣхъ поступкахъ, движеніяхъ.

Если Іисусъ всемогущій членъ единой тройцы, если все возможно для него, — то на что нужны постное зарожденіе въ непорочномъ животѣ, опасности во время дѣтства, твореніе чудесъ? Къ чему было служить неумѣстнымъ поводомъ къ избіенію младенцевъ? Къ чему перенесеніе униженій, битья, сѣченья, мукъ и, наконецъ, распятія? Нужна ли эта сложнѣйшая, безтолковѣйшая процедура триединому Богу? Въ качествѣ всемогущаго, онъ могъ очень легко обойтись безъ всего вздора; не мучая себя, не вводя въ соблазнъ Ирода и іудеевъ, его распявшихъ. Вмѣсто сотенъ чудесъ, онъ могъ свершить одно капитальное: превратить всю землю въ

рай для человѣка. Если царствіе небесное можетъ наступить послѣ втораго пришествія, то гораздо благоразумнѣе, гуманнѣе сдѣлать такъ, чтобы оно наступило при первомъ. Думаю, что съ точки зрѣнія чуда — воскресить провонявшаго Лазаря такъ же трудно, какъ водворить рай, на землѣ. Главное — начать дѣлать чудеса, размѣры, тутъ ни при чемъ!

Молитва въ саду Геѳсиманскомъ, понятная, разъ дѣло идетъ о человѣкѣ, смутившемся въ послѣдніе часы, становится мизерабельною въ устахъ бога. Богъ молитъ самого себя, чтобы миновала добровольно избранная чаша! Тройца вдругъ распадается на свои составныя части. Но на этомъ дѣло не останавливается. Богъ въ критическую минуту, опирается на ничтожнаго ангела — только его помощью выходитъ изъ внутренней борьбы!

Не стану входить въ подробности о томъ, что происхожденіе зла изъ нѣдръ совершенства, смерти изъ безсмертія — не болѣе, какъ высочайшія безсмыслицы.

Я бы постыдился написать эти разсужденія, если бы не зналъ, что изъ массы мудрыхъ теологовъ три четверти, а изъ знаменитыхъ ученыхъ болѣе половины вѣрятъ въ эту дребедень, и съ пѣною у рта, готовы защищать ее, — если бы я не предназначалъ моихъ сочиненій для всевозможнѣйшихъ мозговъ, начиная съ твердыхъ, какъ камень, и мягкихъ, липкихъ, какъ каша.

Пусть читатель для комизма вспомнитъ пророчества Іисуса о второмъ пришествіи; по его словамъ, „солнце, луна потухнутъ, звѣзды спадутъ“. Всевѣдущій богъ не предчувствовалъ появленія Галилея, Коперника, Ньютона, Лапласа. Крошечные дѣти опередили Творца міровъ: при поступленіи въ приготовительный классъ они доджны знать, — иначе получатъ ноль, — что солнце ни для какого Іисуса не станетъ мгновенно потухать въ одинъ прекрасный полдень, земля же съ своимъ спутникомъ не могутъ продолжать существованіе послѣ затухшаго солнца и паденія звѣздъ, изъ которыхъ самая ничтожная болѣе нашей планетки; что солнце, луна, при паденіи звѣздъ, не только потухнутъ, но и сами полетятъ кубаремъ.

Создатель цѣлаго неба не зналъ первыхъ страницъ краткой, физической географіи, не догадывался о существованіи Америки, Индіи, Австраліи, острововъ Тихаго Океана.

По настоящему — кому же лучше, какъ не Творцу, знать географію? Ему во снѣ не снились желѣзныя дороги, телеграфъ, телефонъ, паровыя машины, печатный станокъ, телескопъ, микроскопъ. Онъ не предсказалъ ни одного изъ безчисленныхъ открытій нашего времени.

Всевѣдущій не зналъ, что астрономія съузитъ теологическое понятіе о землѣ, какъ первенствующей въ міровомъ пространствѣ и расширитъ до безконечности небо; не смотря на безпредѣльное пространство, не оставитъ мѣста для божественныхъ дворцовъ и садовъ. Земля, которой богъ придавалъ такое колоссальное значеніе, которой пожертвовалъ единственнаго сына, у людей науки сошла на ничтожную пылинку. Весь божественный невѣжественный вздоръ рухнулъ отъ прикосновенія науки, разсѣялся, какъ давящій ночной туманъ отъ первыхъ лучей восходящаго солнца.

Божественный невѣжда ничего, ничего не зналъ, ничего не предчувствовалъ!!

Рѣзко, черезъ-чуръ рѣзко разошлись естественныя науки съ теологіей.

Библія говоритъ: „Сказалъ богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ. И отдѣлилъ богъ свѣтъ отъ тьмы и назвалъ богъ свѣтъ днемъ и тьму ночью, — и былъ вечеръ и было утро, день первый".

Затѣмъ, только на четвертый день, богъ вспомнилъ о непоправимомъ промахѣ, и очень поспѣшно сотворилъ солнце, луну, звѣзды. „Создалъ богъ два свѣтила: большое, для управленія днемъ, свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды, и поставилъ ихъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю и управлять днемъ и ночью и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы, и увидѣлъ богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ и было утро, день четвертый".

Наука совершенно расходится съ Еговою, находитъ, что все продѣланное имъ на четвертый день, не только не хорошо, но невыносимо нелѣпо, по той простой причинѣ, что создать свѣтъ, отдѣлить его отъ тьмы, устро-

ить день и ночь никакъ нельзя ранѣе сотворенія звѣздъ, солнца, луны. Первые три удивительные дня и три незабвенныя ночи, безъ солнца, луны, звѣздъ, останутся навсегда нерукотворнымъ памятникомъ непроходимаго невѣжества, самодовольной несообразительности.

Одинъ знаменитый французскій теологъ (пощажу его, не назвавъ имени) на двадцати страницахъ доказывалъ, что свѣтъ можетъ быть и безъ свѣтилъ небесныхъ, какъ неопровержимое доказательство, приводитъ древесныя гнилушки, свѣтящіяся въ землѣ...

Теологія, покорная библіи, говоритъ: „Земля — плоское тѣло". Нѣсколько столѣтій назадъ, она прибавляла: „Гоненья, пытки и смерть тому, кто будетъ утверждать противное".

Наука, не смотря на грозящія пытки и смерть, произнесла: Земля—круглое тѣло", и вслѣдъ за этимъ увѣреніемъ открылись: Америка, Австралія, острова Тихаго и другихъ океановъ.

Теологія процедуру сотворенія сплющиваетъ въ 6 дней.

Наука образованіе земли, постепенное развитіе неорганической и органической жизни на землѣ растягиваетъ въ десятки милліоновъ лѣтъ.

Теологія. Все сотворено—попарно.

Наука неусыпно трудится, сводя все величавое, безконечное разнообразіе жизни къ наипростѣйшему источнику: — микроскопической живой клѣточкѣ.

Теологія видитъ всюду удивительнѣйшій планъ, великую заранѣе намѣченную цѣль, чудную цѣлесообразность, умилительную гармонію: все предвидѣлось, все приналовлено къ средѣ,—все сразу изъ рукъ бога.

Наука, изучая міръ паразитовъ, грустно улыбается надъ цѣлесообразностью, умилительной гармоніей: на каждомъ шагу ей рѣжутъ глаза разнообразныя ненужности; въ хорошо устроенномъ органѣ она видитъ безконечно долгую борьбу за существованіе, долгое упражненіе въ извѣстномъ нужномъ направленіи, упорное приналовленіе и наслѣдственную передачу трудно пріобрѣтеннаго.

Теологія смѣло воздвигаетъ неопродолимыя стѣны между человѣкомъ и высшими животными.

Наука — не только между человѣкомъ и животнымъ, но, не смотря на всю тонкость, силу наблюденій вооруженныхъ микроскопомъ, не можетъ провести математической линіи между животными и растеньями.

Теологія: „Богъ вдунулъ въ ноздри человѣка божественную душу".—Невинное вдуваніе образовываетъ непроходимую бездну между животнымъ міромъ и человѣкомъ; цари, аристократія, святое помазаніе, владычество высшихъ расъ надъ низшими и всѣ формы злой, грубой эксплуатаціи вытекаютъ изъ безумно запосчивой ветхозавѣтной импровизаціи...

Наука: Нервное и мозговое вещество, всѣ жизненные процессы, начиная съ высшихъ формъ, кончая низшими, всюду одни и тѣ же, — вся разница въ количествѣ, качествѣ, средствахъ совершенствованія. Теорія происхожденія человѣка отъ обезьяны однимъ ударомъ опрокидываетъ всѣ божественныя происхожденія, вдуванія, помазанія; въ гнилые лохмотья разлетаются порфиры, священныя ризы, покрышки алтарей; въ ничто обращаются души, порхающія надъ матеріей, наигрывающія на ней. Предокъ—лохматая обезьяна—уравниваетъ царя съ готентотомъ.

Въ область сказокъ отходятъ религіозные загробные міры, необыкновенныя, галонирующія сотворенія изъ ничего человѣка, животныхъ, растеній...

Десятки милліоновъ лѣтъ жизнь развивалась, переходя изъ простѣйшихъ формъ въ болѣе, болѣе сложныя; минеральный міръ таинственно сплетается съ растительнымъ, растительный съ животнымъ, во главѣ котораго гордо высится человѣкъ... выраженіе: мертвая природа потеряло смыслъ—вся природа живая.

Теологія: Человѣку дана свободная воля, — онъ отвѣтственъ.

Кровь стынетъ въ жилахъ при мысли, какія ужасныя юридическія теоріи, злодѣйства,выплыли, изъ невѣжественнаго исключенія человѣка изъ окружающаго его міра. Христіанство усугубило всю безпощадность римскаго кодекса, всѣ его сурово желѣзные взгляды, на отвѣтственность личности...

Наука: Весь міръ, начиная отъ неподвижной звѣзды до микроскопической песчинки на берегу океана, повинуется неумолимымъ законамъ; объ исключеніяхъ,

предпочтеніяхъ рѣчи быть не можетъ. Спенсеръ, Гартманъ, Шопенгауэръ, Дреперъ, Герзингеръ, Робертъ Овенъ, Кетеле, Бокль, Шифъ, Бюхнеръ и десятки другихъ выдающихся мыслителей и ученыхъ отрицаютъ свободную волю... Каннибальскимъ пиромъ становится судъ милостивый, праведный, карающій люто слѣдствія и не уничтожающій причинъ. Безсмысленными крово пійцами—разъяренные прокуроры. Стихійною силою, въ родѣ черной смерти, холеры, града, молніи, урагана, становятся галеры, каторги, тюрьмы, гильотины, висѣлицы, цѣпи, пули.

Христіанство, въ порывѣ энтузіазма, произнесло всепрощеніе: „Пусть броситъ камень первый тотъ, кто не грѣшенъ“. Іисусъ, произнося человѣчную фразу, молитъ о *снисхожденіи*: хочетъ шевельнуть совѣсть въ человѣкѣ, яро карающимъ въ другомъ свой собственный грѣхъ.

Наука не проситъ милости, но опираясь на неоспоримые доводы, требуетъ всепрощенія, какъ справедливости; нашимъ юристамъ слѣдовало бы вникнуть въ гласъ народа — „гласъ божій“. Невинно страдающій, несущій изъ поколѣнія въ поколѣніе страшный крестъ жизни, ограбленный, забитый, затерзанный проклятой, ненасытной деспотіей, онъ въ одинъ голосъ назвалъ преступника „несчастнымъ“,— какое великое пониманіе, чудная прозорливость!... Тупыми злодѣями представляются наши мудрецы, не умудрившіеся понять, не смотря на свое обширное образованіе, то, что инстинктивно понимаетъ простой, бѣдный, необразованный человѣкъ. Люди будущаго, навѣрное, будутъ взирать на насъ съ большимъ омерзеніемъ, чѣмъ мы — на мрачныхъ изверговъ инквизиціи. Инквизиторы слѣпо вѣрили въ свободную, капризную волю, въ спасеніе души костромъ, исправленія общества пыткой и палачемъ, но мы не имѣемъ за собою кровавой вѣры; большинство юристовъ, навѣрное, знаютъ въ общихъ чертахъ воззрѣнія величайшихъ людей науки на свободную волю, знакомы съ выводами статистики преступленій; современные судьи замучиваютъ несчастныхъ жертвъ безобразной жизни за жалованье, вкусныйобѣдъ; они не фанатики ложной мысли, но безсердечные лицемѣры!

Огонь, подогрѣвающій ихъ во время безпощадныхъ обвиненій, не священный, но кухонный!

Кетеле въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „Соціальная физика“ пишетъ: „Есть бюджетъ, платимый съ страшной регулярностью: бюджетъ тюрьмы, каторги, эшафота. Есть дань, платимая человѣкомъ съ большею регулярностью, чѣмъ та, которую онъ долженъ природѣ или государственной казнѣ, это — дань преступленію. Печальное положеніе человѣчества. Мы, заранѣе, можемъ высчитать, сколько людей обогрятъ руки свои въ крови ближняго, сколько станутъ поддѣльщиками, отравителями, какъ, приблизительно, можемъ опредѣлить, заранѣе, рожденія и слѣдуемыя за ними кончины. Общество заключаетъ въ себѣ всѣ зачатки будущихъ преступленій, это оно подготовляетъ ихъ, и преступникъ — только печальное, исполняющее орудіе. Каждое государство предполагаетъ извѣстное количество извѣстнаго рода преступленій, они вытекаютъ, какъ неизбѣжныя послѣдствія его организаціи. Это наблюденіе, на первый взглядъ, наводитъ глубочайшее уныніе, но оно становится, напротивъ, утѣшительнымъ, при болѣе близкомъ изученіи: показывая возможность улучшать людей, измѣняя ихъ умственное развитіе и вообще все, что можетъ вліять на ихъ жизнь. Все это подтверждаетъ законъ, хорошо извѣстный всѣмъ философамъ, занимающимся изученіемъ общества, съ его физической стороны: пока существуютъ тѣ же причины, надо ожидать возврата тѣхъ же послѣдствій.

Бокль, опираясь на неумолимую статистику говоритъ: „Преступленія свершаются съ регулярностью океаничекаго прилива и отлива.“

Теологія, въ лицѣ своихъ ревнителей, очень много потрудилась надъ изобрѣтеніемъ разнообразныхъ инструментовъ для запытыванія несчастныхъ еретиковъ, добрые пастыри оперировали жертъ изъ любви къ чистому искусству.

Они часто лили слезы ярости при мысли, что истощенное воображеніе не можетъ придумать новыхъ мукъ, еще болѣе ужасныхъ и медлительныхъ.

Наука изобрѣла хлороформъ, мгновенно прекращающій муки, избавляющій отъ нихъ во время спасительныхъ операцій.

Теологія: Земля великій центръ; солнце, луна, звѣзды ея покорные служители, усладители. Іисусу Навину во время баталіи понадобилось остановить солнце, и онъ, не долго думая, приказалъ ему не горячиться, не спѣшить къ закату: солнце, не смотря на усталость, подождало.

Наука: Земля — кружащійся въ безпредѣльномъ пространствѣ атомъ, среди безконечнаго числа исполинскихъ міровъ.

Теологія доставала небо рукою; ея святые чуть не на почтовыхъ тройкахъ, а часто и на своихъ, укатывали на небо; христіанскій богъ спустился съ него, далъ себя распять, затѣмъ, снова поднялся, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наука, не смотря на всю чудовищность математическихъ вычисленій, въ безсиліи останавливается передъ непзмѣримымъ пространствомъ, безконечнымъ числомъ міровъ.

Теологія слышитъ адъ со всѣми нужными вертелами, сковородами, щипцами, жупелами подъ ногами.

Наука: въ лицѣ многихъ ея представителей, предполагаетъ полное охлажденіе земли, слѣдовательно, не признаетъ огненнаго ядра въ ея центрѣ.

Теологія: Капризная воля бога двигаетъ тучами, бурями, океанами, морями. Солнце на небѣ и песчинка въ пустынѣ повинуются ей. Молнія — гнѣвъ бога, радуга — эмблема надежды.

Наука: Все двигается равнодушными, непреложными законами: ни въ небесномъ мірѣ, ни на землѣ, — нигдѣ, никогда произвола. Молнія изъ небесныхъ чертоговъ, изъ рукъ бога сошла въ физическій кабинетъ; гнѣвомъ бога занимаютъ публику на публичныхъ лекціяхъ; эмблема надежды подверглась тому же уничиженію.

Теологія: Молитва можетъ свершить чудо: она двигаетъ горами.

Наука: Молитва двигаетъ одни воздушные замки и воздушныя горы, на самомъ дѣлѣ она не въ состояніи сдвинуть пылинки; самая пламенная, громкая, она не болѣе, какъ колебаніе атомовъ въ пространствѣ. Слово закопъ — парализируетъ слово молитва; что же касается до чудесъ, наука признаетъ единственное чудо:

что есть люди до настоящей минуты, вѣрящіе въ чудо. Наука не болѣе пятидесяти лѣтъ, выступила на настоящій путь и, несмотря на то, что ею занимается микроскопическое меньшинство, она начала творить чудеса; попы ихъ поддѣлываютъ, наука ихъ дѣлаетъ. Скажи кто нибудь въ XVI вѣкѣ, что житель Парижа можетъ переговаривать съ жителемъ Марсели, его подвергли бы за сношенія съ нечистою силою весьма разнообразнымъ пыткамъ, а затѣмъ, спокойно, даже весело сожгли бы... Передъ сожженьемъ, ему сказали бы: „если ты можешь переговаривать изъ Парижа въ Марсель, то ты можешь съ нами переговариваться изъ ада.“

Теологія: Душа безсмертна, вѣчна.

Наука: Вѣчна, безсмертна матерія; духъ, отдѣленный отъ нея, — абстрактъ, выдуманный глубочайшимъ невѣжествомъ.

Теологія: Жизнь — процессъ божественный, фантастическій, витающій надъ матеріей, повелѣвающій ею.

Наука: Жизнь — сложный химическій процессъ...

Теологія: Смерть — уничтоженіе матеріи. Трупъ — прахъ, тлѣнъ.

Наука: Могила — колыбель новой жизни, прахъ — форма жизни, тлѣнъ — кипучая жизнь.

Теологія набрасываетъ на все таинственные покровы, — маска, тайна всюду; въ каждомъ темномъ углу притаилось „невѣдомое“. Вѣра паритъ на той высотѣ, на которой — къ великому сожалѣнію—логика, опытъ, наблюденія считаются непростительными преступленіями; пирамидальная неподвижность, мракъ—ея силы, свѣтъ, разумъ — ея гибель.

Наука дерзко снимаетъ съ природы покровы, и безцвѣтными становятся передъ неувеличчавые мраморные бюсты олимпійскихъ боговъ, безъ покрывалъ. Непобѣдимое могущество науки — опытъ, наблюденія; сила ея доказательствъ—всѣмъ отданные на провѣрку факты. Сомнѣніе, глубочайшій анализъ — двигающія ея силы.

Теологія пресмыкается передъ непзвѣстнымъ, называетъ неузнанное, непонятое, временно - необъяснимое — богомъ. Руки вѣрующаго безсильно опущены, или сложены на молитву; пресмыкающійся червь земли,

пѣшка въ рукахъ всевышнихъ силъ, — онъ еле смѣетъ поднять взоръ на небо, моля о помощи; рабъ бога, тысячи лѣтъ назадъ писаннаго закона, — онъ представляетъ колеблющееся отъ каждаго суроваго дуновенія ничтожество...

Наука, изучая природу, ея законы, распластывая таинственную жизнь подъ микроскопомъ, слѣдя за ея движеніемъ въ химической лабораторіи, подыметъ человѣка до выдуманнаго бога; пониманіе природы во всѣхъ ея тончайшихъ проявленіяхъ сдѣлаетъ его гордымъ повелителемъ вселенной. Нѣтъ той безумной мечты, которая бы даже при современномъ знаніи, не близилась къ разрѣшенію.

Теологія: Надѣйся на бога: ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы твоей безъ воли творца. — Огромное число лысыхъ ясно указываетъ, что творецъ началъ не въ шутку заниматься париками...

Увы! кто не знаетъ, что восторженное созерцаніе творца, надежда на него удивительно предрасполагаютъ къ кувырканьямъ.

Народная мудрость замѣтивъ кувырканья, сложила пословицу: „на бога надѣйся, а самъ не плошай.“ „Береженаго и богъ бережетъ.“

Наука: Надѣйся на самого себя: гордое сознаніе въ себѣ человѣка спасетъ тебя; ты имѣешь право на безграничную свободу, счастье, и всѣ блага жизни, стремись, не щадя силъ, къ тому свѣтлому будущему, которое не будетъ нуждаться не только въ угнетателяхъ, но и въ попечителяхъ, наставителяхъ.

Наступитъ время, когда будущіе народы каждый годъ съ бѣшенными танцами, подъ громовые раскаты музыки, съ радостнымъ пѣніемъ, будутъ торжественно сжигать на громадномъ кострѣ три мерзкихъ чучелы: одно въ коронѣ, другое — въ поповскомъ клобукѣ, третье — въ парикѣ, со сводомъ законовъ подъ мышкою. То будетъ величайшій праздникъ, свѣтлое воскресеніе! Когда пламя начнетъ пожирать чучелъ, символизирующихъ рабство, нищету, жестокость, позоръ, сами розовые младенцы будущаго будутъ аплодировать своими пухлыми ручонками, упоенные радостью.

Теологія, не смотря на претендуемыя божественное происхожденіе, универсальную миссію, не открыла намъ

ровно ничего полезнаго; — врядъ ли кто сочтетъ полезными, отправлющіе здоровье ликеры : Бенекдиктина, Шартреза и пр. не пошло ей въ прокъ небесное покровительство.

Наука, не смотря на матеріальность, земное, плебейское происхожденіе и на постоянный антагонизмъ съ небеснымъ творцомъ, отстранила отъ головы грозную молнію; она повелѣваетъ вѣтромъ и паромъ, передаетъ слово черезъ ширь океана въ секунду; дѣлаетъ голосъ слышнымъ на растояньи тысячъ верстъ. Ея всевидящее око проникло въ глубь земли и морей, въ таинственный міръ звѣздъ, и скоро, скоро она услышитъ „гадъ морскихъ подводный ходъ, дольней лозы прозябанье“ и, можетъ быть, не снившееся мудрецамъ движеніе мысли въ мозгу у человѣка.

На будущемъ науки лежитъ „покрывало розоваго цвѣта и сквозь него просвѣчиваютъ колонны, золотые сосуды и слышутся гармоническіе звуки.“

Что же сказать о морали науки и религіи? Постановка ихъ рядомъ — дикое кощунство надъ наукой; Напомню слова свѣтлаго мыслителя: „Наукѣ никогда не приходила мысль союза съ гражданской властью; она никогда не искала сѣять вражду между людьми, ни разорять общества.Она не заставляла никого страдать ни морально, ни физически, а тѣмъ болѣе, не обрекала смерти за мужественную защиту своихъ убѣжденій. Она неповинна ни въ жестокостяхъ, ни преступленьяхъ. Что же касается до Ватикана, — стоитъ только напомнить инквизацію. Руки, простиравшіяся къ милосердному богу, были обогрены кровью.

VII

Духовенство царствовало во тьмѣ посредствомъ помраченія духа.

Гейне.

Безъ отвѣта и оправданія стоитъ церковь передъ судомъ исторіи, передъ неподкупнымъ судомъ потомства; ея благословляющіе пальцы въ крови, бѣлыя ризы ея въ кровавыхъ пятнахъ, и никакіе ѳиміамы не уничтожатъ запаха жженаго человѣчьяго мяса, которымъ она пропахла; никакіе гимны не заглушатъ замогильныхъ голосовъ казненныхъ, замученныхъ жертвъ.

„Отщепенцы“ Соколова.

Ручные слоны, носороги неуклюже забавляли римскую публику ; забавляя ту же публику, цезари публично вѣнчались съ своими женоподобными рабами. Римъ цезарей былъ, покоющійся на семи холмахъ, всесвѣтный люпанаръ; онъ задыхался, наслаждаясь.

Несмѣтныя богатства скопились у кучки пугалъ, не только потерявшихъ образъ человѣческій, но и не имѣвшихъ его со дня рожденія. Бездонная пищета, почти подходящая подъ лондонскую, все болѣе, болѣе становилась удѣломъ массъ. Развратъ дошелъ до кровосмѣшенія и, вслѣдствіе своей откровенности, казался чудовищнымъ.

Но нѣтъ сомнѣнія, по части разврата христіанскіе города: Берлинъ, Петербургъ, Лондонъ, Вѣна, Парижъ далеко оставили Римъ за собою. Кинжалъ, ядъ стали орудіями междучеловѣческихъ отношеній. „ Народъ сдѣлался чернью, Аристократія дьяволомъ, Римъ адомъ “.

Паяцъ, живущій на содержаніи у старой, похотливой аристократки, задавалъ примирительные пиры знатнымъ прохвостамъ, напичкивалъ ихъ до рвоты мозгами страусовъ, соловьиными языками, верблюжьими пятками, опаивалъ душистыми винами, но аристократы не удовлетворялись верблюжьими пятками — они часто впадали въ желудочную нимфоманію: одинъ старался распустить въ уксусѣ жемчугъ и выпить его, другой питался муренами, выпитанными тѣлами рабовъ ; цѣна на нихъ была такъ дешева, что ей могли бы еще такъ недавно позавидовать русскіе помѣщики, мѣнявшіе здоровую дѣвушку на охотничью собаку.

Но не нужно забывать, что верблюжьи пятки, соловьиные языки нелѣпы, гадки вслѣдствіе своей страшной дороговизны; но земляника, подаваемая въ Петербургѣ въ январѣ, отличается отъ нихъ только безвкусіемъ и недостаткомъ изобрѣтательности, жемчугъ въ уксусѣ уступаетъ въ безуміи, глупости зажиганью папиросъ сторублевыми бумажками.

Древній міръ, пирующій, среди колоннадъ изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ, въ залахъ съ фонтанами, статуями, сверху до низу одѣтыхъ величайшими созданіями искусства, стоялъ, во всякомъ случаѣ, выше новаго міра, обжирающагося тяжеловѣсными мясами въ душныхъ залахъ, лишенныхъ древняго вкуса, величавой простоты, изящества.

Скучающіе шалуны ѣздили верхами на оленяхъ, впрягали въ золоченыя колесницы львовъ, тигровъ, леопардовъ; не предчувствуя, что нѣкоторые изъ русскихъ помѣщиковъ, черезъ семнадцать столѣтій, перещеголяютъ ихъ, умудрившись запречь въ бѣговыя дрожки священника, съ дьячкомъ на пристяжкѣ. Нагія римляпки, влекущія на золотыхъ цѣпяхъ колесницу цезаря, представляли зрѣлище, во всякомъ случаѣ, болѣе картинное.

Циркъ, съ стотысячною толпою, вылъ, слѣдя за послѣднею дрожью умирающаго гладіатора, прислушиваясь съ игривымъ чувствомъ къ хрусту костей христіанина въ зубахъ льва: ревѣли, заѣдая другъ друга, выпущенные на арену: слоны, [illegible] львы, тигры, гіены.

Если публика пресыщалась зрѣлищемъ, ее оживляли комическимъ представленіемъ: хватали голяка нищаго, клали ему въ руки яйцо и бросали на арену. Онъ долженъ былъ положить яйцо на алтарь, воздвигнутый по серединѣ; путь къ нему былъ усыпанъ не розами; на обагренномъ кровью пескѣ лежали, отъѣвшіеся до отвалу христіанами, львы, тигры, гіены; голякъ долженъ былъ пробраться между ними; ужасъ безъ границъ кривлялъ его изможденные члены; онъ дѣлалъ движенія невѣроятныя, сверхъестественныя, чтобы непробудить вниманія дремлющихъ животныхъ. И надъ этою макабарскою пляскою до безумія хохотала несмѣтная толпа! Это очень омерзительно читатель, но нужно сознаться, что христіанская несмѣтная толпа, весело смотрящая на

эшафотъ, когда страшный топоръ падаетъ на шею несчастнаго, и голова, облитая кровью, катится въ мѣшокъ, представляетъ зрѣлище, неизмѣримо, болѣе гнусное.

Тысяча восемьсотъ лѣтъ должны были пройти не даромъ, и поуспокоить кровавые аппетиты бенгальскаго тигра.Та же толпа провожая приговореннаго,съ жаднымъ любопытствомъ заглядываетъ въ исковерканное муками лицо.

Когда Дамьена, послѣ ужасающихъ истязаній, послѣ вливанья въ раны растопленнаго свинца, разрывали, съ помощью четырехъ сильныхъ лошадей, одна нѣжная, поэтическая, придворная дамочка, весело созерцавшая пытки, совершенно неожиданно проявила жалость, но только не къ Дамьену, а къ лошадямъ ; обращаясь къ сосѣдкѣ, она замѣтила: „бѣдныя лошадки могутъ надорваться“.

Когда приближенную Муравьева-вѣшателя извѣстную своею сентиментальностью спрашивали : „ Правда ли, что Каракозова пытаютъ ? “ Она смѣясь отвѣчала: „ О, нѣтъ! его только цѣлые дни сѣкутъ “.

Смертная казнь, уцѣлѣвшая до настоящей минуты,— несмываемый позоръ, правительство, допускающее ее, глубоко варварское, люди, смотрящіе на нее — краснокожіе.

Если я являюсь на площадь, гдѣ казнятъ, не съ цѣлью освободить несчастнаго, но любоваться его муками,—я братъ палача; нравственно я даже ниже его ; изъ подъ полы я сую ему отточенный ножъ,а самъ прячусь за уголъ, наслаждаясь убійствомъ и послѣдними корчами: я люблю злодѣйство, но у меня руки дрожатъ, когда беру ножъ, въ глазахъ мутитъ, когда выбираю мѣсто для удара !...

Изрѣдка, по ночамъ, виллы цезарей освѣщались факелами изъ живыхъ людей; христіане, обвитые соломой, облитые смолой, горѣли ярче электрическихъ фонарей. Черезъ тысячу лѣтъ христіанскіе служители каждый день, на пространствѣ половины Европы, сжигали на кострахъ тысячи людей, за религіозныя убѣжденія, и это длилось долго, до ужаса долго...

Цвѣты въ садахъ богачей иногда поливались виномъ ; овцы окрашивались пунцовой краскою, а цѣлая

Римская имперія, для потѣхи цезарей, окрашивалась пунцовою кровью. Эліогабалъ испражнялся въ золотые сосуды, мостилъ мостовую около своихъ оконъ драгоцѣнными камнями съ прекрасною, но увы, ежедневно откладываемою мыслью: разбить свою безумную голову о стоющіе безумныя деньги камни. Онъ повелѣлъ сенаторамъ кланяться до земли своему любимому жеребцу. Такія шалости въ самодержавныхъ государствахъ на волосъ никого не удивляютъ. Во время Павла, Николая и въ настоящее царствованіе, мы видѣли не лошадей, но гадкой породы ословъ въ званіи министровъ, и всѣ имъ кланялись, за что то благодарили; послѣ смерти, газетчики ихъ даже воспѣвали.

Эліогабалъ собиралъ, не бывъ германскимъ метафизикомъ, паутину со всего Рима; отрывалъ живымъ пѣтухамъ гребешки; вырѣзалъ языки живымъ соловьямъ; попугаямъ, очень походившимъ на его сенаторовъ, отвертывалъ головы и питалъ въ душѣ замыселъ не совсѣмъ дурной: свершить туже чрезвычайную операцію и надъ сенаторами; ѣздилъ въ золотой колесницѣ, запряженной нагими римскими красавицами и голый, безъ фиговаго листа, правилъ ими. Онъ часто дарилъ своимъ льстецамъ кубки, наполненные скорпіонами, раздражалъ голодъ у своихъ гостей, и когда тѣ лѣзли чуть не на стѣну, угощалъ ихъ лакомыми блюдами изъ воска, алебастра; въ одинъ прекрасный вечеръ онъ чуть не задушилъ своихъ гостей, засыпавъ ихъ сильно пахучими цвѣтами.

Исторія Цезарей—исторія смертей... Люди умирали съ тупымъ спокойствіемъ до приговора. Цезарь, какъ въ сонномъ видѣніи, изрекалъ: „Умри“ и нестоющая жизни жертва, безъ мольбы, стоновъ, проклятій, тѣни протеста, садилась въ теплую ванну, вскрывала жилы. Для очень приближенныхъ къ цезарю, чародѣйка—Локуста варила необыкновенные яды... Смерть царила не въ мрачной, трагической красотѣ, но во всей неблагопристойности. Что можетъ быть пошлѣе смерти, по капризу полуумнаго деспота?! Въ теплыхъ ваннахъ, иногда, декламировались стихи, велись, нелишенныя глубины, остроумія, философскія бесѣды.

Женщины,—какъ во всѣ времена—умирали лучше мужчинъ. Въ Римѣ, какъ теперь въ Россіи, царили,

благоденствовали одни палачи, доносчики, провокаторы, воры. Не поражая, не вызывая кровавой мести, борьбы, цезарь говорилъ, по очереди, низкоподданнымъ умирающей націи: „Умри, ты очень богатъ, я хочу стянуть твои сокровища, изнасиловать твою жену и дочерей“! „Умри: мнѣ надоѣла твоя приторная, холопская рожа, ты слишкомъ лижешь мои ноги, мѣшаешь свободно ходить. Твой медоточивый языкъ ясно указываетъ, что ты, втихомолку, страшно много накралъ и натворилъ бездну преступленій“.—„Умри, ты знатной фамиліи; послѣ верблюжьихъ пятокъ, очень вкусно приготовленныхъ, мнѣ скверно спалось, приснилось, что ты перегрызъ мнѣ горло“. „Умри, ты далекій родственникъ цареубійцы“.

За ними вслѣдъ, и сами изрекатели приговоровъ кончали не совсѣмъ нормально: придворные ускоряли законы природы; одного душили одѣяломъ, другого спроваживали пикантнымъ, рыбнымъ соусомъ, третьяго загнавъ въ западню, доводили до самоубійства, и если рука цезаря дрожала, вонзая кинжалъ, руку повелителя вселенной, полубога, замѣняла твердая рука раба: онъ прирѣзывалъ земнаго бога, какъ теленка.

Ужасно общество безъ будущаго, глядящее въ собственную могилу, безъ думы, чуть не съ зѣвотою, ждущее только свистка эпилептика, нелѣпаго выродка, чтобы смиренно мерзко, покорно умереть... Нѣтъ спасенья и выхода: съ одной стороны до истомы, наслаждающійся скотскими пиршествами, оргіями патрицій, съ другой—замученный, ногами затоптанный, вѣками забитый, потерявшій человѣческую рѣчь рабъ,—и впереди Nighil.

Исторія Христіанства насчитываетъ очень, очень много Калигулъ, Нероновъ, Элiогобаловъ. Въ звѣрствѣ, глупости, невѣжествѣ, безуміи, они далеко оставляютъ за собою классическихъ изверговъ...

Каковъ императоръ, таковы были и низкоподданные: онъ свершалъ пакости въ размѣрахъ колоссальныхъ публично, при эффектной обстановкѣ; низкоподданные въ размѣрахъ маленькихъ по домамъ, загороднымъ виллamъ, чтобы не раздражить соперничествомъ цезаря.

Религія — увы! — никого не поддерживала; жизнь тихо потухала на Олимпѣ,—увялъ старикъ Юпитеръ!... Аристотель, Сократъ, Платонъ, Эпикуръ не даромъ презрительно трунили надъ нимъ; но не одни великіе умы—это еще можно было простить, — но даже презрѣнные жрецы не могли заглянуть въ глаза другъ другу, не прыснувъ со смѣху. Старый истуканъ не возбуждалъ жалости ни на небѣ, ни на землѣ; онъ, видимо, разваливался, вывѣтривался стихійныя силы начинали брать верхъ надъ божественными. Прошли чудныя времена, когда богатыя жертвы съ колѣнопреклоненіями клались у его ногъ, и изъ чашъ золотыхъ подымался дымъ благовоній; теперь часто на покинутомъ пыльномъ алтарѣ, не радуя взора, валялись одна несвѣжая курица, полдесятка, непроданныхъ вслѣдствіе протухлости, яицъ, букетъ выдохшихся дешевыхъ цвѣтовъ. Уныло поглядывалъ Юпитеръ на курицу, злобно на Юпитера разочаровавшійся, голодный жрецъ. Богъ дряхлѣлъ, становился въ тягость даже самому себѣ; страшные громы его уже не забавляли, рука метавшая молніи, такъ обезсилѣла, что не въ состояніи была бы позвонить въ простой колокольчикъ.

Ухаживать по старинному за хорошенькими богинями онъ, по старости лѣтъ, не могъ, да и не до нихъ было, смотря на разрушающійся Олимпъ; отдыхая послѣ сытнаго обѣда, послѣ лишней бутылки амброзіи, улыбаясь, вспоминалъ онъ свои остроумныя превращенія: веселый, полный огня, онъ спускался на одну богиню въ видѣ золотого дождя; другой являлся быкомъ, и только по глазамъ удавалось открыть бога; иногда —лебедемъ, съ нѣсколько странными вкусами, привычками и ласками, если богиня была застѣнчива, боялась небесныхъ сплетень, онъ закутывался съ нею въ лучезарное облако, что гораздо изящнѣе, удобнѣе тюлевыхъ гардинъ...

Увы! богини вѣтряныя, страстныя забыли немощнаго Юпитера, связались съ его незаконнорожденными дѣтьми и втихомолку, посмѣивались надъ нимъ; Богъ умиралъ безъ наслѣдниковъ, безъ состоянія: оно было давно промотано; зная этотъ печальный фактъ, даже далекіе родственники не являлись съ пропсками; мно-

гіе изъ нихъ подозрѣвали громадные долги, побаивались всенебесной описи.

И въ это смутное для Олимпа время, въ минуты его гибели, всеобщаго спроса на новаго бога, на далекомъ востокѣ, около маленькаго городка, въ тѣни пальмъ, въ коровьихъ ясляхъ, бокъ о бокъ съ телятами, родился новый богъ; узнавъ объ отсутствіи наслѣдства, онъ изъ самолюбія не отказался отъ ободраннаго трона и гордо, передъ лицомъ цѣлаго міра, назвалъ себя богомъ-нищимъ, сталъ защищать бѣдность. Но бѣдность погубила и самого бога! То былъ несчастный богъ: оплеванный, опозоренный даже выпоронный, онъ въ мукахъ погибъ на крестѣ, и ужасное проклятіе обрушилось на головы всѣхъ, искренно принявшихъ его ученіе... Виноватъ, я забылъ о долгахъ, онъ не убоялся ихъ: онъ зналъ, что не станетъ платить.

Вверху все пировало, шутило, истерически наслаждалось; подъ землею, подъ Римомъ-гнилью, разыгрывались сцены діаметрально противоположныя. Въ тиши катакомбъ, при свѣтѣ ладпадъ, люди-братья, въ бѣлыхъ одеждахъ, зеленыхъ вѣнкахъ, съ восторженнымъ взоромъ говорили о всеобщемъ духовномъ братствѣ, универсальной любви, самоотверженіи, о скоромъ пришествіи въ блескѣ, силѣ, славѣ спасителя міра. Блѣдные старцы, незлобивые, какъ младенцы, произносили проповѣди, полныя поэзіи, дышащія таинственностью; они передавали разсказы о жизни и мученической смерти избавителя. Подземный міръ былъ полонъ величавыхъ мистерій—то было царство сонамбуловъ.

Свѣтлое время переживало христіанство: оно не гнало, но было гонимо; мучительная смерть витала надъ головами проповѣдниковъ, одухотворяла слова безграничною мощью. Христіане, ушедшіе подъ землю отъ міра преступленій, страданій, униженій, отличались чистотою, вѣрою, энтузіазмомъ, готовыми на великія жертвы.

Въ этотъ краткій промежутокъ, полный напряженія всѣхъ душевныхъ силъ, христіанство не грабило, но сносило имущество въ общее пользованіе. Въ подземелье часто доносились ревъ, гоготаніе черни, рыканіе львовъ, рвущихъ ихъ братій, и они смиренно, жарко

молились за гибнущихъ и ихъ палачей. Слова любви, самоотверженія были не пустые звуки: то было время святыхъ словъ, святыхъ дѣлъ.

Страшною смертью, передъ стотысячною толпою, они пропагандировали свое ученіе; хрустъ ихъ костей въ пастяхъ львовъ, тигровъ былъ сильнѣе, оглушительнѣе, дѣйствительнѣе всѣхъ проповѣдей; многіе невольно спрашивали: кто они? за кого такъ спокойно радостно гибнутъ? за кого со слезами молятся? какія чары таятся въ ихъ проповѣди?

Въ христіанскія общины шелъ черный рабъ, съ ранами отъ кандаловъ, кровавыми рубцами отъ плети; шли гетеры, измученныя оргіями, сладострастіемъ, шли палачи, тюремщики рядомъ съ жертвами, и ихъ принимали, не спрашивая о прошломъ, прося только о любви, упованіи.

Въ проповѣдуемомъ царствѣ свѣта всѣ были равны: цезарь и нищій, разбойникъ и праведникъ; огромныя ворота божьяго царства были раскрыты настежъ: Петръ Апостолъ тогда. только что поступилъ въ привратники —не былъ еще утомленъ, былъ въ хорошемъ расположеніи духа; стоило только вѣрить, любить, чтобы свободно войти.

Евангелія еще не были написаны...

Да простятъ мнѣ трезвые критики нѣсколько хорошихъ словъ о христіанствѣ, я чувствую, что параллели мои рѣзки, что я искажаю суровую, историческую правду, становлюсь на ходули, ухожу въ фразу, поэзію, сентиментальный романтизмъ, черезчуръ свѣтло смотрю на зародыши христіанства.

Состраданіе ко всеобщей придури шевельнулось во мнѣ, и я захотѣлъ, хоть полстраницею утѣшить читателя-христіанина; полстраницы на все сочиненіе, не много! къ тому же, все это случилось такъ давно!... такъ давно!... „Мигъ одинъ, и нѣтъ волшебной сказки, и душа полна возможнымъ“.

Трудно себѣ представить, какого труда, напряженія умственныхъ силъ, натяжки фактовъ нужно было, чтобы написать полстраницы свѣтлой о христіанствѣ; я нѣсколько разъ бросалъ перо, видя, какъ искорки золота, скрытыя въ огромныхъ массахъ грубой руды, вдругъ пропадали,и я тщетно искалъ ихъ всюду, думая не помѣре-

щились-ли блестящія искорки и не искры-ли это моихъ собственныхъ глазъ, часто являющіяся при сильномъ и безплодномъ утомленіи мозга? Иногда, я былъ обманутъ мечтою, передо мною вспыхивалъ яркій лучъ, но только я начиналъ пристально вглядываться, онъ тускнѣлъ, принималъ зеленый оттѣнокъ гніющаго трупа, мракъ надвигался и безжизненный онъ тонулъ въ его волнахъ.

Совсѣмъ другое—черные стороны христіанства, это благодарная тема! ищущій правдивыхъ фактовъ, отыщетъ ихъ всюду, и если умъ не съежится передъ собственными рѣзкими выводами, онъ можетъ сказать многое, будетъ, буквально, задавленъ громадностью матеріаловъ. Людей, писавшихъ противъ христіанства закончено, всесторонне не очень много, но писавшихъ за него, въ то же время, помимо себя, противъ него, несмѣтное число. Чѣмъ восторженнѣе относился историкъ къ христіанству, тѣмъ безплоднѣе, безнравственнѣе, лживѣе выходило оно; панегиристы христіанства мнѣ напоминаютъ нашихъ крѣпостниковъ помѣщиковъ, военныхъ, приближенныхъ ко двору, литераторовъ участковъ, которые, иногда, отъ души похвалятъ такъ, что порядочнаго человѣка холодомъ обдастъ; если иногда, вспомнятъ въ веселую минуту, кое что изъ безшабашнаго прошлаго, то отъ этихъ игривыхъ воспоминаній, долго, очень долго въ головѣ и желудкѣ бываетъ нехорошо.

Вся средневѣковая исторія — бездонная могила христіанства, трогательнѣе всего, что она рылась, орошаемая кровью, слезами вѣрующихъ, они рыли ему могилу, мечтая о его безсмертіи.

Когда я читалъ эту исторію, въ ушахъ немолчно раздавались похоронное пѣніе, похоронный колокольный звонъ, вѣяло смертью, смертью безславной...

Крестовые походы, другими словами — походы дикой мечты противъ желѣзной дѣйствительности; поучительное зрѣлище представляли они; крестоносцы шли, не зная въ какой странѣ находится Іерусалимъ; удивительнѣйшія баталіи устраивались во многихъ городахъ, въ невинности душевной, принимаемыхъ за Іерусалимъ; разбитые, разочарованные, заразившіеся мусульманскимъ невѣріемъ, пораженные культурой му-

сульманъ, возвратились они домой. Папа, загребливая текущее со всѣхъ сторонъ,золото гремѣлъ: „Самъ богъ сражается въ рядахъ крестоносцевъ,и невѣрные погибнутъ какъ воскъ отъ лица огня!“ Но начали таять, совершенно неожиданно, какъ воскъ отъ лица огня, не невѣрные, а вѣрные, поражаемые, не смотря на высокую протекцію бога, со всѣхъ сторонъ, моровою язвою и блестящими войсками сарацинъ. Крестоносцы отовсюду начали получать удары, отрезвляющаго характера.

То было не торжество бога, но торжество политической экономіи. земельная собственность начала уплывать изъ рукъ феодаловъ.

Фридрихъ II нанесъ папству, крестоносцамъ, такой ударъ, передъ которымъ исполинскіе удары Ричарда Львинаго Сердца по головамъ Сарацинновъ, не болѣе, какъ материнское глаженье по головкѣ. Философъ, скептикъ, сарацинъ по уму и одеждѣ, онъ переговорилъ, не болѣе часа, съ образованнымъ, умнымъ египетскимъ султаномъ, и тотъ, добродушнѣйшимъ образомъ, передалъ ему ключи отъ града господняго.

Величавая простота поступка сбила цѣну съ гроба бога и вслѣдствіи этого, очень огорчила папу. Мнѣ кажется, что Фридрихъ II, презрительно улыбаясь, приблизительно сказалъ султану: „Несмѣтная толпа глупцовъ придаетъ великое значеніе кубическому саженю земли, въ которой будто бы пролежалъ три дня ихъ безсмертный богъ; ни вы, ни я, ни на секунду, не сомнѣваемся, что этотъ божественный, довольно взбалмошный чудакъ выдуманъ жадными плутами-попами, какъ самый крестовый походъ выдуманъ старымъ воромъ папою, для однихъ финансовыхъ операцій; они перекопировали очень скверно преданья дряхлаго востока, или же навязали, гнущееся на всѣ стороны — чаще всего въ сторону разбойниковъ и воровъ — ученіе, блѣдному лицу, предварительно, немилосердно зарядивъ его чудесами и окутавъ очень полежалыми легендами. Отдайте варварамъ, тупымъ невѣждамъ городишко, не имѣющій для васъ никакого значенія; пусть, позабавятся, антикварской находкой“.

Въ папствѣ многіе видятъ противовѣсъ развитію имперіи, борьба папъ съ императорами до того шокировала, шельмовала обѣ стороны, что Европа, на гла-

захъ которой разыгрывались кроваво-трагическія и глубоко комическія представленія, налюбовавшись ими до сыта, начала сильно пресыщаться и духовными пастырями, и свѣтскими владыками. Папство умѣло устраивать неподражаемыя иллюминаціи, и при ихъ разноцвѣтномъ освѣщеніи вырисовывались обѣ стороны во всѣхъ омерзительныхъ деталяхъ; какая изъ нихъ оказывалась гнуснѣе, сказать трудно. Мнѣ, какъ русскому, кажется, что имперія есть тотъ предѣлъ невыразимой мерзости, за которымъ наступаетъ „океанъ бездонный, темный гробъ вселенной". Въ папствѣ билась революціонная жилка, оно учило неповиноваться, итти неумолимою войною противъ деспотовъ, очень часто разрѣшало отъ всѣхъ вѣрноподданническихъ обязанностей, уставовъ, подымало на бунтъ, съ грязью смѣшивало помазанника, самые ревностные его послѣдователи не останавливались передъ цареубійствомъ. Папство играло обоюдоострымъ мечемъ, и въ одинъ прекрасный день поранило себя смертельно. Оно рыло могилу имперіи и само провалилось въ чужую могилу. Дикое, смѣшное и поучительное зрѣлище!...

Наше русское императорство не имѣетъ за собою даже „этихъ отрицательныхъ достоинствъ; вооруженное кнутомъ, дубиною, плетью съ тремя наконечниками, оно насъ вѣчно учило только холопски подло повиноваться; заколачивая въ гробъ, оно съ свинцовымъ, свирѣпымъ тупоуміемъ, твердило, изъ часа въ часъ, цѣлыя столѣтія: „Презрѣнный холуй! Лежи смирно подъ кнутами, я, владыка, удостаиваю сѣчь тебя, самое большое, что я могу разрѣшить тебѣ, это слезно просить о прощеніи; виноватъ ли ты или нѣтъ, это неважно, главное, чтобы кнутъ не залеживался, не смѣй думать, дышать, мечтать, твое дѣло лизать, пресмыкаться и слюнявить поцѣлуями руку, сѣкущую тебя! Ты былъ холуй, есть и будешь до скончанія вѣка, твоя историческая миссія: разработать, воспѣть, освятить, одухотворить и на вѣки упрочить достославное хамство.

Многіе считаютъ за достоинство папства: объединеніе народовъ однимъ общимъ богомъ, одними вѣрованіями, но это достоинство присуще всѣмъ религіямъ: браманизму, буддизму, мусульманству, но благо единенія сильно умаливается, когда узнаемъ, что чѣмъ гро-

маднѣе становилось единство, тѣмъ невыносимѣе становилась жизнь для умныхъ, смѣлыхъ, громадно талантливыхъ, самостоятельныхъ единицъ. Геній, наука безпощадно преслѣдовались. На глазахъ всей Европы, на папскій престолъ всходили висѣльники, двѣнадцатилѣтніе мальчишки-содомисты, злодѣи такого характера, что жизнь ихъ по безобразію похожа на сказку о „синей бородѣ“. Съ трона папскаго падали въ тюремные подвалы, помойныя ямы; непогрѣшимымъ папамъ выкалывали грѣшные глаза; ихъ пичкали ядомъ, оплеухами; возили по городу на ослѣ, лицомъ обращеннымъ къ ослиному заду. Папскій тронъ продавался съ аукціона, какъ дорогая, античная мебель. Въ одно скандалезное утро, три папы усѣлись на папскій престолъ и всѣ трое, одинъ громче другого, заговорили о непогрѣшимости. Семдесятъ лѣтъ въ Авиньонѣ, второй экземпляръ папы изрѣкалъ анаѳемы противъ перваго. Всѣ извѣстныя въ то время не цензурныя выраженія были пущены въ ходъ и много новыхъ, чрезвычайно пикантныхъ, введено; если мы хорошо умѣемъ ругаться, мы вполнѣ обязаны кроткому духовенству; мы осыпали его матеріальными благами, оно насъ духовными.

Развратный мальчишка, дирижируемый распутницей, усѣвшись на нѣсколько мѣсяцевъ на папскій престолъ, чудодѣйственно преображался: мозговая, негодная гуща становилась непзсякаемымъ источникомъ абсолютныхъ истинъ; идіотъ, не умѣющій связать двухъ словъ, изрекалъ приговоры отлученія надъ народами, втравливалъ въ междуусобную войну; зажигалъ безчисленные костры для еретиковъ; полупомѣшанный старикъ, еле подымающій руку, указывалъ на страну, и она заливалась невинною кровью. Представители христіанскаго аскетизма содержали изъ за барышей непотребные дома, для знатной публики; сами гнили отъ сифилиса, околѣвали отъ пьянства, обжорства. Многіе изъ папъ, во время торжественнаго богослуженія, издѣвались надъ религіей, отпускали тирады, скабрезнѣйшаго характера, по поводу дѣвственной мамаши Іисуса, родившей безъ грѣха и живота; клялись, ежеминутно, Юпитеромъ, Бахусомъ, Пріапомъ; дѣлали сравненія съ христіанскимъ богомъ, весьма не лестныя для послѣдняго. Невѣжество, соединенное съ несчетными богатствами,

сумасшедшимъ произволомъ, — та колыбель, въ которой выпяньчиваются, очень естественно, Банифаціи, Клементы, Борджіи и прочіе рѣдкіе экземпляры „felis catus“.

Средніе вѣка цѣликомъ поглощены неутомимою борьбою папъ съ императорами, зловѣщее значеніе борьбы заключается въ томъ, что враждующіе папы и императоры очень рѣдко отдувались своими боками, но за то всегда, кровью, мясомъ, костьми отвѣчали несчастныя, ни въ чемъ неповинныя массы. Генрихъ IV въ волосяницѣ, босикомъ, три дня зябнулъ на Канносскомъ дворѣ, втихомолку ругая на всѣ лады стараго папу; то былъ слабѣйшій монархъ; Григорій VII — наисильнѣйшій папа. Генрихъ IV былъ невыносимо униженъ, Григорій VII поразительно возвеличенъ. Но униженныхъ императоровъ исторія, къ сожалѣнію, насчитываетъ немного, но мы не знаемъ времени, ни въ средневѣковой исторіи, ни періодъ реформаціи, когда не были бы въ конецъ разогорчены массы.

Папа посылалъ императору отлученіе отъ церкви: какъ по мановенію волшебнаго жезла, всѣ церкви въ государствѣ захлопывались; мертвецы на глазахъ, глубоко преданныхъ обрядамъ родителей, сваливались въ яму, безъ молитвъ, отпѣваній; невинныя души покойниковъ въ эти смутныя времена, очень рисковали попасть въ адъ; прощеніе грѣховъ пріостанавливалось; дѣвицы, сгорая любовью, не вѣнчались; церковный колоколъ не призывалъ къ молитвѣ; поклоненіе богу мгновенно, радикально пріостанавливалось. Привычка жизни, ея вторая натура, обрывались на полномъ ходу; у народа сразу отымали все то, къ чему пріучали съ необыкновеннымъ искусствомъ, суровымъ принужденіемъ всю жизнь, нѣтъ сомнѣнія, онъ подымался, бралъся за вилы, косы, топоры; злодѣи въ рясахъ вели его на приступъ, суля райскія радости, въ случаѣ же отказа, угрожая немилосердными загробными, вѣчными пытками. Императоръ, подъ давленіемъ всеобщаго возстанія, начиналъ позорно стушевываться и, наконецъ, слезно молилъ о прощеніи. Папа, потѣшивъ свой „здравъ“, миловалъ коронованнаго грѣшника, слупивъ съ него, какъ водилось, огромную взятку, за превратныя толкованія, поступки, за „шатаніе мыслей“. Исторія

насчитываетъ очень мало Фридриховъ вторыхъ и Филиповъ Красивыхъ, въ пухъ уничтожавшихъ всѣ папскія попытки и разныя витіеватыя буллы (гдѣ особа императора уподоблялась антихристу, вавилонской блудницѣ, похотливой Пентефрихѣ) недопускавшихъ, изъ за своей личной борьбы, истребленій невинныхъ массъ.

Коронованный, помилованный грѣшникъ, униженный, озлобленный, нескоро успокаивался; безсильная злоба противъ папы искала другого безопаснаго выхода; палачъ былъ на его сторонѣ, свирѣпая месть обрушивалась на народъ, на невольнаго виновника позора, униженія, — не подымись онъ, вооруженный дрекольями, грѣшникъ не сдался бы. Декораціи быстро мѣняются, обѣщанныя попами райскія радости торжественно выплываютъ на сцену: висѣлицы, топоры, клещи, подпольныя пытки начинаютъ практиковаться въ размѣрахъ громадныхъ; безчисленное число бунтовщиковъ жарятся на кострахъ; хрустъ костей подъ колесомъ, раздирающіе стоны замучиваемыхъ носятся по всей странѣ. Но за то уцѣлѣвшіе отъ повальной казни, утѣшаютъ себя возвратомъ колокольнаго звона, музыкой органовъ, возносящимися фиміамами, исповѣдями, вѣнчаньями и отпѣваньями казненныхъ!

Папство и имперія періодически выростали до страшной высоты, періодически падали до преисподней, но ростъ, паденіе, вѣчно покупались ужасною цѣною народныхъ бѣдствій, невыносимыхъ, незаслуженныхъ мукъ. За невѣрующихъ, протестующихъ монарховъ щедро платились покорныя, религіозныя, слѣпо вѣрующія массы; на ихъ изможденныхъ тѣлахъ продѣлывались всевозможныя пониженія, повышенія; народъ вѣчно вѣрно изображалъ изъ себя легендарнаго Іова, благословляющаго свои гніющія раны, пожирающую его проказу; духовные и свѣтскіе коршуны ежесекундно клевали больное сердце народа; какъ раны въ сердце Прометея, онѣ заростали и снова, снова клевали ненасытные коршуны, и эта злостно нелѣпая процедура двигала человѣчество впередъ, учила той аксіомѣ, что духовные и свѣтскіе коршуны — птицы очень лютыя, съ острыми, когтистыми лапами, крѣпкими, крючковатыми клювами, миссія которыхъ заключается въ фатальномъ оттачи-

ваніи клювовъ, заострѣніи когтей, разрываньи и пожираньи...

Почтенные историки, съ завидною находчивостью, разъяснили намъ таинственную загадку исторической жизни, по ихъ зрѣлому рѣшенію, сложныя операціи необходимы были всеобщему человѣческому тѣлу. Отрѣзанія, вырѣзанія, выматыванья жилъ, потрошенья были двигателями міроваго прогресса. И рядомъ, тѣ же историки благодушно толковали о мудромъ, бдящемъ провидѣніи, указующемъ перстѣ, цѣлесообразности, гармоніи. Совершенно справедливо: пекущееся провидѣніе тепло свѣтитъ намъ изъ заплѣснѣвѣлой щели бѣдняка изъ огромныхъ богадѣленъ, яркимъ свѣтомъ оно обдаетъ кровью залитыя поля сраженій, сожженныя нивы — оно мягко озаряетъ эшафоты, кротко осѣняетъ тюрьмы, мажетъ на царство всевозможныхъ кровожадныхъ гадинъ...

Защитники христіанства указываютъ на науки, искуства, которыя будто бы спасались монастырями, что энергичные, образованные монахи, въ тиши монастырей, на досугѣ, собирали богатые матеріалы и трудились надъ ихъ разработкой. Совершенно справедливо! Были сказочныя времена: изъ монастырскихъ щелей, часто, совершенно неожиданно, съ афронтомъ выскакивали съ острыми рожками, съ жаломъ, вмѣсто языка, находчивые, очень логическіе бѣсепята: въ видѣ разныхъ ересей, прельстительныхъ толкованій и проч. Но свѣтлый періодъ тяжеловѣсно окупился; средневѣковая схоластика явилась въ качествѣ незамѣнимаго слабительнаго отъ неумѣстныхъ приливовъ крови къ головѣ, она очертила около себя магическій кругъ и начала патетически толковать чуть не сотню лѣтъ подрядъ. на сотняхъ тысячъ страницъ, о черезвычайно важныхъ для голодающаго, гибнущаго во мракѣ человѣчества, предметахъ, напр.: выходятъ-ли святые дары то есть богъ въ оплаткѣ черезъ заднепроходную кишку или вслѣдствіе высочайшей святости, они не подлежатъ унизительному тривіальному пищеваренію; сотни томовъ писались въ пользу заднепроходней кишки, тысячи — противъ кишекъ и вообще желудка. Вольнодумцы, осмѣлившіеся утверждать, что пищевареніе, вслѣдствіе своей грубости, несознательности, крайняго невѣжества, не

дѣлаетъ никакихъ исключеній ни для какой святости, ни даже для самого господа Бога, разъ они имѣли неосторожность попасть въ желудокъ, сначала весьма продолжительно допрашивались въ подземныхъ залахъ инквизиціи, съ помощью крючьевъ, клещей, жаровень, если же они упорствовали, то ихъ старались, помолясь усердно богу, какъ можно скорѣе убѣдить, разложивъ подъ ними костеръ изъ сырыхъ дровъ; но часто даже плохо горящіе дрова оставляли вопросъ не вполнѣ разрѣшеннымъ.

Тысячи страницъ посвящались еще болѣе реальнымъ вопросамъ: сколько вѣсятъ волоса Авесалома? въ какой мѣсяцъ, лѣтомъ или зимою богъ творилъ землю? была ли на небѣ пыль, а если была, то сколько вѣсила? сколько было квадратныхъ миллиметровъ въ густой бородѣ Бога и сколько въ мизинцѣ ноги? Какимъ образомъ Богъ, черезъ ухо, оплодотворилъ дѣвушку Марію и какимъ образомъ, плоть, безъ грѣха, не раздула живота? Сколько миллиграмовъ вѣсилъ ковчегъ и находящіяся въ немъ попарно всѣ животныя? Закручивался ли на концѣ хвостъ у дьявола? и какого цвѣта была на немъ шерсть?

Цѣлыя столѣтія, сильнѣйшіе умы кружились въ бѣличьемъ колесѣ, сгорая огнемъ безплоднымъ и съ наивною вѣрою, что они несутся, подобно пустынному вихрю, по стезѣ прогресса. Опираясь на чертовщину, галлюцинаціи, они старались разъяснить міровыя проблемы. Шесть вѣковъ позднѣе, то же самое начали продѣлывать знаменитые германскіе метафизики, и многіе считали ихъ за мудрецовъ, способныхъ не только „штопать дыры въ мірозданьи“, но и плотно объять необъятное, смастерить доктрину изъ безпредѣльности. Съ грустью на челѣ проходятъ скорбныя жертвы схоластики, титаны бѣличьяго колеса: Бонавентура, Альбертъ Кельнскій, Ѳома Кемпійскій, Іоаннъ Таулеръ.

Христіанство, безсознательно пріютивъ науку, не долго оставалось въ пріятномъ невѣденіи; опомнившись, оно стремилось удавить пригрѣтую у груди змѣю, — какимъ-то чудомъ удалось ей выскользнуть. Христіанство пригрѣло науку, можно сказать, на нѣсколько часовъ, гнало науку чуть не пятнадцать столѣтій!

Христіанскіе миссіонеры съ огнемъ, мечемъ, пытками прошли по южной Индіи съ вандальскою неустрашимостью, разрушали дивные индійскіе храмы, палили драгоцѣннѣйшіе манускрипты, они замѣтили поразительное сходство, между новенькимъ христіанствомъ и древними браманизмомъ, буддизмомъ.

Миссіонеры внесли огонь, мечъ въ Мексику, Перу, Японію, Маниллу, Корею.

Христіанство утопило въ крови классическую цивилизацію, александрійскую ученость, съ ея лабораторіями, музеумами, библіотеками.

Вслѣдствіе отеческихъ попеченій христіанства, мавританская пышная цивилизація исчезла, какъ роскошное сновидѣніе; отъ Кордовы, Севильи, Гранады, Толедо, блиставшихъ искусствами, блескомъ, красотою, имѣвшихъ милліоны жителей, богатѣйшія въ мірѣ библіотеки, университеты, — остались однѣ обросшія цвѣтами чудовищныя развалины, давящія своей поэтической, гармонической красотой, современную испанскую архитектуру. Отъ университетовъ, въ которые стекалось все умственно сильное, чуть не съ половины міра, гдѣ разработывались съ невиданною до тѣхъ поръ мощью естественныя науки, не осталось даже камней...

Въ чудный, осенній вечеръ, утомленный, съ тоскою на сердцѣ, вышелъ я изъ дворца Альгамбры; душу давилъ роскошный, фантастическій, какъ сказка Шехерезады, дворецъ; какъ галлюцинаціи, мелькали легкія, какъ сонъ, колоннады, стѣны изъ золоченныхъ мраморныхъ кружевъ, потолки, въ таинственныхъ залахъ, похожіе на куполы сталактитовыхъ пещеръ, загругленныя окна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, зеркальные бассейны, фонтаны, заросшіе яркими цвѣтами и прозрачное синее небо надъ бѣлыми колоннами; въ волшебныхъ залахъ, среди поэтическаго сумрака, подъ звонъ жемчужныхъ фонтановъ, среди душистыхъ тѣнистыхъ садовъ, можно было „забыться и заснуть“,

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,
Но чтобы въ груди дрожали жизни силы
И, дыша, вздымалась тихо грудь...

Великая философія покоя, наслажденія, ты реализировала чарующіе сны въ мраморѣ, и камнѣ! Гармони-

чески слились полные нѣги дворцы и жизнь, полная покоя свѣтлой южной природы: еще одно движеніе — и наступило бы божественное небытье Нирваны!

Прочь муки мысли, тоска по дѣвѣ неземной, страшная, отчаянная работа Сизифа!!!... Покоя, одного покоя требуетъ изнывшее, истекшее кровью, сердце. Рѣзко разошлась жизнь съ идеалами, сурово давить стихійная жизнь! Пять вѣковъ назадъ арабы умѣли жить, полною грудью дышать, до дна пить чашу наслажденія; мы, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, узнали, что только умѣемъ божественно мучиться и печально умирать съ разбитыми надеждами!

Я поднялся на башню: глазамъ открылся видъ, которыхъ мало на земномъ шарѣ: исполинская башня, стѣны кругомъ задушены были ползучими растеніями и цвѣтами. Равнодушная къ созданьямъ человѣка, природа помогала христіанскому міру; корни прелестныхъ нѣжныхъ цвѣтовъ разрушали великія руины; подъ башнею, внизу, не смотря на яркій солнечный закатъ, чернѣлъ громадный лѣсъ Альгамбры,— отъ него тянуло прохладой; шумъ каскадовъ, безчисленныхъ ручейковъ наполнялъ воздухъ, заглушалъ пѣніе маленькихъ разноцвѣтныхъ птичекъ, порхавшихъ среди цвѣтовъ. Ровною гладью разстилалась, играя цвѣтами радуги въ лучахъ заката, долина Гренады; серебряная лента рѣки по временамъ пропадала въ густой тропической зелени. Снѣжныя вершины далекихъ горъ при послѣднихъ лучахъ пылали, какъ вынутое изъ горна желѣзо; клубы синихъ облаковъ, какъ исполинскія змѣи, ползли тихо по мрачнымъ ущельямъ. Одно золотистое облачко оторвалось отъ снѣжной вершины, тая, тихо подымалось въ ярко лазурное небо . . . . . .

. . . . . .

Галилей, Жіордано Бруно, Сервела, Рамусъ, Жанъ Гужонъ и сотни другихъ, громадно талантливыхъ, сильныхъ въ наукѣ и философіи людей, пали жертвою христіанства; ихъ гибелью мечтали остановить побѣдоносный ходъ науки, могучій порывъ человѣческаго, свѣтлаго разума.

Колумбъ, Васко-де-Гама были гонимы христіанствомъ; оно стояло поперекъ дороги въ Америку, Индію и пр.

Современная наука вплоть до настоящей минуты не вполнѣ освободилась изъ подъ ферулы слѣпой силы: школы и сама правительственная власть еще въ рукахъ духовенства. Легенды, нагло состряпанныя шарлатанами, младенчески-картавый, невнятный лепетъ, становятся съ идіотскимъ упрямствомъ критеріумомъ для современной намъ науки. Духовная, несмѣтная тля, до настоящей минуты, пожираетъ лучшіе, свѣжіе, молодые всходы, будущую богатую жатву. Болѣзненно не обузданный, противоестественный, средневѣковой развратъ обязанъ своею громадною долею аскетизму; христіанскіе росказни о тѣлѣ, какъ темницѣ духа, и бренности, грѣховности матеріи породили упадокъ физическихъ силъ, а съ нимъ и душевныхъ, въ цѣлыхъ націяхъ. Они сдѣлали мозгъ невоспріимчивымъ къ принятію ясныхъ, трезвыхъ ученій. Десятки милліоновъ самыхъ энергичныхъ людей погибли и сотни тысячъ погибаютъ въ монастырскихъ пріютахъ, школахъ, дирижируемыхъ духовенствомъ. Презираемая, живая природа продолжаетъ страшно мстить за себя; среди обреченнаго на безбрачіе духовенства широко проявляются: садизмъ, съ дикими порывами противоестественныхъ страстей. Возьмите любую радикальную французскую газету, васъ холодомъ обдадутъ изощренныя, нескончаемыя поповскія звѣрства; въ 1878 году попы насилуютъ дѣтей, монашенки-воспитательницы сажаютъ рѣзвыхъ дѣтей на горячія плиты, жгутъ имъ языки раскаленными щипцами, заставляютъ дѣлать языкомъ кресты на полахъ, грязныхъ отхожихъ мѣстъ, душатъ, завязывая на лицѣ фартуки! Въ 1878 году разъяренный попъ заставляетъ мясника взрѣзать животъ у впадшей въ обморокъ беременной, чтобы окрестить ея нѣсколько минутъ прожившаго ребенка! И даже у насъ, на Руси, гдѣ злодѣйства ни духовной, ни свѣтской власти, не подлежатъ гласности, въ Кіевѣ студенты, гуляя съ профессоромъ, насилу могли освободить изъ лапъ монаховъ посинѣлую двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, распятую на церковной оградѣ, за какую то ничтожную кражу. Разжирѣвшіе, задичавшіе грабители, народные паразиты, становятся безпощадны, когда коснутся къ ихъ наворованнымъ богатствамъ. Когда наши монастырскія тайны выплывутъ наружу, мы убѣ-

димся, что наше, прославившееся своею скотскою, непроходимою глупостью, невѣжествомъ, духовенство, въ свирѣпости перещеголяетъ знаменитое Римско католическое.

Я упомянулъ о нашемъ духовенствѣ; говорить долго о постномъ, унылomъ, до отчаянья пошломъ православіи, предосудительно; вспоминаешь слова Гейне о іудейской религіи: „это не религія, а истинное несчастіе“. Гейне подразумѣвалъ гоненья, я — непроходимую, мрачную православную глупость, а главное, нескончаемую низость. Православное духовенство научилось у Римскаго скверно дѣлать чудеса, аляпавато поддѣлывать святыхъ, подтасовывать священныя книги и превосходно грабить, но далѣе не пошло. Самыя безобразія Римскаго духовенства носятъ на себѣ печать злой, но громадной силы. Папскую пантуфлю смиренно, подобострастно цѣловали императоры, короли.

Римское духовенство орудовало не однимъ мечемъ и пожарами, иногда оно огненной рѣчью подымало цѣлыя страны. Вспомните Клермонтскій соборъ и такихъ проповѣдниковъ, какъ Петръ-Пустынникъ.

Борьба папъ съ императорами, королями выравнивала почву для демократической республики.

Римское духовенство умѣло бороться. Оно истребляло народъ, но рядомъ, на секунду не останавливалось передъ цареубійствомъ; оно палило, пытало, но и само шло, въ лицѣ своихъ миссіонеровъ, на пытки, лютую смерть. На нашихъ глазахъ, польскіе ксендзы, съ крестомъ, ружьемъ въ рукахъ, умирали въ переднихъ рядахъ, за угнетенную нашей деспотіей религію... Наше юродивое поповство вѣчно, неистово, холуйствовало, попрошайничало, пьянствовало, отчаянно доносило и святыми текстами защищало казни, пытки, кнуты, рабство... Крестъ и кнутъ слились, стали единымъ, въ двухъ видахъ.

Среди чернаго сонмища, въ продолженіи долгихъ вѣковъ, какимъ то чудомъ проприснули одна, двѣ порядочныхъ личности, но не нужно забывать, что ихъ жизнь описана попами-фальсификаторами исключительными; что имъ были нужны, ввиду колоссальнаго обогащенья, мощи, слѣдовательно и праведники... Мы знаемъ, какъ эти шалуны умѣютъ фабриковать все:

начиная съ Евангелій и кончая сказками про святыхъ мучениковъ. Римская церковь навалила на душу римскихъ цезарей такую неимовѣрную кучу христіанскихъ мучениковъ, что невольно беретъ смѣхъ... Митрополитъ Филиппъ, разгромившій въ соборѣ злодѣя, залившаго кровью Россію, не допустившій его до причастія, — образъ, несомнѣнно, трогательный, величественный, но, въ тоже время, единственный. Митрофаній, Тихонъ и проч. отличались только пассивными, чисто личными добродѣтелями, и чтобы стать генералами церкви Христовой, имъ нужно было пройти черезъ всевозможнѣйшія пролазничества, холопскія униженья.

Римское духовенство строило величавые, поэтическіе храмы, одѣвало ихъ снизу до верху высочайшими созданьями искусства. Фантастически дивнымъ храмамъ, давно счетъ потерянъ. Въ день, когда они превратятся въ музеи, аудиторіи, бальныя и гимнастическія залы, можетъ быть, римское духовенство помянутъ добрымъ словомъ.

Наши попы нагромоздили погреба, тюрьмы съ колонами, дивные иконы увы не возбуждаютъ моего восторга... Я знаю что наши художники, византійцы, видятъ въ нашихъ старыхъ иконахъ, чудно строгій ликъ, божественную, отрешенную, отъ земной, презрѣнной матеріи, подобную святымъ мощамъ мистическую красоту... Таинственную прелесть придаетъ имъ полумракъ вечерни, теплящіяся у всѣхъ иконъ лампады озаряющія богатыя золотыя ризы.

~~себѣ колоссальный смыслъ, небесную чистоплотность.~~ Когда я смотрю на эти испитыя до черна лица, — скелеты, обтянутые пергаментомъ, мнѣ вспоминаются слова Гейне: „Эти старые маэстры живописи, какъ будто всю жизнь проработали для картинной галлереи какого нибудь палача“.

Неужели нужно перечислять, граничащія съ болѣзнью, звѣрства христіанства, „безумія креста“, всѣ неисчислимыя несчастья, происшедшія отъ него? — Для этого мало десятковъ томовъ. Я напомню самыя извѣстныя, избитыя, въ которыхъ немыслимо сомнѣніе,

Входить въ подробности мнѣ не позволяютъ задуманные мною размѣры книги. Всякій, знакомый хотя бы поверхностно съ исторіей, прочтя мой краткій перечень, пойметъ, какія страшныя преспективы открываются за нимъ.

1) *Ожиданья второго пришествія* въ тысячномъ году, то чудовищное время, которое можно охарактеризовать вполнѣ глубоко, стихами Байрона. Набрасывая ужасную картину земли безъ солнца, онъ не сознавалъ, что его мрачная фантазія поблѣднѣла передъ дѣйсвительностью. Въ года, предшествовавшіе тысячному году, не солнце потухало, но человѣческій разумъ:

. . . . . Кровью купленъ
Кусокъ былъ каждый: всякій въ сторонѣ
Сидѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ;
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти, смерти
Безславной, неизбѣжной... Страшный голодъ
Терзалъ людей, и быстро гибли люди.
Но не было могилы ни костямъ,
Ни тѣлу: пожиралъ скелетъ скелета...

2) *Преслѣдованія Альбигойцевъ въ началѣ XIII вѣка.* Югъ Франціи, по образованію, богатству ближе всѣхъ стоявшій къ мавританской Испаніи, былъ превращенъ въ Сахару; способнѣйшая раса была искалѣчена, запытана, ограблена сволочью, напущенною изъ кабаковъ, своего рода папскими казаками, и за то только, что на югѣ Франціи забродила свободная мысль; скептическій, умный народъ началъ трунить надъ жирными паразитами, служителями бога-нищаго, требовалъ отъ нихъ поведенія, согласнаго съ ученіемъ Христа.

3) *Преслѣдованія Вальденсевъ.* Опустошались цѣлыя провинціи, убійцы не щадили женщинъ, дѣтей.

4) *Преслѣдованія Анабаптистовъ.* Другими словами — поголовныя истязанья, насилованья, убійства.

5) *Преслѣдованія Гусситовъ.* Превращенье страны въ пустыню.

6) *Инквизиція.* Дреперъ говоритъ: отъ 1481 до 1808 г. она приговорила 340.000 несчастныхъ; 200.000 были сожжены. Вспомогательныя силы креста, его ангельскіе аттрибуты были: ямы, наполненныя змѣями, желѣзныя дѣвы съ ножами внутри, медленно сдвигающимися, рвущими въ лохмотья жертву; сладостныя постели, уты-

канныя гвоздями, колеса, тянущія жилы, жаровни и пр. пр. Во время владычества Торквемады свирѣпствовали 14 инквизиціонныхъ трибуналовъ; вся Испанія курилась какъ одинъ исполинскій костеръ.

7) *Преслѣдованія за колдовство.* Другими словами — замучиванья, сжиганье десятковъ тысячъ душевно больныхъ людей.

8) *Изгнаніе Іудеевъ и Мавровъ въ 1492 г.* 800.000 іудеевъ получили приказаніе покинуть Испанію; срокъ для распродажи имущества назначался ужаснѣйшій: отъ 31 марта до 31 іюля. Несчастные отдавали цѣлый домъ за осла, роскошнѣйшіе виноградники за кусокъ полотна; золото у нихъ отбирали по дорогѣ шайки разбойниковъ; они его проглатывали, въ наказаніе ихъ душили. Толпы христіанъ, какъ стан гіенъ, рылись въ ихъ гніющихъ внутренностяхъ, разыскивая золото. Они бѣжали въ Африку, Италію, Португалію; страшныя болѣзни безотвязно слѣдовали за безконечно несчастными. У стѣнъ Генуи погибло 20.000 евреевъ отъ голода. Тюрьмы, костры, раззоренія, изгнанія въ шестнадцать лѣтъ погубили около милліона евреевъ и столько же мавровъ. Пышная мавританская цивилизація погибла; стихійныя силы восторжествовали, но не на долго: наступило царство бѣсноватыхъ, черныхъ гадовъ-поповъ. Испанія быстро начала скользить внизъ, въ тьму кромѣшную. Убивая свободу, цивилизацію, побѣдители въ сущности у корня, безпощадно подрѣзали собственное существованіе.

9) *Войны реформаціи* съ ихъ неисчислимыми и непередаваемыми живодерствами.

10) *Злодѣйства въ Перу и Мексикѣ.* Завоеванныя страны обращались въ христіанскую религію; милліоны погибли жертвою достопамятнаго христіанскаго нашествія.

11) *Варѳоломеевская ночь.* Половина Франціи была обращена въ арену тѣхъ ужасовъ, передъ которыми ничто римскій циркъ, со львами, тиграми, рвущими христіанъ.

12) *Походы Альбы во Фландрію и Португалію* для обузданія еретиковъ. Оба похода стоятъ внѣ всякихъ описаній. Передъ звѣрствами во Фландріи, безумія Ка-

лигулы, Нерона не болѣе, какъ рѣзвость, свойственная шаловливымъ дѣтямъ.

13) *Гоненія въ Ирландіи.* Отъ осени 1641 до 1643 г. было избито, перерѣзано, переудавлено 150.000 протестантовъ.

14) *Дѣятельность Іезуитовъ*, еще не кончившаяся до настоящей минуты, со всѣми утонченными злодѣйствами, интригами, змѣинымъ ядомъ, пронырливостью, тихимъ, неотразимымъ загубливаньемъ цѣлыхъ поколѣній.

15) *Драгонады Людовика XIV* съ ихъ разнообразными картинками. Драгуны короля поразили міръ стремленіемъ къ разнообразію, въ пыткахъ. Они начиняли уши еретиковъ порохомъ и взрывали, втыкали въ тѣла женщинъ тысячи булавокъ, насиловали дочерей на глазахъ родителей, дѣлали въ тѣлѣ глубокія раны, безъ соблюденія экономіи, сыпали въ нихъ соль и, съ чувствомъ, съ разстановкой поливали ихъ уксусомъ, варили ноги въ салѣ, жарили дѣтей на вертелахъ и проч.

16) *Преслѣдованія протестантовъ при Іаковѣ II* отличаются тою же виртуозностью, тѣмъ же садизмомъ, тою же жаждою разнообразія. Соперничая съ Людовикомъ XIV, Іаковъ умудрился перецеголять его.

17) *Вандейскіе ужасы междуусобной войны.* Духовенство зажгло полную всевозможныхъ ужасовъ войну, не желая разставаться съ безправнымъ владычествомъ и десятками милліоновъ дохода.

Но духовенство не ограничилось только огнемъ, желѣзомъ, — оно на долго пустило въ обращеніе не менѣе разящее оружіе: *изощренную, геніальную эксплуатацію.* Духовенство, отъ папы до послѣдняго, покрытаго вшами, капуцина, грабило, грабило, грабило, безъ стыда, сомнѣній, безъ думы о будущемъ, — грабило до болѣзни, маніи, пляски св. Вита. Цари, короли съ своими паразитами съежились передъ духовными ворами: ихъ средства для грабежа, воображеніе къ изысканію возможностей грабежа оказались мизерабельными. Нагло, при полномъ солнечномъ свѣтѣ, все продавалось: преступленія, пороки, честь, справедливость, правосудіе, доходныя мѣста, чудеса, реликвіи: золото съ цѣлой Европы проваливалось въ бездонную клоаку — римскій дворъ. Инквизиція была пущена въ ходъ, какъ

чрезвычайная мѣра, для пополненія финансовъ; конфискація имуществъ еретиковъ была главною заботою духовенства: половина шла инквизиторамъ, другая — папамъ. Инквизиція съ ея фантастическими злодѣйствами была не болѣе, какъ воровской ключъ къ сундукамъ еретиковъ, замучивали, имѣя ввиду обокрасть. Духовенство никогда не стѣснялось и не будетъ стѣсняться мѣрами; рука намѣстника Христа не дрожала, вонзая ножъ въ жертву; поборники универсальной любви, всепрощенія съ хохотомъ, аплодисментами встрѣтили свое кровное дѣло — Варѳоломеевскую ночь. Они горевали, плакали, что не вся кровь выпущена, не всѣ еретики избиты, обобраны. „Бейте всѣхъ, кричали они, богъ на томъ свѣтѣ отдѣлитъ правыхъ отъ виновныхъ“. Возбуждая Крестовые походы, духовенство широко попользовалось священнымъ жаромъ крестоносцевъ. Въ роскошныхъ лакейскихъ папскаго дворца день и ночь звенѣли груды прибывающаго отовсюду награбленнаго золота.

Но всего этого оказалось мало: „съ ѣдою является и аппетитъ“. Оно прибѣгло къ тому средству, которое ясно показало, что нѣтъ предѣла поповскому воображенію. Духовенство начало переселять многогрѣшныя души очень богатыхъ грѣшниковъ изъ чистилища въ рай, попавшіе въ двусмысленное положеніе, могли разсчитывать на амнистію. Богатые грѣшники изъ чистилища начали весело перепархивать въ рай, перепархиваніе обходилось не дешево; ворамъ-попамъ завѣщались громадныя состоянія; увеселительныя прогулки свершались каждый день — но увы! вылазкамъ наступалъ конецъ: всѣ начали приходить къ печальному заключенью, что „лиловая бархатная мантія и горностаевая шапка кардиналовъ-ливреи порока“. У Эразма вырвались роковыя слова: „Если Христосъ не избавитъ своего народа отъ многообразной тиранiи духовенства, то турецкая — станетъ менѣе невыносимой“.

Но не одинъ современный ему міръ грабило духовенство, — оно перещеголяло вандаловъ, готовъ въ способности разрушенія: роскошный классическій міръ съ дворцами, храмами, форумами, термами расхищался камень за камнемъ для пышныхъ, частныхъ построекъ. Роскошные бюсты боговъ, богинь Олимпа разбивались

въ осколки, шли въ ломъ для папскихъ построекъ. Воздвигая храмы христіанскому идолу, оно тысячной доли не воротило погубленнаго.

Но довольно! Ужасамъ, совершеннымъ христіанствомъ, какъ силою дикою, слѣпою, невѣжественною, нѣтъ конца, останавливаться на нихъ долго, входить въ подробности такъ же омерзительно, какъ рыться въ гнилыхъ внутренностяхъ околѣлой бѣшеной собаки... Невыразимое отчаяніе охватываетъ душу при созерцаніи царственнаго шествія христіанства, — все смѣшивается въ дикомъ хаосѣ: черные клубы дыма, пламя костровъ, колодцы со змѣями, душащія, рвущія на клочья, желѣзныя дѣвы, съ ножами внутри, щипцы, крючья, пилы, жаровни, чадъ отъ безчисленныхъ горѣлыхъ тѣлъ, смрадъ отъ выпотрошенныхъ внутренностей...

Страшно становится за историческое будущее, когда глубоко вглядишься въ это торжество мертвечины, во всю лютость стервячьихъ инстинктовъ, свойственныхъ вѣнцу творенія, подобію божества!

Побѣдоностный ходъ христіанства освѣщался не солнцемъ, но огнемъ костровъ. пожаровъ; не слышны были веселыя пѣсни, беззаботныя, поэтическія языческія ликованія; дико раздавались вокругъ: гулъ набата, звонъ оружія, лязгъ цѣпей, конвульсивный хохотъ пытаемыхъ, предсмертный хрипъ, вопли, рыданія, скрежетъ зубовъ, хрустъ костей.

Богъ, молящійся на крестѣ за враговъ своихъ, богъ любви, состраданія! Во имя твое, въ память о тебѣ пылали костры. наполнялись биткомъ тюрьмы, ямы. рѣками по всему міру разливалась невинная кровь! Какимъ прѣсно-сладкимъ божкомъ является передъ тобою красно-синій Сива, сидящій на тигрѣ, съ черепами на шеѣ, опоясанный змѣями!

Проклятый, сентиментальный бредъ! Ты не въ состояніи былъ остановить безпощадную руку палача, ты оставилъ голоднымъ, несчастнымъ бѣдняка! Ты пролилъ свѣтъ во дворцы и сгустилъ мракъ въ убогихъ хижинахъ...

Іисусъ говоритъ: Въ судный день сынъ человѣческій. обращаясь къ великимъ грѣшникамъ. скажетъ: „Я взалкалъ, и вы не дали мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы не напоили меня; былъ странникомъ, не приняли меня;

былъ нагъ, не одѣли меня; боленъ и въ темницѣ, не посѣтили меня". Скоро наступитъ время, когда тѣ же грозныя, неумолимыя слова произнесетъ пролетарій міра, обращаясь къ христіанству.

Что отвѣтитъ оно?

Въ XV вѣкѣ, во время пышнаго возрожденія греческой философіи, поэзіи и искусства, жизнь снова ярко вспыхнула на Олимпѣ: обновленный, облагороженный смертью, гордо поднялся громовержецъ Юпитеръ; въ одной рукѣ держалъ онъ чашу черезъ края бьющаго, искрящагося вина, въ другой — лиру; Купидонъ, съ огромнымъ, не по росту, полнымъ колчаномъ стрѣлъ, спѣшилъ натянуть свой лукъ, зажечь затухшую любовь, красавицы-богини, забывъ старинную вражду, кокетливое соперничество, зарѣзвились въ чудномъ весельи, напѣвая любовныя пѣсни; румянецъ жизни пылалъ на ихъ щечкахъ. Воскресшій Олимпъ призывалъ полураздавленный міръ на бѣшенный пиръ.

Евангельское ученіе потускнѣло передъ ученіемъ Аристотеля; божественная правда униженно склонилась передъ обольстительной языческою ложью. Духъ воскресенья, какъ духъ божій, носился всюду; — онъ проникъ во дворецъ непогрѣшимыхъ; реформація убила прекрасное, широкое, свободное движеніе, задушила роскошно распускавшуюся жизнь.

Трупомъ задавило прелестнаго, живого ребенка...

Тысячи лѣтъ назадъ, въ таинственной знойной странѣ, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ, тамариндовъ, тамъ, гдѣ по дремлющимъ зеркальнымъ водамъ стелятся листья священнаго лотоса, Христна произнесъ: „Любите ближняго, какъ самого себя". За Христной тѣ же слова повторили: Ману, Зароастръ, Будда, Іисусъ и Магометъ. Благоуханнымъ, нѣжнымъ, весеннимъ вѣтеркомъ пронеслись дивныя слова надъ каторжною землею...

То былъ лишь сонъ!

Икаръ рванулся къ солнцу, но могучіе лучи растопили восковыя крылья.

VIII

Риму хотѣлось господствовать вѣчно, и когда пали его легіоны, онъ послалъ по провинціямъ догматы. Громаднымъ паукомъ сидѣлъ Римъ въ средоточіи Латинскаго міра, застилалъ его своей нескончаемой паутиной; цѣлыя поколѣнья народовъ жили подъ нею, спокойною жизнью, принимая за близкое небо то, что было лишь римскою тканью, только вѣчно стремившійся дальше духъ, проникая взоромъ эту ткань, чувствовалъ себя стѣсненнымъ и заключеннымъ; но лишь только думалъ вырваться изъ подъ нея, хитрый ткачъ охватывалъ его и высасывалъ кровь изъ его дерзкаго сердца· — Время духовнаго рабства миновало, ослабѣвъ отъ старости, сидитъ среди сломанныхъ аркадъ своего Колизея, старый паукъ и все еще плететъ свою старую ткань, но она слаба, гнила, и въ нее попадаютъ лишь бабочки, да летучія мыши, но не гордые сѣверные орлы.

Гейне.

Болѣе тринадцати вѣковъ христіанство душитъ полъ міра въ своихъ братскихъ объятіяхъ; оно насчитываетъ болѣе 330 милліоновъ исповѣдующихъ его ученіе. Оно начинаетъ почти конкурировать съ буддизмомъ, браманизмомъ; язычники уже болѣе четырнадцати вѣковъ его не преслѣдуютъ, и только очень недавно, оно перестало люто пожирать себя, потушило послѣдній костеръ, для сжиганья еретиковъ.

Въ церквахъ, на кафедрахъ, площадяхъ, его открыто проповѣдуютъ; по всему міру раздается колокольный звонъ; школы, самое правленіе во многихъ государствахъ, до настоящей минуты, въ рукахъ надежнѣйшихъ христіанскихъ служителей; молитвы, вопіямы христіанскому богу возносятся на берегахъ Тихаго, чуть не Ледовитаго океановъ. Храмы разсѣяны по всему обширному міру; золотые кресты сіяютъ рядомъ съ лунами поэтическихъ, стройныхъ минаретъ, съ причудливыми, какъ сонъ, узорами пагодъ.

Но гдѣ же широкіе слѣды великой морали? Святая проповѣдь обѣщала исцѣлить чудотворною силою зіяющія раны, заговорить льющуюся безъ мѣры кровь; отъ нея ждали такъ много! Она сошла къ намъ съ неба съ поражающими знаменьями, она была вооружена чудесами. Увы! христіанинъ заѣдаетъ христіанина, съ несшившимся язычникамъ апетитомъ; по христіан-

скимъ странамъ текутъ не рѣки млека и меда, но никогда не пересыхающія рѣки крови и слезъ.

Оглянитесь кругомъ, и не жмурясь, не содрогаясь отъ боли, полюбуйтесь на жизнь, выпавшую на долю равныхъ намъ людей.

Люди скорбнаго труда, стальными мускулами воздвигли безчисленные города, роскошнѣйшія столицы, сказочные дворцы, палацы, колоссальныя галлереи, музеи, академіи, величавые храмы безпощадному богу, и, въ награду великому труду, они, забытые, изнываютъ въ зараженныхъ, темныхъ кварталахъ, терпя всю жизнь холодъ и голодъ! Кварталы, похожіе на катакомбы, никогда не озаренные солнечнымъ лучемъ, ярко освѣтили наши столицы, блестящія улицы, дворцы, жилища мотовъ — создали чарующія дачи, тонущія въ зелени, цвѣтахъ, купающіяся въ солнцѣ.

Рабочіе-нищіе, до надрыва мускуловъ, 14 часовъ въ сутки, работаютъ надъ чудесами роскоши, вкуса, блеска. Бархатъ, шелкъ, кружева, драгоцѣнныя бездѣлушки: начиная съ царской короны, кончая драгоцѣннымъ колечкомъ на рукѣ барышни; все, отъ шелковой паутины, до пугающей прихоти, все нужное и ненужное создано грубою рукою великаго бѣдняка — рабочаго.

Кварталы, залитые испраженіями, проросшіе копотью, ослизлою зеленью, работали надъ желѣзными дорогами, прорѣзающими смѣющіяся, роскошныя долины, горы въ пахучихъ лѣсахъ, зелени, въ дикихъ цвѣтахъ. Люди логовищъ прорыли цѣлые хребты горъ и понастроили по лицу земли, жизнь изъ нихъ и ихъ дѣтей сосущія безчисленныя фабрики; чтобы поддержать работу, въ безъустали перемалывающихъ рабочіе мускулы, гигантскихъ машинахъ, рабочій спустился подъ землю, въ ужасную глубь и тамъ, среди кромѣшной тьмы, задыхаясь отъ угля, рискуя шестьдесятъ разъ въ часъ жизнью, онъ добываетъ каменный уголь.

Дѣти рабочихъ блѣдные, исхудалые, болѣзненные, за крохи, падающія со стола богатыхъ, замучиваются въ душныхъ фабрикахъ, работая часто по нѣсколько часовъ въ сутки, какъ помощь родителямъ; могучая цивилизація, пышно расцвѣтающая на ихъ преждевременномъ трудѣ, щедро награждаетъ ихъ золотухой, чахоткой, блѣдной немочью, часто украшаетъ ихъ тѣла гор-

бами, искривленьями костей,наростами, сыпями, увѣнчиваетъ дѣтскія головки идіотизмомъ. Изорудованіемъ, гибелью слабыхъ дѣтей питается блистающая науками, искусствами, торговлей эфемерная цивилизація! Но роковой законъ исторической Немезиды грозитъ ей катастрофами, не пойдетъ ей въ прокъ это питанье.

Но рабочій на этомъ не остановился, своя гибель, собственныхъ дѣтей не ужаснула, не образумила его, онъ пошелъ далѣе.

Онъ отливаетъ необыкновенныя пушки, чрезвычайно остроумныя ружья, крѣпкіе штыки; созидаетъ изумительные по силѣ, разрывные снаряды, и онъ вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ: на него въ упоръ обращены пасти пушекъ! Исключительно для него держатся на готовѣ отлично заряженныя ружья, на него направленны отточенные штыки; для него обезсмысливаютъ его же собственныхъ братьевъ, дѣлая изъ нихъ братоубійцъ. И горе, горе, если надежда взволнуетъ его изстрадавшееся сердце и въ скорби иступленной, кляня свой тяжкій плѣнъ, онъ подыметъ исхудалыя руки!

Сытый, горя святымъ пламенемъ, двинетъ растлѣнныя имъ арміи и начнетъ потрошить внутренности голоднаго человѣка; сытый, оперируя голоднаго, не будетъ хоронить своихъ злодѣйствъ во мракѣ, какъ черный убійца, нѣтъ! Онъ будетъ кричать, устами всѣхъ своихъ закупленныхъ газетъ, на весь міръ о торжествѣ божественной справедливости, вѣкового права, будетъ торжественно изображать изъ себя Георгія побѣдоносца, поражающаго адскаго змія! На стѣнахъ тѣхъ улицъ, по которымъ будетъ течь мутными волнами кровь голодныхъ, сытые ихъ кровью начертятъ ярко не Мане, Текелъ, Фаресъ — а равенство, братство, свобода!

Чтобы описать правдиво жизнь этихъ жертвъ мнимой цивилизаціи, нужно имѣть фантазію Данте, мрачную какъ его „Адъ“, творческую силу Шекспира, титаническій лиризмъ Байрона; передъ этимъ дѣйствительнымъ адомъ христіанской цивилизаціи, блѣднѣетъ девятый кругъ Дантовскаго „ада“; гдѣ въ ледяной ямѣ, окруженный замерзшимъ воздухомъ, Уголино грызетъ голову своего неумолимаго врага, отирая кровавую пѣну о его волосы.

Не скромную трапезу справляетъ христіанскій міръ, но пиръ разъяренныхъ каннибаловъ и онъ не слышитъ, вертясь въ безумномъ вихрѣ наживы, что онъ какъ бабочка порхаетъ на той почвѣ, подъ которой глухо кипятъ стихійныя силы, все страшнѣе, страшнѣе разгуливаясь.

Подъ языческимъ міромъ, въ подземельяхъ, народилось, стеревшее его съ лица земли, христіанство, но и у христіанства есть свое подземное, гонимое царство: соціализмъ.

Іисусъ сказалъ, павшей къ его ногамъ блудницѣ: „Я твоей души не осужу"; обращаясь къ ея палачамъ, — „Пусть первый изъ васъ броситъ камнемъ тотъ, кто самъ не грѣшенъ." онъ начертилъ тростью на пескѣ ея грѣхъ и оставилъ смести вѣтру.

Посмотрите, цѣлыми полчищами идутъ продажныя женщины, лица впалыя, мертвенныя, затерты ядовитыми снадобьями, безкровныя губы выпачканы пунцовою мазью; глаза подрисованы; онѣ нападаютъ на всѣхъ: на старое гнилье и молодое, прососанное меркуріемъ; при счастливой поимкѣ, пьютъ вино стаканами, пьютъ даже тогда, когда внутри ихъ жретъ сифилисъ; онѣ таскаются по театрамъ,вдыхая все негодное, выдохнутое, богатымъ классомъ, сидящимъ въ креслахъ, бенуарахъ, бель-этажахъ. По ночамъ онѣ изъ себя выходятъ, притворяясь наслаждающимися; многія изъ нихъ родившись некрасивыми, продаютъ себя подъ мостами, по кабакамъ, за нѣсколько копѣекъ, за обрывокъ мяса.

Кучами ихъ стаскиваютъ въ богадѣльни, и онѣ, догнивъ, при помощи медицины, служатъ великолѣпными пріобрѣтеніями для анатомическаго ножа; ихъ трупы съ наростами, сыпями, ранами, возбуждаютъ удивленіе у жаждущей знанія молодежи. Изуродованные трупы охранительницъ семейной чистоты обогащаютъ ее знаніями, которыя цѣликомъ будутъ предложены богатымъ людямъ.

Но многіе изъ христіанскихъ моралистовъ увѣряли, что женщины, съ подложенными грудьми, задами, выполненными морщинами, каменно-безчувственны; остроумно сравнивали ихъ съ подвижными муміями. Если-бъ это было такъ—зло не было бы такъ громад-

но! На великую бѣду, ихъ больные нервы невыносимо воспріимчивы, кровь горяча, а въ мозгу, какъ въ заколдованномъ кругу, вертятся, одна ужаснѣе другой, мысли; сумасшедшіе дома полны этими нечувствующими существами.

На великую ихъ бѣду, онѣ не могутъ отвыкнуть страдать, любить, ненавидѣть, презирать; отвыкнуть чувствовать, когда зараза и голодъ съѣдаютъ ихъ, и обезумѣвъ отъ отчаянія, онѣ не знаютъ что выбрать: смерть отъ голода или сифилиса. Онѣ ощущаютъ жгучую боль, когда тяжелые, липкіе комы грязи летятъ въ нихъ,бросаемые нѣжными ручками христіанскихъ моралистокъ;зорко видятъ,когда около нихъ,жмурясь,стараясь не дышать, проходятъ книжники, фарисеи, съ молитвенниками въ рукахъ и съ сердцемъ, обросшимъ мохомъ; имъ очень больно, когда пьяная ватага бьетъ ихъ уступками или бросаетъ имъ бутылки въ головы; онѣ быстро заболѣваютъ чахотками, когда ихъ, съ обнаженными плечами, выбрасываютъ, въ морозныя ночи, на улицы, и сознаютъ глубже другихъ, что проклятья, молитвы не болѣе, какъ колебаніе атомовъ въ вѣчномъ пространствѣ, что въ нихъ плюетъ сытое христіанское общество за то, что онѣ бѣдны и голодны!

Но, можетъ быть, этотъ „упрекъ богу на землѣ“, эти дѣти горя имѣли состоянія и, промотавъ ихъ, пустились безчинствовать, безпрепятственно оскорбляя, огорчая въ парникахъ выросшую добродѣтель? нѣтъ! онѣ родились безъ состоянія,но въ состояніи нищеты и порока, онѣ — большею частью несчастныя дѣти несчастныхъ рабочихъ, создавшихъ чудеса цивилизаціи...

Горькія слова вырвались у великаго сатирика Огюста Барбье:

„О нищета! совѣтчица дурная,
Безжалостная! Сколько ты
Подъ кровлею убогаго жилища
Сбираешь жертвъ пороку...
. . . . . .
Горе намъ, несчастнымъ Магдалинамъ,
По городамъ отъ вѣка христіанскимъ!
Не много есть такихъ людей отважныхъ,
Которые бы намъ не побоялись
Подать руки, чтобъ слезы съ глазъ стерѣть.“

Дрожь пробрала упитанныхъ моралистовъ, когда другой еще болѣе великій поэтъ въ романѣ „Несчастные“ получившемъ названіе „Евангелія XIX вѣка“, выставилъ, въ ужасной наготѣ, причудливо освѣщенный образъ Фантины, этой Скорбящей Матери нашего печальнаго міра. Но не нужно забывать, что голосъ взывающій къ любви, терпимости, самоотверженію, состраданію, какъ и всегда, раздался изъ стана невѣрующихъ, стана революціоннаго...

Христіанство! твоя проповѣдь влила-ли хоть ошибкой одну живительную каплю въ этотъ адъ, — пролила-ли каплю елея на эти ярко раскрытыя раны? Зловѣщей ироніей звучатъ слова Іисуса: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся, обремененные, и я успокою васъ“.

Гагартовскія картины рѣдко кому нравятся, не смотря на всю извѣстность сюжета, онѣ оставляютъ жало въ душѣ. Бросимъ въ безсиліи кисть, проведя первую густую, черную полосу черезъ все небо; повернемся спиной къ похоронамъ нищаго и направимся на свадебный пиръ, гдѣ крошечная кучка людей радуется тому, что весь остальной, исполинскій міръ совсѣмъ лишенъ радостей!

Блестящіе кварталы, роскошные отели, комфортабельныя квартиры, достойные пріюты пирующихъ; жизнь, красота, изящество царятъ въ этихъ кварталахъ, съ садами. театрами, операми, музеумами, галлереями. Обладатели носятся въ покойныхъ, какъ люлька, ландо, днемъ по магазинамъ, съ визитами, ночью — по баламъ, операмъ, театрамъ. Женщины волочатъ за собою трехъ-аршинные бархатные и шелковые шлейфы, онѣ присутствуютъ на разного рода сеансахъ: спиритическихъ, магнетическихъ, церковныхъ. Множество юношей и взрослыхъ шлифуютъ тротуары, засматривая въ магазины, кофейни, рестораны, выглядывая себѣ на ночь живое мясцо; они пожираютъ самыя изощренныя, утонченныя, пикантныя кушанья, пьютъ самыя тончайшія ароматныя вина, переодѣваются, не пачкаясь, нѣсколько разъ въ сутки; а по ночамъ спускаютъ тысячи на брилліанты своимъ привелигированнымъ любовницамъ; ночь они проводятъ въ старческомъ развратѣ, день — въ лжи, сплетняхъ, притворствѣ, лести. Продѣ-

лывая все это, они бездушно, чаще всего безсознательно, топчутъ міръ, дающій имъ всѣ блага, игнорируютъ его, какъ подозрѣваемыхъ жителей на Марсѣ, Сатурнѣ, Уранѣ...

Но Немезида стоитъ у дверей; они отцвѣтаютъ, не успѣвши разсцвѣсть, въ разгарѣ молодости ихъ одолѣваютъ всевозможные недуги, они вырождаются съ поражающею быстротою, тупѣютъ, пошлѣютъ, озвѣрѣваютъ не по днямъ, а по часамъ..... жизнь полная эгоизма неизбѣжно ведетъ къ нравственному идіотизму.

Милліоны летятъ на азартныя игры, милліоны на шелкъ, бархатъ, бездѣлушки, на обѣды, гдѣ даже способность ѣсть съ апетитомъ утеряна; милліоны на соревнованія, отдѣлки дворцовъ, загородныхъ виллъ и на колосальное всеобъемлющее ничто.

Чтобы поддержать извращенный, растленный строй, увѣковѣчить надруганье надъ бѣдностью, трудомъ, вся эта грубо-эгоистическая, все болѣе отъ ужасной жизни деморализирующаяся шайка, волнуемая животными инстинктами, вступаетъ въ стачку съ правительствомъ; она сажаетъ на тронъ патентованныхъ, выдресированныхъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, феноменальныхъ негодяевъ, занося ногу на тронъ, они продѣлываютъ заученныя, обезьяньи гримасы, бормочатъ выдолбленныя на случай рѣчи: о благѣ народа, торжествѣ порядка; усѣвшись, укрѣпившись, они окружаютъ себя восточною роскошью, ненасытными, безпринципными пройдохами, готовыми на все; самые нахальные изъ нихъ попадаютъ въ министры, сенаторы.

Грабежъ ростетъ, народъ замучивается, обезсмысливается; налогомъ съ него поддерживаютъ милліонную армію. Въ палатахъ, государственныхъ совѣтахъ краснобаи трещатъ безъ умолку, забалтывая святую справедливость до каламбура...

Политическіе схоласты, софисты, всевозможные шарлатаны сотни лѣтъ однообразно кривляются передъ народомъ, и народъ, на свою бѣду, идетъ въ ихъ западню, смѣшиваетъ ихъ интересы, ихъ свободу, со своими.

Высшая, монархическая государственная сфера представляетъ тотъ образецъ бѣшеной борьбы за существованье, передъ которой ничто заѣданіе въ мірѣ животныхъ.

Христіанство! 1400 лѣтъ ты царишь надъ землею, полюбуйся практическимъ примѣненіемъ твоей морали! Ты дерзко нагло претендуешь на равенство, братство, твой богъ-нищій умеръ на крестѣ за бѣдныхъ, угнетенныхъ! Но неужели всемогущій богъ-нищій ничего не могъ завѣщать людямъ, исключая своего тяжкаго креста и бѣдности? Гдѣ твои вѣрные служители? Стоятъ ли они день и ночь склонившись надъ страждущими, гибнущими, или же, съ прежнею неутомимостью, обиваютъ пороги знатныхъ и богатыхъ, интригуютъ, творятъ гнусности, роютъ западни, гремятъ съ церковныхъ кафедръ доказывая, подтасованными текстами изъ Евангелія, права на угнетеніе, порабощеніе, разбой, грабежъ.

Въ послѣднее время свершились событія, заставившія многихъ призадуматься: клерикальная партія ловкая, гибкая, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, начинаетъ тихонько, непрошенно, просачиваться въ ряды соціалистовъ. Католическое духовенство, отталкиваемое, стѣсняемое все болѣе, болѣе либеральной буржуазіей, начинаетъ — пока очень скромно и изрѣдка — съ мистическими оговорками, соединяться съ соціалистами, атеистами; въ критическую минуту подаетъ имъ маленькую помощь. Клерикализмъ начинаетъ въ конвульсивномъ, предсмертномъ трепетѣ, старческой рукой хватать за горло измѣнившее ему буржуазное государство. Порывъ ненависти, мести, на этотъ разъ, принесетъ болѣе пользы, чѣмъ всѣ благія проповѣди и сказки о загробномъ мірѣ. Но не нужно забывать, что вслѣдъ за попами падетъ и буржуазное царство, капиталъ, та же религія, съ такимъ же ненасытнымъ карманомъ.

Великое спасеніе для человѣчества, что правдѣ, добру служатъ не одни друзья, но и лютые враги; все сплетается такъ неожиданно, что всепредвидящіе мудрецы занятые проэктами генеральныхъ задушеній, вдругъ наталкиваются на очень сложныя положенія, желая служить одной своей шкурѣ, они, благодаря своей тупости, близорукости, невѣжеству, неожиданно для нихъ, служатъ человѣчеству... Метерних своимъ охранно-священнымъ союзомъ, мракобѣсными провокаціями, вызвалъ революцію во всей Европѣ... Твердоголовый, пожалованный въ геніи штыкъ-юнкеръ Бисмаркъ, своими нелѣпыми, узкими преслѣдованьями, оказалъ огромную

услугу соціалистамъ, конечно креликализмъ,хотя и слабо причастный къ побѣдѣ,захочетъ,постарпнному,захватить львиную долю. Кто глубоко вглядится въ христіанство, тотъ пойметъ, что оно слишкомъ дряхло, чтобы успѣть во время сбросить старую, змѣиную шкуру; увядающія, старческія ткани не обновитъ свѣжій притокъ крови; окостенѣвшія артеріи лопнутъ отъ сильнаго напора крови. Миссія христіанства заключалась въ обѣщаніи вѣчныхъ радостей въ невѣдомомъ мірѣ; соціализмъ эти обѣщанія стремится привести въ исполненіе въ земномъ. Безцеремонно стаскиваетъ радости съ неба на землю. Разъ это удастся, — всѣ расчеты съ небомъ, низкія заискиванія у бога кончатся немедленно; ненужный богъ умретъ смертью Юпитера; онъ умудрился появиться изъ ничего, слѣдовательно ему легко будетъ обратиться въ ничто, это будетъ даже божественно логично. Коренная задача соціализма — уничтожитъ мракъ, рабство, невѣжество, позорящіе, губящіе человѣчество, но кто же не знаетъ, что они, только они, питали христіанство, развивая въ немъ раковое худосочіе.

Во времена Іисуса настоящій соціализмъ не предчувствовался, несмотря на большія умственныя силы Іисуса, время тяготѣло надъ нимъ, какъ и надъ послѣднимъ, жалкимъ смертнымъ; онъ ударился въ абстрактный міръ, завѣщалъ народамъ крестъ, муки въ дѣйствительной жизни и безконечныя блаженства, въ случаѣ примѣрнаго поведенія, въ небесной; видя вокругъ незаслуженныя, чудовищныя бѣдствія нищеты, и рядомъ незаслуженное счастіе, богатство, онъ прибѣгъ къ загробной жизни, какъ къ средству оправдать бога, примирить его съ суровой логикой, силился возстановить равновѣсіе. Іисусъ говоритъ: „Царство мое не отъ міра сего“. Онъ былъ глубоко правъ: идеи его парили надъ землею, не спускаясь на землю. Подняться до матеріальнаго перестроенія міра онъ, какъ человѣкъ, не могъ; 1800 лѣтъ неумолимо доказали, что одною духовною проповѣдью перестроить міръ, не представляется ни малѣйшей возможности, Уничтожать зло, не прикасаясь къ роковымъ причинамъ зла, все равно, что изнывать надъ изобрѣтеніемъ безпрерывнаго движенія, рѣшеніемъ квадратуры круга.

Приведу маленькій примѣръ изъ жизни близкой намъ: сотни лѣтъ, не смотря на гуманныя проповѣди, помѣщики били, драли своихъ крестьянъ; люди, знавшіе наизусть Вольтера, Руссо, Дидеро, весело, развязно продавали своихъ крестьянъ, часто дешевле скотины, и весь хаосъ, всѣ муки, всѣ столѣтніе ужасы безправія были остановлены на полномъ ходу однимъ листкомъ бумаги, подписью изъ десяти буквъ; руки, бившія такъ спокойно, такъ увѣренно въ субботу, опустились немощными въ воскресенье. Буйная татарско-монгольская натура, угомонилась вмигъ отъ приподнятой палки жалчайшаго полицейскаго, дымомъ разлетѣлись въ плоть, кровь въѣвшіяся привычки, вѣками освященныя права; бумаженка, громадно запоздавшая, благодаря деспоту, была узка, умѣренна, она оставила крестьянина нищимъ, связаннымъ, если не крѣпостной цѣпью, то царской веревкой, но даже и она, вслѣдствіи своего легкаго прикосновенія къ роковымъ причинамъ, сдѣлала многое.

Цари, богачи, самоуправцы, хищники оставались неприкосновенными, и жизнь дикая, безумная, злая, не смотря на патетическую проповѣдь, оставалась тоже неприкосновенною. Вѣка смѣнялись чередою длинною, а жизнь становилась все хуже. Феодалы сидѣли въ неприступныхъ, каменныхъ гнѣздахъ и какъ кондоры питались падалью; внизу копошился въ навозѣ, не смѣя глазъ поднять на небо, голодный, забитый крестьянинъ.

Епископы, аббаты пировали въ непотребныхъ домахъ, именуемыхъ женскими монастырями, похлебывали старыя монастырскія вина; монахини набивали навозныя кучи прижитыми отъ аббатовъ и монаховъ дѣтьми, христіанская проповѣдь о цѣломудріи, смиренномудріи мирно проповѣдывалась—пьяное духовенство не прочь было отъ скуки развлекаться трогательными проповѣдями; болѣе другихъ пьяные точили слезы умиленія.

Шайки похотливыхъ монаховъ, выпущенные на грабежъ изъ богатыхъ монастырей, шлялись по деревнямъ и во имя распятаго Христа, вырывали изо рта смиренныхъ бѣдняковъ послѣдній ломоть хлѣба, и въ благодарность, насиловали женщинъ, дѣвушекъ, стращали

на всѣ лады, съ большимъ наѳосомъ, рогатыми лохматыми чертями, жаровнями, раскаленными до бѣла щипцами.

Христіанство проповѣдывалось своимъ чередомъ, тиранство, разбой, грабежъ практиковались своимъ чередомъ.

На кострахъ, въ корчахъ жарились еретики; въ подвалахъ трещали кости пытаемыхъ; шумѣли пилы, звенѣли ножи; изъ ямъ, наполненныхъ крысами, змѣями, вырывались задушаемыя стенанія; вырывались хрипѣнья у заживо погребенныхъ; клокоталъ расплавленный свинецъ въ глубокихъ ранахъ и, рядомъ, съ церковныхъ кафедръ, заглушая визгъ пожей, пилъ, раздавались чудныя слова: „Любите ближняго, какъ самаго себя. Благословляйте проклинающихъ и гонющихъ васъ. Отецъ небесный повелѣваетъ солнцу всходить надъ злыми и добрыми, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Иго мое благо, бремя мое легко. Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ.“

Но невѣрующіе люди своими буйными памфлетами начали шатать матеріальный міръ сверху до низу. Смиреніе замѣнилось сатирою; государственный строй распластывался обоюдо-острымъ мечемъ анализа. Люди — гиганты замѣтили, что мракъ черезчуръ сгущается отъ смиренія, терпѣнія, упованія на будущую жизнь; они начали будить тлѣномъ воняющихъ Лазарей; съ высотъ умственнаго міра раздался крамольный призывъ къ оружію.

Теологическую схоластику смѣпили: астрономія, физика, химія, физіологія, политическая экономія и философія, покоющаяся на наукѣ и разумѣ. Зловѣще задумываясь надъ ужасною дѣйствительностью, умные, энергическіе люди начали придумывать выходъ изъ нея. Выходъ отыскался скоро, но не совсѣмъ кроткій, но по тому времени неизбѣжный: необузданное насиліе, кровожадная жестокость, грабежъ, презрительное растаптываніе беззащитнаго бѣдняка, не могли ничего выродить изъ себя пріятнѣе, кровавой революціи; виновато не мстительное дѣтище, но страшно виноваты, опекающіе родители, рьяные педагоги, убогія нянюшки.

Обреченныя христіанствомъ на убой, подъемъ тяжестей, людскія стада, наконецъ, подняли вверхъ свои отяжелѣвшія подъ давленіемъ вѣковъ головы, взяли въ

руки дреколья, вилы, ножи, запалили жаркимъ огнемъ романтическіе замки, грандіозные монастыри, и дѣло пошло неизмѣримо быстрѣй, лучше! Революція вспыхнула; голова покатилась за головою, одна головенка, не задолго, безпечно таскала царскую корону и вѣрила, въ наивнѣйшей простотѣ, что старый порядокъ переживетъ вѣчныя звѣзды..... Человѣчество вздохнуло и хоть на минуту расправило свои больные, одеревенѣлые отъ тяжкихъ цѣпей члены; кровь въ первый разъ горячо заструилась по артеріямъ; послѣдніе захотѣли быть первыми не на небѣ, а на землѣ! Захотѣли, къ ужасу правителей, равенства, свободы не на небѣ, а на землѣ!

Духовенство застыдилось при обнаруженіи чрезмѣрныхъ, противныхъ священному писанію, требованій; между убогою паствою и очень раскормленными пастырями произошло гибельное недоразумѣніе. Овцы безстрашно полѣзли на заоблачныя вершины, любуясь пропастями, и добрые пастыри, храбрые, находчивые, неутомимые во время стрижки овецъ, не осмѣлились за ними послѣдовать,почувствовали головокруженіе,наблюдая за ними.

Вопросы неба отодвинулись на задній планъ, вопросы жизни стали на первый. Наступило великое время: дивныя грозныя рѣчи гремѣли съ народныхъ трибунъ; величавыя дѣла свершались всюду, сказочные титаны взошли на мірovую сцену. Но выпеченные изъ здобно-сладкаго тѣста историки считаютъ долгомъ всплакнуть о расправахъ во время революціи, но о нихъ смѣшно упоминать, требовать отъ революціи выцѣловыванія и задушевнѣйшихъ рукопожатій болѣе чѣмъ странно, въ первые моменты въ нихъ недостатка не было, но за то вскорѣ, въ прибавку въ нимъ, сталъ неустанно рѣзать головы, блестящій топоръ гильотины.

Святая месть, крутыя расправы относятся къ злу, ужасамъ, свершеннымъ папами, королями, привиллегированными сословіями, какъ мизерабельные холмики къ діаметру земнаго шара.

Не смотря на всю силу проснувшейся снова реакціи, людямъ стало жить немного легче, дышать свободнѣе. Освободилась вполнѣ, стала владыкою состоятельная

буржуазія — это не много, но все лучше что нибудь, чѣмъ ничего; дѣятельная способная къ надуванью—буржуазія многочисленна и, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ людской расѣ, хотя многіе изъ ожесточенныхъ соціалистовъ въ этомъ сомнѣваются; освобожденная, она волей-неволею потянула и остальныхъ людей по той же дорогѣ; богатая буржуазія конечно очень не хочетъ, торжества соціализма, но мало ли чего она не хочетъ, главное, чтобы пролетаріи соединились и захотѣли...

Единицамъ изъ милліоновъ христіанство проливало елей на душу; во время потерь, страданій, тяжелыхъ ударовъ жизни, они уходили въ вѣру; озаренный лампадою образъ замученнаго Бога, въ терновомъ вѣнцѣ, проливалъ тишину, упованіе въ душу. Но то были единицы! Смиренныя массы, пробранныя до костей работою, нуждою, голодомъ, холодомъ, невѣжествомъ, тупо, недоумѣвая, глядѣли въ небо и на волосъ не могли оцѣнить будущихъ вѣчныхъ радостей: для этого требовалось пламенное воображеніе, а пламенное воображеніе — роскошь, не всѣмъ доступная: послѣ тяжкой работы, на голодный желудокъ, очень легко воспроизвести адъ, что же касается до рая, то тутъ необходимо нѣкоторое переполненіе желудка.

Іисусъ не предчувствовалъ, что небесная награда, впослѣдствіи будетъ утѣшать немногихъ энтузіастовъ и не въ состояніи будетъ утѣшить огромный міръ несчастныхъ, очень нуждающійся въ утѣшеніи... Безумецъ божественный! умирая на крестѣ, вынося униженія надруганья ты не предчувствовалъ будущаго! Ты счастливъ, что твое божественное всевѣденіе не въ силахъ было ничего предвидѣть; будь ты въ состояніи въ минуты высшаго душевнаго прояснения хоть на каплю угадать будущее, ты пережилъ бы страшныя минуты.

Ренанъ говоритъ: „Христіанство освятило рубище простолюдина“. Онъ забылъ бездѣлицу, пылкій романтикъ, — забылъ прибавить, что оно на одинъ волосъ не потеряло своего ужаснаго значенія: въ немъ такъ же холодно, гадко, неудобно, какъ и въ проклятомъ рубищѣ! Лохмотья останутся лохмотьями, если вы даже выплеснете на нихъ всѣ священныя воды Іордана и сверху до низу обольете святымъ муромъ, которымъ ма-

жутъ царей на царство: отъ святыхъ омовеній, помазаній, вздорныхъ апотеозъ онѣ станутъ только хуже.

Что можетъ быть ужаснѣе: сознавать въ себѣ человѣка, права на счастье, свободу, мірскія блага, и быть обреченнымъ на, освященный самими небесами, голодъ, освященное рубище!

Вся нелѣпость, сумбурность, невылазная подлость человѣческой исторіи заключается въ томъ, что человѣчество захотѣло, вслѣдствіи своего безграничнаго невѣжества, сначала вкусить духовное равенство, въ простотѣ душевной, оно игнорировало святое экономическое равенство, не предчувствовало, что изъ него, только изъ него, выйдутъ могучая, всепобѣдная цивилизація свѣтозарная поэзія и истинныя равенство, братство, свобода! Безпочвенное ученіе, по тому времени единственно возможное, не соприкасающееся съ дѣйствительною жизнью, не перестраивающее ее вполнѣ, не влило живительной возрождающей силы въ жизнь. .То были не всеспльные, горячіе лучи солнца, но тусклое мерцаніе далекой звѣзды! Человѣчество, убаюканное христіанствомъ, заснуло Крезомъ, проснулось Промъ.

Христіанство напоминаетъ миражъ въ пустынѣ...

Желтовато-бурый песокъ, бѣлое небо дышатъ пламенемъ; верблюды порывисто вытягиваютъ шеи, подымаютъ головы, звенятъ погребально колокольчиками; путники воспаленнымъ взоромъ глядятъ вдаль; на горизонтѣ величественно-сурово сливаются бурыя волны песка съ бѣлымъ, нестерпимо-свѣтящимся, небомъ. Зной, смерть беззвучно идутъ на встрѣчу; жутко становится глазъ на глазъ съ равнодушною, грозною, безпощадною природою. Усталость, жажда ростутъ; кожа пылаетъ, трескается, звонъ странный, стройный, ни на минуту не прерывающійся, начинаетъ раздаваться въ ушахъ, все темнѣетъ вокругъ..... На потемнѣвшемъ пескѣ ярко бѣлѣютъ черепа, кости погибшихъ; смертельно-ужасное чувство давитъ душу; зловѣщіе, быстрые, какъ молніи, сны мелькаютъ... Люди, затерянные въ пустынѣ, впадаютъ въ бредъ.

Все волшебно измѣняется: широкая рѣка катитъ шумныя, холодныя, прозрачныя волны; пальмовые лѣса тихо колеблятъ блѣдно-зеленыя верхушки, отражаясь

въ водахъ рѣки; по цвѣтущимъ лугамъ звенятъ ручейки; упоительно пышетъ ароматный весенній вѣтерокъ; ликующее пѣнье, мелодическое щебетанье птичекъ раздаются вокругъ, отливаютъ драгоцѣнными камнями на солнцѣ ихъ крылышки. Изъ свѣжаго сумрака пальмовыхъ рощъ тихо, въ свѣтлыхъ одеждахъ, выходятъ стройныя, смуглыя, прекрасныя дѣвушки, въ ожерельяхъ, съ тяжелыми, ослѣпительно, сверкающими на солнцѣ, браслетами; онѣ легко несутъ на головахъ сіяющіе сосуды, наполняютъ ихъ водою и съ улыбкою, свѣжею, какъ на разсвѣтѣ дня роза, подносятъ прохладную воду къ почернѣлымъ, горящимъ устамъ. Чудно-красивы нагія руки, въ сверкающихъ браслетахъ; томною нѣгою свѣтятъ полузакрытыя громадными рѣсницами дивныя очи; минута—и потухла роскошная райская греза..... Мукамъ нѣтъ границъ..... Еще жгучѣе горитъ огонь внутри, раскаленный воздухъ душитъ съ утысячеренною силою . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Май 1881 года.

На рубежѣ XX вѣка

(Философія отчаянья)

I

Сумасшедшій старикъ Лиръ, въ рубищѣ, увитый соломою, при свѣтѣ молніи, приглядѣлся къ голяку нищему, дрогнувшему подъ дождемъ и произнесъ чудно безумныя слова: „Неужели это человѣкъ, и ничего болѣе? Смотрите на него, на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелка отъ червя, а мы трое, мы не люди, мы поддѣланные! Вотъ человѣкъ, какъ онъ есть, бѣдное, голое, двуногое животное! Прочь съ меня все чужое!“

За этимъ монологомъ Лиру не оставалось ничего болѣе, какъ сорвать съ себя съ хохотомъ одежду...

Фраза эта, вырвавшаяся невольно у единственнаго, обрѣтшаго разумъ въ безуміи монарха, потрясла меня глубоко.

Въ концѣ XVIII в. у Руссо вырвался стонъ изъ души: „Будь проклятъ тотъ, кто первый сказалъ: это мое“. И затѣмъ, онъ посовѣтовалъ вернуться къ дикарямъ.

Въ концѣ XIX в., желая блистательно показать, что мы громадно двинулись впередъ, мы должны покойно, ясно произнести: Будь проклятъ часъ, когда нелѣпое подобіе человѣка прошипѣло: *я*.

И съ улыбкою ледянаго презрѣнія, мы должны отвернуться отъ нашей цивилизаціи, кровавой, безумной, ничего намъ не давшей, тысячилѣтія насъ губившей.

И затѣмъ, титанъ, раскрывшій тайны неба и земли, подслушавшій „дольней лозы прозябанье“, открывшій телескопъ, микроскопъ, телеграфъ, телефонъ, локомотивъ, сбрось съ себя пышныя, негодныя, глупыя одежды и безъ лопуха — не стыдись — ступай въ дѣвственный лѣсъ или безпредѣльную пустыню и... привыкай!...

Тебѣ не удалась сумасшедшая попытка сдѣлаться человѣкомъ, ты похитилъ огонь съ неба и не смогъ сдѣлать на немъ простой питательной похлебки для *всѣхъ*! Въ новомъ, странномъ чинѣ не съумѣлъ завоевать себѣ свободу, счастіе; опомнись и вернись — повѣрь, то будетъ истинный прогрессъ — въ покинутый тобою, напрасно, животный міръ. Разумно въ тебѣ только все животное!

Отщепенецъ отъ животнаго міра, неудачникъ природы, ты безсознательно выползъ изъ теплой шкуры животнаго, теперь сознательно вползи въ покинутую шкуру и отогрѣйся!

Вѣнецъ творенія! Ты не понялъ грубыхъ намековъ, не обратилъ вниманія на то, что тщетныя покушенія, въ продолженіи тысячъ лѣтъ сдѣлаться человѣкомъ, тебѣ не удались. Тысячи лѣтъ ты разгиналъ свою лохматую спину затѣмъ, чтобы потомъ гнуть ее безобразно подло передъ первымъ сильнымъ проходимцемъ;десятки тысячъ лѣтъ пронеслись надъ тобою, и ты еще не совсѣмъ вылѣнялъ! Тебѣ не удалось вполнѣ ослабить свои челюсти; мускулы, кожу, нервное вещество и атрофировать всѣ жизненные органы; трудности ростутъ передъ тобою съ каждымъ новымъ шагомъ по пути прогресса; разладъ между мечтою, порывами и жизнью чудовищный.... Слѣпой, ты упустилъ изъ виду свое спасеніе, сокровище лежало передъ тобою, стоило только протянуть руку! Сокровище это — способность сказочно быстро оскотиниваться. Стоитъ только пожелать и не пройдетъ столѣтія, какъ мы покроемся пухомъ, какъ инеемъ, отточимъ, укрѣпимъ снова зубы и поумнѣемъ, на счастіе намъ, такъ колоссально, что приведемъ въ неописанный ужасъ наши правительства. Не пройдетъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ мы уже перестанемъ платить подати, отбывать воинскую повинность. Удалившись въ лѣсной просторъ, нужно начать добросовѣстно лазить по деревьямъ, цѣпляться за сучья, прыгать съ вѣтки на вѣтку и стараться всевозможными эволюціями, какъ можно скорѣе, пріобрѣсти себѣ, необходимый для безмятежной жизни, хвостъ.

Не стоитъ и говорить о томъ, что нужно стараться, какъ можно менѣе говорить, — болѣе визжать, рычать, и всего важнѣе, какъ можно менѣе думать о чудесахъ

цивилизаціи. Благодаря Романовымъ, мы, русскіе, потеряли даръ слова, они стерли границу, отдѣляющую насъ отъ міра животнаго.... тѣмъ лучше... мы скорѣе всѣхъ войдемъ въ настоящее царствіе земное.

Послѣ тысячилѣтняго прогресса, мы вдругъ узнали, — и солона была новость, что мы не изъ дома Іеговы, а изъ семейства мандрилъ. Жестокій ударъ нанесенъ былъ хамству — если такъ, то зачѣмъ и кому кланяться!?

Мы долго тѣшили свое сердце, что богъ-отецъ, открывъ намъ ротъ, какъ это дѣлаютъ люди, кормящіе каплуновъ галушками, вдунулъ въ насъ свое божественное *я*. Въ концѣ концовъ, послѣ безчисленныхъ открытій, намъ добродушно указали, что у насъ еще не совсѣмъ выпали клыки животнаго и не совсѣмъ слѣзла шуба старика мандрилы. Чего намъ ждать отъ будущаго, если прогрессъ, наука ведутъ къ такимъ неожиданнымъ умственнымъ пассажамъ? Къ чему прогрессъ? Можетъ быть, въ самомъ разгарѣ нашихъ восхищеній цивилизаціей, наука вдругъ произнесетъ, обдавъ насъ смертельнымъ холодомъ: „Повелитель вселенной! природа вами промахнулась — что не разъ случалось съ нею — вы совершенствуете ошибку, вы заблудились!“ И, затѣмъ, укажетъ густо заросшую тропику въ дѣвственный лѣсъ.

Не лучше ли предупредить нечаянность, приготовиться, чтобы не испугаться.

Пока зарница вспыхиваетъ на небѣ, но скоро вспыхнутъ разящія молніи...

II

Въ роскошномъ дѣвственномъ лѣсу, среди ліановъ, гирляндъ цвѣтовъ, спускающихся съ деревьевъ, пользуясь безграничной свободой, впивая мощною, лохматою грудью ароматный, пряный воздухъ, безъ болѣзней, пустыхъ сомнѣній, печалей, цѣпляясь мускулистыми лапами за вѣтви гигантскихъ деревьевъ, перепрыгивая съ дерева на дерево, повисая, качаясь на хвостѣ, наслаждается, припаровленное къ средѣ, цѣльное существо; дикій крикъ упоенія вырывается у него по временамъ изъ груди, такъ кричатъ дѣти, еще не вышедшія изъ звѣрьковъ, полныя жизни, въ весенній день на

лугу. Сила, эластичность, смѣлость въ каждомъ движеніи, каждомъ прыжкѣ! Дикое, свободное существо!

Но это веселое, рѣзвое, наслаждающееся существо дѣлается страшнымъ въ минуту опасности. Съ трескомъ, летятъ кругомъ громадные сучья; лохматое чудовище выпрямляется, беретъ въ свои длинныя, съ стальными мускулами, лапы, громадную дубину и скрипя зубами, съ вздыбыренною шерстью, горящими глазами, идетъ на противника и горе, горе противнику!

О, русскій, низко подданный! Послѣ тысячъ лѣтъ прогресса, такъ ли ты встрѣчаешь врывающихся къ тебѣ ночью разбойниковъ жандармовъ? Такъ ли ты идешь на встрѣчу твоему смертельному врагу палачу — царю?!?

О, человѣкъ! не только ты самъ подлый рабъ, но ты умудрился растлить все вокругъ: свободное гордое животное сдѣлавшись ручнымъ, стало не хуже тебя самаго переносить надруганье, побои.

Въ прекрасномъ просторѣ нѣтъ царей и рабовъ; нѣтъ поповъ и вѣрующихъ, дворцовъ и центральныхъ тюрьмъ; господина и работника, нѣтъ бога и храмовъ, ни трибуналовъ, ни преступниковъ.

Лохматое существо любитъ тою великою животною страстью, которую тщетно старались воспѣть Байронъ въ „Гяурѣ“, Петрарка въ своихъ сонетахъ; оно наслаждается съ лохматою жемчужиною сердца тѣмъ беззавѣтнымъ, неотравляемымъ счастьемъ, которымъ можетъ наслаждаться только существо, вполнѣ уравновѣшенное, мощное, съ острою кровью въ жилахъ, незнающее болѣзней, одежды, комнатъ! И до этого счастія никогда въ своихъ грезахъ не подымутся золотушные герои любовныхъ романовъ, импотенты цивилизаціи.

Въ вольномъ, лѣсномъ просторѣ нѣтъ брака, стремленіе къ наслажденью не преступленіе, да и ужасное слово преступленіе тамъ не существуетъ!

Это твой предокъ человѣкъ! Дѣвственный лѣсъ твоя свободная родина! Ты покинулъ родину, блудный сынъ, и долго пасъ свиней, покрытый коростою, но, опомнившись, покаявшись, ты снова вернешься на всеобщую родину, и природа раскроетъ тебѣ, заблудившемуся,

свои материнскія объятія! Въ этомъ возвращеніи весь смыслъ твоей исторической жизни, въ этомъ вся злая мораль!

Я-погубило тебя; съ того момента, какъ произнесено было роковое слово, — небеса померкли, и вся природа закуталась въ саванъ; ты дерзкою рукою сорвалъ яблоко познанія, и природа вытолкнула тебя изъ рая, обрекла уродливаго выкидыша на муки, болѣзни, кровавый безплодный трудъ...

Я создало власть, создало бога; первый вылупившійся изъ *Я* кровопійца, первый царь, началъ выдумывать, какъ отстоять за собою свое *Я*, превосходно, отчетливо произносимое, отъ тѣхъ, которые его произносятъ съ дрожью въ голосѣ, съ сомнѣніемъ, тревогою въ головѣ и имѣютъ по временамъ склонность совсѣмъ забывать его.

Царь и попъ, первые два смѣлые негодяя, первые выдумщики, и съ нихъ тихонько начали назрѣвать, накопляясь по атому, — какъ известь отъ умершихъ инфузорій, формирующая исполинскіе, коралловые рифы — государственныя хитрыя учрежденія, законы, права; къ ихъ услугамъ, вкрадчиво кланяясь до земли, явились блудницы: искусства, поэзія философія. Они стали тихо закрѣплять въ головахъ плохо произносившихъ *Я*, называя свою позорную болтовню логикой, все то неестественное, дикое, безобразное, которое съ ножемъ, цѣпями въ рукахъ, старались закрѣпить царь и попъ, монополисты *Я*. Нѣтъ того первобытнаго островка, на которомъ не нарождался бы свой дикій царь, подлый попъ.

Но что ужаснѣе всего,— въ мозговой гущѣ, у такъ называемаго человѣка, завелся тонкій, длинный глистъ; начались Фаустовскія порыванія обнять весь міръ, прозрѣть на вылетъ безконечность!

Страннѣе всего, что титаническія, манфредовскія порыванія явились, когда мы еще не совсѣмъ были избавлены отъ телѣснаго наказанія. . . . . .

. . . . . .

И потянулись длинною вереницею, какъ чудовища волшебнаго фонаря, пугая воображеніе уродливою формою, сумбурностью, заливая міръ невинною кровью,

Христна, Моисей, Будда, Іисусъ, Магометъ, и съ ними рука въ руку безчисленные Атиллы разныхъ націй. Во имя *Я* завоевывались колоссальныя страны, съ пылью смѣшивались громадные города; плодородныя долины, роскошнѣйшіе лѣса обращались въ выженныя пустыни, покрытыя трупами. Во имя *Я* воздвигались тюрьмы, эшафоты, созидались, разрушались дворцы, храмы; на пышныхъ алтаряхъ трепетали безчисленныя зарѣзанныя жертвы.

Хаосъ, смерть, муки, безумныя злодѣйства шли за колоссальнымъ *Я* позорною, черною, свитою...

Выгодная ли для тебя разница существуетъ между тобою, дитя гуманнаго вѣка, и лютымъ волкомъ, пронырливою лисицей? Волкъ лупитъ шкуру съ ягненка и жретъ его; ты тоже лупишь шкуру съ бѣдняка, равнаго тебѣ человѣка, и затѣмъ, пожираешь его. Твое пожираніе воспѣваютъ поэты, оправдываетъ исторія, одобряетъ религія, возводитъ въ высочайшую, государственную мудрость философія; все за тебя! ты смакуешь мясо, пьешь кровь въ сласть и читаешь выспренною мораль надъ заѣденнымъ тобою трупомъ. Волкъ рѣжетъ ягненка безъ философіи, религіи; лисица душитъ цыпленка безъ церковной морали, и на сколько возможно, старается своимъ пушистымъ хвостомъ, ввиду будущихъ похожденій, замести за собою слѣдъ; послѣднее тебѣ не всегда удается.

Ни у волка, ни у лисицы нѣтъ угрызеній совѣсти, слѣдовательно они по своему правы. Ты дѣлаешь тоже самое съ разными угрызеніями, покаяньями, слѣдовательно, творишь мерзость. Великое благо подарило тебѣ сознаніе!

. . . . . .

Вѣчныя исполинскія звѣзды! Тысячи лѣтъ нужны были, чтобы блѣдный лучъ вашъ дошелъ до нашего темненькаго, ничтожнаго міра. Что вамъ до насъ, до атомовъ, движущихся на поверхности темненькаго міра, которыя относятся къ нему, какъ снѣжная пылинка къ снѣжнымъ горнымъ пустынямъ Гималая?

Что вамъ до нашего прогресса, вѣчныя, исполинскія звѣзды, онъ не болѣе, какъ одинъ мигъ въ вѣчности! Движущаяся по скорлупкѣ живая слизь смѣетъ

мечтать о прогрессѣ исторіи, торжествѣ надъ природою!

Но развѣ геологическій міръ не страшный міръ умиранія формъ? Гигантскія чудовища откладывались въ слои, вырождались въ ничтожныя — совсѣмъ вымирали, а земля по прежнему вращалась вокругъ солнца....

. . . . . .

III

Послѣ тысячъ лѣтъ исторической жизни, всѣхъ успѣховъ науки, безконечныхъ разсужденій, безчисленныхъ революцій, мы видимъ въ громадныхъ, прокоптѣлыхъ, зачумленныхъ зданіяхъ, подъ свистъ, грохотъ машинъ, милліоны людей худыхъ, изнуренныхъ полуголодныхъ надрываютъ силы, выматываютъ нервы, чтобы отдать фильтрированныя машинами плоть и кровь жирному, ненасытному *Я*, обладателю зданія и машины.

Столѣтія пролетаютъ за столѣтіями, какъ черные вороны надъ добычею, и сытое *Я* по прежнему мучаетъ, губитъ все голодное, слабое, несчастное за то, что оно осмѣливается, иногда, заявлять, чуть не рискуя за это жизнью, что *оно* пожираемое, изо дня въ день, до подлости медленно, до ужаса въ сласть, то же *Я*.

Не даромъ милліарды людей, въ продолженіи сотенъ вѣковъ, терзались, гибли отъ холода, голода, болѣзней въ неумолимой, невыносимо лютой борьбѣ за человѣческое существованіе. Какая дерущая, кроваво жолчная иронія: *за человѣческое существованіе!!*.. Оно вполнѣ достигнуто!...

Обезьяна весело разгуливаетъ по лѣсу, впивая всѣмъ существомъ своимъ солнце, воздухъ; свободная, независимая, удовлетворенная, уравновѣшенная, она не мучается адскою пыткою сознанія.

Сынъ цивилизаціи, вѣнецъ творенія, измѣрившій скорость свѣта, объемъ, вѣсъ невидимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ, передающій слово черезъ могучую ширь окана въ минуту, изнываетъ, тихо истаиваетъ въ горѣ, лишеньяхъ, черномъ рабствѣ, съ еле брезжащей надеждой на полное освобожденіе, съ унылымъ мертвящимъ сознаніемъ, безсилія своего *Я*. Онъ работаетъ, работаетъ изъ за одной скудной, жалкой пищи; поймите изъ за одной пищи! Духовныя блага для

сотенъ милліоновъ людей, вплоть до настоящей минуты — превратная утопія.

Маленькая рѣзвая обезьянка сосетъ сладкій плодъ въ тѣни роскошныхъ пальмъ, играя съ разноцвѣтными бабочками.

Сыны великаго вѣка, дѣти рабочихъ, надежда, слава, сила будущаго, ползаютъ въ грязи, вони, тьмѣ. Голодъ, холодъ, непосильный трудъ искривляютъ дѣтскія кости, надрываютъ слабыя, дѣтскія груди, неокрѣпшіе мускулы. Въ непроглядной, безъисходной тьмѣ въ самомъ зародышѣ погибаютъ умственная жизнь, душевные порывы сотенъ милліоновъ людей.

Въ лѣсъ! скорѣе въ лѣсъ, неудавшееся, поддѣланное существо! Пора кончить невыносимые опыты, безцѣльныя, мучительныя операціи. Иди скорѣй заглаживать промахъ проклятаго человѣческаго существованія!

. . . . . .

Но вы воскликните: „Въ мірѣ царятъ красота, поэзія, искусства, науки, удобства жизни!“ Увы! XIX вѣкъ познакомилъ насъ со статистикой; прозаическія цифры „грознѣе небесныхъ бурь несли въ міръ разрушеніе“; насъ зарѣзали цифры. Они разсѣяли воздушные, пышные замки, грандіозныя иллюзіи. Соціалисты прибѣгли къ всепобѣдной помощи безпощадныхъ цифръ, полные гнѣва, отдернули покрывало, показали изнанку цивилизованной жизни; они высчитали процентъ относительно наслаждающихся; носящіе въ себѣ живую душу, онѣмѣли отъ ужаса; наглые, подлые, обожающіе одну свою шкуру, силились было впасть въ схоластику, забалтывать, отрицать, но языкъ сталъ прилипать къ гортани, вмѣсто словъ, начали вырываться блеянія, безсвязный лепетъ косноязычнаго; они пожелали даже смѣяться, но вмѣсто свѣтлой улыбки, являлись отвратительныя гримасы... . . . . .

. . . . . .

Евангеліе,

Очищенное на выносъ.*)

(Исповѣдь Л. Толстого.)

> Я не хочу слышать объ этомъ трупѣ и прикладываю платокъ къ носу, когда заходитъ рѣчь о христіанствѣ.
>
> Гейне.

I

Время отъ времени наши ученые и литераторы подчуютъ насъ, болѣе или менѣе очищенной, религіей. Профессоръ Вагнеръ сервируетъ чуть не божьихъ матерей троеручицъ, и иногда, въ темныхъ комнатахъ продѣлываетъ чудеса, отъ которыхъ могутъ содрогнуться въ бозѣ почившіе чудотворцы, статскіе совѣтники: Митрофаній и Тихонъ Задонскій.— Профессоръ Бутлеровъ, нахлобучивъ до ушей колпакъ, покрытый іероглифами, таинственно киваетъ головою и какъ бы подтверждаетъ мистеріи темныхъ Вагнеровскихъ комнатъ. Другъ униженныхъ, оскорбленныхъ, презрѣнныхъ—Ѳедоръ Достоевскій, устами Карамазова, не задолго до смерти, заявилъ: „Русскаго Бога, братцы, люблю, хоть я и подлецъ;“ Орестъ Миллеръ, нѣмецъ, съ вполнѣ русской душою, указывая однимъ перстомъ на покойнаго „всечеловѣка“, другимъ—на Ив. Аксакова, кротко молитъ образумиться, о загробномъ мірѣ призадуматься. Недавно почившій, знаменитый хирургъ Пироговъ, въ своихъ мемуарахъ слышать не хочетъ о „случаѣ“, прямо указываетъ на бодрствующій и указующій перстъ; чѣмъ болѣе онъ рѣзалъ человѣческія тѣла, тѣмъ болѣе убѣждался въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ духа, въ дни возмужалости онъ вѣрилъ въ Дар-

вина; въ дни маститости увѣровалъ въ господа нашего Іисуса Христа. Сначала онъ не вѣрилъ въ розги, подъ конецъ тепло увѣровалъ въ розги. Лохматый предокъ смущалъ его христіанскую душу; ему не приходила въ голову мысль, что если мы отъ узконосой обезьяны стараго свѣта, то наши дѣла не совсѣмъ плохи: хоть три шага впередъ, а два назадъ, но все же двигаемся; если же мы прямехенько изъ чрева Брамы или головы Зевса, то будь прокляты чрево, и голова: они сами не знали, что натворили, или же нужно предположить, что Брама насъ породилъ во время крайняго разстройства пищеваренія, а Зевсъ съ пьяной головы.

Не упоминаю Еговы, такъ какъ считаю его богомъ второстепеннымъ, его чудовищно раздули, благодаря популярности Іисуса, но первоначальное его положенье за панибрата съ евреями, отъ этаго не измѣняется.

Давно ли купчиху Артамонову отъ неизлечимой болѣзни излечилъ Николай угодникъ ухою изъ десяти ершей и одного хвоста сига,и диво дивное удостовѣрили четыре профессора-доктора.

И рядомъ съ свѣтилами научнаго и литературнаго міра фигурируютъ жарко вѣрующіе: игуминья Митрофанія, Овсянниковъ, Рыковъ, Юханцевъ, Судейкинъ, Треповъ, Черевинъ, Маковъ, Побѣдоносцевъ, министръ Толстой, Скарятинъ, и пр., и пр. И въ прошломъ, и въ настоящемъ, чѣмъ гнуснѣе, лютѣе, скотина, тѣмъ православнѣе. Евангелію посчастливилось на святой Руси: лелѣяли, взывали къ нему Аракчеевъ, Магницкій, въ настоящую минуту его приголубилъ Побѣдоносцевъ.

Кто съ высоты церковной каѳедры во времена мѣднолобаго Николая зашищалъ висѣлицы, плети, клейма, рабство? — Московскій златоустъ Филаретъ. Кто въ наши позорные дни, на казенный счетъ, возноситъ до небесъ повальное шпіонство, самодержавный разбой, осатанѣлый грабежъ, холопство, пытки, висѣлицы? — Каѳедра Исаакіевскаго собора. — Кто выпустилъ на дняхъ витіеватую ерунду противъ штундистовъ, въ которой съ угрозой указывается, что штундисты, подобно соціалистамъ, проповѣдуютъ утопическое уравненіе имущества? Четыре митрополита съ оберъ гадомъ во главѣ.

Самъ пятый евангелистъ—Левъ Толстой въ своей „Исповѣди“ говоритъ: „Исповѣдующіе православіе большею частію люди жестокіе, тупые, считающіе себя почему-то важными“. Въ дни вѣшаній, всеобщаго искаріотства тщетно обращался Толстой къ пастырямъ большимъ и малымъ, изъ поганыхъ устъ онъ слышалъ только одобренія, оправданія безсмысленныхъ свирѣпствъ; честная душа смутилась и почувствовалъ онъ къ злодѣямъ въ митрахъ, исповѣдующимъ деньги, чины, ордена, отвращеніе невыразимое.

Но почитатели Толстого, недовольные вступленіемъ, могутъ замѣтить: „Вы говорите о юродивыхъ о (порожденіяхъ ехидны), но ваша негодующая душа можетъ отдохнуть на „Исповѣди“. Еще до прочтенія я сказалъ себѣ, что книжка должна быть интересною; „Миръ и Война“ очень обязываютъ. Въ 84 году защищать религію поповскимъ способомъ болѣе чѣмъ мудрено; нужно имѣть большой талантъ, оригинальный умъ, чтобы на первыхъ же страницахъ не провалиться по самыя уши и чтобъ торчащія уши имѣли видъ человѣчьихъ. Въ „Исповѣди“ попадаются глубокія мысли, блестящіе парадоксы, цѣлыя художественныя страницы. Останавливаться на красотахъ мы не станемъ: дѣло идетъ не о стихахъ, но мы остановимся на основныхъ мысляхъ, на главной идеѣ.

Изъ „исповѣди“ мы узнаемъ, что Толстой, въ самые яркіе дни своей славы, началъ потихоньку впадать въ нѣчто похожее на Гоголевское настроеніе. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ хорошему психіатру, онъ обратился ко Христу. „Суета сует — все суета!“ воскликнулъ онъ, и не смотря на окружающее его семейство, нѣжно имъ любимое, онъ начинаетъ упорно помышлять о самоубійствѣ; жизнь для него становится безсмыслицей, бредомъ, литературная слава — какъ водится въ подобныхъ случаяхъ — дымомъ. Ужасному настроенію онъ посвящаетъ нѣсколько драматическихъ страницъ.

Каждый мыслящій, глубоко-чувствующій человѣкъ осужденъ въ нашъ бурный вѣкъ переживать эту душевную пытку. Лермонтовъ въ такія минуты написалъ „И скучно, и грустно“, Н. Огаревъ — свои безсмертные „Монологи“, Тургеневъ—„Довольно“.

Толстой увѣряетъ, что прочелъ бездну философскихъ книгъ и даже познакомился съ ученіемъ натуралистовъ, но, увы! ничто не помогало; мысль о самоубійствѣ все неотвязчивѣй охватывала больную душу. Онъ раздвоился, одинъ голосъ шепталъ: „читай философскія книги, изучай естественныя науки, и, затѣмъ, катай пулю въ лобъ“. Другой — „забудь философію, отринь науку, разумъ, возлюби Іисуса, сократись до младенца и ты спасешься; умрешь естественною смертью, и въ придачу ко всему вкусишь неизрѣченно сладостную жизнь вѣчную“. На второе заманчивое предложеніе Толстой поддался.

Въ началѣ „Исповѣди“ онъ говоритъ: „Богъ одинъ и три, твореніе въ 6 дней, дьяволы и ангелы я не могу принять, пока не сошелъ съ ума“. Не смотря на это заявленіе, онъ доходитъ до процедуры, еще болѣе странной: отдаетъ въ стирку совѣсть (исповѣдывается) и, затѣмъ, съ грѣхомъ пополамъ начинаетъ кушать бога съ золотой ложечки. Откровенно говоря, нашего евангелиста, изучавшаго философію, естественныя науки, сильно опередили шгундисты.

Толстому всѣ блага жизни, громкая слава кажутся недостаточными. Поистинѣ ненасытный, онъ помышляетъ о жизни вѣчной; чтобы добиться ея, онъ начинаетъ изнывать надъ священной схоластикой, древнееврейскимъ языкомъ. Воля ваша, онъ вполнѣ заслужилъ жизнь вѣчную! За одолѣніе одного Ѳомы Кемпійскаго можно смѣло требовать перваго кресла въ раю, прямо противъ господа бога.

Если бы подобная „Исповѣдь“ какимъ-нибудь чудомъ, могла бы попасть въ руки Спинозы, Канта, Лессинга, Дидеро, Гольбаха, Лапласа, или въ руки Дарвина, Вирхова, Карла Фохта, Молешота, Бюхнера, Штрауса, Фейербаха, какъ изумились бы они, узнавъ, что атеизмъ ведетъ фатально къ пистолетному дулу и изреченіямъ Екклезіаста и что желающій спастись, долженъ глотать творца вселенной и увѣровать въ небесныя обители. Но легко можетъ быть, что Толстой уже успѣлъ впасть въ высочайшее христіанское смиреніе и считаетъ всѣхъ, поименованныхъ господъ, жалкими недоумками.

Не знаю, какъ другіе атеисты, но я лично сознаюсь, что увѣровать въ выпораннаго, умершаго бога я абсолютно не могу, предо мною тотчасъ же возникаютъ слѣдующіе веселенькіе пейзажики: въ неизмѣримомъ небѣ, покорные вѣчнымъ законамъ, вращаются исполинскіе міры; число ихъ безконечно. Отъ ближайшихъ созвѣздій лучъ, при одномъ колебаніи маятника, проходящій пространство въ восемь разъ болѣе окружности земли, чтобы достигнуть до нашего темненькаго міра, долженъ потратить десятки лѣтъ. Вся наша солнечная система, передъ этими еле видимыми искорками, не болѣе какъ кучка кружащихся атомовъ, и тутъ же рядомъ творца видимаго и невидимаго, преисправно поретъ по голому заду іерусалимскій полицмейстеръ. Если вы вздумаете, по старой христіанской привычкѣ изъ, меня потянуть жилы, я, можетъ быть, въ бреду воскликну: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ Но придя въ себя, я снова скажу: вы несете гиперболическую чепуху, шуты гороховые!

На самоубійствѣ построена вся „Исповѣдь“. Личный, исключительный, болѣзненный процессъ Толстой возводитъ чуть не въ законъ. Неужели нужно доказывать, что атеизмъ и самоубійство вовсе не тождественны. Приведу изъ огромнаго числа примѣровъ, нѣсколько, всѣмъ знакомыхъ:

Бланки выдержалъ, 40 лѣтъ тюрьмы, не сдавшись на одну іоту. на одну секунду не измѣнивъ революціонному знамени, и этотъ величайшій мученикъ XIX вѣка былъ атеистъ и умеръ атеистомъ.

Гарибальди, всю кровь до послѣдней капли отдавшій за человѣческое освобожденіе, былъ атеистъ и умеръ атеистомъ. Онъ завѣщалъ покрыть свой трупъ краснымъ плащемъ и возложить на громадный костеръ изъ смолистыхъ дровъ. Онъ просилъ осыпать его полевыми пахучими цвѣтами, и лицомъ обратить къ восходящему солнцу, эмблемѣ свѣта, свободы. Воздуху, огню отдавалъ онъ свое, покрытое доблестными ранами, тѣло.

Робертъ Овенъ, всѣ свои великія душевныя силы отдавшій всѣмъ обойденнымъ жизнью, былъ атеистъ и умеръ атеистомъ.

Наша революціонная молодежь, поразившая міръ чудесами любви, самоотверженія, способная послѣ свер-

шенія легендарныхъ подвиговъ,не блѣднѣть передъ пытками, эшафотомъ—молодежь невѣрующая въ Бога и загробную жизнь.

Герои „Войны и Мира“, лучшія, самыя выношенныя созданія Толстого—невѣрующіе декабристы.

На сто выдающихся современныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей можно смѣло положить восемдесять безповоротныхъ атеистовъ,о самоубійствахъмежду ними ничего не слышно, и оно навѣрное считается актомъ сильнаго психическаго разстройства.

Что же касается до простого народа, твердо умирающаго съ мыслью о загробномъ правосудіи,то я наотрѣзъ, отказываюсь довѣрять единичнымъ, предвзятымъ наблюденіямъ Толстого: люди. питающіеся лебедою, задавленные непосильнымъ трудомъ, безпробуднымъ невѣжествомъ, врядъ-ли способны въ послѣднія минуты зрѣть разверстыя небеса, съ „кущами райскихъ садовъ“ и слышать „горній ангеловъ полетъ“. Можетъ быть Толстому и удавалось присутствовать при такой идилліи, но другіе авторы, не менѣе его изучавшіе народную жизнь, почему-то объ этой трогательной предсмертной поэзіи умалчиваютъ.

Мы будемъ ближе къ истинѣ, если скажемъ, что предсмертные часы вѣрующихъ, почти всегда, отравлены „жупеломъ“.

Парижскіе рабочіе умѣютъ не только твердо умирать, но и съ львиною отвагою отстаивать на баррикадахъ свое освобожденіе; отыскать между ними вѣрующихъ такъ же трудно, какъ между московскими кликушами—толпящимися у Иверской Божіей Матери, невѣрующихъ. Одинъ крѣпостникъ при мнѣ елейно замѣтилъ: „какъ хотите, но нашъ добрый истинно-русскій мужичекъ въ старину былъ счастливѣе: на помѣщика, царя и бога уповалъ, страдалъ, распѣвая пѣсенки, и умиралъ съ твердостью, надѣясь на царствіе небесное... теперь и у нихъ шатанье мысли пошло“.

Толстой изъ силъ выбивается, желая отскоблить отъ Евангелія цѣлыя горы грязи и свернувшейся крови. Потерявшему все обаяніе, выдохшемуся мнѣу онъ упорно навязываетъ то, что очень нравится ему, гуманному Льву Николаевичу Толстому. Въ зеленый, смра-

дный трупъ онъ силится немощною старческой грудью вдохнуть горячую жизнь. Не въ добрый часъ онъ задумалъ повторить Ламеннэ.

Исторія христіанства—исторія душевныхъ болѣзней, исторія позора и невѣроятныхъ преступленій. Религія и мракъ синонимы; она вѣчно преслѣдовала, не останавливаясь ни передъ какими безумными ужасами, свѣтъ, разумъ, науку; она жила, живетъ, будетъ жить наглымъ обманомъ, грабежомъ, разбоемъ. Проповѣдуя небо, она толкаетъ людей въ преисподнюю. Человѣчество только тогда завоюетъ рай на землѣ, когда перестанетъ вѣрить въ призрачный рай небесный. Мощный поворотъ свершается на нашихъ глазахъ; отъ ослѣпительныхъ лучей восходящей науки таетъ монархъ неба, и, вслѣдъ, готовятся къ смерти монархи земли. Слабые умы, чувствуя полную невозможность борьбы, впадаютъ въ спиритизмъ, въ пространный мистицизмъ.

Послѣдовательный христіанинъ — животный эгоистъ по преимуществу; онъ долженъ ненавидѣть тѣло и весь земной міръ — они темницы его пресвѣтлой души. На землѣ онъ—гость на праздникѣ чужомъ; бороться съ чудовищнымъ зломъ, неправдою онъ не долженъ: страданія, позоръ, униженія, отреченіе, завоевываютъ ему царствіе небесное; все добро должно для него заключаться въ подачкахъ.

Современный намъ соціализмъ не разыскиваетъ прохладныхъ мѣстечекъ по сосѣдству съ солнцемъ, имѣющимъ нѣсколько милліоновъ градусовъ тепла, онъ стремится пересоздать окружающій его земной міръ; его матеріалистическія ученія выдвинули такую мораль, которая не снилась нашимъ христіанскимъ мудрецамъ.

Мы увѣрены, что Толстой проведетъ въ свою жизнь свое пятое евангеліе, но его жизнь во Христѣ насъ мало занимаетъ, а главное—ни отъ чего не гарантируетъ. 1600 лѣтъ математически отчетливо показали, что религіозный экстазъ, очищенное евангеліе не плечу немногимъ, срокъ религіознаго энтузіазма не дологъ, всегда, вездѣ онъ быстро вырождается въ бездушный формализмъ, низкое лицемѣріе, и это печальная участь, не одного христіанства, но всѣхъ религій.

Божественное евангеліе безсильно передъ человѣческимъ зломъ; оно не передѣлываетъ, но само передѣлывается. Всякій, желающій, можетъ каучуковое евангеліе растягивать, комкать по своему усмотрѣнію; подлецъ остается подлецомъ, воръ—воромъ, разбойникъ — разбойникомъ, и такъ будетъ до конца. Чтобы уничтожить зло, нужно уничтожить причины; религіи, жалкія палліативы, снадобья, замазывающія раны, вгоняющія болѣзнь внутрь... Въ Европѣ и у насъ самыя безславныя, самыя жестокія времена были тѣ, въ которыя торжествовала религія; въ прошломъ она насъ наградила Аракчеевщиной, въ настоящемъ облагодѣтельствовала Толстовщиной, Побѣдоносовщиной, и вся эта „мерзость запустѣнія“ не исключеніе, но правило; религія, самая очищенная, немыслима безъ храма, то есть, лавки, а лавка безъ ростущей эксплуатаціи, фальсификацій и мороченья.

Но поклонники „Исповѣди“ навѣрно воскликнутъ: „То не религія, то бредъ, хаосъ, преступленіе; настоящая это та, которую на дняхъ выдумалъ Л. Толстой, въ Москвѣ, на Живодеркѣ, въ Долгохамовническомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ“. Но сытые по горло тысячелѣтнимъ опытомъ, мы на-отрѣзъ отказываемся отъ новой мучительной операціи. Подите прочь съ вашимъ выдуманнымъ, вѣчнымъ блаженствомъ, разъ его нужно добывать дѣйствительными страданіемъ, порабощеніемъ, одурѣньемъ, сумасшествіемъ!

Въ христоматіи Филонова помѣщены отрывки изъ „Дворянскаго Гнѣзда“: „воспитаніе Лизы“ и „рѣшеніе Лизы“, внизу поставлены темы: „значеніе религіи въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія, имѣло ли вліяніе это воспитаніе на послѣдующую жизнь Лизы?“ Прочтите „Дѣтство“ и „Отрочество“ Толстого, въ особенности разсказъ „Юродивый“ и вамъ станетъ очень понятна „Исповѣдь“.

Толстой, „Колумбъ безъ корабля“, попади онъ съ дѣтства въ другую среду, съ его натурою, геніемъ, онъ стоялъ бы рядомъ съ Герценомъ, Бѣлинскимъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, бился бы въ переднихъ рядахъ. Онъ не помышлялъ бы о самоубійствѣ, но и не поблѣднѣлъ бы передъ эшафотомъ. Жизнь сыграла съ нимъ злую шутку: его съ пытливымъ, отважнымъ

умомъ она безжалостно бросила въ среду замаскированныхъ подлыхъ святошъ, и отъ всей ихъ грязи, онъ никогда вполнѣ не очистится.

Этотъ омутъ засосалъ Гоголя, Достоевскаго и легко, можетъ быть, засосетъ самаго льва поэзіи, Толстого.

II

Наши книжники язвительно говорятъ: „Мы увѣряемъ, что молнія — гнѣвъ бога, вы говорите: нѣтъ! — — электричество! — но что такое электричество? въ чемъ оно собственно состоитъ, вы не знаете".

Разница между электричествомъ и его высочествомъ богомъ состоитъ въ томъ, что не желая слишкомъ близко знакомиться съ небеснымъ электричествомъ, мы ставимъ на своей крышѣ желѣзную палочку, и по цѣпочкѣ оно безобидно уходитъ въ землю. Имѣя надъ собою палочку, мы можемъ, сколько нашей душѣ угодно, плевать на алтарь бога, въ его священные сосуды, и гнѣвъ его, въ формѣ молніеносной, ни въ какомъ случаѣ, надъ нами не разразится. Электричество не нашъ капризный баринъ, но послушный слуга; оно передаетъ наше слово черезъ всю ширь Океана въ секунду, и скоро будетъ передавать голосъ; бѣлые лучи его способны превратить ночь въ ликующій день. Не за горами время, когда оно будетъ двигать поѣздъ съ быстротою молніи, и воздушный шаръ въ небѣ станетъ ему повиноваться; оно сроетъ всѣ международныя заставы, воцаритъ всесвѣтное братство.

Электричеству соборовъ мы не строимъ, человѣческихъ жертвъ не приносимъ. Ему не храмы нужны, но просторныя мастерскія, не черныя негодяи, но свѣтлые работники.

Съ какимъ смѣхомъ, въ католической Испаніи, на Севильскомъ соборѣ, я созерцалъ десятки прекрасныхъ громоотводовъ. Вѣрные служители бога рѣшились, наконецъ, отпарировать божественные удары еретической палочкой; противъ бога пущена въ ходъ заостренная желѣзная палка, какъ начало это не дурно...

Христіанство осквернило смерть, набросило на нее зловѣщіе покровы, окружило ее ужасными привидѣньямъ. Эстетическое чувство возмущается при видѣ ка-

тафалка, мерцающихъ свѣчей въ паникадилахъ, поповъ въ черномъ. Смерть—возрожденье,преображенье, вѣчное, чудное, разнообразное, какъ сама природа.

Не страшно „умереть, уснуть“ съ вѣрою, что смертный сонъ — предверіе къ пробужденью въ новыхъ формахъ жизни. Я завѣщаю сжечь мой трупъ, ускорить круговращенье, пусть его золой осыпятъ корни южныхъ, роскошныхъ цвѣтовъ: горячее солнце взраститъ цвѣты и юнныя созданія украсятъ ими свои головы, надушатъ свѣтлую комнату. Тлѣніе — жизнь; могила — колыбель. Чудные цвѣты свѣжихъ весеннихъ луговъ — продукты темнаго разложенія. Ароматный воздухъ обвѣвающій такъ сладостно нашу грудь, полонъ мрачной смерти, сколько послѣднихъ вздоховъ, выдыхнутой, умершей, бренной матеріи въ немъ. Въ синей, прозрачной, теплой, морской волнѣ похоронены наши слезы — частички жизни.

Когда гроза разражается надъ нашей головой, и грудь изнемогаетъ подъ суровою тяжестью жизни, я думаю не о небесныхъ, чуждыхъ намъ, чертогахъ, лучезарномъ престолѣ Іеговы, но о временномъ покоѣ безъ сновидѣній, „холодномъ снѣ могилы“. Создатель Ватикана, безсмертный геній, умершій въ дни мрака и гнета, вырѣзалъ на могильномъ мраморѣ: „Тише, не буди, не нарушай моего каменнаго сна“.

Отдавайте всю вашу жизнь людямъ, бейтесь, чтобы сдѣлать землю счастливой, и, затѣмъ, съ твердостью возвратитесь въ природу. Вѣчная, неутомимая, вѣчно умирающая и возрождающаяся, она не дастъ вамъ на вѣки исчезнуть; отъ сна смерти, вы перейдете къ дивнымъ, безконечнымъ снамъ жизни..... . . . . .

. . . . . .

Январь 1885.

Читатели не должны забывать, что мы разобрали только „Исповѣдь“. Въ дальнѣйшихъ созиданіяхъ новой вѣры, на старой, рваной подкладкѣ, Толстой болѣе не останавливается на проскомидіяхъ, всенощныхъ бдѣніяхъ, на глотаніи бога сырьемъ съ кровью, на загробномъ мірѣ — въ церковномъ смыслѣ — но не смотря на всѣ завѣренья, что Іисусъ — не богъ, онъ, все таки, остается жиденькимъ богомъ.

Невольно является вопросъ: если Іисусъ не богъ, то почему Толстой выводитъ изъ евангелія, для всѣхъ обязательныя, абсолютныя истины? 1800 лѣтъ мы не стояли на мѣстѣ, воды много утекло. Въ Палестинѣ почва вывѣтрилась, переродилась, и только одни попы, съ наглостью невѣжества, указываютъ, взимая колоссальныя пошлины, слѣды легендарнаго бога.

Почему лепетъ сомнительнаго бога, легенда, выкраденная у дальняго востока, отражающая Будду и въ особенности Зароастра, должна быть послѣднимъ словомъ для насъ, сыновъ конца XIX и начала XX вѣка? Отчего евангельское ученіе составляетъ пріятное исключеніе изъ всѣхъ ученій всего человѣчества? Всѣ откровенья Толстого, вплоть до 1910 года, представляютъ удивительныя сочетанья, въ своемъ родѣ: „Лавръ и миртъ, квасъ и спиртъ“.

Поразительное ученіе: съ одной стороны отрицающее государство, съ его разбойничьими арміями, человѣконенавистническимъ, пустозвоннымъ патріотизмомъ, съ гнетомъ, опеками; съ судами, съ ихъ кровавой, безплодной местью, эшафотами, каторгами, тюрьмами; съ жандармо-хулиганскимъ православіемъ и вообще религіями; съ другой — отрицающее весь прогрессъ человѣчества, всю его исторію, науку, искусства, политическій, гражданскій ростъ, демократическій, соціалистическій строй, всѣ права здороваго тѣла. Когда прочитываешь эту христіанскую „резиньяцію“, чувствуешь, что дышать нечѣмъ. Вся жизнь должна пройти въ праведныхъ развереживаньяхъ грѣшной души, въ безобразничаньяхъ надъ грѣшнымъ тѣломъ, въ непрерывныхъ ломкахъ несовершенной природы, въ успліяхъ и насиліяхъ.... Тѣло должно шпіонить душу, душа — тѣло. Микробы праведные, напропалую, биться съ неправедными. Нужно денно и нощно сторожить каждую смѣлую мысль, горячій порывъ, сладкое желаніе, соблазнительную мечту, даже сладострастный сонъ. Эта мнимая, сатанинская тьма, борящаяся неустанно съ мнимымъ, божественнымъ свѣтомъ, можетъ породить, въ своемъ родѣ, „тьму безъ темноты“. Добродѣтель внѣ времени и пространства, не дающая дышать полною грудью, инквизиторски нетерпимая, мертвящая, должна въ концѣ концовъ возбудить ожесточенье, отвращенье, — въ

лучшемъ случаѣ — смертельную скуку, переутомленіе, должна толкнуть — въ силу реакціи — въ необузданный развратъ, пьянство, забвенье всего человѣческаго. Въ средніе вѣка аскетизмъ, застращиванье вѣчнымъ поджариваньемъ, до ужаса мелочное преслѣдованье всего мнимо грѣховнаго, повели, очень естественно, къ наркотизму колдовствомъ, шабашами, къ чудовищнымъ галлюцинаціямъ, къ мучительно чарующему культу сатаны. Отъ божественныхъ обѣдней переходили къ чернымъ, на выворотъ; отъ божественной сладости къ смертельно жгучей, въ объятіяхъ Сатаны.

Тутъ предполагается исключающая изъ всѣхъ законовъ природы, человѣческаго общества, абсолютно свободная воля, не улучшенье одного улучшеньемъ всеобщимъ, но одиночныя совершенствованья по медвѣжьимъ угламъ.

Перечтите только морали Толстого: „На каждый день“ въ „Новой Руси“ и клянусь вѣчными звѣздами, что онѣ могутъ довести строго практикующаго ихъ до самоубійства. Не забывайте, что въ преслѣдованіи бѣднаго тѣла Толстой дошелъ до отрицанья канализаціи, новѣйшихъ ватеръ-клозетовъ, мыла, бань. Онъ взываетъ къ спасающимъ душу эпидеміямъ, къ вшамъ, чесоткѣ, толкающихъ насъ къ колоссальной праведности, къ невыносимой вони, ведущей къ небеснымъ фиміамамъ.

Не смѣй насладиться съ женщиной, душевно и плотски любимой, — то припахиваетъ „Крейцеровой сонатой“ то похоть, блудъ. Не покушайся любить внѣ брака — Апостолу Павлу это очень не нравится. Не смѣй съѣсть здоровое, вкусное блюдо и выпить стаканъ вина — то гнусное чревоугодіе. Не отдавайся самоотверженно наукѣ, искусству, поэзіи, — это ненужное, эфемерное, обманчивое, пагубное, безцѣльное. Феклуша Иверскихъ Воротъ, вѣрующая въ Миколу угодника, въ жупелъ, — выше Гекеля, съ его „Загадками мірозданія“. Не дерзай пылать святою ненавистью къ злу, неправдѣ, возмущаться противъ нихъ — то противно завѣтамъ евангельскимъ. Не смѣй вскипѣть гнѣвомъ, если тебѣ закатитъ пощечину развязный администраторъ, — подставь ему другую щёку. Если съ тебя, невиннаго, сдеретъ шкуру тотъ же администраторъ, — полижи ему ручку: онъ вмигъ исправится. Не грѣховное, заносчивое, соб-

ственное достоинство нужно, но — смиренье, смиренье, еще смиренье, всегда смиренье. Хочешь имѣть гигіеническое отхожее мѣсто — то задоугодіе.... не помню, какому апостолу оно не нравится.

Попы, по крайней мѣрѣ, если позволительно такъ выразиться, были логичны: за рабскую, подлую выносливость, выгодную для нихъ и правителей, они сулили вѣчныя, райскія блаженства, а за строптивость, сопротивленіе—вѣчное поджариванье, безъ пережариванья, въ собственномъ соку. Они знали, что безъ вѣчныхъ блаженствъ, вѣчныхъ пытокъ, жизнь, среди погрязшаго въ грѣхахъ человѣчества, возьметъ свое.

Тутъ было изъ за чего стараться, изъ за чего вѣчно коверкать себя! Соціалисты, громадно опередившіе каучуковую мораль, вѣчно крутимую во всѣ стороны, давно сказали: Уничтожить зло можно только уничтоженіемъ причинъ зла. Съ воцареньемъ всеобщаго экономическаго равенства, сами собой отпадутъ, такъ называемые смертные грѣхи общества.

Причины всѣхъ ужасовъ, царящихъ на землѣ: правительственный гнетъ, опека; владычество капитала; растлѣвающая поповщина; разбойничьи арміи, границы, заставы, китайскія стѣны; суды, съ ихъ эшафотами, тюрьмами; бражъ, и убивающія все выдающееся, сильное, школы. За полнымъ освобожденіемъ личности, послѣдуетъ полное освобожденіе отъ настоящихъ грѣховъ.

Май, 1910.

Письмо къ Л. Н. Толстому

Левъ Николаевичъ! Прочтя столь лестное для васъ отлученье отъ „церквиныхъ сыновъ“, мнѣ вспомнились слова извѣстнаго писателя: „Зачѣмъ правительство запрещаетъ сочиненья Гейне: они и такъ хорошо расходятся?“ Зачѣмъ нужно было святѣйшимъ мастодонтамъ увеличивать вашу популярность и безъ того огромную? Отлучивъ васъ отъ затхлой, задервенѣвшей догматики, они отлучили себя отъ всего цивилизованнаго міра. Отлученье оказало вамъ, по истинѣ, неоцѣненную услугу, затративъ милліоны, вы не въ состояніи были бы устроить такую пропаганду вашему ученію, какую устроили ваши враги, — враги свободы, разума, знанья, любви.

Какъ ни гадко думали всѣ порядочные люди о представителяхъ нашей религіи, покоющейся на кнутѣ, тюрьмѣ, участкѣ — какъ на лонѣ Авраамовомъ, но неожиданнымъ отлученьемъ, они превзошли всѣ самые рѣзкіе, злые отзывы, пылающія негодованіемъ сатиры, ослѣпителнѣйшіе каламбуры. Они о себѣ сказали „правду, которая хуже всякой лжи“. Они смастерили, въ своемъ родѣ, гиперболу.... Для такихъ отлученій нужны: папирусъ, скрижали, глыбы гранита.

Представители православія, входящіе въ XX вѣкъ съ такимъ документомъ — аттестатомъ зрѣлости въ рукахъ, единственное въ мірѣ зрѣлище, радостное знаменье для пробуждающейся отъ вѣковаго сна Россіи.

Этотъ документъ не васъ, но ихъ отлучаетъ отъ Христа и креста. Вы, отлученный, носите въ глубинѣ мрачный крестъ, обагренный кровью за идею. Митрополиты-отлучители — крестъ, осыпанный брилліантами на клобукѣ; у нихъ безпросвѣтно темно въ головѣ, но за то клобукъ сіяетъ бѣлизной.

Отлученіе таитъ въ себѣ глубокую мораль: оно всѣмъ наглядно показало, что великій, безстрашный писатель, даже въ чинѣ отставнаго поручика, можетъ оказаться неизмѣримо сильнѣе царя, правительства, святѣйшаго синода. „Власть тьмы“ не смѣетъ прикоснуться къ вамъ, чувствуя, что за вами подымется общественное мнѣніе всего міра.

„Власть тьмы“, не имѣя мужества сгубить васъ напрямикъ, какъ нѣкогда она сгубила десятки лучшихъ русскихъ писателей, прибѣгла къ натравливанью, убійству изъ подъ угла. Синодъ воображая, что онъ еще имѣетъ какое нибудь значенье для темнаго народа, прибѣгъ къ отлученью, какъ къ приглашенью зарѣзать васъ, онъ заранѣе освятилъ ножи.... Удайся лютая затѣя, и святѣйшіе пастыри, — въ моментъ, когда изувѣры, мракобѣсцы рѣзали, рвали бы васъ на части, поджигали съ четырехъ сторонъ вашъ домъ — умывалибы въ святой водѣ пречистыя руки, и возведя очи къ небу, шептали: „Перстъ благого бога руководилъ исгинно русскими людьми, великій грѣшникъ принялъ вполнѣ заслуженную казнь; гласъ народа — гласъ божій; непокаявшійся отступникъ будетъ вѣчно поджариваться въ аду, — по дѣломъ ему!“

Кровожадный, церковный планъ, увы, превратился въ пошлѣйшій фарсъ; начинающаяся трагедія кончилась опереткой Офенбаха. Святѣйшій, глупѣйшій синодъ сталъ всеобщимъ посмѣшищемъ.

Убійца, готовый, въ потьмахъ, поразить сзади, неожиданно споткнулся, попалъ головою въ помойную яму.

Всѣмъ извѣстно, что наша „власть тьмы“ страдаетъ ракомъ, раковымъ худосочіемъ, она вѣчно пятится, но никому не приходило въ голову, что она допятится, на рубежѣ XX вѣка, до папскихъ буллъ среднихъ вѣковъ.

Но позвольте возразить, на выраженное вами въ вашемъ письмѣ къ Синоду, презрѣніе къ собственной ветхой матеріи.... Прахъ и разложеніе — однѣ изъ формъ самой активной жизни. Разложеніе и созиданіе — неразъединимы; одно переходитъ въ другое. Могила — колыбель; слѣпые черви, скрытые тьмой гробовой, кро-

ютъ міръ ослѣпляющей, дивной красой.... Только путемъ разложенія, мы входимъ въ вѣчное круговращеніе, безконечно разнообразное, превосходящее волшебностью самое знойное воображеніе. Одно изъ двухъ, и то „тайна отъ вѣка“, или міровая, мыслящая матерія, мыслящая въ звѣздахъ, звѣздныхъ пространствахъ, въ воздухѣ, водѣ, камнѣ, землѣ, исключающая ненаучное названіе: „мертвая“, путемъ таинственныхъ комбинацій, дошла почти до земнаго апогея въ вашей особѣ, или душа, разлитая въ вѣчномъ пространствѣ, сыграла на вашей матеріи одну изъ своихъ чудесныхъ мелодій, произнесла одно изъ своихъ загадочныхъ откровеній. Но для того, чтобы сыграть или произнести, ей нуженъ былъ усовершенствованный инструментъ, — на камняхъ сама универсальная душа могла бы только сыграть, въ своемъ родѣ, каменную мелодію, произнести минеральное откровеніе.

Вѣчная, мыслящая, матерія! Вѣчная, универсальная душа! О, Сфинксъ, разрѣши!!...

Если изъ капли спермы, паростаньемъ живыхъ, всевоспринимающихъ клѣточекъ, могли сформироваться: Шекспиръ, Данте, Байронъ, то съ матеріей шутки плохи....

Одинъ изъ ея самыхъ микроскопическихъ процессовъ возбуждаетъ тотъ же священный трепетъ, какъ и цѣлое небо, съ его мірами, озираемое въ величайшій изъ телескоповъ.

Съ вашимъ прахомъ, который вы завѣщаете, какъ можно скорѣе, выкинуть въ навозъ, пусть поступятъ не по церковному обычаю, но человѣческому. Вы не только жизнью, но и трупомъ послужите родинѣ. Пусть у вашего отлученнаго праха объединятся сотни тысячъ хорошихъ, умныхъ, жаждущихъ свободы людей, и пусть будутъ исполинскимъ протестомъ противъ царства изувѣрства, произвола, тьмы.

Я бы сурово не поступилъ даже съ посмертной матеріей вашихъ отлучителей,— она такая жалкая, нелѣпая, что на ней сама универсальная душа не могла бы ничего сыграть путнаго, ничего кромѣ какофоніи. Но, конечно, я зарылъ бы ихъ, какъ можно поглубже,

куда не проникаютъ охотно черви, способные, въ слѣпотѣ своей, вынести ихъ внаружу. Я постарался бы, чтобы они, какъ можно позднѣе, пошли „по химіи“, вступили въ круговращеніе жизни.... Если этимъ крайне ядовитымъ микробамъ придется снова входить въ жизнь, то пусть войдутъ, когда леченье Пастера будетъ въ полномъ ходу.

Видѣніе апокалипсиса

Било три часа ночи. Нервы изнемогли, я прислонилъ пылающую голову къ холодному столу и заснулъ... Ночь продолжалась... Я стоялъ среди большого, знакомаго мнѣ города. Улицы были въ огнѣ, небо ярко красное. Но странно, ни страха, ни удивленія не было въ моей душѣ, какъ будто я все уже зналъ, видѣлъ, все въ себѣ пережилъ. Сквозь дымъ, пламя я разглядѣлъ толпы народа; руки, лица, босыя ноги были забрызганы кровью, они шлепали ногами въ мутныхъ, быстрыхъ, красныхъ потокахъ. Ужасный гулъ стоялъ въ раскаленной атмосферѣ; все сливалось: оглушительный звонъ набата, лязгъ разбиваемыхъ цѣпей, выстрѣлы, взрывы потрясавшіе землю, тяжелые удары по чему-то мягкому, грохотъ падающихъ стѣнъ, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, хохотъ, гоготанья, проклятія, площадная брань, стоны, посвистъ, скрежетъ зубовъ.

Косматый человѣкъ, съ расширенными зрачками, въ которыхъ отражался огонь пожара, волокъ за ноги ребенка; за нимъ волочилась, опутывая его ноги руками, женщина. Онъ швырнулъ ребенка въ огонь. На секунду мелькнули синіе глазки, золотистые волнистыя волосы, бѣлые какъ снѣгъ, нѣжные члены. Изъ треснувшей кожи хлынула кровь, изъ синихъ глазъ — слезы; огонь бурлилъ, шипѣлъ отъ падающихъ въ него слезъ и крови. Старыя бабы, изможденныя, покрытыя рванью, съ налившимися кровью глазами, пьяныя, хохо-

тали, неуклюже подсигивали, били въ ладони. Я рванулся впередъ, сталъ умолять пощадить: отцы виноваты, матери, но не дѣти! не дѣти!...

Густой туманъ покрылъ все.— Наступила тишина.— Я стоялъ на высокомъ утесѣ; вглядываясь въ сумерки, я сталъ различать тѣни, милліоны тѣней; беззвучно стали принимать онѣ ясныя очертанія. Я понялъ все: то были дѣти; въ глазахъ ихъ свѣтились страданіе, печаль — безконечныя и испугъ; на нихъ моталисъ лохмотья; глянцевитое, изнуренное, больное тѣло рѣзко высовывалось. Они щелкали желтыми зубами и молча двигались изъ стороны въ сторону, трясясь всѣми членами. Горе, ужасъ объяли меня, и уста невольно произнесли: горемычныя дѣти народа, васъ никто, никто, никогда, никогда не щадилъ!

„Впередъ! впередъ! на площадь!“ ревѣли кругомъ голоса и разъяренныя массы хлынули... Освѣщенная закатывающейся блѣдною луною и все ярче, ярче разгорающимся пожаромъ, высилась колоссальная черная машина, широкія ступени окружали ее. Около машины, на возвышеніи, стояла старуха, до того громадная, что я удивился, вздрогнулъ во снѣ. Она была въ рубищѣ, на ея распухшихъ, толстыхъ какъ гранитныя тумбы, ногахъ, зіяли раны, изрытыя, глубокія, съ отвердѣвшими черными краями, гной зеленый выступалъ, тёкъ на обезображенныя ступни; грудь была худая, окровавленная; ужасное лице покрыто ярко-красными пятнами; зубовъ у ней не было; бѣлые ея глаза были устремлены на машину. Женщина смертельно блѣдная, дрожащая, очутилась на помостѣ. Раздался звукъ, похожій на лопнувшую струну, блеснула бѣлая молнія, женщина нырнула, и черезъ секунду изъ подъ низу выронился трупъ, покатился къ ногамъ старухи. Не глядя, она отшвырнула его искалеченною, покрытой ранами ногою. Спотыкаясь, трясясь, съ крупными каплями ледянаго пота, сталъ подыматься дрянненькій человѣчекъ; онъ на секунду не спускалъ глазъ со старухи, судорожно моргалъ тусклыми глазами, звонко стучали его зубы. Съ его приближеніемъ, признаки жизни стали обнаруживаться въ старухѣ; изуродованная, больная, окро-

вавленная грудь заколыхалась, пустой ротъ раскрылся, какъ черная пропасть, въ бѣлыхъ глазахъ засвѣтились огни, и голосъ, похожій на завываніе осенней бури надъ степью, произнесъ: „Гряди, гряди нашъ кормилецъ! Гряди, не робѣй, царь, красное солнышко!“ Раздался звукъ, похожій на лопнувшую струну, блеснула бѣлая молнія, ничтожное тѣло нырнуло и выронилось изъ подъ низу, покатилось къ ногамъ старухи. Бѣлые глаза опустились внизъ, она наступила тяжело на трупъ ногою и плюнула на него кровавою слизью гнилыхъ внутренностей. „Любо! любо!“ грянула площадь. Луна закатилась; пламя стало подыматься все выше, выше.

. . . . . .

. . . . . .

Содержаніе

Прекрасная Елена 3

Опроверженіе Ренана 9

Катехизисъ 18

Замѣтки о религіи 44

Христіанство и соціализмъ 74

На рубежѣ XX столѣтія 192

Евангеліе очищенное на выносъ 200

Письмо къ Льву Толстому 213

Видѣніе апокалипсиса 217

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3451
.A65
1910
kn.1-2